

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ФИЛОЛОГИЯ
научные исследования

AURORA Group s.r.o.
nota bene

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

Выходные данные

Номер подписан в печать: 04-03-2025

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Шереметьева Елена Сергеевна, доктор филологических наук,
e.sheremetyeva@gmail.com

ISSN: 2454-0749

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 04-03-2025

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Sheremet'eva Elena Sergeevna, doktor filologicheskikh nauk,
e.sheremetyeva@gmail.com

ISSN: 2454-0749

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Куделин Александр Борисович — академик Российской академии наук, заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, директор Института мировой литературы имени М. Горького РАН, член Европейской ассоциации арабистов и исламоведов. 121069, Россия, г. Москва, Поварская, 25а.

Лободанов Александр Павлович — доктор филологических наук, профессор, декан Факультета искусств Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. 125009, Россия, г. Москва, ул. Б. Никитская, 3 строение 1.

Герра Ренэ — доктор филологических наук, профессор Университета Ниццы, почетный академик Российской академии художеств, создатель и руководитель Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции (г. Ницца, Франция). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Строев Александр Федорович — доктор филологических наук, заведующий кафедрой сравнительного литературоведения Университета Париж-III (Новая Сорbonна) (Париж, Франция) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Гусейнов Малик Алиевич — доктор филологических наук, заведующий отделом литературы, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук, 367025, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45, malik60@list.ru

Тимощук Алексей Станиславович — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владивостокского юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Федоровская Наталья Александровна — доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvgfu.ru

Смирнов Алексей Викторович — доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна — доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Гиренок Федор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Кофман Андрей Фёдорович — доктор филологических наук, заведующий отделом литератур стран Европы и Америки Учреждения Российской академии наук Института мировой литературы РАН им. А.М. Горького.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Разлогова Елена Эмильевна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ им. М. В. Ломоносова

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество».

Россиус Андрей Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, и.о. главного научного сотрудника Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Соловьев Эрих Юрьевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения РФ Института философии РАН.

Чумakov Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, Первый вице-президент Российского философского общества

Вартанова Елена Леонидовна — доктор филологических наук, профессор, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, президент НАММИ.

Гирин Юрий Николаевич - доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, ИМЛИ РАН.

Безруков Андрей Николаевич - кандидат филологических наук, доцент, Башкирский государственный университет (Бирский филиал).

Бичарова Мария Михайловна - кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и английского языка, Каспийский институт морского и речного транспорта.

Воробей Инна Александровна - кандидат филологических наук, доцент, кафедра немецкого языка, БУ ВО ХМАО - Югры "Сургутский государственный университет".

Зыкин Алексей Владимирович - кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Санкт-Петербургский государственный аграрный университет.

Левит Светлана Яковлевна— ведущий научный сотрудник отдела культурологии ИИОН РАН, кандидат философских наук, главный редактор, руководитель и автор проектов «Лики культуры», «Российские Пропилеи», «Книга света», «Summa culturologiae», «Humanitas», «Зерно вечности», «Культурология. XX век», «Письмена времени», а также энциклопедий по культурологии и истории культуры.

Козлов Михаил Николаевич - доктор исторических наук, профессор, кафедра "Исторические, философские и социальные науки", Севастопольский государственный университет.

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры

истории Отчества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17,
mihailovan@inbox.ru

Кьюцци Паоло — профессор факультета этнологии и антропологии Флорентийского университета (г. Флоренция, Италия). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Ершова Галина Гавриловна — доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского мезоамериканского центра имени Ю. В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета, директор по науке и культуре Российско-мексиканского культурного центра (г. Мерида, Мексика). 125993, Россия, ГСП-3, г. Москва, ул.Чаянова, 15.

Жидков Владимир Сергеевич — доктор искусствоведения, профессор, научный сотрудник Государственного института искусствознания. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Леняшин Владимир Алексеевич — академик и член Президиума Российской академии художеств, доктор искусствоведения, профессор, заведующий отделом живописи второй половины XIX – начала XXI вв. Государственного Русского музея, заслуженный деятель искусств РСФСР. 191011, Россия, г. Санкт-Петербург, Инженерная улица, 4/2.

Вздорнов Герольд Иванович — член-корреспондент Российской академии наук, главный научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института реставрации. 107114, Россия, г. Москва, ул. Гастелло, 44.

Дмитренко Татьяна Алексеевна — доктор педагогических наук, профессор. профессор кафедры методики преподавания иностранных языков Московского педагогического государственного университета. Индекс Хирша по РИНЦ = 6 Академик Международной академии наук педагогического образования

Дергачёва Ирина Владимировна - доктор филологических наук, профессор кафедры "Лингводидактика и МКК", декан факультета "Иностранные языки" Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Московский государственный психолого-педагогический университет" 121500, Москва, ул. Василия Боталёва, 31 dergachevaiv@mgppu.ru главный редактор электронного международного научного журнала«Язык и текст»

Бурукина Ольга Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент доцент Российского государственного гуманитарного университета, ст. исследователь Университета Вааса, Финляндия. 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6 obur@mail.ru

Водясова Любовь Петровна - доктор филологических наук, профессор, 430033, Россия, республика Мордовия, г. Респ Мордовия, г Саранск, ул. Волгоградская, д. 106, корп. 1, кв. 29, ул. Волгоградская, 106 /1, кв. 29, L_Vodjasova@yandex.ru

Габышева Луиза Львовна - доктор филологических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», профессор, 677007, Россия, Саха (Якутия) область, г. ЯКУТСК, ул. Кулаковского, 42, оф. 104 а, ogonkova-jenya@yandex.ru

Гордова Юлиана Юрьевна - доктор филологических наук, ФГБУН Институт языкоznания РАН, старший научный сотрудник сектора прикладного языкоznания, 390006, Россия, Рязанская область, г. Рязань, ул. Грибоедова, 9, кв. 4, gordova@iling-ran.ru

Дергачева Ирина Владимировна - доктор филологических наук, Московский государственный психолого-педагогический университет, профессор, 121248, Россия, г. Москва, Набережная Тараса Шевченко, 3 корпус 2, кв. 172, krugh@yandex.ru

Долгенко Александр Николаевич - доктор филологических наук, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, Заведующий кафедрой русского и иностранных языков, 128050, Россия, Москва, г. Москва, ул. Врубеля, 12, каб. 403, adolgenko@mail.ru

Дубова Марина Анатольевна - доктор филологических наук, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области "Государственный социально-гуманитарный университет", профессор кафедры русского языка и литературы, 140 410, Россия, РФ область, г. Коломна, ул. Ленина, 67, кв. 100, dubovama@rambler.ru

Ицкович Татьяна Викторовна - доктор филологических наук, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, профессор, 620105, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. просп. Акад. сахарова, 47, кв. 73, taniz0702@mail.ru

Лифанов Константин Васильевич - доктор филологических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, профессор, 119501, Россия, г. Москва, ул. Веерная, 22, 22, корпус 2, кв. 26, lifanov@hotmail.com

Овруцкий Александр Владимирович - доктор философских наук, Южный федеральный университет, Зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, 344019, Россия, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. 15 линия, 84, кв. 18, alexow1@ya.ru

Селендили Лемара Сергеевна - доктор филологических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», профессор кафедры крымскотатарской филологии Института филологии (сп), 295007, Россия, республика Крым, г. Симферополь, ул. Беспалова, 45-б, 214, lemara2002@hotmail.com

Семенова Валентина Григорьевна - доктор филологических наук, Северо-Восточный федеральный университет, Заведующая кафедрой якутской литературы, доцент, 677007, Россия, республика Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, каб. 235, semenova_ykt@mail.ru

Соколова Алина Юрьевна - доктор филологических наук, Тверской государственный медицинский университет, профессор кафедры иностранных и латинского языков, 170005, Россия, Тверская область, г. Тверь, ул. Благоева, 8/2, кв. 22, alinasokolova.tver@yandex.ru

Уртминцева Марина Генриховна - доктор филологических наук, Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского, заведующий кафедрой славянской филологии и культуры, 603005, Россия, Нижегородский область, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 31-е, оф. 2, urtminzeva@yandex.ru

Чиршева Галина Николаевна - доктор филологических наук, ФГБОУ ИВО "Череповецкий

государственный университет", профессор, 162677, Россия, Вологодская область, г. Череповец, Советский проспект, 8, каб. 601, chirsheva@mail.ru

Шаронова Елена Александровна - доктор филологических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва», профессор кафедры русской и зарубежной литературы, 430034, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Проспект 60 лет Октября, 10, кв. 24, sharon.ov@mail.ru

Шатилова Любовь Михайловна - доктор филологических наук, Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы "Московский городской педагогический университет", профессор, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области "Государственный гуманитарно-технологический университет", профессор, 143980, Россия, Московская область, г. Балашиха, ул. Корнилова, 30, кв. 133, shatilova-79@mail.ru

Шереметьева Елена Сергеевна - доктор филологических наук, Дальневосточный федеральный университет, профессор кафедры русского языка и литературы, 690105, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Русская, 47, кв. 30, e.sheremetyeva@gmail.com

Шукуров Дмитрий Леонидович - доктор филологических наук, Ивановский государственный химико-технологический университет, заведующий кафедрой истории и культурологии, 153511, Россия, Ивановская область область, г. Кохма, ул. Ивановская, 92, кв. 35, shoudmitry@yandex.ru

Юхнова Ирина Сергеевна - доктор филологических наук, ФГАОУ ВО "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского", профессор кафедры русской литературы, 603105, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Б. Панина, 4, кв. 128, yuhnova@yandex.ru

Ягафарова Гульназ Нурфаезовна - доктор филологических наук, Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, главный научный сотрудник, 450054, Россия, республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Проспект Октября, 71, каб. 410,

Шагбанова Хабиба Садыровна - доктор филологических наук, ФГКУ ДПО "Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России", профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел Тюменского института повышения квалификации, 625049, Россия, г. Тюмень, ул. Амурская, д. 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Editorial collegium

Kudelin Alexander Borisovich is an academician of the Russian Academy of Sciences, Deputy Academician—Secretary of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences, Director of the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, member of the European Association of Arabists and Islamic Scholars. 25a Povarskaya Street, Moscow, 121069, Russia.

Lobodanov Alexander Pavlovich — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Arts of Lomonosov Moscow State University. 125009, Russia, Moscow, B. Nikitskaya str., 3 building 1.

Guerra Rene is a Doctor of Philology, professor at the University of Nice, Honorary Academician of the Russian Academy of Arts, founder and head of the Association for the Preservation of Russian Cultural Heritage in France (Nice, France). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Stroev Alexander Fedorovich — Doctor of Philology, Head of the Department of Comparative Literature at the University of Paris III (New Sorbonne) (Paris, France) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Huseynov Malik Alievich — Doctor of Philology, Head of the Literature Department, G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 367025, Makhachkala, M. Gadzhiev str., 45, malik60@list.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Natalia Fedorovskaya — Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Smirnov Alexey Viktorovich — Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendeleevskaya liniya, 5, darapti@mail.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Fyodor Ivanovich Girenok is a Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies at Lomonosov Moscow State University.

Andrey F. Kofman is a Doctor of Philology, Head of the Department of European and American Literatures of the Russian Academy of Sciences Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences named after A.M. Gorky.

Lektorsky Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the sector of the Theory of Knowledge of the Institution of the Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Svetlana Sergeevna Neretina is a Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Razlogova Elena Emilyevna — Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher at the Lomonosov Moscow State University Research Computing Center

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chief Editor of the journal *Personality. Culture. Society*.

Andrei Alexandrovich Rossius — Doctor of Philology, Professor of the Department of Classical Philology at Lomonosov Moscow State University, Acting Chief Researcher Institutions of the Russian Academy of Sciences of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Solovyov Erich Yurievich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Alexander Nikolaevich Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the Russian Philosophical Society

Elena Leonidovna Vartanova — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University, President of NAMMI.

Yuri N. Girin - Doctor of Philology, Leading Researcher, IMLI RAS.

Bezrukov Andrey Nikolaevich - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Bashkir State University (Birsky branch).

Bicharova Maria Mikhailovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and English, Caspian Institute of Marine and River Transport.

Vorobey Inna Alexandrovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of German, University of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug "Surgut State University".

Alexey Vladimirovich Zykin - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education St. Petersburg State Agrarian University.

Levit Svetlana Yakovlevna is a leading researcher at the Department of Cultural Studies of the INION RAS, Candidate of Philosophical Sciences, editor-in-chief, head and author of the projects "Faces of Culture", "Russian Propylaea", "Book of Light", "Summa culturologiae", "Humanitas", "Grain of Eternity", "Cultural Studies. XX century", "Writings of Time", as well as encyclopedias on cultural studies and cultural history.

Mikhail Nikolaevich Kozlov - Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Historical, Philosophical and Social Sciences, Sevastopol State University.

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politehnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Chiozzi Paolo is a professor at the Faculty of Ethnology and Anthropology at the University of Florence (Florence, Italy). Universit? degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze - Centralino, Italy.

Yershova Galina Gavrilovna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Yu. V. Knorozov Mesoamerican Research Center of the Russian State University for the Humanities, Director of Science and Culture of the Russian-Mexican Cultural Center (Merida, Mexico). 125993, Russia, GSP-3, Moscow, Chayanova str., 15.

Vladimir Sergeevich Zhidkov is a Doctor of Art History, Professor, researcher at the State Institute of Art Studies. 5 Kozitsky Lane, Moscow, 125009, Russia.

Lenyashin Vladimir Alekseevich — academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Arts, Doctor of Art History, Professor, head of the painting department of the second half of the XIX – early XXI centuries. State Russian Museum, Honored Artist of the RSFSR. 191011, Russia, St. Petersburg, Engineering street, 4/2.

Gerold Ivanovich Razdornov is a corresponding member of the Russian Academy of Sciences, chief Researcher at the State Scientific Research Institute of Restoration. 44 Gastello str., Moscow, 107114, Russia.

Dmitrenko Tatyana Alekseevna — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor. Professor of the Department of Methods of Teaching Foreign Languages at the Moscow Pedagogical State University. The Hirsch index according to the RSCI = 6 Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguodidactics and MKK, Dean of the Faculty of Foreign Languages of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Moscow State Psychological and Pedagogical University, 31 Vasily Botalev str., Moscow, 121500 dergachevaiv@mgppu.ru Editor-in-chief of the electronic international scientific journal "Language and Text"

Olga A. Burukina - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Russian State University for the Humanities, Senior Researcher at the University of Vaasa, Finland. 125993, GSP-3, Moscow, Miusskaya square, 6 obur@mail.ru

Vodyasova Lyubov Petrovna - Doctor of Philology, Professor, 430033, Russia, Republic of Mordovia, Republic of Mordovia, Saransk, Volgogradskaya str., 106, building 1, sq. 29, Volgogradskaya str., 106 /1, sq. 29, LVodjasova@yandex.ru

Gabysheva Luisa Lvovna - Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov", Professor, 677007, Russia, Sakha (Yakutia) region, Yakutsk, Kulakovskiy str., 42, office 104 a, ogonkova-jenya@yandex.ru

Gordova Juliana Yurievna - Doctor of Philology, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Senior Researcher of the Applied Linguistics Sector, 390006, Russia, Ryazan region, Ryazan, Griboyedov str., 9, sq. 4, gordova@iling-ran.ru

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Moscow State Psychological and Pedagogical University, Professor, 121248, Russia, Moscow, Taras Shevchenko Embankment, 3 building 2, sq. 172, krugh@yandex.ru

Alexander Nikolaevich Dolgenko - Doctor of Philology, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Head of the Department of Russian and Foreign Languages, 128050, Russia, Moscow, Moscow, Vrubel str., 12, room 403, adolgenko@mail.ru

Dubova Marina Anatolyevna - Doctor of Philology, State Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "State Social and Humanitarian University", Professor of the Department of Russian Language and Literature, 140 410, Russia, Russian Federation region, Kolomna, Lenin str., 67, sq. 100, dubovama@rambler.ru

Itskovich Tatyana Viktorovna - Doctor of Philology, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Professor, 620105, Russia, Sverdlovsk region, Yekaterinburg, ave. Acad. Sakharova, 47, sq. 73, taniz0702@mail.ru

Lifanov Konstantin Vasiliyevich - Doctor of Philology, Lomonosov Moscow State University, Professor, 119501, Russia, Moscow, 22 Veernaya str., 22, building 2, sq. 26, lifanov@hotmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Southern Federal University, Head of the Department of Advertising and Public Relations, 344019, Russia, Rostov region, Rostov-on-Don, 15 liniya str., 84, sq. 18, alexow1@ya.ru

Selendili Lemara Sergeevna - Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "V. I. Vernadsky Crimean Federal University", Professor of the Department of Crimean Tatar Philology, Institute of Philology (sp), 295007, Russia, Republic of Crimea, Simferopol, Bespalova str., 45-b, 214, lemara2002@hotmail.com

Semenova Valentina Grigoryevna - Doctor of Philology, Northeastern Federal University , Head of the Department of Yakut Literature, Associate Professor, 677007, Russia, Republic of Sakha Republic (Yakutia), Yakutsk, Kulakovskiy str., 42, room 235, semenova_ykt@mail.ru

Sokolova Alina Yuryevna - Doctor of Philology, Tver State Medical University, Professor of the Department of Foreign and Latin Languages, 170005, Russia, Tver region, Tver, Blagoeva str., 8/2, sq. 22, alinasokolova.tver@yandex.ru

Urtmintseva Marina Genrikhovna - Doctor of Philology, Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Head of the Department of Slavic Philology and Culture, office 2 Ulyanova str., Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Region, 603005, Russia, urtminzeva@yandex.ru

Chirsheva Galina Nikolaevna - Doctor of Philology, Cherepovets State University, Professor, 162677, Russia, Vologda region, Cherepovets, Sovetsky Prospekt, 8, room 601, chirsheva@mail.ru

Sharonova Elena Aleksandrovna - Doctor of Philology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev", Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, 430034, Russia, Republic of Mordovia, Saransk, Prospekt 60 let Oktyabrya str., 10, sq. 24, sharon.ov@mail.ru

Lyubov Mikhailovna Shatilova - Doctor of Philology, State Autonomous Educational Institution of Higher Education of the city of Moscow "Moscow City Pedagogical University", Professor, State Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "State University of Humanities and Technology", Professor, 143980, Russia, Moscow region, Balashikha, Kornilaeva str., 30, block 133, shatilova-79@mail.ru

Russian Russian Federation Elena Sergeevna Sheremeteva - Doctor of Philology, Far Eastern Federal University, Professor of the Department of Russian Language and Literature, 690105, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, Russkaya str., 47, sq. 30, e.sheremeteva@gmail.com

Dmitry Leonidovich Shukurov - Doctor of Philology, Ivanovo State University of Chemical Technology, Head of the Department of History and Cultural Studies, 153511, Russia, Ivanovo region, Kokhma, Ivanovskaya str., 92, sq. 35, shoudmitry@yandex.ru

Yukhnova Irina Sergeevna - Doctor of Philology, Federal State Educational Institution of Higher Education "National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky", Professor of the Department of Russian Literature, 603105, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, B. Panina str., 4, sq. 128, yuhnova@yandex.ru

Yagafarova Gulnaz Nurfaezovna - Doctor of Philology, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, 450054, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Prospekt Oktyabrya str., 71, room 410,

Khabiba Sadyrovna Shagbanova - Doctor of Philology, Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Philosophy, Foreign Languages and Humanitarian Training of Employees of the Internal Affairs Bodies of the Tyumen Institute for Advanced Training, 625049, Russia, Tyumen, Amurskaya str., 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или докторских диссертаций работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.enotabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датамидается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаяхдается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы ХХ столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

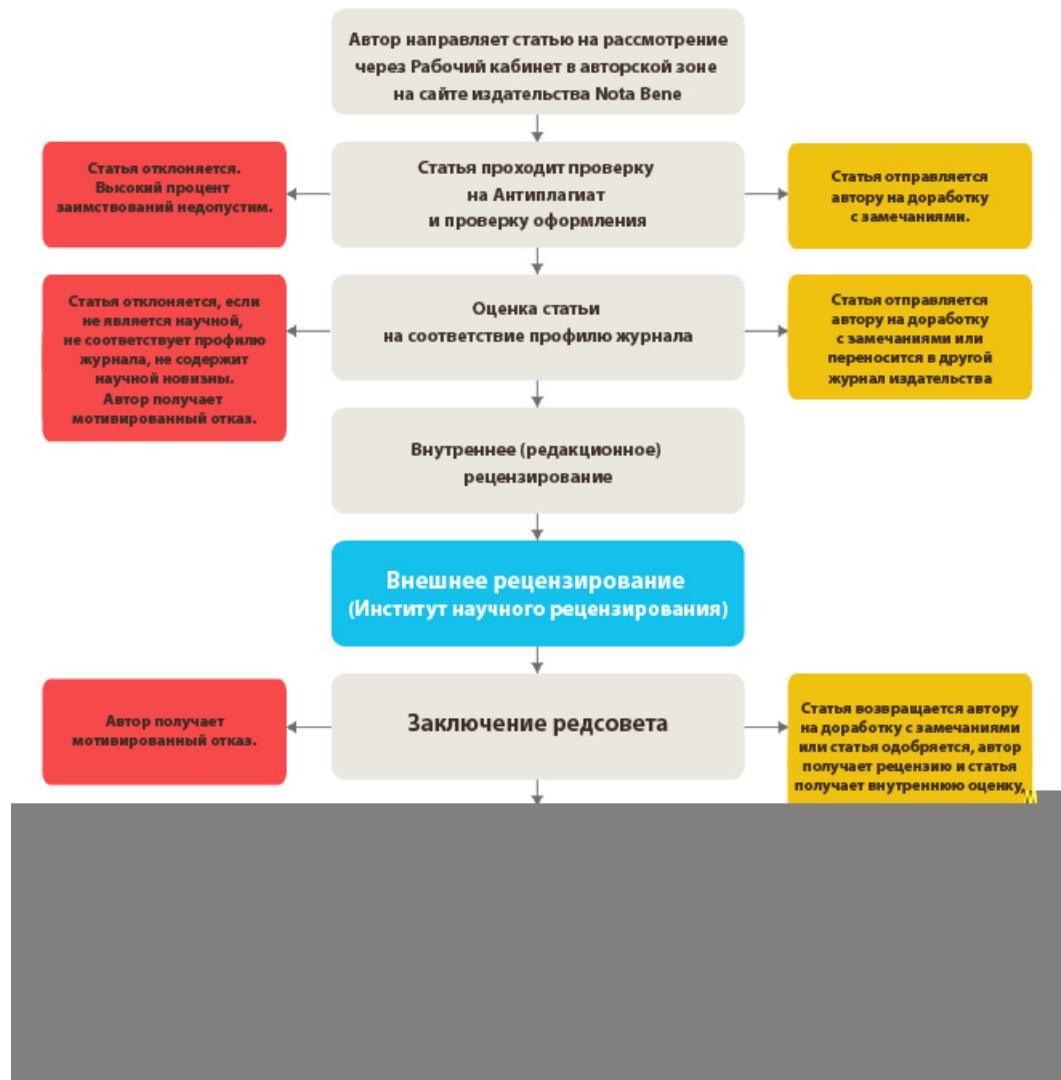
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.



Содержание

Ху И. Осмысление китайскими критиками новеллистики В. Брюсова	1
Ужэнь Г. Языковая личность в древнеанглийском эпосе «Беовульфе»: исследование героических и социальных элементов	14
Латышев К.И. Обучение биомедицинской терминологии помощью бинарных текстов: лингвокогнитивный и переводческий аспекты	25
Пролыгина И.В. Типы и маркеры повествовательного дискурса в анатомических сочинениях Галена	34
Глушко Е.В., Орлова В.В. Измерение полноты последовательного перевода военной тематики	43
Егошкина В.А. Специфика репрезентации коммуникативных стратегий и тактик в жанре журналистского расследования	57
Фэн И., Грабельников А.А. 75 лет дипотношений Китая и России: медиаматрица агентства Синьхуа и особенности освещения	72
Ожерельев К.А. От черной перчатки до черного винила: поэтика образа «проклятой вещи» в русской прозе XIX–XXI вв.	82
Ситникова И.А. Рецепция музыкального начала драмы Федерико Гарсиа Лорки «Кровавая свадьба» в русских переводах	96
Дай Ц. Средства создания юмористического эффекта в интернет-мемах	110
Уфимцев А.Е., Смирнова М.М. Биоэссенциально-детерминистическая парадигма: расширяя антропоцентризм	123
Дейкун И.Д. Авторская метарефлексия в романе Матвея Комарова «Ванька Каин»	133
Шахназарян В.М. Исторические особенности развития испанского языка на территории мексиканского полуострова Юкатан	147
Лобanova Т.Н., Середенко В.М. Лингвоаксиология военно-политического дискурса (на материале китаеязычных и англоязычных медиаресурсов)	157
Зубова Т.Б., Калинин О.И. Оценочность как дискурсивная характеристика: свойства и типология	172
Тань Ц. Функции образных единиц в медиатизированном политическом дискурсе	188
Шиндель С.В., Маслова А.Н., Кошелева О.Н. Конфирмация как жанр религиозного дискурса (на материале эго-документов лютеран колонии Брунненталь XIX-XX вв.)	197
Яненко А.М. Отражение богословских представлений о духовном и телесном началах в триptyхе Н. Гумилева "Душа и тело"	220
Пашковский П.И., Крыжко Е.В. Профессор М. Ф. Слинкин: филологические аспекты востоковедческого наследия (к 100-летию ученого)	229
Англоязычные метаданные	239

Contents

Hu Y. The interpretation of V. Bryusov's novellas by Chinese critics	1
Wuren G. Linguistic Personality in the Old English Epic "Beowulf": a study of heroic and social elements	14
Latishev K.I. Teaching biomedical terminology using binary texts: linguocognitive and translation aspects	25
Prolygina I.V. Types and markers of narrative discourse in Galen's Anatomical Writings	34
Glushko E.V., Orlova V.V. Measuring the completeness of consecutive interpretation of military subjects	43
Egoshkina V.A. The specifics of the representation of communication strategies and tactics in the genre of investigative journalism	57
Feng Y., Grabelnikov A.A. 75 Years of Diplomatic Relations Between China and Russia:vThe Media Matrix of Xinhua News Agency and Coverage Features	72
Ozherel'ev K.A. From black glove to black vinyl: the poetics of the image of the "cursed thing" in Russian prose of the nineteenth and twenty-first centuries.	82
Sitnikova I. Reception of the musical beginning of Federico Garcia Lorca's drama "The Blood Wedding" in Russian translations	96
Dai J. Means of Creating Humorous Effects in Internet Memes	110
Ufimtsev A.E., Smirnova M.M. Bioessential Deterministic paradigm: Expanding Anthropocentrism	123
Deikun I.D. The author's meta-reflection in the novel by Matvey Komarov "Vanka Cain"	133
Shakhnazaryan V.M. Historical Features of Spanish Language Development on Mexico's Yucatan Peninsula	147
LOBANOVA T.N., SEREDENKO V.M. Linguo-axiology of military-political discourse (based on the material of Chinese and English-language media resources)	157
Zubova T.B., Kalinin O.I. Evaluativeness as a discursive characteristic: properties and typology	172
Tan J. The functions of figurative units in mediated political discourse	188
Shindel' S.V., Maslova A.N., Kosheleva O.N. Confirmation as a genre of religious discourse (on the material of ego-documents of Lutherans of the Brunnenthal colony XIX-XX cc.)	197
Yanenko A.M. Reflection of theological ideas about spiritual and bodily principles in N. Gumilev's triptych "Soul and Body"	220
Pashkovsky P.I., Kryzhko E.V. Professor M. F. Slinkin: philological aspects of the oriental heritage (to the 100th anniversary of the scientist)	229
Metadata in english	239

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Ху И. Осмысление китайскими критиками новеллистики В. Брюсова // Филология: научные исследования. 2025. № 2. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.2.73314 EDN: ICFMFO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73314

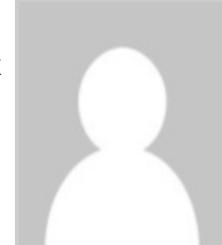
Осмысление китайскими критиками новеллистики В. Брюсова

Ху Иннань

ORCID: 0009-0004-7938-068X

аспирант; кафедра русского языка и литературы; Дальневосточный федеральный университет
690922, Россия, Приморский край, г. Владивосток, посёлок Русский, Аякс 10, кв. 8

✉ 1758239549@qq.com



[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.2.73314

EDN:

ICFMFO

Дата направления статьи в редакцию:

10-02-2025

Дата публикации:

18-02-2025

Аннотация: Статья посвящена осмыслению китайскими критиками новеллистики В. Брюсова и выявлению факторов, влияющих на их взгляды. Объектом исследования являются работы китайских литературоведов по изучению новелл В. Брюсова. В результате проведенного анализа определено, что раннее знакомство с новеллами В. Брюсова в Китае началось в 1920-е гг. благодаря влиянию «Движения 4 мая». Однако с середины 1930-х и до конца 1980-х гг. изучение новелл В. Брюсова в Китае не получило развития. С начала 1990-х гг. китайские критики вновь обратили внимание на произведения В. Брюсова, и появилось много новых направлений исследований. В соответствии с этой особенностью в изучении восприятия новелл В. Брюсова в Китае принято разделять на два периода: ранняя критика (1920-1940-х) и современная критика (1990-х-до настоящего времени). Цель работы – дать обобщающее

рассмотрение китайского восприятия малой прозы В. Брюсова с учетом изменений социально-политической среды. Для решения поставленной задачи применяются следующие методы исследования: культурно-исторический и сравнительно-сопоставительный. Изучение произведений В. Брюсова в Китае в разные периоды времени отличалось своими особенностями. На раннем этапе восприятия новелл В. Брюсова китайская литературная критика характеризовалась сильным влиянием политических и социальных факторов, что проявилось и в критической оценке его произведений. Современные китайские исследователи, изучающие новеллы В. Брюсова, в основном сосредоточены на поэтических принципах символизма и антиутопической теме его произведений. В последние два года стали развиваться новые направления исследований, такие как анализ описания катастроф, женского сознания в произведениях В. Брюсова, а также сопоставительные исследования. Научная новизна заключается в определении китайской специфики восприятия творчества В. Брюсова на основе привлечения критических и литературоведческих работ на китайском языке.

Ключевые слова:

Валерий Брюсов, новеллистика, китайские критики, символизм, рассказы положения, антиутопия, двоемирие, Мао Дунь, Чжоу Цичао, русская литература

Знакомство китайских читателей и критиков с произведениями В. Брюсова относится к 1920 годам В соответствии с периодами публикаций новелл Брюсова в Китае мы считаем целесообразным рассматривать изучение его произведений в Китае в рамках двух периодов: ранняя критика (1920-1940-х гг.) и современная критика (1990-х гг.-до настоящего времени).

На первое представление читателей и критиков о Брюсове в Китае большое влияние оказала международная ситуация и внутренняя политика начала XX века. В 1919 г. на Парижской мирной конференции Китай разорвал отношения с США, Великобританией и другими западными странами из-за противоречий по поводу суверенитета китайского полуострова Шаньдун. Резолюция Парижской мирной конференции о том, что к Японии отходили территории, захваченные Германией на Шаньдунском полуострове Китая, вызвала огромное возмущение китайского народа, и, чтобы заставить китайскую делегацию отказаться от подписания договора, в стране вспыхнуло «Движение 4 мая». Китайская интеллигенция стремилась просветить массы, внедряя новые идеи и культуру. В июле того же года СССР опубликовал «Обращение Правительства РСФСР к китайскому народу и Правительствам Южного и Северного Китая»[\[1\]](#), в котором заявил об отказе от всех привилегий в Китае. Общественность Китая по достоинству оценила этот акт советского правительства. Политическая поддержка Китая Советским Союзом заставила китайскую интеллигенцию почувствовать близость к русской культуре и литературе, поэтому в начале 1920-х гг. китайская образованная часть общества стремилась перевести литературные произведения русских писателей и представить их общественности. В сентябре 1921 г. в журнале «Ежемесячник прозы» («Сяошо юэбао», «小说月报»), важном литературном журнале того времени, был создан специальный раздел «Исследования русской литературы». Согласно имеющимся данным, знакомство китайских читателей с произведениями Брюсова началось в 1921 г., в журнале «Ежемесячник прозы: Исследования русской литературы» была опубликована статья Мао Дуня (кит. 茅盾; настоящее имя: Шэн Яньбин, кит. 沈雁冰; литературный псевдоним: Шэн Юй, кит. 沈余. В настоящее время имя «Мао Дунь» единообразно используется в

китайской литературной критике, поэтому данная статья также подписывается именем «Мао Дунь») «Тридцать российских писателей периода новой истории». Мао Дунь описал произведения Брюсова как равнодушные новеллы о богах и дьяволах. «Проза Брюсова также объективна и загадочна; в качестве материала для произведений он предпочитает древние события – особенно легенды о чудесах» [2, с. 109]. Хотя Мао Дунь в своей статье и не провёл глубокий анализ произведений Брюсова, но он познакомил китайских читателей с творчеством писателя. В 1924 г. в Китай пришло известие о смерти писателя, и Цунь Юй (кит. 从予) узнав об этом, опубликовал статьи в изданиях «Ежемесячник прозы» и «Восточный журнал» («Дунфан цзачжи», «东方杂志») в честь великого писателя-символиста. Однако в этих двух статьях Цунь Юй сосредоточился на поэтических произведениях Брюсова.

В 1930 г. в журнале «Ежемесячник прозы», том 21, № 12 была опубликована новелла «В зеркале» в переводе Ю Чжиу (кит. 由稚吾). Это был первый перевод новелл Брюсова в Китае, причем сделан он был не с русского языка, а с английского. После перевода было написано примечание Ю Чжиу, в котором переводчик знакомил читателей с философскими взглядами Брюсова о двоемирии и утверждал, что идеи писателя отражаются в его новеллах, одной из которых является «В зеркале». По мнению Ю Чжиу, «зеркала в новелле – это тоже мир... лицевая и оборотная стороны зеркала словно день и ночь, сон и явь, реальность и иреальность» [3, с. 1766]. Впервые китайские ученые анализируют новеллы Брюсова с точки зрения философских идей символизма. В 1931 г. в журнале «Ежемесячник творчества» («Чуанцзо юэкань», «创作月刊») была опубликована новелла «Мраморная головка» Брюсова в переводе Ю Чжиу.

В 1920-е гг. под влиянием «Движения 4 мая» в Китае было переведено большое количество русских литературных произведений. На этом фоне переводы новелл В. Брюсова в Китае появились сравнительно поздно и были немногочисленны, что не соответствовало его собственному литературному статусу. Мы считаем, что причина этого кроется главным образом в том, что литература того времени находилась под сильным влиянием политических и социальных факторов. В то время главной целью китайских переводов зарубежных произведений было просвещение нации с помощью иностранной литературы. Произведения, раскрывающие слабости социального строя и критикующие социальные реалии, получили больше внимания, чем произведения символизма. Например, в то время реалистические произведения А. П. Чехова переводились чаще, а темы его произведений были более привлекательны для китайской интеллигенции того времени. «А. П. Чехов изображает простую жизнь обычных людей, их счастье и невзгоды, радости и горе, которые близки китайскому народу. Чеховские интеллигенты своими разочарованиями и мечтами напоминают китайской интеллигенции её собственную судьбу» [4, с. 171]. Есть и исключения: хотя произведения писателя-символиста Сологуба не столь социально-критичны, как у писателей-реалистов, но его произведения переводятся на китайский язык с начала XX века, и количество переводов его прозаических произведений в Китае за тот же период больше, чем переводов Брюсова. Это было связано с уникальным взглядом на смерть, показанным в его произведениях, который заинтересовал литературных критиков того времени.

Кризис национального упадка в начале века привел к распространению декадентства, что заставило образованную часть общества того времени задуматься о жизни и смерти. «В 1920-х гг. китайское общество тяжело переживало кризис внутреннего устройства и внешнее политическое и экономическое давление... Чтобы противостоять традиционной модели счастливого конца и литературе «сокрытия» и «обмана», новая молодежь в период четвертого мая смело использовала недавно пришедший из иностранной

литературы символизм смерти и его приемы, чтобы раскрыть темную сторону общества, создав таким образом серию трагических произведений о смерти» [\[5, с. 23\]](#). В этом плане творчество В. Брюсова не отвечало запросам времени. Помимо двух вышеупомянутых переводов и повторного перевода новеллы «Мраморная головка» 1932 г., других переводов не было.

В 1931 г. в «Женском журнале» («Фунюй цзачжи», «妇女杂志») была опубликована статья «Критическое жизнеописание В. Брюсова» («勃留索夫评传») Мао Дуня (под псевдонимом: Шэнь Юй, кит. 沈余). Мао Дунь считает, что стихи Брюсова формально отличаются от его прозаических произведений и должны рассматриваться отдельно. «По форме стихи Брюсова имеют свой особый стиль, который можно узнать, даже если взять отрывки из них и смешать с другими произведениями, но его прозы можно легко принять за чужие произведения, они не имеют определенного стиля и подражают стилю других людей или определенной эпохи» [\[6, с. 147\]](#). Очевидно, что в этот период Мао Дунь оценивал стихи Брюсова выше, чем его новеллы. В статье Мао Дунь проанализировал концепцию символизма в произведениях Брюсова. Он отметил, что «произведения Брюсова включают в себя три периода – прошлое, настоящее и будущее, смешивают два мира – реальный и ирреальный» [\[6, с. 147\]](#). Реальный мир и нереальный мир представляют собой символистские концепции двоемирия, которые находят отражение в новеллах Брюсова. «Двоемирие становится основным миромоделирующим принципом новеллистики Брюсова» [\[7, с. 11\]](#). По мнению Мао Дуня, зеркала в новелле «В зеркале» символизируют «социальную критику». «Зеркальный человек» – это «я» в восприятии других людей, которые подвергают «меня» социальной критике. А из-за подавляющей силы «социальной критики» люди в реальном мире не способны отличить «реальное» от «ирреального», и поэтому в реальном мире их заменяет «зеркальный человек». Мао Дунь анализирует символистскую новеллу Борюсова с точки зрения социальной критики, показывая, что литературная критика того времени находилась под сильным влиянием общества.

Из ранних китайских исследований критика Мао Дуня представляет собой наиболее полный и глубокий анализ произведений В. Брюсова. К сожалению, изучение прозы Брюсова не стало популярным, а, напротив, постепенно сошло на нет. Череда военных действий в Китае в 1930-х и 1940-х гг. серьезно повлияла на развитие литературы. В то же время литература Серебряного века была запрещена в Советском Союзе, и мало что из нее попало в Китай. После образования Китайской Народной Республики (с 1949 г.) Китай активно перенимал опыт Советского Союза и сближался с ним идеологически, поэтому его отношение к произведениям Серебряного века было таким же, как в Советском Союзе. В конце 1950-х гг. советская литература была в значительной степени запрещена в Китае из-за Советско-китайского раскола (политический конфликт между КНР и СССР, длившийся с конца 1950-х до конца 1980-х гг.). По этим причинам распространение произведений Брюсова в Китае приостановилось в середине XX века, и ситуация изменилась лишь к середине 1980-х гг.

Во второй половине 1980-х гг. был опубликован ряд работ, посвященных советской литературе, например, «История русской словесности», которые заложили основу для последующего изучения русской литературы в Китае. С возобновлением интереса к прозе символистов среди российских исследователей в 1990-х гг. китайские ученые тоже стали уделять повышенное внимание произведениям русских писателей-символистов, открывая еще одну малоизвестную сторону русской литературы.

Кроме того, прозаические произведения Брюсова в Китае получили новые

интерпретации благодаря развитию Новой критической теории в китайском литературоведении («Новая критика» (англ. New Criticism) – течение в литературной критике середины XX века, разновидность формального метода в литературоведении). В начале XX века главным в произведении была не эстетическая ценность рассказа, а его практическая польза. Литература брала на себя задачу способствовать национальному освобождению и пробуждению самосознания. «С самого начала современная китайская литература была сосредоточена на осознании необходимости преобразования жизни и общества, тематическая концепция идеологического просвещения придала литературе сильную рационально-критическую окраску, а последовательное возникновение ряда литературных течений еще больше усилило революционность и политизированность тематических произведений» [8, с. 58]. Отражение трагического положения людей из низших слоев общества и раскрытие социальных проблем были важными темами прозы в этот период. В 1940-х и 1950-х гг. в Китае считалось, что литература служит политике, что привело к появлению выражения «литературный инструментализм». Под влиянием «литературного инструментализма» литературная критика этого периода также в основном сосредотачивалась на политических и социальных вопросах, имевших большое практическое значение. В 1980-х гг. в литературном мире развернулась дискуссия о взаимоотношениях литературы и общества, и некоторые ученые выступили против «литературного инструментализма», считая, что литература не должна служить каким-либо политическим целям, а литературная критика должна быть сосредоточена на внутренней композиции произведения, то есть обращать внимание на эстетическую структуру, способ повествования и творческие приемы литературного произведения. В это время теории и методы Новой критики сыграли прогрессивную роль в решении проблемы литературного дискурса по поводу того, должна ли литература служить инструментом достижения политических целей. «Акцент “новой критики” на текстологических исследованиях и глубоком изучении текстов расширил исследовательские горизонты китайских критиков и предоставил теоретическую базу и методологию для нового подхода в китайской литературной критике» [9, с. 65]. Использование критических взглядов и методов теории Новой критики повысило научность суждений о внутренней художественной ценности произведений и в то же время создало условия для переосмыслиния оценок новеллистики Брюсова в 1990-е гг.

Современные китайские ученые, изучающие новеллы Брюсова, в основном сосредоточены на описании «необычных ситуаций», поэтических принципах символизма и антиутопической теме его произведений. В последние два года стали появляться новые направления исследований, такие как анализ описания катастроф, женского сознания в произведениях писателя, а также сопоставительные исследования.

Современные китайские ученые считают, что новеллы Брюсова относятся к «рассказам положений» (кит. 情境小说). Термин «рассказы положений», под которым понимаются рассказы, использующие в основном «положения» в качестве повествовательного приема, чтобы рассказать о ходе событий. Главная особенность «рассказов положений» заключается в том, что рассказ уделяет больше внимания представлению событий, а также чувствам и эмоциональным изменениям персонажей в некоторых особых ситуациях. По сравнению с традиционными романами, «рассказы положений» не уделяют внимания изображению характеров. «“Рассказы положений” не ставят своей задачей характеристику персонажей, не дают подробных описаний социальных и реалистических мотивов или психологических побуждений их слов и поступков... Своеобразные, фантастические, ненормальные эмоции, чувства, поток сознания и трансформации становятся главной темой, которую должен представить писатель» [10, с. 181]. В

«рассказах положений» писателю также не обязательно объяснять читателю, по какой причине возникают эти необычные ситуации.

В начале XX века в ранних исследованиях творчества Брюсова, «рассказы положений» не были изучены, но после того как произведения Брюсова были переосмыслены, критики стали обращать внимание на «положения» в его новеллах. Раннее знакомство китайских читателей с произведениями Брюсова началось в 1920-х гг. Именно в этот период центр повествовательной структуры в китайских рассказах смешается от сюжетно-ориентированной традиционной прозы к характерно-ориентированной. Ученый Чэнь Пиньюань (кит. 陈平原) в своей монографии «Смена повествовательных моделей в китайской прозе» собрал статистические данные по количеству рассказов, опубликованных в основных газетах и журналах в период с начала двадцатого века по 1927 г., в соответствии с основными центрами повествовательной структуры в произведениях. До 1917 г. было опубликовано очень мало произведений, в которых характер занимает центральное место в повествовании, они составляли лишь один процент от общего числа. С 1917 г. эта цифра начала постепенно расти. В период с 1923 по 1927 г. доля художественных произведений, опубликованных в нескольких крупных журналах, в центре повествования которых был характер героев, выросла на 35 процентов по сравнению с периодом до 1917 г. [\[11, с. 10\]](#). Эти данные свидетельствуют об укреплении идеологии освобождения личности и сознания субъекта после «Движения 4 мая». В период раннего распространения произведений Брюсова в Китае китайская проза находилась под влиянием «Движения за новую культуру», и пробуждение самосознания заставляло писателей сосредоточиться в основном на характеристике персонажей. «Возникновение идеологии “освобождения человека” в период Четвертого мая привело к тому, что писатели обратили внимание на центральную роль характера героев в развитии исторических событий, и структурный центр романа сместился к описанию характера, то есть к описанию развития персонажа» [\[12, с. 565\]](#). Изменения в главной составляющей прозы повлияли и на направление литературной критики того времени, так что в первые годы произведения Брюсова не анализировались с точки зрения «рассказов положений».

Но в последующий период в развитии современной художественной литературы Китая наметилась историческая тенденция к углублению описания внутреннего мира персонажей. «Мы можем обнаружить постепенную тенденцию к внутренней трансформации персонажей в рассказах нового периода» (Новый период относится к периоду после 1977 г.) [\[8, с. 129\]](#). И «рассказы положений» также характеризуются тем, что в них обращается особое внимание на внутренний мир персонажей. «“Рассказы положений” больше интересуются чувствами и процессами изменений в сознании героев, чем их внешней характеристикой» [\[13, с. 93\]](#). Поэтому в 1990-е гг. китайские критики стали выделять особенности «рассказов положений» Брюсова в своих исследованиях.

В Китае Чжоу Цичао был первым ученым, применившим термин «рассказы положений» к изучению произведений Брюсова. Данная идея взята из высказывания А. Блока. Еще во время публикации Брюсовым цикла новелл «Земная ось» российский писатель А. Блок заметил: «...Рассказы Брюсова принадлежат не к “рассказам характеров”, где “все внимание автора сосредоточено на исключительных характерах” ..., а к “рассказам положений”, где “внимание автора устремлено на исключительность события”, и “действующие лица важны не сами по себе, но лишь в той мере, поскольку они захвачены основным действием”» [\[14\]](#). В статье «Рецензия на “рассказы положений”

символистов – искусство художественной литературы поэта Брюсова» («Зарубежное литературоведение», 1993, № 1) Чжоу Цичао процитировал Блока. Однако Чжоу Цичао, опираясь на идеи русского писателя, дополнительно отметил, что «“положения”, изображенные в произведениях Брюсова, – это в основном «положения, при которых разум и эмоции находятся в кризисном, остром или “необычайном” состоянии» [15, с. 196]. «Положения», о которых упоминает Чжоу Цичао, выражены в произведениях Брюсова как уникальное психологическое состояние человека на пересечении сна и яви, на границе этого мира и иного. Он полагает, что рассказы Брюсова, такие как «В зеркале», «Теперь, когда я проснулся...» и «Мраморная головка», хотя и отличаются по сюжету, но все они показывают необыкновенные психологические состояния героев, когда фантазия и реальность проникают друг в друга. Чжоу Цичао считал второй цикл новелл Брюсова «Ночи и дни» так же «рассказами положений». По словам Чжоу Цичао, то, что выражено в произведениях Брюсова, – это «“своеобразное состояние” вожделения внутреннего мира современной женщины, который был подвержен искажению и подавлению, и в связи с чем представлен в необыкновенном состоянии» [16, с. 6]. В центре повествования в произведениях, представленных в этом цикле, все же не характер как таковой.

В 2003 г. Чжоу Цичао в своей монографии «Исследование русской литературы Серебряного века» продолжал рассмотрение «рассказов положений». По мнению Чжоу Цичао, в процессе описания «острых или необычайных ситуаций» Брюсов часто использует прием «авторской маски». Данный прием не только расширяет творческую свободу автора в повествовании, но и наполняет произведение глубоким символическим смыслом. В своих исследованиях Чжоу Цичао цитировал Брюсова: «Мне казалось нужным, в большинстве случаев, дать говорить за себя другому: итальянскому новеллисту XVI века, фельетонисту будущих столетий, пациентке психиатрической лечебницы...» [17, с. 9]. Чжоу Цичао считает, что прием «дать другим говорить за себя» позволяет Брюсову вложить в произведения больше слоев символического смысла. В цикле новелл Брюсов использует подзаголовки «Архив», «Записки», «Вестник», «Рукопись». В качестве примера можно привести рассказ «Республика Южного Креста», в котором вся история рассказывается в форме новостного репортажа. По словам Чжоу Цичао, в новелле «Республика Южного Креста» существует два смысловых слоя: «Новелла предвещает или намекает на возможное направление развития самого необычайного общества в условиях высокотехнологичной цивилизации современной буржуазии; во-вторых, произведение предполагает рассмотрение Брюсовым возможной “необычной психологической ситуации” в ходе исторического развития человечества» [10, с. 175]. Под «необычной психологической ситуации» понимается состояние, при котором «психика» искажена внешним социальным давлением.

По мнению критика, в новелле отражены общественно-политические взгляды Брюсова в тот период: «Брюсов верит в правоту и неизбежность этого народного восстания против царизма...но в то же время поэт опасается, что народное восстание может привести к полному разрушению» [10, с. 176].

Для того чтобы представить «необычные или необычайные положения», Брюсов обычно описывал в своих произведениях различные сюжеты катастроф, изображая психологическое состояние людей, столкнувшихся с разрушительными бедствиями. По мнению Чжоу Цичао, причина катастрофы заключалась не в том, что пытался показать Брюсов: «Повествование этой повести призвано отвлечь внимание от причин катастрофы и передать ощущение падения в бездну, охватившее нацию» [10, с. 175]. В центре

внимания – беспорядочные картины, описывающие происходящие в Республике Южного Креста катастрофические события и внутренние изменения людей.

Китайские ученые также изучали произведения Брюсова, написанные в жанре антиутопии. «Антиутопия формировалась в процессе взаимодействия с утопической традицией, иудео-христианской эсхатологией, идеями просветителей и романтиков, включила в себя элементы традиционной (крестьянской) картины мира. Этот жанр основан на эволюционистском видении человеческой истории: культура виделась как развивающаяся до определенного уровня духовности и цивилизованности, а затем деградировала» [\[18, с. 115\]](#). В 2015 г. Ли Чуньлинь опубликовал статью «Республика Южного Креста: первый антиутопический рассказ ХХ века». В своем исследовании Ли Чуньлинь анализирует произведение в основном с точки зрения творческого замысла Брюсова, а также содержания. Он считает, что главная цель новеллы – «раскрыть дистопию и неизбежность краха утопического государства» [\[19, с. 41\]](#). Ли Чуньлинь анализирует утопию, изображенную в этой новелле, с четырех точек зрения: политической, экономической, культурной и социальной, а также анализирует причины краха утопического общества – подавление человеческой индивидуальности. В статье критик также отмечает предупреждение, заложенное, по его мнению, в произведении: «Необходимо построить свободное, демократическое и эгалитарное общество, в котором человеческая личность сможет развиваться в полной мере» [\[19, с. 45\]](#). Проявление индивидуальности и стремление к свободе – неотъемлемые качества человека, и утопическое общество, уничтожающее индивидуальность людей, противоречит человеческой природе.

В 2018 г. Ли Синъхуа(кит. 黎新华) в статье «Размышления об отчуждении человека в ранних антиутопических рассказах» исследована тема отчуждения в антиутопических новеллах Брюсова. В статье отмечается, что в ряде ранних (конец XIX – начало XX века) антиутопических новелл присутствуют темы, отражающие и критикующие современность. Эта тема выражена в «Республике Южного Креста» Брюсова как отчуждение человека в результате современной западной политики. Он утверждает, что в своем произведении Брюсов «описывает отчуждение человека в состоянии «безумия» при тоталитарном правлении» [\[20, с. 112\]](#).

Взгляды китайских ученых на изучение новелл утопического жанра Брюсова, на наш взгляд, в целом совпадают с мнением российских исследователей: под абсолютным контролем режима психологическое равновесие человека нарушилось, что привело к всплеску неподконтрольных и противоречивых реакций. Например, А.Е. Ануфриев отмечает, что в «Республике Южного Креста» «писатель показал, как в сверхобезличенном государстве тотальная регламентация превратилась в тотальную анархию и привела к самоуничтожению населения» [\[21\]](#). Мы полагаем, что совпадение точек зрения связано с тем, что повествовательная форма антиутопических новелл Брюсова сама по себе близка к характеристикам китайских утопических произведений, что делает восприятие его творчества в китайской литературной критике более легким. Большинство китайских антиутопий подражают форме повествования утопического произведения: «в начале в произведении описываются истоки возникновения утопического общества, затем объективно описывается трансформация этого общества от идеального до безобразного, что служит цели противопоставления реальности утопии и размышлений об обществе» [\[22, с. 5\]](#). Первая часть «Республики Южного Креста» посвящена описанию высокоразвитого и гармоничного общества в стране, которая кажется идеальным утопическим миром. Однако после вспышки «болезни

противоречия», повествование превращается в описание картины хаоса и катастрофы. Данный способ повествования схож с китайскими антиутопическими произведениями.

Разница китайской и российской оценки в том, что в своем исследовании Ли Чуньлинь фокусируется на предупреждающем значении утопических новелл Брюсова. Причины этого неотделимы от творческих особенностей китайских антиутопических произведений. Создание китайских антиутопических произведений следует из китайской литературной традиции извлечения уроков из истории. Большая часть китайской утопической прозы основана на исторических событиях с середины XX века до периода «политики реформ и открытости» (программа экономических реформ, предпринятых в КНР в 1978 г.). В этот период Китай предпринял несколько попыток построить социализм, например, организуя «народные коммуны» (производственная и административная единица КНР), но в итоге они не увенчались успехом. Существует большое количество антиутопических произведений, которые берут этот период социальной истории за основу, критикуя и переосмысливая утопию, ставшую самой историей. Таким образом, в исследовании Ли Чуньлиня также присутствует рефлексия, и он уделяет большое внимание предупреждению в значимости произведений Брюсова.

Очевидно, что до 2020 г. изучение новелл Брюсова было сосредоточено в основном на двух аспектах – «рассказы положения» и антиутопии, но в последние годы в исследовании произведений Брюсова наметились новые аспекты.

В 2023 г. Сунь Сюэ (кит. 孙雪) опубликовала статью «Об описании катастрофы в произведениях В. Брюсова» («Филология», 2023, № 1), в которой она проанализировала эпидемию в рассказе «Республика Южного Креста» и научно-техническую катастрофу в рассказе «Восстание машин». По ее мнению, Брюсов стремится показать борьбу людей и страдания в условиях катастроф. В статье Сунь Сюэ связывает эпидемию в «Республике Южного Креста» с коронавирусом нового типа, утверждая, что «большинство катастроф в произведениях Брюсова – вымышленные, воображаемые бедствия, основанные на его размышлении о реальном мире, которые смешиваются с представлениями автора о будущей судьбе человечества» [23, с. 109]. При этом Сунь Сюэ отмечает: «Глобальное видение Брюсова отразилось не только в его литературных произведениях, но и в способе осмысливания проблемы развития человечества, то есть в концепции “Сообщество единой судьбы человечества” (внешнеполитическая концепция Китая)» [23, с. 106]. Эти примеры того, как китайские критики связывают новеллы Брюсова с реалиями современного общества, давая произведениям Брюсова новую интерпретацию с учетом особенностей времени.

В 2023 г. У Цифан (кит. 吴起芳) опубликовал статью «Три общих темы в творчестве В. Брюсова и Ф. Достоевского» («Русская литература и искусство», 2023, № 2), в которой исследователь рассматривает три аспекта продолжения Брюсовым творческих тем Достоевского: «двойничество», «подпольный человек», «антиутопия». По мнению У Цифана, «рассказы положения» Брюсова стали результатом рецепции автором в своем произведении «Двойника» Достоевского. Однако для того, чтобы отразить поэтический характер «рассказов положения», Брюсов ослабил факторы среды, влияющие на мышление главного героя, и усилил описание субъективного мира сознания героя. Изменение сущности борьбы между «я» и «двойником», противостояние истинного и ложного «я» трансформируется в сомнение и самоанализ собственного истинного «я» [24, с. 128]. Подобный душевный конфликт и разлад героев встречается во многих рассказах Брюсова и является распространенным способом, используемым писателем для выражения положения героев, находящихся на грани между миром реальным и

ирреальным. В произведениях Брюсова «люди, попавшие в трудные жизненные обстоятельства склонны к патологическим проявлениям шизофрении в силу своей внутренней двойственности, и в их сознании мир, созданный мечтами, галлюцинациями и воображением, является реальным "фактом"...» [24, с. 127]. У Цифан на примере произведения Брюсова «В зеркале: Из архива психиатра» утверждает, что позиции «я» и «зеркального человека», представленные автором в finale, поменялись местами, а реальный мир и «зеркальный мир», «перевернулись». Эта инверсия также является отражением двоемирия. Зеркало в новелле Брюсова служит способом между двоемириями. «Сон, воспоминание, зеркальное отражение это некая грань, которую преодолевает герой, чтобы проникнуть в инобытие» [25, с. 111].

У Цифан анализирует размышления двух авторов о разуме, похоти и первобытных инстинктах человека, изучая «подпольного человека» в новелле «Теперь, когда я проснулся...» Брюсова и «Записки из подполья» (1864) Достоевского. В статье ученый также указал, что антиутопическая новелла «Республика Южного Креста» Брюсова имеет сходство с рассказом «Сон смешного человека» (1877) Ф. Достоевского. Эта точка зрения основана на исследованиях российских критиков. В статье У Цифан цитировал российского критика: «В брюсовском герое много общего с "подпольным человеком" Достоевского, противопоставляющим свое индивидуалистическое "я", его неограниченное своеолие, даже дикий каприз какому бы то ни было разумному общественному идеалу» [26, с. 232]. На примере «Республики Южного Креста» исследователь утверждает, что корень конфликта в произведении – чрезмерное подавление свободного хотения.

В 2023 г. в изучении новелл Брюсова в Китае появился новый анализ образа женщины в новелле «Под старым мостом». В статье «Исследование женского сознания в рассказе Брюсова "Под старым мостом"» Цзян Сыюй (кит. 姜思雨) анализирует образ главной героини Марии и ее женственность в пяти аспектах. По мнению исследователя, Мария является одним из немногих положительных образов женщины в произведениях Брюсова. «У нее есть чувство женской независимости, четкое ощущение гендера, ощущение нахождения перед осаждённой крепостью перед лицом брака, чувство бегства в стремлении к свободе и равенству и сильное чувство независимости...» [27, с. 9]. Исследователь назвал мышление Марии, не желающей вступать в брак и стремящейся сбежать из дворца, «сознанием осаждённой крепости» – термин, взятый из произведения китайского писателя Цянь Чжуншу (кит. 钱锺书) «Осаждённая крепость» («围城»): «Брак подобен осажденной крепости: кто снаружи – хочет вступить, кто внутри – стремится выйти» (французская пословица, которая открывает знаменитый роман Цяня Чжуншу «Осаждённая крепость») [28]. Критика предлагала новую интерпретацию героям произведений Брюсова, основываясь на взаимодействии с китайской литературой.

На основании проведенного исследования мы можем сделать вывод, что изучение новелл Брюсова в Китае можно разделить на два этапа. Раннее изучение произведений Брюсова в Китае было во многом обусловлено увлечением китайской образованной части общества переводами русской литературы во время «Движения 4 мая». Первые критики новелл Брюсова сосредоточились на философской концепции символизма писателя. Однако из-за запрета произведений Брюсова в России и Советско-китайского раскола изучение брюсовских новелл в Китае не получило развития в середине XX века. Только в начале 1990-х гг. новеллы Брюсова вновь привлекли внимание китайских критиков. Благодаря развитию теории литературной критики и трансформации литературной функции появились новые интерпретации изучения произведений Брюсова.

В современных критических исследованиях новелл Брюсова изначально преобладали взгляды на «рассказы положения» и «антиутопию». В последние годы появились новые направления, такие как описание катастрофы и интерпретация женского сознания. Изучение новелл В. Брюсова также характеризуется китайской спецификой. По мнению китайских критиков, философское и диалектическое мышление, заложенное в произведениях В. Брюсова, сохраняет свою актуальность в современном обществе, отличается глубокой рефлексией и устремлено в будущее.

Библиография

1. Обращение Правительства РСФСР к китайскому народу и Правительствам Южного и Северного Китая. 25 июля 1919 г. // Печат. по арх. Опубл. в газ. «Известия» № 188 (740), 26 августа 1919 г.
2. Шэнь Яньбин. «Тридцать российских писателей периода новой истории» // Ежемесячник прозы: Исследования русской литературы. 1921. Том. 12. С. 83-110. 沈雁冰. 近代俄国文学家三十人合传 // 小说月报: 俄国文学研究. 1921. 第12卷. 83-110 页.
3. В. Брюсов. Перевод Ю Чжиу. В зеркале – комментарий // Ежемесячник прозы. 1930. Т.21. № 12. С. 1760-1766. 勃留索夫著. 由稚吾译. 在镜中 // 小说月报. 1930. 第21卷, 第12期. 1760-1766 页.
4. Петухов С. В., Горковенко А. Е. Русская литература в информационном пространстве Китая: к вопросу межкультурного взаимодействия / С. В. Петухов, А. Е. Горковенко // Педагогическое образование в России. 2013. № 4. С. 170-174.
5. Гао Чжицян. Исследование журнала Ежемесячник прозы (1921-1931) в литературном переводе. Пекин: Пекинский университет языка и культуры, 2007. 96 с. 高志强.《小说月报》(1921-1931) 翻译文学初探[D].北京语言大学, 2007. 96页.
6. Шэнь Юй. Критическое жизнеописание В. Брюсова Женский журнал.1931. Том. 17, № 1. С. 145-149. 沈余. 勃留索夫评传 妇女杂志, 1931(17):145-149.
7. Дубова М. А. Двоемирие как принцип миромоделирования в новеллистике Валерия Брюсова / М. А. Дубова, Н. А. Ларина // Казанская наука. 2018. № 2. С. 11-13.
8. Хао Цзинбо. Исследования китайских рассказов нового периода. Пекин: издательство Саньянь. 2016. 316 с. 郝敬波. 中国新时期短篇小说论稿[M]. 北京: 生活·读书·新知三联书店, 2016. 316页.
9. Чжоу Сяоянь. Обзор восприятия и влияния новой критической теории // Литературная критика. 2024. № 4. С. 65-73. 周晓燕.新批评理论接受与影响评析——基于20世纪中国文学批评转向视角[J].文艺评论,2024,(04):65-73.
10. Чжоу Цичао. Исследование русской литературы Серебряного века. Пекин: Издательство Пекинского университета. 2003. 263 с. 周启超.白银时代俄罗斯文学研究[M]. 北京:北京大学出版社, 2003. 263页.
11. Чэн Пинъюань. Смена повествовательных моделей в китайском прозе. Пекин: Издательство литературы по общественным наукам. 2010. 352 с. 陈平原. 中国小说叙事模式的转变[M]. 北京:社会科学文献出版社, 2010. 352页.
12. Фэн Гуанлянь, Лю Цзэнжэнь. История развития новой китайской литературы. Пекин: Жэнъминь вэнъсюэ чубаньшэ. 1991. 813 с. 冯光廉, 刘增人. 中国新文学发展史[M]. 北京:人民文学出版社, 1991. 813页.
13. Лу Сюэин. Исследование рассказы положений и жизненной фантастики Чехова. // Зарубежная литература. 2006. № 3. С.93-100+127. 路雪莹.试论契诃夫的情境小说和生活流小说 [J].国外文学,2006,(03):93-100+127.
14. Блок А.А. Валерий Брюсов. Земная ось // Блок А.А. Собрание сочинений в девяти томах: Том 5. Очерки, Статьи, Речи. М.: Гослитиздат, 1962.
15. Чжоу Цичао. Исследования в области русской символистской литературы. Пекин: Издательство литературы по общественным наукам. 1993. 285 с. 周启超. 俄国象征派文学研究

- [M].北京:社会科学文献出版社, 1993. 285 页.
16. Чжоу Цичао. Рецензия на «рассказы положений» символистов – искусство художественной литературы поэта Брюсова. // Зарубежное литературоведение. 1993. № 1. С.4-9. 周启超.评象征派的“写情境小说”——诗人勃留索夫的小说艺术[J].外国文学研究,1993(01):4-9.
17. В. Брюсов. Повести и рассказы. Сост., вступ. статья и прим. С. С. Гречишко и А. В. Лаврова. М., 1983, с. 344.
18. Свечникова, Е. В. Дихотомия “рациональное-иррациональное” в антиутопии / Е. В. Свечникова // Искусство и культура. 2011. № 2(2). С. 114-119.
19. Ли Чуньлинь. Республика Южного Креста: первый антиутопический рассказ XX века // Академическая периодика литературы. 2015. № 12. С.41-45. 李春林.《南方十字架共和国》:20世纪首篇反乌托邦小说[J].文化学刊,2015,(12):41-45.
20. Ли Синъхуа. Размышления об отчуждении человека в ранней антиутопической рассказах // Учёные записки Хэбэйского педагогического университета (философия и общественные науки). 2018. № 5. С.109-113. 黎新华. 早期反乌托邦小说的人性异化问题反思[J].河北师范大学学报(哲学社会科学版), 2018, 41(05):109-113.
21. Ануфриев, А. Е. Футурологические прозрения В. Брюсова в рассказах-антиутопиях начала ХХ века / А. Е. Ануфриев // Advanced Science. 2017. № 4(8). С. 46.
22. Е Баои. Исследование жанра антиутопии в форме китайского утопического нарратива. Янчжоу: Янчжоуский университет. 2018. 57 с. 叶宝怡.中国乌托邦叙事的反乌托邦小说研究[D].扬州大学, 2018. 57 页.
23. Сунь Сюэ. О написании катастрофы в произведениях В. Брюсова. // Филология. 2023. № 1. С.104-109. 孙雪.论瓦·勃留索夫创作中的灾难书写[J].语文学刊,2023,43(01):104-109.
24. У Цифан. Три общих темы в творчестве В. Брюсова и Ф. Достоевского // Русская литература и искусство. 2023. № 2. С.126-136. 吴起芳. 勃留索夫与陀思妥耶夫斯基的三重对话[J].俄罗斯文艺,2023(02):126-136.
25. Осипова О.И. Жанровые модификации в прозе Серебряного века: Ф. Сологуб, В. Брюсов, М. Кузмин. Москва: Образовательное частное учреждение высшего образования "Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова", 2014. 360 с.
26. Панченко И. Рассказ В.Я. Брюсова «Теперь, когда я проснулся...» (Брюсов и Достоевский) // «Брюсовские чтения 1986 года». Изд. Периодика. 1992. С. 228-235.
27. Цзян Сьюй. Исследование женского сознания в рассказе Брюсова «Под старым мостом» // Цзинь Гу Вэнь Чуан, 2023. № 38. С.7-9. 姜思雨. 勃留索夫短篇小说《老桥下》的女性意识解读[J].今古文创,2023(38):7-9.
28. Цянь Чжуншу. Осажденная крепость : Роман; Рассказы / Цянь Чжуншу; Перевод с кит. [и вступ. ст., с. 5-20] В. Сорокина.-Москва : Худож. лит., 1989. 509 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемом материале являются особенности осмыслиения китайскими критиками новеллистки В. Брюсова в рамках двух периодов: ранняя критика (1920-1940-х гг.) и современная критика (1990-х гг. - до настоящего времени). Актуальность работы обусловлена особым интересом китайских ученых к литературному наследию Валерия Брюсова, одного из ярких представителей символизма в русской литературе. Его произведения оказали значительное влияние на развитие поэзии и литературы начала XX века. Брюсов был автором стихов, прозы, эссе, переводчиком и литературным критиком. Изучение его творчества позволяет понять

особенности символистской поэзии, темы и мотивы, которые присущи этому литературному направлению. Несомненно, видится важным проследить особенности восприятия литературного творчества В. Брюсова китайскими читателями и критиками. Теоретической основой работы выступили труды, посвященные русской литературе в информационном пространстве Китая, русской символистской литературе, различным аспектам творчества В. Брюсова, таких российских и китайских исследователей, как С. В. Петухов, А. Е. Горковенко, М. А. Дубова, Н. А. Ларина, Е. В. Свечникова, Чжоу Цичао Ли Синьхуа, Лу Сюэин, Ли Чуньлинь, Шэн Юй, Шэн Яньбин и др. Библиография насчитывает 28 источников, что представляется достаточным для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики. Библиография соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Методология исследования определена поставленной целью и задачами и носит комплексный характер: применяются общенаучные методы анализа и синтеза, описательный и сравнительно-исторический методы, интерпретативный анализ материала и сравнительно-сопоставительный метод.

Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили автору(ам) проследить особенности изучения творчества В. Брюсова в Китае, в частности изменение восприятия его идей в китайском обществе: «переводы новелл В. Брюсова в Китае появились сравнительно поздно и были немногочисленны», на раннем этапе «изучение прозы Брюсова не стало популярным, а, напротив, постепенно сошло на нет», «с возобновлением интереса к прозе символистов среди российских исследователей в 1990-х гг. китайские ученые тоже стали уделять повышенное внимание произведениям русских писателей-символистов, открывая еще одну малоизвестную сторону русской литературы», «прозаические произведения Брюсова в Китае получили новые интерпретации благодаря развитию Новой критической теории в китайском литературоведении», «современные китайские ученые, изучающие новеллы Брюсова, в основном сосредоточены на описании «необычных ситуаций», поэтических принципах символизма и антиутопической теме его произведений; в последние два года стали появляться новые направления исследований, такие как анализ описания катастроф, женского сознания в произведениях писателя, а также сопоставительные исследования» и т.п. Делается вывод о том, что, по мнению китайских критиков, философское и диалектическое мышление, заложенное в произведениях В. Брюсова, сохраняет свою актуальность в современном обществе, отличается глубокой рефлексией и устремлено в будущее.

Результаты, полученные в ходе работы, имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они дают представление об исследованиях литературного творчества В. Брюсова в Китае, могут оказаться востребованы при дальнейшем научном осмыслинии проблемы восприятия наследия В. Брюсова в мире, а также использоваться в вузовских курсах по литературоведению, сравнительному изучению русской и китайской литературы и культуры, а также в курсах по междисциплинарным исследованиям.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. В целом, стиль изложения соответствует требованиям научного описания. Статья имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Ужэнь Г. Языковая личность в древнеанглийском эпосе «Беовульф»: исследование героических и социальных элементов // Филология: научные исследования. 2025. № 2. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.2.73260 EDN: HZORUA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73260

Языковая личность в древнеанглийском эпосе «Беовульфе»: исследование героических и социальных элементов

Ужэнь Гаова

старший преподаватель; кафедра русского языка; Синьцзянский Педагогический Университет
аспирант; кафедра теории и практики перевода и коммуникации; Московский Педагогический
Государственный Университет

119571, Россия, г. Москва, ул. Проспект Вернадского, 88, кв. 3

✉ 2747981051@qq.com



[Статья из рубрики "Фольклор"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.2.73260

EDN:

HZORUA

Дата направления статьи в редакцию:

05-02-2025

Дата публикации:

20-02-2025

Аннотация: Предметом исследования является система номинаций и титулов героев в древнеанглийском эпосе «Беовульф» как отражение языковой личности и культурных концептов англосаксонского общества. Особое внимание уделяется анализу обширной системы номинаций для обозначения воинов и правителей, отражающей сложную социальную иерархию и ценностные ориентиры общества. В работе детально рассматриваются номинации, связанные с институтом дарения, что позволяет глубже понять социальные механизмы и культурные концепты эпохи. Исследование направлено на выявление особенностей языковой картины мира и социальной структуры англосаксов через призму системы номинаций в эпосе. Данное исследование также стремится к раскрытию взаимосвязи между лингвистическими особенностями номинаций

и их культурно-историческим контекстом, что способствует более глубокому пониманию англосаксонского общества и его литературных традиций. Методология исследования включает лингвокультурологический и концептуальный анализ, а также элементы исторического и сравнительного языкоznания. Применяется комплексный подход к анализу номинаций с точки зрения отражения в них языковой личности и культурных концептов. Основными выводами проведенного исследования являются выявление обширной системы номинаций в эпосе «Беовульф», отражающей сложную социальную иерархию и ценностные ориентиры англосаксонского общества, а также установление связи между номинациями и институтом дарения. Особым вкладом автора в исследование темы является комплексный анализ номинаций героев, позволивший выявить глубинные связи между языковыми структурами и социокультурными реалиями англосаксонского общества. Новизна исследования заключается в интеграции методов лингвистического анализа с культурологическим и историческим подходами, что предоставило новый взгляд на взаимосвязь языка, культуры и социальной структуры в контексте древнеанглийского эпоса. Результаты работы вносят значительный вклад в области исторического языкоznания, культурологии, литературоведения и социальной антропологии, предоставляя новый взгляд на взаимосвязь языка, культуры и социальной структуры в контексте древнеанглийского эпоса. Анализ номинаций в «Беовульфе» позволил выявить глубинные связи между языковыми структурами и социокультурными реалиями англосаксонского общества.

Ключевые слова:

языковая личность, Беовульф, древнеанглийский эпос, номинация, титул, англосаксонское общество, герой-воин, герой-правитель, институт дарения, воинская культура

Введение

В современной лингвистике все большее внимание уделяется изучению языка в контексте культуры и общества. Со второй половины XX века, в рамках антропоцентрической парадигмы лингвисты стали уделять повышенное внимание концепции «языковая личность», которая служит отражением сложных взаимодействий между языком, мышлением и культурной идентичностью, связывая внутренние когнитивные процессы индивида с внешним проявлением их языковой деятельности. В этом контексте анализ системы номинаций в древнеанглийском эпосе «Беовульф» представляет особый интерес. Предметом исследования настоящей статьи является система номинаций в эпосе «Беовульф» как отражение языковой личности и культурных концептов англосаксонского общества. Целью статьи является выявление особенностей языковой картины мира и социальной структуры англосаксов через призму системы номинаций героев в эпосе. В соответствии с данной целью решаются следующие задачи: охарактеризовать особенности употребления номинаций героев в «Беовульфе», определить их связь с культурными концептами, выявить отражение социальной структуры в системе номинаций. Метод исследования основывается на лингвокультурологическом и концептуальном анализе, который позволяет выявить ключевые концепты в тексте и детально рассмотреть семантику номинаций в контексте культуры англосаксонского общества. Актуальность данного исследования обусловлена растущим интересом к междисциплинарным подходам в изучении языка и культуры, а также необходимостью более глубокого понимания исторических корней современной

англоязычной культуры. Научная новизна исследования заключается в том, что в работе впервые предпринята попытка всестороннего изучения номинативной системы героических персонажей в эпосе «Беовульф», что позволяет по-новому взглянуть на особенности картины мира и системы ценностей скандинавских и англосаксонских народов, раскрывая глубинные связи между языком, мышлением и социальной организацией древнегерманских обществ.

Основная часть

Концепция языковой личности имеет глубокие корни в истории лингвистики. Истоки данного понятия можно проследить в работах немецких ученых XVIII-XIX веков - В. фон Гумбольдта и И.Г. Гердера, которые первыми выдвинули идею о тесной связи языка с мышлением и культурой. Дальнейшее развитие эта концепция получила в трудах американского лингвиста и антрополога Эдварда Сепира, исследовавшего взаимодействие культуры и личности [1, 2]. В своей работе «Речь как черта личности» Э. Сепир впервые предпринял попытку анализа того, как речь отражает личность через призму взаимодействия социальных и индивидуальных факторов [1]. Это исследование заложило основу для дальнейшего изучения языковой личности в контексте социолингвистики. Значительный вклад в развитие концепции языковой личности внес Й. Л. Вайсгербер, который впервые использовал сам термин «языковая личность» в своей книге «Родной язык и формирование духа». Вайсгербер подчеркивал социальную природу языковой компетенции, утверждая: «никто не владеет языком лишь благодаря своей собственной языковой личности; наоборот, это языковое владение вырастает в нем на основе принадлежности к языковому сообществу» [3: с. 81]. Эта идея подчеркивает диалектическую связь между индивидуальным и социальным аспектами языковой личности.

В русской лингвистической традиции в 30-е гг. XX века В.В. Виноградов впервые применил термин «языковая личность» в своих исследованиях, он акцентировал внимание на задачах исследования литературного языка и языка художественной литературы, подчеркивая необходимость введения категории «образа автора» [4]. За последние десятилетия теория языковой личности получила значительное развитие. Проблему языковой личности изучали многие учёные, такие как Г.И. Богин [5, 6], Т.Л. Гурулева [7, 8], В.И. Карасик [9], Ю.Н. Караулов [10], Т.С. Падерина [11, 12], К.Ф. Седов [13], Л.Н. Чурилина [14] и др.

Г.И. Богин определяет языковую личность как «человека, рассматриваемого с точки зрения его готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [5: с. 1]. По его мнению, способность человека к речевой деятельности, созданию и интерпретации текстов носит врожденный характер, но требует целенаправленного развития через освоение языковых структур (грамматики, лексики, фонетики) и культурного контекста [6].

Ю.Н. Караулов в своей книге «Русский язык и языковая личность» систематически изложил теорию языковой личности, определив её как «многослойный и многокомпонентный набор языковых способностей, умений и готовностей к осуществлению речевых поступков различной степени сложности» [10: с. 29]. Он выделил три основных уровня структуры языковой личности: вербально-семантический, тезаурусный и мотивационный.

Китайский учёный Чжоу Айго утверждал, что языковая личность как объективное бытие

является фактически неизбежным продуктом исторического развития духовной и материальной культуры народа. Она представляет собой объект передачи национальной личности, национального характера, национального сознания и национального опыта из поколения в поколение [15: с. 12].

Языковая личность может быть рассмотрена с двух основных позиций. С одной стороны, это любой носитель конкретного языка, чья характеристика формируется на основании анализа созданных им текстов. В этом контексте акцент делается на использовании системных средств языка для выражения своего восприятия картины мира и достижения конкретных целей в данном мире. С другой стороны, этот термин также обозначает комплексный способ описания языковых способностей индивида, который связывает системное представление языка с функциональным анализом текстов [16: с. 671].

Одним из аспектов исследования языковой личности является анализ единиц номинации, которые человек создает или использует в дискурсивной деятельности. Эти наименования тесно связаны с «мотивами и целями их создания в дискурсивной деятельности человека». Номинативные единицы отражают различные структуры знаний, связанные «предикативной связью», и воплощают представление о фигуре и фоне в процессе номинации [17: с. 90-91]. Таким образом, они служат не только лингвистическими конструкциями, но и своеобразными маркерами когнитивных процессов и личностных характеристик человека, позволяя глубже понять особенности его языковой личности. Каждый акт наименования становится своеобразным отпечатком индивидуального восприятия и интерпретации окружающей действительности, воплощенным в языковой форме.

Теоретические положения, рассмотренные выше, создают методологическую базу для анализа системы номинаций в древнеанглийском эпосе «Беовульф», являющемся выдающимся памятником англосаксонской литературы. Эпос сохранился до наших дней в единственной рукописи, датируемой периодом с конца X до начала XI века, что обуславливает его исключительную ценность как лингвистического источника. Исследователи относят создание самой поэмы к VIII веку, в то время как описываемые в ней события происходят в V-VI веках [18: с. 32]. «Беовульф» представляет собой важное окно в раннюю североевропейскую культуру, отражая быт, мировоззрение, верования и ценности скандинавских и англо-саксонских племен. Это выдающееся произведение демонстрирует не только лингвистическое богатство и экспрессивность языка своего времени, но и служит зеркалом, отражающим неповторимую языковую личность автора и культурный контекст эпохи. Центральное место в эпосе занимают героические мотивы, воплощенные в образе Беовульфа и других персонажей. Эти элементы являются ключом к пониманию ценностей и идеалов англосаксонского общества.

В древнеанглийском эпосе «Беовульфе» отчетливо проявляются два образа героя - «героя-воина» и «героя-правителя» [19: с. 11]. Эти архетипические фигуры не только олицетворяют важнейшие социальные роли, но и позволяют глубже постичь место и значение героических персонажей в структуре англосаксонского общества.

Важно отметить, что война была неотъемлемой частью жизни англосаксонского общества. Постоянные конфликты между королевствами, набеги викингов и внутренние распри создавали атмосферу, в которой воинские качества высоко ценились. В этом контексте свободные люди, особенно представители знати, были обязаны участвовать в военных походах по призыву своего короля или лорда [20: с. 32].

Архетип «героя-воина» в эпосе представлен множеством номинаций, которые можно разделить на несколько категорий: 1) простые слова: *beom*: «воин, герой» (*maére máðfumsweord* | *manige gesáwon* || *beforan beorn beran* [21: стк. 1023-1024]), *secg*: «воин, муж» (*secg weorce gefeh* [21: стк. 1569]); 2) сложные слова: *dryhtguma*: «воин» (*semninga bið* || *þæt ðes, dryhtguma* [21: стк. 1767-1768]), от *dryht* «отряд» + *guma* «человек»; *randwiga*: «воин щита» (*Géat unigmetes wél* || *rófne randwigan* | *estan lyste* [21: стк. 1792-1793]), от *rand* «щит» + *wiga* «воин» и др.

Это богатство синонимов для обозначения воина в древнеанглийском языке отражает не только лексическое богатство, но и культурную значимость воинской роли в обществе. Особый интерес представляют сложные поэтические конструкции, известные как кеннинги. Кеннинги выполняли важные функции в древнеанглийской поэзии, они служили мощным стилистическим инструментом, обогащая язык сложными метафорами, позволяли сказителям демонстрировать свое лингвистическое мастерство и кодировали культурную информацию. Как отмечает Л.А. Манерко, сложные слова, известные как кеннинги, использовались для создания особого стилистического эффекта. Синтаксическая сложность оригинальных сложных слов достигается за счет широкого использования двойных метафор в лексических единицах [22: с. 183]. Кеннинги, такие как *rand-wiga* («воин щита»), не просто обозначают воина, но создают многослойный поэтический образ, требующий расшифровки.

В первой части эпоса Беовульф предстает как молодой, сильный воин, прибывающий в Данию, чтобы помочь королю Хродгару избавиться от чудовища Гренделя. Помимо вышеупомянутых номинаций воина, к нему применяются следующие титулы, отражающие его социальный статус и роль: 1) простые слова: *eorl*: «знатный человек, вождь, граф» (*éode eorla sum* [21: стк. 1312]); *þegn*: «(свободный) слуга, вассал; воин; тан» (*Higeláces þegn* || *yrre ond anraéd* [21: стк. 1574-1575]); 2) сложные слова: *lindgestealla*: «щит-компаньон, товарищ в бою» (*lindgestealla* | *lifigende cwóm* [21: стк. 1973]), от *lind* «липа, щит» + *gestealla* «компаньон»; 3) кеннинги: *lid-manna helm*: «предводитель моряков» (*cóm þá to lande* | *lidmanna helm* [21: стк. 1623]); *wígendra hléo*: «защитник воинов» (*þæt ðaér on worðig* | *wígendra hléo* || *lindgestealla* | *lifigende cwóm* [21: стк. 1972-1973]) и др.

Термин *þegn* имеет особое значение в англосаксонском обществе. Он указывает на статус свободного человека, который обязан служить своему лорду, в том числе и в военных походах. Этот термин не только обозначает воина-вассала, но и отражает особый социальный статус. Тан (др.-англ. *þegn*) часто был землевладельцем, получившим землю за военные заслуги. Положение тана в социальной структуре англосаксонского общества иллюстрирует тесную взаимосвязь между военной службой, земельным владением и общественными обязанностями. Участие в военных походах являлось ключевым аспектом социальной роли танов [23: с. 272]. В контексте социальной структуры англосаксонского общества, таны составляли важную часть социальной иерархии, наряду с королями, членами королевского рода, эрлами и гезитами (др.-англ. *gesib*) [20: с. 30-31, 36].

В то время как образ «героя-воина» в эпосе «Беовульф» характеризуется множеством воинских номинаций, архетип «героя-правителя» также имеет богатую систему титулов и эпитетов. Эти наименования отражают различные аспекты королевской власти и лидерства в англосаксонском обществе.

После того, как Беовульф становится правителем гаутов, к нему применяются следующие титулы, отражающие его новый социальный статус: 1) простые слова: *fréa*: «господин,

хозяин» (*wígheafolan bær* || **fréan** on fultum [21: стк. 2661-2662]); 2) производные слова: *æþeling*: «князь, герой» (**æþeling** aérgód | ende gebídan || worulde lífes [21: стк. 2342-2343]). Слово образовано от древнеанглийского *æþele* «благородный» с добавлением суффикса *-ing*, обозначающего происхождение или принадлежность. *cyning/kyning*: «король» (*wæs ðá fród cyning* || eald éþelweard [21: стк. 2209]). Происходит от прагерманского *kuningaz*, связанного с корнем *kun-* «род, племя»; 3) сложные слова: *éþel-weard*: «хранитель родной земли, король» (*wæs ðá fród cyning* || eald **éþelweard** [21: стк. 2209-2210]), образовано путем соединения *éþel* «родина» и *weard* «страж, хранитель». *gúð-kyning*: «король-воин» (*him ðæs gúðkyning* || Wedera þíoden | wræcce leornode [21: стк. 2235-2236]), состоит из *gúð* «битва» и *kyning* «король». 4) кеннинги: *gold-wine Géata*: «золотой друг, щедрый принц гаутов» (*Hréðsigora ne gealp* || **goldwine Géata** [21: стк. 2583-2584]); *hringa fengel*: «повелитель колец» (*Oferhogode ðá* | **hringa fengel** [21: стк. 2345]); *Wedra helm*: «шлем (защитник) ведеров» (*forwrát Wedra helm* | *wurm on midden* [21: стк. 2705]) и др.

Анализ данных наименований позволяет выделить несколько ключевых аспектов образа «героя-правителя» в англосаксонском эпосе: 1) королевский статус и власть (например, *cyning/kyning*, *æþeling*); 2) защитная функция (*éþel-weard*); 3) щедрость и покровительство (*gold-wine Géata*, *hringa fengel*); 4) военное лидерство (*gúð-kyning*); 5) общие лидерские качества (*fréa*).

Важно отметить, что многие титулы, применяемые к Беовульфу, также используются для характеристики других правителей в эпосе. Хродгар, датский король [24: с. 635] и Хредель, король гаутов [24: с. 649], описываются рядом дополнительных номинаций, обогащающих образ правителя в англосаксонском эпосе. Эти наименования отражают различные аспекты их роли как лидеров и покровителей своих племен: 1) простые слова: *brego*: «вождь, господин, король» (**brego** Beorht-Dena, | biddan wille [21: стк. 427]); 2) сложные слова: *beorn-cyning*: «король воинов» (*sunu Healfdenes* | on míinne sylfes dóm || ðá ic ðé, **beorn cyning**, | bringan wylle [21: стк. 2148]); *hilde-wísa*: «лидер в битве» (*fore Healfdenes* | **hildewísan** || gomenwudu gréted [21: стк. 1064]); 3) кеннинги: *béaga bryttan*: «раздаватель колец» (*frínan wille* || **béaga bryttan** [21: стк. 351-352]); *since brytta*: «раздаватель сокровищ» (**since brytta** || gamolfeax ond gúðrót [21: стк. 607-608]); *eorla hléo*: «защитник эрлов» (*Ðá gít him eorla hléo* | hine gesearde [21: стк. 1866]) и др. В отличие от Беовульфа, чьи описания часто акцентируют его физическую силу и воинскую доблесть, эти наименования Хродгара и Хределя создают образ мудрых и щедрых правителей, чья роль заключается не только в военном лидерстве, но и в покровительстве и защите своего народа. Такое разнообразие эпитетов отражает многогранность идеала правителя в англосаксонском обществе.

Среди этих многочисленных титулов особое внимание привлекает наименование, связанная с распределением сокровищ и богатств, которые заслуживают пристального внимания исследователей, например: *since brytta* (раздаватель сокровищ), *béaga bryttan* (кольцедробитель), *béah-horda weard* (хранитель сокровищницы колец) и *hord-weard hælep* (хранитель сокровищ героев). Они несет в себе ключевую информацию об англосаксонской культуре и социальной структуре.

В культурно-историческом контексте, взаимосвязь между теми, кто дарит богатство, и теми, кто его получает, является одним из ведущих мотивов поэзии скальдов. Они восхваляли щедрость правителей и преданность друдинников, которые служили им за раздаваемое золото, оружие и другие ценности. Такие награды связывали друдинников с господином неразрывными узами и налагали на них обязанность сохранять верность до

самой смерти [\[25\]](#).

Как отмечает А.Я. Гуревич, дарение в скандинавском обществе было не просто актом передачи материальных ценностей, но важнейшим способом установления и поддержания социальных связей. Щедрость и гостеприимство считались одними из главных добродетелей знатных людей, а раздача богатств вождями и конунгами служила средством приобретения престижа, власти и влияния [\[26\]](#).

Понятие «раздаватель сокровищ» (*since brytta, bēaga bryttan*) отражает важность института дарения в древнегерманском обществе. Как отмечает А.В. Вишневский, «сокровища служили не только символом материального благополучия, сколько символом мужества и атрибутом достойных людей» [27: с. 86]. Это указывает на то, что материальные ценности в англосаксонском обществе имели глубокое символическое значение, выходящее за рамки простого накопления богатства.

Анализ номинаций и титулов в эпосе «Беовульф» позволяет нам глубже понять не только лингвистические особенности древнеанглийского языка, но и социальную структуру, ценности и мировоззрение англосаксонского общества. Богатство синонимов для обозначения воинов и правителей отражает важность этих ролей в обществе того времени. Особое внимание к наименованиям, связанным с раздачей сокровищ, подчеркивает ключевую роль института дарения в установлении и поддержании социальных связей. Таким образом, языковая личность, отраженная в «Беовульфе», предстает перед нами как воплощение коллективного сознания англосаксонского общества, его героических идеалов и социальных норм. Несмотря на неизвестность конкретного автора (или авторов) эпоса, эта обобщенная языковая личность, запечатленная в тексте, позволяет нам проникнуть в культурный мир древних англосаксов. Данное исследование демонстрирует, как анализ языковых единиц может служить ключом к пониманию культурных и социальных аспектов исторических обществ, даже когда индивидуальное авторство остается неизвестным.

Библиография

1. Sapir, E. Speech as a Personality Trait // American Journal of Sociology. 1927 (32). С. 892-905.
2. Sapir E. Culture, Language and Personality: Selected Essays. London: University of California Press, 1949. 207 с.
3. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа / Пер. с нем., вступ. ст. и comment. О.А. Радченко. Изд. 3-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 232 с.
4. Виноградов В. В. О художественной прозе. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. 186 с.
5. Богин Г.И. Концепция языковой личности: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1982. 36 с.
6. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: Дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1984. 354 с.
7. Гурулева Т.Л. Сопоставительный анализ коммуникативного поведения этнической языковой личности: параметры и технология описания речевого портрета // Культура и цивилизация. 2016. Том 6. № 6А. С. 326-335.
8. Гурулева Т.Л. Китайская языковая личность. Характеристика речевого портрета и его сопоставительный анализ. 2-е изд., эл. М.: Издательский дом ВКН, 2020. 162 с.
9. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
10. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.

11. Падерина Т.С. Формирование профессиональной языковой личности (на примере текстов по специальности «Науки о Земле») // Филология: научные исследования. 2023. № 11. С.28-39. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.11.68923 EDN: STJBSX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68923
12. Падерина Т. С. Языковая личность в аспекте межъязыковой научной коммуникации // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2024. №2. С. 74-79.
13. Седов К. Ф. Общая и антоцентическая лингвистика. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. 439 с.
14. Чурилина Л. Н. «Языковая личность» в художественном тексте: монография. – 2-е изд., стереотип. М.: Флинта: Наука, 2011. 240 с.
15. 赵爱国.语言个性理论及其研究 // 外语与外语教学. 2003年第12期. 11–14页. Чжоу Айго. Теория языковой личности и ее исследование // Иностранные языки и преподавание иностранных языков. 2003. №12. С. 11–14.
16. Русский Язык. Энциклопедия: 2-е издание / Гл. ред. Карапулов Ю.Н. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. 721 с.
17. Манерко Л.А. Когнитивная теория языка: философские основания и направления исследований. М.: Гнозис, 2024. 448 с.
18. Смирницкий А.И. Древнеанглийский язык. М.: 1998. 317 с.
19. Гогенко В.В. Языковая презентация власти в англосаксонской лингвокультуре раннего Средневековья: диссертация ...кандидата филологических наук: 10.02.04. Волгоград. 2022. 192 с.
20. Мельникова Е.А. Меч и лира: героический мир англо-саксонского эпоса. Санкт-Петербург: Наука, 2018. 334 с.
21. Beowulf: A New Verse Translation (Bilingual Edition). Tr. Seamus Heaney. New York, London: W.W. Norton & Co., 2001. 213 с.
22. Манерко Л.А. English Etymology through the History of the British people. Рязань: Ряз. гос. пед. ун-т им. С. А. Есенина, 1998. 272 с.
23. Смирницкий А.И. Хрестоматия по истории английского языка с VII по XVII в. с грамматическими таблицами и историко-этимологическим словарем: учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. 5-е изд., испр. и доп. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 304 с.
24. Беовульф / Пер. В. Г. Тихомирова // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нibelунгах. М.: Художественная литература, 1975. С. 27-180, 631-661.
25. Гуревич А.Я. Богатство и дарение у скандинавов в раннее средневековье. Некоторые нерешенные проблемы социальной структуры дофеодального общества. URL: <https://norway-live.ru/library/gurevich-norvezhskoe-obschestvo31.html#bookmark1>
26. Гуревич А.Я. На дар ждут ответа... // Категории средневековой культуры. URL: <http://svr-lit.ru/svr-lit/gurevich/index.htm>
27. Вишневский А.В. Мир и человек в древнеанглийском поэтическом языке и тексте: опыт лингвокультурологического анализа. Иваново: ИвГУ, 2013. С. 83-115.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Языковая личность в древнеанглийском эпосе “Беовульфе”: исследование героических и социальных элементов».

Предмет исследования – особенности воплощения образа героя в древнеанглийском эпосе «Беовульфе»

Методология исследования основана на сочетании теоретического и эмпирического подходов с применением методов анализа, интерпретации, обобщения и синтеза.

Актуальность работы заключается в расширении сведений о своеобразии лексического состава древнеанглийского поэтического языка, а также обусловлена важностью выявления разнообразных феноменов языка и культуры, что возможно при анализе культурных сведений, заключенных в древних текстах.

Научная новизна исследования обусловлена тем, что в нём проводился комплексный обзор системы номинаций героев в эпической поэме «Беовульф» как отображение ранней североевропейской культуры, особенностей мировоззрения и системы ценностей скандинавских и англо-саксонских племен. Архетипические фигуры в древнеанглийском эпосе не только олицетворяют важнейшие социальные роли, но и позволяют глубже постичь место и значение героических персонажей в структуре англосаксонского общества.

Стиль изложения научный, структура, содержание. Статья написана русским литературным языком. Структура рукописи включает следующие разделы: введение (содержит постановку проблемы, уточнено понятие «языковая личность»; приведена общая информация об эпосе «Беовульф»); основная часть (выполнен комплексный анализ репрезентации образа героя в эпической поэме «Беовульф»; отмечено, что в поэме отчетливо проявляются два образа героя – «героя-воина» и «героя-правителя»; приведены иллюстративные примеры номинаций; выделены ключевые аспекты образов «героя-воина» и «героя-правителя» в англосаксонском эпосе; автор отмечает, что образ «героя-воина» в эпосе «Беовульф» характеризуется множеством воинских номинаций, в то время как архетип «героя-правителя» также имеет богатую систему титулов и эпитетов); заключение (автор делает общие выводы); библиография (включает 14 источников).

Выводы, интерес читательской аудитории.

Результаты исследования будут интересны тем, кто занимается исследованием языковой личности через призму анализа текстов художественных произведений. Результаты исследования могут быть использованы и в процессе преподавания лекционных курсов по истории и лексикологии английского языка; в чтении спецкурсов по лингвокультурологии.

Рекомендации автору:

1. Объем статьи близок к минимальным требованиям редакции. В статье не сформулированы цель, объект, предмет, научная новизна и методологические основы проведенного исследования.

2. Необходимо уделить большее внимание обзору и анализу научных работ, теоретический анализ современных источников, в том числе зарубежных, также является недостаточным.

3. Следует перепроверить текст на предмет опечаток, описок и пропусков символов. Кроме того, необходимо проверить корректность оформления ссылок.

4. Библиографические описания некоторых источников нуждаются в корректировке в соответствии с ГОСТ и требованиями редакции. Стоит расширить библиографию, в том числе увеличить долю отечественных и зарубежных работ за последние 3 года.

Материал представляет интерес для читательской аудитории, после доработки может быть опубликован в журнале «Филология: научные исследования».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступает языковая личность в древнеанглийском эпосе «Беовульф», актуальность изучения которой обусловлена, во-первых, тем, что в настоящее время обнаруживается интерес к языковой личности как к динамичному, развивающемуся феномену («в рамках антропоцентрической парадигмы лингвисты стали уделять повышенное внимание концепции «языковая личность», которая служит отражением сложных взаимодействий между языком, мышлением и культурной идентичностью, связывая внутренние когнитивные процессы индивида с внешним проявлением их языковой деятельности»); во-вторых, недостаточным вниманием к вопросам языковой личности в эпической литературе.

Теоретическую базу данного исследования обоснованно составили труды по когнитивной теории языка, общей и антропоцентрической лингвистике, концепции языковой личности, языковой личности в аспекте межъязыковой научной коммуникации, языковой личности в художественном тексте, коммуникативному поведению этнической языковой личности таких отечественных и зарубежных ученых, как Ю. Н. Карапулов, В. В. Виноградов, Г. И. Богин, Т. Л. Гурулева, В. И. Карасик, К. Ф. Седов, Л. Н. Чурилина Л. А. Манерко, Т. С. Падерина, Эдуард Сэпир, Чжао Айго и др. Библиография статьи насчитывает 27 источников, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах рукописи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Материалом исследования послужил выдающийся памятник англосаксонской литературы, древнеанглийский эпос «Беовульф» (VIII век): «“Беовульф” представляет собой важное окно в раннюю североевропейскую культуру, отражая быт, мировоззрение, верования и ценности скандинавских и англо-саксонских племен. Это выдающееся произведение демонстрирует не только лингвистическое богатство и экспрессивность языка своего времени, но и служит зеркалом, отражающим неповторимую языковую личность автора и культурный контекст эпохи».

Исследование осуществлялось с использованием таких общенаучных методов, как анализ и синтез, описательный метод, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию, классификацию материала; метод когнитивного анализа, а также лингвокультурологический и концептуальный анализ, который позволил выявить ключевые концепты в тексте и детально рассмотреть семантику номинаций в контексте культуры англосаксонского общества. Выбор методов оправдан и соответствует цели работы (выявить «особенности языковой картины мира и социальной структуры англосаксов через призму системы номинаций героев в эпосе»).

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования решены все поставленные задачи («охарактеризовать особенности употребления номинаций героев в «Беовульфе», определить их связь с культурными концептами, выявить отражение социальной структуры в системе номинаций») и сформулированы выводы: «анализ номинаций и титулов в эпосе «Беовульф» позволяет нам глубже понять не только лингвистические особенности древнеанглийского языка, но и социальную структуру, ценности и мировоззрение англосаксонского общества», «языковая личность, отраженная в «Беовульфе», предстает перед нами как воплощение коллективного сознания англосаксонского общества, его героических идеалов и социальных норм», «анализ языковых единиц может служить ключом к пониманию культурных и социальных аспектов исторических обществ, даже когда индивидуальное авторство остается неизвестным» и др.

Результаты исследования обладают научной новизной («в работе впервые предпринята попытка всестороннего изучения номинативной системы героических персонажей в эпосе «Беовульф», что позволяет по-новому взглянуть на особенности картины мира и

системы ценностей скандинавских и англосаксонских народов, раскрывая глубинные связи между языком, мышлением и социальной организацией древнегерманских обществ») и имеют теоретическую значимость и практическую ценность: состоят в проведении анализа древнеанглийского эпического текста с точки зрения антропоцентрической прагматической парадигмы и могут быть использованы в курсах по лингвистике текста, лингвостилистике, прагматике, истории и лексикологии английского языка, по лингвокультурологии.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию. Стиль изложения отвечает требованиям научного описания, содержание работы соответствует названию. Статья имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Латышев К.И. Обучение биомедицинской терминологии помощью бинарных текстов: лингвокогнитивный и переводческий аспекты // Филология: научные исследования. 2025. № 2. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.2.70261
EDN: JTNIIO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70261

Обучение биомедицинской терминологии помощью бинарных текстов: лингвокогнитивный и переводческий аспекты

Латышев Кирилл Игоревич

независимый исследователь

105187, Россия, г. Москва, ул. Песчаная, 8, кв. 22

✉ tyshenro@yandex.ru



[Статья из рубрики "Перевод"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.2.70261

EDN:

JTNIIO

Дата направления статьи в редакцию:

27-03-2024

Дата публикации:

25-02-2025

Аннотация: В статье рассмотрены особенности когнитивного и переводческого аспектов изучения русской и английской терминологии биомедицинской инженерии. Отмечено, что профессиональный язык такой междисциплинарной отрасли, как биомедицинская инженерия, содержит концепты, концентрирующие специфические знания технического, медицинского и научного опыта. В когнитивной лингвистике концепты рассматриваются в связи с фоновыми знаниями. Профессиональный язык биомедицинской инженерии представлен как когнитивно-коммуникативная организация концептов, понятий и связанных с ними терминов в таких узкоспециализированных областях, как биоинструментарий, биомедицинская кибернетика, биомеханика, системная физиология, реабилитационная инженерия, диагностика заболеваний и расстройств. Отмечено, что

биомедицинская инженерия сфокусирована, прежде всего, на новейших достижениях в области технологий и медицины для разработки новых устройств и оборудования с целью улучшения здоровья человека. Переводчики всегда должны принимать во внимание следующие критерии контекста в процессе перевода: лингвистический контекст, ситуативный контекст и когнитивный контекст. Методология исследования включает определение критериев отбора материала, к которым относятся временные характеристики (тексты должны представлять исследования одного периода); жанровые характеристики (тексты должны быть одного жанра); когнитивные характеристики (в текстах должна быть представлена общая концептосфера). Анализ концептосферы биомедицинской инженерии в области нарушения сна проведен на основе бинарных текстов обзорных статей. Мы должны находить как можно больше объединяющих характеристик, упорядочивая термины на концептуально схожие группы, связывающие их с определенными методами исследования, и др. Таким образом, происходит исследование специфики адекватного и репрезентативного перевода современной терминологии биомедицинской инженерии с английского языка на русский. Терминологическая база создается путем сравнения переводов терминологических единиц с оригиналом, через поиск соответствующих определений и точных объяснений понятий и явлений на соответствующих ресурсах. Особое внимание привлекает классификация по семантической структуре, которая рассматривает эти уникальные языковые образования в аспекте разнообразия их значений и образов. По лексико-грамматическим признакам бинарные словосочетания в научном стиле (на переводе медицинских текстов) имеют сходную классификацию к бинарным словосочетаниям в художественном стиле.

Ключевые слова:

биомедицинская инженерия, специальный язык, концепт, термин, терминология, перевод, специализированные терминологические словари, бинарные тексты, язык, текст

1. ВВЕДЕНИЕ

Интерес современных учёных к изучению профессиональных языков возникает не только в рамках лингвистической науки. Он также вызван потребностями растущей профессиональной коммуникации на основе междисциплинарности знаний, «когда возникает проблема гармонизации межъязыковых факторов и одновременно появляется необходимость стандартизации определенных пластов того или иного профессионального языка для успешного процесса профессионального общения специалистов, говорящих на разных языках» (Федоренко, Шеремета, 20221, с. 42).

В современных условиях глобализации качество профессиональной подготовки будущего специалиста обусловлено свободным владением иноязычной узко специализированной терминологией, ведь это условие успешной профессиональной и научной деятельности, следовательно есть потребность в лингвогнитивном анализе английских и украинских профессиональных текстов одной проблематики (бинарные специальности. заключение узкоспециализированных тематических мини-словарей) (Матько, 2009).

Ведь «сегодня вектор исследований в области изучения отраслевых терминосистем разнонаправлен, однако вопросы терминологий разных наук все еще остаются недостаточно изученными, в частности, это касается проблематики их формирования и

систематизации» (Федоренко, Маслова, 2022, с. 44). Особенности и основные понятия профессиональных языков, становление терминосистем и научно-технического перевода, изложены в исследованиях отечественных и зарубежных ученых, среди которых можно выделить труды таких лингвистов и переводчиков, таких как: Берн, Боцман, Васенко, Вакуленко, Острова, Дубичинский, Дюрьо, Дьяков, Зубова, Климзо, Кияк, Козланюк, Крымец, Комарова, Кулешова, Мищенко, Монтеро, Павлюк и т.д.

«Идеи когнитивной лингвистики изменили ракурс терминоведческих исследований, поставив в центр внимания внутреннюю природу термина. Сегодня термин рассматривается как единица, имеющая связь со профессиональной коммуникацией, отраслевыми знаниями и профессиональной деятельностью» (Федоренко, Маслова, 2022, с. 45). Современные исследователи-языковедцы (Жаботинская, Кабре, Лангакер, Теммерман, Фабер и др.), изучая функционирование терминов в определенных профессиональных языках, все чаще интегрируют положения когнитивной лингвистики и психологии в своих научных работах по исследованию концептов.

Цель статьи состоит в рассмотрении некоторых переводческих аспектов изучения концептосферы биомедицинской инженерии в области исследований нарушения сна. В медицинской терминологии можно увидеть два совершенно различных явления: 1. точно разработанную и стандартизированную на международном уровне анатомическую номенклатуру и 2. быстро развивающуюся нестандартизированную терминологию отдельных клинических отраслей. Если раньше новые медицинские термины образовывались преимущественно морфологически путем образования и сложения латинских и греческих словообразовательных компонентов, то в настоящее время преобладает синтаксический метод - образование терминологических соединений, которые впоследствии превращаются в аббревиатуры. В данной статье рассматривается вопрос о том, как семантическая информация может быть автоматически присвоена составным терминам, то есть как определению, так и набору семантических отношений. Это особенно важно при разработке многоязычных баз данных и при разработке межъязыковых систем поиска информации. В ней представлена система, способная маркировать термины морфологически родственными словами, т.е. давать им определение, и группировать их по синонимии, гипонимии и отношениям близости.

2. МЕТОДЫ

Методология исследования включает: определение критериев отбора материала, к которым относятся временные характеристики (тексты должны представлять исследования одного периода); жанровые характеристики (тексты должны быть одного жанра); когнитивные характеристики (в текстах должна быть представлена общая концептосфера); лингвогнитивный и переводческий анализ с заключением матрицы субконцептов как основы для заключения тематического глоссария.

Анализ концептосферы биомедицинской инженерии в области исследований нарушения сна был проведен на основе бинарных текстов обзорных статей на английском и русском языках по проблематике методов диагностики расстройств сна, в частности: "A survey on sleep assessment methods. Global. Health. Neurology" (Ibáñez, Silva & Cauli, 2018), "Обзор современных технологий для диагностики качества сна" (Иванова, Федорин & Вдовиченко, 2021), "Виды биопринтеров для печати органов" (Кулявец, Беспалова, 2020).

3. РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Сфера биомедицинской инженерии имеет множество направлений, среди которых выделяют: клиническую инженерию, медицинскую радиологию, медицинскую технику, микроэлектромеханические системы, биоматериалы, биомеханику и т.д. Биомедицинские инженеры и ученые сосредотачиваются на достижениях в области технологий и

медицины для разработки новых устройств и оборудования для улучшения здоровья человека. К примеру, они могут разрабатывать программное обеспечение для работы медицинского оборудования или компьютерные симуляции для тестирования новых методов лечения.

Следует отметить, что профессиональный язык такой междисциплинарной отрасли как биомедицинская инженерия содержит концепты, концентрирующие специфические знания технического, медицинского и научного опыта. В когнитивной лингвистике концепты рассматриваются в связи с фоновыми знаниями и создаются в процессе концептуализации (Faber, Leon Arauz, Prieto Velasco, Reimerink, 2007). Концепт как главная единица сознания – когнитивное явление, содержание которого образуется в процессе структуризации знаний и опыта (Приходько, 2008). Концепты образуют домены, которые можно рассматривать как концептуальные комплексы, существующие независимо от их языковой репрезентации (Langacker, 2008). Соответственно, профессиональный язык биомедицинской инженерии можно представить как когнитивно-коммуникативную организацию концептов, понятий и связанных с ними терминов в таких узах как биоинструментарий, биомедицинская кибернетика, биомеханика, системная физиология, реабилитационная инженерия, диагностика заболеваний и расстройств. Лингвокогнитивный анализ концептов, представленных в профессиональном языке, способствует уточнению понятийной базы, правильному употреблению узкоспециализированной терминологии.

Основываясь на предположении Лангакера (Langacker, 2008) о том, что большинство концептов имеют значительный массив взаимосвязанных смыслов, которые могут быть представлены в виде цепи, представим массив взаимосвязанных смыслов в исследуемых текстах в виде цепи: сон – нарушение сна. Мониторинг сна – прибор для мониторинга сна.

Результаты сравнительного анализа речевой репрезентации указанных концептов были занесены в схематический словарь-таблицу. Приведем несколько примеров (см. табл. 1):

Табл. 1 – Языковая репрезентация исследуемых концептов

№	Виды Способ Название Средство (устройство) нарушение
1	мониторинга сна метода сон

англ.	Restless legs	Comprehensive test	Polysomnography
рус.	Piezoelectric sensors	syndrome – RLS used to diagnose sleep disorders	

2	рус. Синдром Полисомнография	Комплексный тест, Пьезоэлектрические датчики беспокойных
англ.		

3	англ. ног (СНН) используемый
----------	-------------------------------------

рус. 4	для диагностики
---------------	-----------------

англ.	расстройств сна
-------	-----------------

Delayed sleep phase	Diagnosing the Multiple Sleep disorder (DSDP) disorder with a sleep Latency
---------------------	---

diary or actigraphy Test (MSLT)

Синдром Диагностика с Множественный тест
--

задержки фазы помостью дневника латентности ко сну сна
--

или актиграфии или

полисомнографии.

Obstructive apnea or Recording eye Eelectrooculography Wearable
another sleep-related movements, which are or respiratory
electrooculography

breathing disorder important monitor

for identifying the different sleep stages

Синдром Фиксация движений глаз, которые являются Электро
Технологические устройства и обструктивного важным
элементом окулография приложения для мониторинга апноэ
во сне или другиедля определения различных и отслеживания
показателей нарушения дыхания стадий сна, и нарушений во
время сна

Sleep bruxism A cable-based sleep Electromyograph or
periodic recording system is ogram

limb used to monitor the (EMG)

movement electrical activity disorder produced by skeletal

muscle during sleep

Бруксизм или Система мониторинга
Электромиография Электромиограф периодическое
электрической активности нарушение движения скелетных
мышц во конечностей. время сна через проводную систему

Increased A test used to measure Pulse oximetry, oxygen
heart rate levels (blood Blood pressure oxygen saturation)
during sleep during monitor sleep

5 рус. Учащенное Тест для контроля уровня Пульсоксиметрия,
сердцебиение в о время кислорода (насыщения крови тест
измерения

сна кислородом) во время сна частоты сердечных

сокращений и вариабельности сердечного ритма

Sleep quality Sleep questionnaires,

"nap study"

англ.

Проверка качества сна Анкетирование, мониторинг

рус. 6 запланированного дневного сна

англ. “overlap syndrome” measures and graphically Capnography
 Capnography device displays the inhaled and exhaled
7 рус.
 CO₂ concentrations at the airway opening

Сочетание определенных Измеряет и графически Капнография
 Монитор-капнограф расстройств и л и болезней. отображает
 концентрацию CO₂ в легких при вдыхании и
 выдыханиии в о з д у х а во
 время сна
 Provide s real-time Severinghaus
 Transcutaneous electrode
 information on blood monitor Электрод
 oxygenation levels Северингауза
 Предоставляет информацию
 на обструктивном уровне
 оксигенации
8
 англ.
 крови мониторинг в режиме
 рус.
 реального времени

Таким образом, в сравнительном анализе двух статей одной тематики свидетельствует адекватность и репрезентативность двустороннего перевода современной терминологии биомедицинской инженерии. Работая с бинарными текстами, мы смогли выделить некоторые преимущества воспроизведения терминологических единиц в ходе проведенного анализа. По нашему мнению, в специализированных словарях не уделяется достаточного внимания функционированию терминов в специализированном дискурсе. Согласно лингвисту Дюрио (Durieux, 1994), переводчики всегда должны учитывать следующие критерии контекста в процессе перевода: лингвистический контекст, ситуативный контекст и когнитивный контекст. Конечно, никто не отрицает значения специализированных словарей, однако следует отметить, что языковой контекст позволяет переводчику обратить внимание как на специфику использования термина в определенном контексте, так и на его сочетаемость. В ситуативном контексте автор учитывает культурные и психологические особенности реципиента, различные типы специализированного дискурса. Терминология в статье, которая носит объяснительный характер или в которой освещаются определенные результаты исследования, будет значительно отличаться от лаконичности словарных определений. Как подтверждение, обратим внимание на некоторые примеры, приведенные в таблице выше, определенные явления и понятия не имеют фиксированного словарного перевода. Например, термин overlap syndrome означает сочетание определенных расстройств или болезней, это словосочетание в укр тексте передается методом эспликации, а Nap study в укр тексте – мониторинг запланированного дневного сна. Это исследование мотивировано прежде всего тем, что отрасль биомедицинской инженерии междисциплинарной сравнительно ново, отраслью с терминосферой находящейся в стадии становления.

Следует отметить, что значительное количество терминов, имеющих латинские и греческие происхождения, имеют неоспоримые эквиваленты: polysomnography – полисомнография, capnography – капнография, bruxism – бруксизм, electromyograph – электромиограф, piezoelectric – пьезоэлектрический. Сравнительный анализ терминологии бинарных текстов показал разное количество компонентов

терминологических словосочетаний в украинском и английском языках. Например, если посмотреть на эквиваленты многих англоязычных трехкомпонентных терминов, чаще всего количество компонентов терминов в русском языке выше. Приведем несколько примеров из бинарных статей по теме биопринтинга, отобранных для исследования:
laser-assisted bioprinting – биопечать с частичным использованием лазера;
extrusion-based bioprinting – биопечать на основе экструзии;
additive manufacturing – аддитивные технологии производства;
selective laser sintering – технология выборочного лазерного спекания;
human adipose-derived stem cells – стволовые клетки жировой ткани человека.

С другой стороны, нами были также отмечены и обратные случаи, когда в украинском языке

был подобран более короткий эквивалент (часто сложное слово или словосочетание, содержащее сложное слово). Например, трехкомпонентному термину английского языка соответствует однокомпонентный или двухкомпонентный термин в украинском: *zeolite water softening plant* – нулевой пикет, *computer aided design* – автоматизированный дизайн, *laser-based bioprinting* – лазерная биопечать. Кстати, отличительной чертой является то, что специалисты стараются все больше избегать калькировок и буквального перевода, а значит, вместо воспроизведения термина *bioprinting* буквальным способом транслитерации, мы видим предпочтение более украинской версии, а именно биопечать.

4. ВЫВОДЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ДАЛЬНЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Подводя итог, необходимо отметить, что биомедицинская инженерия сосредоточена прежде всего на новейших достижениях в области технологий и медицины для разработки новых устройств и оборудования для улучшения здоровья человека. Специалисты продолжают разрабатывать новое программное обеспечение для работы медицинского оборудования, создают компьютерные симуляции для тестирования новых методов лечения. Учитывая актуальность, интенсивное развитие этой новейшей отрасли, а также то, что информация из иностранных источников в теоретическом аспекте недостаточно представлена в украинском переводе, считаем лингвогнитивный анализ бинарных профессиональных текстов релевантным методом для заключения тематических узкоспециализированных словарей.

Перспективу дальнейших исследований мы видим в расширении жанровой и тематической палитры лингвогнитивного переводческого анализа на основе бинарных текстов в области биомедицинской инженерии для составления тематических узкоспециализированных словарей.

Библиография

1. Обзор современных технологий для диагностики качества сна. Биомедицинская инженерия и технология. 2021. № 6. С. 1-10.
2. Мацько Л. И. Культура украинского профессионального языка: учебное пособие. К.: Академия, 2009. 325 с.
3. Приходько А. М. Концепты и концептосистемы в когнитивно-дискурсивной парадигме лингвистики. Запорожье: Премьер, 2008. 331 с.
4. Федоренко С., Маслова Т. Когнитивный подход к междисциплинарному исследованию терминологии. Advanced Linguistics. 2022. Вып. 9. С. 43-50.
<https://doi.org/10.20535/2617-5339.2022.9.259836>
5. Федоренко С. В., Шеремета К. Б. Студирование профессионального языка в лингводидактическом и собственно лингвистическом аспектах. Научные записки Национального университета "Острожская академия". Серия "Филология". 2021. № 11(79). С. 42-45.

6. Durieux C. Texte, contexte, hypertexte. Cahiers du CIEL 1994-1995. 1994. P. 214-228.
7. Faber P., Leon Arauz P., Prieto Velasco J. A., Reimerink A. Ссылки на фотографии и слова: описание специального концепта. International Journal of Lexicography. 2007. № 20. P. 39-65.
8. Langacker R. W. Cognitive Grammar: A basic introduction. Oxford: Oxford University Press, 2008. 584 p.
9. Ibáñez V., Сильва J., Cauli O. A survey on sleep assessment methods. PeerJ. 2018. Vol. 6. P. 1-26. URL: <https://doi.org/10.7717/peerj.484>

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленный к публикации материал ориентирован на возможный вариант обучения биомедицинской терминологии с помощью бинарных текстов (заголовок стоит поправить). Как отмечено в начале работы, «интерес современных учёных к изучению профессиональных языков возникает не только в рамках лингвистической науки. Он также вызван потребностями растущей профессиональной коммуникации на основе междисциплинарности знаний». Автор обозначает, что «цель статьи состоит в рассмотрении некоторых переводческих аспектов изучения концептосферы биомедицинской инженерии в области исследований нарушения сна». Точечный тип цели определяет и верную логику разверстки темы: в статье «рассматривается вопрос о том, как семантическая информация может быть автоматически присвоена составным терминам, то есть как определению, так и набору семантических отношений. Это особенно важно при разработке многоязычных баз данных и при разработке межъязыковых систем поиска информации». Считаю, что проблема, которая заявлена достаточно актуальна, подход же в оценке вопроса имеет новый методологический извод: «анализ концептосферы биомедицинской инженерии в области исследований нарушения сна был проведен на основе бинарных текстов обзорных статей на английском и русском языках по проблематике методов диагностики расстройств сна». Основные положения исследования научно оправданы, должное обоснование имеет место быть. Серьезных фактических нарушений в тексте работы не выявлены; таким образом, можно отметить, что требования, предъявляемые к научным трудам, учтены. Стиль сочинения ориентирован на собственно научный тип. Например, это проявляется в следующих фрагментах: «в сравнительном анализе двух статей одной тематики свидетельствует адекватность и репрезентативность двустороннего перевода современной терминологии биомедицинской инженерии. Работая с бинарными текстами, мы смогли выделить некоторые преимущества воспроизведения терминологических единиц в ходе проведенного анализа. По нашему мнению, в специализированных словарях не уделяется достаточного внимания функционированию терминов в специализированном дискурсе», или «приведем несколько примеров из бинарных статей по теме биопринтинга, отобранных для исследования: laser-assisted bioprinting – биопечать с частичным использованием лазера; extrusion-based bioprinting – биопечать на основе экструзии; additive manufacturing – аддитивные технологии производства; selective laser sintering – технология выборочного лазерного спекания; human adipose-derived stem cells – стволовые клетки жировой ткани человека» и т.д. Иллюстративного фона достаточно для того, чтобы аргументировать точку зрения. Выводы по тексту соотносятся с основной частью; автор в finale отмечает, что «биомедицинская инженерия сосредоточена прежде всего на новейших достижениях в области технологий

и медицины для разработки новых устройств и оборудования для улучшения здоровья человека. Специалисты продолжают разрабатывать новое программное обеспечение для работы медицинского оборудования, создают компьютерные симуляции для тестирования новых методов лечения». Стоит согласиться, что «учитывая актуальность, интенсивное развитие этой новейшей отрасли, а также то, что информация из иностранных источников в теоретическом аспекте недостаточно представлена в украинском переводе, считаем лингвогнитивный анализ бинарных профессиональных текстов релевантным методом для заключения тематических узкоспециализированных словарей.

Перспективу дальнейших исследований мы видим в расширении жанровой и тематической палитры лингвогнитивного переводческого анализа на основе бинарных текстов в области биомедицинской инженерии для составления тематических узкоспециализированных словарей». Базовый стандарт требований издания учтен, текст не нуждается в серьезной доработке. Материал можно использовать в вузовском образовании, ряд позиций целесообразно рассмотреть далее в смежно-тематических изысканиях. Рекомендую статью «Обучение биомедицинской терминологии помощью бинарных текстов: лингвокогнитивный и переводческий аспекты» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Пролыгина И.В. Типы и маркеры повествовательного дискурса в анатомических сочинениях Галена // Филология: научные исследования. 2025. № 2. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.2.73458 EDN: HECUML URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73458

Типы и маркеры повествовательного дискурса в анатомических сочинениях Галена

Пролыгина Ирина Викторовна

ORCID: 0000-0001-7492-9750

кандидат филологических наук

зав. кафедрой; кафедра латинского языка и основ терминологии; Российский университет медицины

105203, Россия, г. Москва, ул. Нижняя Первомайская, 53, кв. 395



✉ prolygina99@yandex.ru

[Статья из рубрики "Дискурс"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.2.73458

EDN:

HECUML

Дата направления статьи в редакцию:

19-02-2025

Дата публикации:

26-02-2025

Аннотация: Значительную часть объемного корпуса текстов Галена (129–210/217 AD) составляют сочинения, написанные в жанре повествовательной прозы. Предметом исследования данной статьи выступают его анатомические сочинения, в частности, сочинение «О костях для начинающих», а объектом исследования – разные типы повествовательного дискурса в его сочинениях и их лингвистические маркеры. Особое внимание уделяется таким чертам, как высказывания от первого лица в единственном и множественном числе, самоотсылки, переходы от прошедшего времени к настоящему и будущему, метадискурсивные выражения, которые влияют на взаимодействие с читателем, например, обращения к читателю с использованием глаголов речи и мысли во втором лице, выражения авторского мнения, убеждения или высказывания

оценочных суждений, использование экстраклаузальных компонентов, например, междометий и частиц древнегреческого языка. Методология исследования состоит в источниковедческом анализе древнегреческого текста сочинения Галена «О костях для начинающих» с использованием лингвистического, сопоставительного и контекстуального методов. Основные результаты проведенного исследования показали, что для стиля повествовательной прозы Галена характерны черты разговорного диафонического дискурса, который подразумевает непрерывный диалог с читателем. Несмотря на ярко выраженный авторский стиль, отмечено, что проза Галена имеет ряд общих черт с сочинениями софистов его времени, принадлежавших кругу Второй софистики, такими как Лукиан или Элий Аристид, и, напротив, сильно отличается от технической прозы его медицинских современников, например, от сочинений Руфа Эфесского, Сорана или авторов Псевдо-Галенова корпуса текстов. Дальнейшее изучение повествовательного дискурса в текстах Галена открывает широкие перспективы для анализа и картирования его текстов, которые позволяют увидеть скрытые на сегодняшний день интертекстуальные слои его сочинений, а также понять специфику греческой прозы императорского периода. Статья может быть полезна филологам, лингвистам, историкам науки и медицины и найти применение в лекционных курсах и практических занятиях по аналитическому чтению античных авторов.

Ключевые слова:

Гален, типы дискурса, повествовательный дискурс, анатомические сочинения, частицы и междометия, маркеры дискурса, античная медицинская проза, метадискурсивные выражения, интертекстуальность, риторическая аргументация

Повествовательный стиль Галена, сочинения которого составляют один из самых объемных корпусов античных текстов, был предметом обсуждения уже в Средние века, поскольку он оказал значительное влияние как на развитие медицинского дискурса и медицинской терминологии в восточной грекоязычной части Римской империи, а впоследствии в Византии, так и на формирование латинского языка медицины на Западе, начиная с первых переводов его текстов на латинский язык в XII в. В ряде научных работ и по сей день стиль Галена подвергается критике за многословие, самовосхваление, самоуверенный, избыточно полемичный и резкий тон [1, р. 316; 2; 3; 4, р. 9-25; 5, р. 59-63; 6, р. 138-40]. Однако в последнее время появились исследования, которые убедительно доказывают, что стиль Галена во многом служит отражением эстетических вкусов и приверженности литературной традиции, характерной для прозы поздней Римской империи [7].

В этой статье мы рассмотрим типы повествовательного дискурса и их маркеры на примере анатомического сочинения Галена *De ossibus ad tirones*, «О костях для начинающих» [8], для которого характерно небольшое число полемических отступлений. За модель исследования мы взяли работы К. Крун [9] и Д. Лэнгслу [10], которые разработали методологию анализа дискурса и дискурсивных частиц в текстах латинских античных авторов, и К. Пти [12], которая исследовала повествовательный стиль Галена в целом. К. Крун предлагает выделять в повествовательном жанре следующие типы дискурса: монолог, диалог и полилог (9, р. 109-15). Большинство античных греко-медицинских текстов относятся, по мнению К. Пти, к монологическому типу дискурса с диалогическими отступлениями. В том случае, когда автор обращается к вымышленному

собеседнику или передает чужую речь, не получая ответа, речь может идти о так называемом диафоническом типе дискурса [2, р. 58-65]. Маркеры повествовательного дискурса, по мнению исследовательницы, схожи в латинском и греческом языках, а приблизительно равная частота их употребления у авторов II-III вв., таких как Апулей, Авл Геллий и Гален, свидетельствует об общей риторической практике интеллектуалов этого периода.

Конечно, ставить Галена в один ряд с авторами, которых традиционно относят к кругу «Второй софистики», можно лишь с оговорками. Проза других медицинских авторов того же времени, таких как, например, Руф Эфесский, Соран или авторы Псевдо-Галенова корпуса, сильно отличается от повествовательного стиля Галена с его выстроенной системой аргументации и большим числом риторических приемов. Сходство Галена со стилем софистов его времени объясняется, по-видимому, не только общностью школьного образования, но и публичностью фигуры самого Галена, а также высокой конкурентностью медицинской профессии в римском обществе, которая по этой причине носила агонистический характер. Необходимость доказывать свой профессионализм в ходе публичных диспутов с конкурентами и анатомических демонстраций требовала от врачей основательной риторической подготовки и знания медицинской, философской и, в целом, классической литературы. Кроме того, не следует забывать о том, что врачи часто подвергались обвинениям в шарлатанстве и магии, которые влекли за собой изгнание из Рима, а потому были вынуждены иногда публично объяснять свои методы диагностики и лечения пациентов.

К маркерам повествовательного дискурса у Галена мы отнесли: а) глаголы, иногда вместе с личными местоимениями, в первом лице; б) самоотсылки и переход от прошедшего времени к настоящему и будущему; в) метадискурсивные выражения, которые влияют на взаимодействие с читателем, например, обращения к читателю с использованием *verba dicendi, putandi* и *sentiendi* во втором лице; г) выражения субъективных оценочных суждений, например, высказывание авторского мнения, убеждения и др.; д) использование экстраклаузальных компонентов, таких как междометия или частицы.

Прежде чем обратиться к анализу маркеров, следует сделать несколько вводных замечаний о сочинении «О костях для начинающих». За долгие годы своей медицинской практики Гален написал несколько сочинений по анатомии, которая наряду с физиологией составляла основу медицинского знания [11]. Изучение анатомии он предлагает начинать с небольших «исагогических» сочинений для начинающих (εἰσαγόμενοι), которые в доступной для новоначальных форме содержат изложение основных сведений о строении тела по разным системам организма – остеологии, миологии, неврологии и др. Эти сочинения служили введением к более полному и объемному сочинению – «Об анатомических процедурах» (*De anatomicis administrationibus*), написанному для специалистов, которые уже имели предварительную теоретическую и практическую подготовку и располагали средствами и временем для получения более полного образования [12]. По замечанию Галена в трактатах «О собственных книгах» и «О порядке собственных книг» такие сочинения первоначально были написаны по просьбе его друзей и учеников и предназначались для личного использования, однако позднее он собрал все сочинения «для начинающих» в единый корпус текстов, чтение которых служило введением в изучение медицины (*De libr. progr., prol. 6, 8-9; I, 5; De ord. libr. I, 2*) [13; 14; 8, с. 141]. К этой так называемой «Малой анатомии» Галена относится и трактат «О костях для начинающих» (ок. 180 г. н. э.), который, несмотря на ряд ошибочных утверждений (например, в

описании строения черепа или крестцовой кости), представляет собой одну из первых анатомических номенклатур, терминология которой лежит в основе современной остеологии и во многом не утратила актуальности и по сей день. В отличие от большинства других своих трактатов Гален не приводит в этом тексте цитат других авторов и практически не вступает в полемику с оппонентами, предлагая начинающим изучать медицину исчерпывающую и детальную информацию о строении человеческого скелета. Поэтому он представляет удобный материал для анализа его повествовательного дискурса.

Трактат начинается с обоснования цели изучения костей, которые полезно знать для лечения переломов и вывихов. Первое предложение текста начинается с утверждения в первом лице: «Я утверждаю (φημί), что врач должен знать, какова каждая из костей сама по себе и как она соединяется с другими костями, если он хочет правильно лечить их переломы и вывихи» (Ia, 1). Таким образом, уже первое предложение трактата должно было произвести на читателя впечатление неоспоримого авторитета и уверенности в непреложности его мнения. Дальнейшее повествование развивается с чередующими переходами от 1 лица единственного числа «я»: например, *σοι διειμι*, «я расскажу тебе» (Ib, 9); *ἡγέ... καλό*, «я ... называю» (Ib, 18, ср. Ia, 16); *καταλέξω*, «перечислю» (IV, 6); *φεξός πρό*, «я скажу далее» (VIII, 6), к 1 лицу множественного числа «мы»: например, *χρησόμεθα* – «мы будем использовать» (Ia, 5); *σαφηνίζειν* *προαιρουμένων μόνον* – «мы захотим разъяснить», (Ia, 5); *προσαγορεύομεν*, «мы называем» (Ia, 24); *καὶ μόνον δέ καλείσθωσαν αφαί* – «у нас же пусть швы называются» (Ib, 7); *μέντοι ... εὔρομεν*, «однако мы сами ... обнаружили» (III, 1).

Некоторые из утверждений Галена в 1 лице связаны с правильным использованием анатомических терминов. В первой главе трактата Гален обращает внимание читателя на то, что прежде чем излагать само учение, необходимо разъяснить термины, которые он будет использовать в трактате, «дабы при их употреблении в ходе повествования (*διηγήσεως*) сказанное не оказалось неясным (*σαφές*) и не нарушилась связность изложения всякий раз, как мы захотим разъяснить (*σαφηνίζειν*) новое [понятие]» (Ia, 5). Как известно, ясность и связность изложения были неотъемлемой частью любого текста, организованного в соответствии с античным риторическим учением о стиле – как в устной публичной речи, так и в письменной прозе. Ясность предполагала употребление терминов в точных значениях, не допускающих двусмысленности и имела целью сделать речь понятной и убедительной. А связность позволяла выстроить четкую и последовательную логику повествования (*Rhet. ad Herren.*, IV, 12, 17; *Cicero, De orat.* III, 13, 14-49; *Demetr.* 191-192, 193, 196).

Большинство анатомических терминов во времена Галена требовали разъяснения, поскольку одни термины восходили еще ко временам Гиппократа и «древних врачей» (*παλαιό... ατροί*) и были либо устаревшими либо непонятными вовсе; другие вошли в употребление у современных врачей (*νεώτεροι ατροί*) и были не всем известны, а третьи были неологизмами самого Галена, поскольку по его собственному замечанию «нет ничего неуместного в том, чтобы создавать новые термины ради ясности преподавания, исходя из уже существующих слов» (Ia, 14). Поэтому, прежде чем дать собственное определение термину, Гален часто ссылается на словоупотребление «некоторых» или «некоторых из анатомов» (Ia, 6; Ib, 7; III, 7; IV, 3; VIII, 4; XIII, 5; XIV, 2; XIX, 1) «некоторых из софистов» (V, 1), «всех врачей» (Ia, 17), «стремящихся к ясности» (Ia, 18) или Гиппократа (Ia, 9; VIII, 4), и приводит «старые» (Ia, 21) и «современные» названия (Ia, 21; III, 1) разных анатомических образований.

Несмотря на то, что трактат был составлен по просьбе друзей и учеников, он не имеет конкретного адресата, как некоторые другие сочинения Галена, например, его анатомический трактат «*Об анатомических мероприятиях*», который обращен к Флавию Бозту. Тем не менее, в тексте трактата встречаются постоянные обращения к подразумеваемому собеседнику во 2 лице единственного числа повелительного наклонения или в условном предложении с *verba dicendi, sentiendi и putandi*. Такие диафонические вставки, как правило, появляются между смысловыми отрезками текста для разъяснения собственного мнения по спорным терминологическим вопросам или для привлечения внимания читателя к какой-то проблеме. Так, рассуждая о разных видах и названиях отростков шейки костей, он пишет: διαφέρει δὲ οὐδέντος οὐδέντος εὐ κορωνήν εὐ η нет никакой разницы, если ты назвал бы его [т.е. отросток – прим. авт.] короной» (Ia, 16). Описывая расположение лямбдовидного шва черепа, он предлагает читателю представить его топографию: νόει (Ib, 10). При объяснении строения поясничных позвонков, он замечает, что в них расположены отверстия для вен, которые не встречаются в других позвонках: οὐδέντος οὐδέντος, «ты не увидел бы» (X, 3). Последняя фраза отсылает нас непосредственно к воображаемой анатомической демонстрации, о деталях которой Гален дважды сообщает в этом сочинении. Как известно, остеология Галена опиралась, главным образом, на строение скелета обезьяны, который требовал предварительной обработки и освобождения от волокон путем вываривания. Гален упоминает об этой процедуре при описании кости нижней челюсти, строение которой отличается от строения этой кости у человека (VI, 1), и крестцовой кости (XI, 2).

К особенностям повествовательного дискурса Галена стоит отнести и постоянные самоотсылки с переходами от прошедшего времени к настоящему и будущему, которые, по мнению Г. фон Штадена [15, р. 110-111], служат инструментом управления всей структурой повествования и его связующими элементами. Часть из них выражена глаголами в 1 лице, а часть употребляется в неопределенно-личных конструкциях. Гален ссылается на то, как он начнет говорить, что он сказал или о чем упомянул ранее, что он скажет позже, почему он говорит то, что он говорит и др.: οὐπεῖ δέ ... εὐπομεν οὐφεξείη ... εὐπεῖν, «поскольку мы сказали ..., далее следовало бы ... сказать» (Ia, 20); οὐπεῖ ἐμνημονεύσαμεν, «поскольку мы упомянули» (Ia, 22); εἴρηται μὲν ἦδη καὶ πρόσθεν ... οὐδέπω μὲν εὐρηται πρόσθεν, εὐρήσεται δέ οὐ τοδε, «прежде мы уже сказали ... сказано еще было, но будет сказано далее» (Ib, 1); προείρηται ... οὐ τοδε λεχθήσεται, «выше было сказано ... далее будет сказано» (III, 1); οὐς οὐμπροσθεν εὐρηται, «как было сказано выше» (IV, 7; IX, 1; X, 2); περ οὐ φεξίς ορέ, «о чем я скажу далее» (VIII, 6); οὐδη προεί «уже было сказано выше» (X, 1).

Разговорные черты, встречающиеся в этом небольшом сочинении для начинающих, лишают его ситуационного контекста. В повествовании отсутствует какой-либо намек на пространственно-временные отношения с читателем за пределами обсуждаемых анатомических проблем. Иногда Гален отвлекается на терминологические пояснения или объяснения строения той или иной кости, которое подтверждается путем ее соответствующего препарирования; иногда призывает читателей в свидетели очевидной нелепости претензий некоторых оппонентов, которых высмеивает в довольно резкой форме. Так, рассуждая о том, к каким частям тела следует относить зубы, он пишет: «К костям следует причислять и зубы, даже если некоторые из софистов иного мнения (εὐ καὶ τοι τον σοφιστον οὐ δοκεῖ). Впрочем, они были бы правы, если убеждали не называть их не так, но давать им какое-то другое название. Однако совершенно очевидно, что называть их хрящами, или артериями, или венами, или жилами не подобает и, тем более, жиром, или волосами, или плотью, или железами, или какой-либо иной из частей тела вообще. Но если мы не будем говорить о них ни в анатомии вен, ни

в анатомии артерий, нервов, мышц и внутренностей, ни в настоящем трактате о костях, мы не скажем о них вообще никогда (οὐδέ δέ λόγος προμενεῖ οὐδέποτε). Стало быть, след послать софистов куда подальше (τοῖς μὲν δέ σοφισταῖς μακρὰν χαίρειν ἥπτεον) (V, 1-3)».

Еще одним маркером повествовательного дискурса Галена выступает передача авторского мнения, личного отношения к высказыванию или его субъективная оценка. Достаточно часто в его тексте встречаются вводные слова или частицы, которые должны убедить читателя и создать впечатление очевидности и полной правоты автора. К таким вводным слова можно отнести выражения: οὐσως, «быть может» (Ia, 5, 14; III, 1), δοκεῖ μοι, «мне кажется», «на мой взгляд» (Ia, 5; XXIV, 10); οὐτικρις δέλον, «совершенно очевидно» (Ia, 12; V, 2); οὐδέν ποτε, «и возможно, нет ничего неуместного» (Ia, 14); δέλον δέ γέγονεν, уже стало ясно (IV, 3), οὐμαι, «как я думаю» (V, 4); εἰ κότε «что вполне справедливо» (VIII, 5); διαφέρει γέρον οὐδέν … προσαγορεύειν, «неважно как называть» (VII, 3); εἰλόγως ποτε τις εἴναι φήσειε, «справедливо было бы сказать» (XIX, 1); ὕσπερ καὶ φαίνεται, «как можно заметить» (XXII, 4).

И, наконец, стоит обратить внимание на частицы в тексте Галена, которые также служат признаком разговорного языка, когда автор хочет подчеркнуть свою точку зрения, перейти от одной темы к другой или сообщить о своих намерениях, поддерживая таким образом постоянную связь с читателем и выстраивая стройную аргументацию.

Использование частиц, как известно, служит отличительной чертой древнегреческого языка. При этом их изучение у античных авторов представляет собой одну из самых трудных задач. После основополагающего труда Дж. Дэнистона «Греческие частицы» (классического второго издания 1954 г. с *index locorum* [16]), который исследовал частицы у греческих авторов преимущественно до середины IV в. до н.э., спустя 40 лет стали появляться более полные исследования [9; 17; 18], однако тексты Галена оставались долгое время без должного научного внимания вплоть до выхода в 2021 г. статьи К. Пти [19], которая рассмотрела на примере нескольких отрывков из его сочинений аргументативные частицы, служащие признаком его аттического стиля. По ее мнению, «количество, диапазон и частота используемых Галеном частиц выделяют его среди так называемых авторов технической прозы» [19, р. 97]. В отличие от Галена, большинство греческих медицинских авторов императорского периода не использовали частицы, особенно редкие и сложные. Во многих отношениях Гален стоит ближе к великим образцам прошлого и таким классическим авторам, как Платон, Фукидид или Демосфен, чем к своим коллегам-врачам Римской империи: Руфу Эфесскому, Сорану или авторам Псевдо-Галенова корпуса, тексты которых стилистически заметно отличаются от текстов Галена. Среди современников Галена образцы похожего письма можно встретить только у софистов Элия Аристида, Лукиана или в полемических сочинениях Секста Эмпирика.

Сложность изучения частиц заключается в том, что использование одной и той же частицы может служить разным целям в разных контекстах. В связи с этим К. Крун предложила различать семантический и синтаксический подход в анализе частиц. При анализе частиц в трактате «О костях для начинающих» мы выделили два укрупненных вида частиц: соединительные и дедуктивные частицы. К соединительным частицам можно отнести частицы δέ, μέν, δή, μήν, γε. Они встречаются на протяжении всего текста и часто образуют у Галена сложные цепочки разных комбинаций с другими частицами, например, καὶ μόνον δή καὶ (Ib, 6; IX, 2; XIII, 2; XVI, 1; XXI, 2), καὶ μέν γε καὶ (Нюансы значений таких сочетаний не всегда легко уловить, особенно если полагаться только на семантику). Главным образом, они призваны либо усилить и подчеркнуть

высказывание, либо обеспечить логический переход к новой теме, либо обосновать очевидность того или иного утверждения. К дедуктивным частицам можно отнести частицы тои, γέρ, οὐ и иногда δέ, которые подводят итог предыдущему высказыванию, обеспечивают переход от одной мысли к другой и обосновывают дальнейший ход повествования. Несколько раз в этом трактате (Ia, 22; X, 3) встречается частица τοινυ, которая по наблюдениям Дж. Дэнистона [16, р. 568-569] была характерна для аттической прозы, особенно, для диалогов Платона и комедий Аристофана, где она часто встречается вместе с повелительным или сослагательным наклонением.

Исследование повествовательного дискурса на примере анатомического сочинения Галена «О костях для начинающих» позволило сделать несколько важных выводов, которые пока следует считать предварительными, поскольку охват текстов был недостаточно репрезентативен. Повествование Галена в этом сочинении содержит черты диафонического дискурса, ориентированного на диалог с читателем, и имеет ряд ярко выраженных авторских стилистических особенностей. Гален ведет повествование от 1 лица с постоянными самоотсылками к тому, что было сказано ранее или тому, что еще только будет сказано, постоянно делает вставки авторского мнения или дает собственную оценку, обращаясь к читателю во 2 лице как к собеседнику. Большое число разнообразных частиц указывает на прекрасное знание и легкое владение автора классическим аттическим языком Платона и Аристофана, что позволяет говорить о том, что проза Галена имеет больше общих черт с сочинениями софистов его времени, принадлежавших кругу Второй софистики, чем с прозой его медицинских современников. Несомненно, частицы играют важную роль и в системе его аргументации. Модальные частицы, передающие намерение, интонацию, а подчас и иронию могут помочь пролить свет на сложную логику его текстов. Дальнейшее изучение повествовательного дискурса в его текстах открывает широкие перспективы для анализа и картирования его текстов, которые позволяют увидеть скрытые на сегодняшний день интертекстуальные слои, а также понять специфику греческой прозы императорского периода.

Библиография

1. Vogt S. Drugs and Pharmacology / R. J. Hankinson (ed.). *The Cambridge Companion to Galen* (pp. 304-22). Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 304-322.
2. Petit C. Galien et le "discours de la méthode": rhétorique(s) médicale(s) à l'époque romaine / J. Coste, D. Jacquart, and J. Pigeaud (eds.). *La rhétorique médicale à travers les siècles: actes du colloque international de Paris, 9 et 10 octobre 2008*. Genève: Droz, 2012. P. 49-75.
3. Nutton, V. (2012). Galen's rhetoric of certainty / J. Coste, D. Jacquart, and J. Pigeaud (eds.). *La rhétorique médicale à travers les siècles: actes du colloque international de Paris, 9 et 10 octobre 2008*. Genève: Droz. P. 39-49.
4. Nutton V. Style and Context in the Method of Healing / R. J. Durling and F. Kudlien (eds.). *Galen's Method of Healing*. Leiden: Brill, 1991. P. 1-25.
5. Nutton V. Galeni De praecognitione. Galen. On Prognosis. CMG V 8, 1. Berlin: Akademie-Verlag, 1979.
6. Mattern S. Galen and the Rhetoric of Healing. Baltimore: The John Hopkins University Press, 2008.
7. Petit C. Galien de Pergame ou la rhétorique de la Providence. Leiden, Boston: Brill, 2018.
8. Пролыгина И. В. Трактат Галена «О костях для начинающих» // Hypothekai. Вып. 5. Учебные тексты в Античности. М.: Аквилон, 2021. С. 141-171.
9. Kroon C. Latin Discourse Particles: A Study of nam, enim, autem, vero and at. Amsterdam: Brill Academic Pub., 1995.

10. Langslow D. R. *Medical Latin in the Roman Empire*. Oxford: Oxford University Press, 2000.
11. Пролыгина И. В. Биобиблиографические трактаты Галена Пергамского как проект унификации медицинского образования // Историко-философский ежегодник 2016. Институт философии РАН. М.: Аквилон, 2016. С. 33-49.
12. Boudon-Millot V. *Les oeuvres de Galien pour les débutants (De sectis, De pulsibus ad tirones, De ossibus ad tirones, Ad Glauconem de methodo medendi et Ars medica): médecine et pédagogie au IIe siècle après J.-C.* // Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt, Band II 37.2. Berlin, New York: W. de Gruyter, 1994. P. 1421-1467.
13. Пролыгина И. В. Гален. О порядке собственных книг. // Историко-философский ежегодник 2016. Институт философии РАН. М.: Аквилон, 2016. С. 50-68.
14. Пролыгина И. В. Гален. *De libris propriis*. О собственных книгах. // Schole. Философское антиковедение и классическая традиция. Т. 11, № 2, 2017. С. 636-677.
15. von Staden H. *Author and Authority, Celsus and the Construction of a Scientific Self* // Vázquez Buján M.E. (eds.) *Tradición e innovación de la medicina latina de la Antigua "edad y de la Alta Edad Media. Actas del IV Coloquio Internacional sobre los "Textos Médicos latinos antiguos"*. Santiago de Compostela, 1994. P. 103-117.
16. Denniston J. D. *Greek Particles*. Oxford: Clarendon Press, 1950.
17. Rijksbaron A. *New Approaches to Greek Particles*. Amsterdam: J. C. Gieben, 1997.
18. Wakker G. *Modal Particles and Different Points of View in Herodotus and Thucydides / E.J. Bakker (ed.) Grammar as Interpretation. Greek Literature in its Linguistic Context*. Leiden, 1997. P. 215-250.
19. Petit C. *Greek Particles in Galen's Oeuvre: Some Case Studies* // Scripta Classica Israelica, Vol. XL, 2021. P. 95-123.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступают типы и маркеры повествовательного дискурса в анатомических сочинениях Галена. Актуальность работы обусловлена интересом исследователей к особенностям повествовательного стиля Галена, «сочинения которого составляют один из самых объемных корпусов античных текстов... поскольку он оказал значительное влияние как на развитие медицинского дискурса и медицинской терминологии в восточной грекоязычной части Римской империи, а впоследствии в Византии, так и на формирование латинского языка медицины на Западе, начиная с первых переводов его текстов на латинский язык в XII в.».

Теоретической основой научной работы обоснованно явились труды таких российских и зарубежных исследователей, как И. В. Пролыгина, С. Petit, V. Nutton, S. Mattern, C. Kroon, V. Boudon-Millot, A. Rijksbaron и др. Библиография включает 19 источников, что представляется достаточным для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Методология исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер: применяются общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию, классификацию материала; а также метод дискурсивного анализа, который представляет собой совокупность взаимосвязанных подходов к

изучению дискурса и функционирующих в нем языковых единиц, как и различных экстралингвистических аспектов.

Проанализировав и обобщив теоретический материал, автор(ы) выявили особенности идиостиля Галена и сформулировали ряд существенных выводов (хотя отмечается, что их пока следует считать предварительными, поскольку охват текстов был недостаточно репрезентативен): «повествование Галена содержит черты диафонического дискурса, ориентированного на диалог с читателем, и имеет ряд ярко выраженных авторских стилистических особенностей», «большое число разнообразных частиц указывает на прекрасное знание и легкое владение автора классическим аттическим языком Платона и Аристофана, что позволяет говорить о том, что проза Галена имеет больше общих черт с сочинениями софистов его времени, принадлежавших кругу Второй софистики, чем с прозой его медицинских современников» и др. Несомненно, дальнейшее изучение повествовательного дискурса Галена открывает широкие перспективы для анализа и картирования его текстов, которые «позволят увидеть скрытые на сегодняшний день интертекстуальные слои, а также понять специфику греческой прозы императорского периода».

Теоретическая и практическая значимость исследования неоспорима и обусловлена его вкладом в решение современных языковедческих проблем, связанных с теорией дискурса и теорией текста, с изучением специфики повествовательного дискурса в сочинениях Галена. Полученные результаты могут использоваться в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по общему языкознанию, лингвистике текста и теории дискурса, прагмалингвистике и социолингвистике и пр.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стиль статьи отвечает требованиям научного описания. Статья имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Глушко Е.В., Орлова В.В. Измерение полноты последовательного перевода военной тематики // Филология: научные исследования. 2025. № 2. С.43-56. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.2.73279 EDN: DGRTHI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73279

Измерение полноты последовательного перевода военной тематики

Глушко Елена Валентиновна

ORCID: 0000-0002-8412-5729

кандидат филологических наук



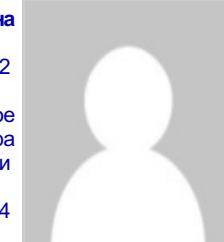
доцент; кафедра лингвистики и переводоведения; Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации", Одинцовский филиал

143007, Россия, Московская область, г. Одинцово, ул. Ново-Спортивная, 3

✉ e.glushko@odin.mgimo.ru

Орлова Валентина Владимировна

ORCID: 0009-0001-4327-0102



преподаватель; кафедра иностранных языков; Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Военный университет имени князя Александра Невского» Министерства обороны Российской Федерации

125047, Россия, г. Москва, ул. Большая Садовая, 14

✉ v.orlova.nir@gmail.com

[Статья из рубрики "Перевод"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.2.73279

EDN:

DGRTHI

Дата направления статьи в редакцию:

06-02-2025

Дата публикации:

04-03-2025

Аннотация: В статье рассмотрена проблема оценки качественного перевода (полноты)

Аннотация. В статье рассмотрена проблема эффективной оценки качества (полноты) устного последовательного перевода, что особенно актуально в сфере военного перевода ввиду необходимости достижения максимальной тождественности текста перевода оригинальному сообщению военной тематики. Авторы делают акцент, что для оценки квалификации военного переводчика и для качественной подготовки таких специалистов в устном последовательном военном переводе возникает необходимость в разработке объективного метода оценивания полноты перевода. Соответственно, такая оценка качества перевода должна в минимальной степени зависеть от человеческого фактора (так называемой экспертной оценки) и более опираться на математические (количественные) методы оценивания качества. Целью данного исследования является разработка методологии объективной оценки полноты переводимой информации при устном последовательном военном переводе. Методология исследования состоит из четырех этапов: 1) проведение анализа существующих методов оценки качества последовательного перевода; 2) определение ключевых методов оценки полноты последовательного военного перевода, которые могут предоставлять объективные данные; 3) выделение метрик для расчета полноты последовательного перевода; 4) проведение тестовых расчетов. Научная новизна исследования состоит в том, что предлагается методика проведения количественной оценки смыслового содержания перевода в сравнении со смысловым содержанием текста оригинального высказывания с помощью подсчета пропозиций в каждом из текстов и проведения анализа результатов. Качество устного перевода с точки зрения его полноты оценивается за счет получения таких данных, как доля (процентного соотношение) точно переведенной информации, доля отступлений от оригинального смысла высказывания, доля искажений смысла и доля необоснованных дополнений — смыслов, не входящих в оригинальное сообщение, но использованных в тексте перевода. Результатом исследования является разработанный метод количественной оценки полноты переводимой информации при устном последовательном военном переводе, который дает практически исчерпывающую информацию о полноте осуществляемого перевода и может быть использован для оценки квалификации переводчика и качества перевода.

Ключевые слова:

переводоведение, военный перевод, устный военный перевод, методы оценки перевода, полнота перевода, пропозиция, устный последовательный перевод, точность перевода, количественная оценка качества, эквивалентность перевода

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что в современном переводоведении проблема оценки качества устного перевода является одной из ключевых, в особенности в тех отраслях, в которых от точности формулировок зависят судьбы людей и целых государств. Одной из таких сфер является военный перевод, который превращается из инструмента семантического и культурного преобразования языкового кода в ключевой фактор при двуязычной коммуникации, от которой зависят глобальные решения на высшем государственном уровне. В связи со спецификой работы военных переводчиков они обязаны обеспечивать максимально полное понимание исходного сообщения реципиентов перевода и не допускать искажения поступающей информации, и в этом процессе достижения функциональной эквивалентности может быть недостаточно [1, с. 125]. Основной трудностью перевода военных текстов (как устных, так и письменных) остается достижение максимальной тождественности текста перевода оригинальному сообщению [2; 3]. Соответственно, для оценки квалификации

военного переводчика и для качественной подготовки таких специалистов в устном последовательном военном переводе возникает необходимость в разработке объективного метода оценивания полноты перевода.

Для достижения вышеуказанной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- провести анализ существующих методов оценки качества устного последовательного перевода;
- определить ключевые методы, подходящие для оценки полноты устного последовательного военного перевода, и определить, какие из них могут предоставлять объективные данные;
- выделить метрики, на основе которых может быть рассчитана полнота устного последовательного перевода;
- провести тестовые расчеты.

Теоретическую базу исследования составляют работы в сфере оценки точности и полноты перевода ведущих российских и зарубежных исследователей. Так, В. Н. Комиссаров, Л. К. Латышев, В. И. Провоторов, Р. К. Миньяр-Белоручев предлагают оценивать точность перевода за счет наличия или отсутствия ошибок в языковом оформлении или ошибок в передаче содержания в целом [4]. Е. В. Аликина оценивает качество перевода с помощью анализа «отрицательного материала», в число которого входят пропуск фактов, искажения логики и фактов, добавления, переспросы [5]. Коллектив авторов монографии под редакцией В. А. Митягиной вводят такие критерии для оценки полноты перевода, как полная/неполная передача основной информации, уточняющей информации, второстепенной информации [4]. Е. А. Алексеева описывает критерии оценки практики перевода в рамках интерпретативной теории перевода, в которые в контексте полноты перевода входят соответствие идеям текста и соблюдение логических отношений между идеями [6]. Дж. Ли в разработанной системе оценки перевода вводит понятие «точность», в котором учитывает опущения, добавления и необоснованные или ошибочные изменения текста оригинала [7]. Е. А. Княжева, Е. А. Пирко предпринимают попытку объективной оценки перевода с помощью системного анализа и метода анализа иерархий [8]. Оценкой полноты перевода с опорой на теорию информативности Р. К. Миньара-Белоручева занимается также Ц. Чэнь [9]. С опорой на ту же теорию полноту передачи прецизионной информации при устном последовательном переводе исследуют Т. А. Волкова и А. С. Коврова [10]. Анализ существующих систем количественной оценки качества перевода приводит О. В. Альбукова [11].

Для решения поставленных задач в данной работе были использованы следующие методы исследования: структурный метод для определения границ смысловых единиц в исходном тексте, метод сопоставления для сравнения используемых смысловых единиц в исходном тексте и в тексте перевода, регистрационный метод оценки качества для подсчета числа различных категорий смысловых единиц, использованных переводчиком в ходе осуществления перевода, эмпирический метод для проверки гипотезы на реальных примерах перевода, критериальный анализ для категоризации смысловых единиц, используемых переводчиком, и выведения метрик, статистический анализ для исследования массивов смысловых единиц и расчета их доли в общем объеме смыслов исходного текста.

Материалом исследования послужило заявление бывшего Министра обороны РФ генерала армии С. К. Шойгу на селекторном совещании с руководящим составом Вооруженных Сил от 02 апреля 2024 в Ситуационном центре Министерства обороны России, опубликованное на сайте Министерства обороны РФ.

Практическая значимость исследования заключается в попытке оптимизировать объективную оценку качества устного последовательного военного перевода. Указанный метод может представлять интерес в сферах разработки моделей компьютерной автоматизации оценки перевода, оценки эффективности различных способов фиксации информации. Кроме того, особого внимания заслуживает сфера оценки квалификации устных переводчиков, а также подготовки устных последовательных военных и политических переводчиков, сфера деятельности которых требует особой точности осуществляемого ими перевода ввиду глобального влияния их продукта на жизнь и деятельность как государства в целом, так и отдельно взятого гражданина. Предлагаемая авторами методика может применяться в опорных исследованиях для разработки стандарта качества устного последовательного военного перевода. Все перечисленное свидетельствует о междисциплинарном характере текущего исследования.

Очевидно, что наиболее важной характеристикой любого перевода является его адекватность, под которой понимается наиболее оптимальное качество перевода в рамках конкретной коммуникативной и предметной ситуации. При этом нельзя забывать, что по мнению специалистов, практикующих военный перевод и преподающих данную дисциплину в высших учебных заведениях, одной из отличительных особенностей военного перевода является детализированный точный перевод и практически нулевое использование образно-эмоциональных выразительных средств, что безусловно требует более высокого уровня эквивалентности при осуществлении перевода по сравнению с другими видами специального перевода [12]. В этой связи восприятие текста перевода как аналога оригинала на исходном языке актуально для военного перевода более чем для какого-либо другого типа специального перевода. Соответственно, при устном последовательном военном переводе значительно повышается значимость предельно достижимой смысловой и прагматической эквивалентности.

При этом характерной особенностью устного последовательного перевода является «отсутствие материальной природы информации» [13, с. 242]. Это означает, что сообщение производится исключительно в устной форме и однократно, оно линейно и ограничено во времени. В этой связи перевод должен осуществляться предельно быстро и полно без возможности обращения к электронному переводчику, словарю, специалисту-консультанту или дополнительным источникам информации. По сравнению с другими формами и видами перевода (например, с письменным или синхронным) воспроизведение исходного сообщения в полной форме при последовательном переводе значительно затруднено. Одним из важнейших требований к устному последовательному военному перевodu является предельно точная и четкая передача исходного сообщения. Особенно это актуально в рамках проведения активных боевых действий, срочных переговоров или в условиях экстремальных ситуаций. Так, Е. Р. Светличная подчеркивает, что именно точность воспроизведения полученной информации напрямую влияет на адекватность перевода, на повышение уровня его эквивалентности оригинальному высказыванию и на достижение его функциональной цели [14, с. 147]. Под точностью воспроизведения полученной информации можно также понимать точность воспроизведения смысла текста, напрямую зависящего от точной передачи единиц смысла. Следовательно, опущения, добавления, неточности и искажение смысла могут

привести не только к срыву коммуникации в рамках обозначенного дискурса, но и к более глобальным противоречиям между сторонами, а соответственно и к возможному увеличению количества потерь среди мирного населения, личного состава вооруженных сил и боевой техники в ходе вооруженного конфликта.

Точное воспроизведение единиц смысла в переводоведении принято называть полнотой перевода. Мы ориентируемся на следующее определение: полнота перевода – это характеристика воспроизведения смысла исходного сообщения на языке перевода с аналогичной семантической наполненностью с учетом наличия или отсутствия опущений, искажений и добавлений в тексте перевода. Ключевым элементом полноты перевода является семантическое содержание сообщения, а не его лексико-сintаксическая структура, то есть его форма.

Анализом проблематики оценки качества устного последовательного перевода занимались и занимаются многие видные отечественные и зарубежные ученые. Однако далеко не все исследователи уделяют внимание критерию полноты устного последовательного перевода как фактору качества. При этом именно оценка полноты передачи смысла, на наш взгляд, позволяет определить, достигнута ли переводчиком смысловая эквивалентность.

Проблемой оценки полноты перевода (то есть точности передачи информации при устном последовательном переводе) занимаются такие известные отечественные и зарубежные лингвисты, как В. Н. Комиссаров, Л. К. Латышев, Р. К. Миньяр-Белоручев, Е. Р. Светличная, Е. В. Аликина, Е. А. Алексеева, авторы коллективной монографии под редакцией В. А. Митягиной, преподавательский состав в Институте перевода им. Мари Апс при Лувенском университете (Бельгия), Дж. Ли [4, с. 304; 7, с. 165-184; 14; 15, с. 58-75]. Однако ключевыми недостатками данных работ нам видится, во-первых, ограниченная разработанность критериев оценки полноты перевода, а, во-вторых, то, что предлагается проводить оценивание качества перевода на основе экспернского заключения преподавателя или группы преподавателей и переводчиков, то есть в полной зависимости от человеческого фактора. Получается, что оценка качества перевода носит крайне субъективный характер.

Заслуживает внимания попытка разработки метода объективной оценки качества перевода такими исследователями, как Е. А. Княжева и Е. А. Пирко, в работе которых применяется системный анализ и метод анализа иерархий, являющийся одним из наиболее продуктивных методов принятия решений в целом. Метод подразумевает математическую обработку результатов опроса экспертов и определения степени согласованности и достоверности полученных данных, за счет чего оценка качества перевода приобретает более объективный характер [8]. Однако, во-первых, авторы разработки не используют критерии, напрямую относящиеся к полноте перевода, а во-вторых, для успешного применения данной методики требуется разработка математической модели, что затрудняет данный процесс при диагностике устного переводчика в учебной ситуации или при его самодиагностике. Кроме того, разработка данной методики уже сама по себе доказывает проблему несогласованности среди экспертов, оценивающих качество перевода, а значит высокую степень субъективизма в данном процессе, который может быть значительно снижен за счет применения математических моделей оценки качества перевода, чего и стремятся достичь вышеуказанные Е. А. Княжева и Е. А. Пирко.

Известно, что к объективным методам оценки качества, помимо прочих, относятся метод

статистического анализа и регистрационный метод (ГОСТ 15467-79, 1979). Соответственно, для повышения уровня объективности оценки качества устного последовательного военного перевода необходимо провести подсчет объема смысловой информации в оригинальном сообщении и в выполненном переводе. Далее, очевидно, необходимо вычислить отношение полученных величин друг к другу. Данный процесс предлагается осуществить посредством подсчета объема содержания обоих сообщений.

Отдельно хотелось бы остановится на существующих подходах к количественной оценке качества перевода. В своем обзоре существующих подходов к проблеме оценки качества перевода О. В. Альбукова приводит несколько количественных моделей оценки качества перевода, созданных с целью практического использования рядом организаций, осуществляющих переводческую деятельность [\[11\]](#). К таким организациям в частности относятся «Канадское государственное переводческое бюро», SAE, Американская ассоциация переводчиков, и др. Безусловно, с учетом использования количественной оценки качества перевода данные подходы являются на порядок более объективными. Однако, по мнению авторов данной работы, вышеобозначенные подходы к оценке точности и, соответственно, качества устного последовательного перевода представляются недостаточно корректными с точки зрения ввода такой величины, как количество слов в тексте. Ввиду того, что целью любого перевода является, прежде всего, достижение функциональной эквивалентности, гораздо более значительную роль играют не конкретные слова, используемые как в оригинальном и в переведенном текстах, а смыслы, заложенные в них. Таким образом, в качестве базовой величины, по отношению к которой производится расчет тех или иных неточностей в последовательном переводе, предлагается именно количество смыслообразующих элементов, которые, в свою очередь, могут быть переданы различными семантическими структурами (отдельными словами, словосочетаниями или предложениями).

Еще одним методом, заслуживающим особого внимания, является расчет коэффициента информативной плотности, предложенный Е. В. Шелестюк [\[16\]](#) на основе рассчета коэффициента информативности Р. К. Миньяр-Белоручева [\[15, с. 73\]](#) и используемый Т. А. Волковой и А. С. Ковровой для оценки точности последовательного перевода прецизионной информации [\[10\]](#). Авторы предлагают находить отношение количества прецизионной информации к количеству синтагм в исходном тексте. Из вышеизложенных данный метод видится наиболее перспективным и корректным ввиду того, что содержание текста представляет собой набор определенных смысловых единиц. Он построен на базе теории информативности текстов, разработанной Р. К. Миньяр-Белоручевым, которая предполагает возможность разбивки текста на кванты информации («наименьшие смысловые отрезки текста») и их дальнейшем подсчете для оценки качества перевода, что автор именует «подсчетом информативности текста» [\[15\]](#).

В своем исследовании мы также предлагаем осуществить подсчет единиц смысла, которые в общей лингвистике принято называть пропозициями. Как отмечает В. Н. Соловьев, центральным элементом пропозиции принято считать предикат, в качестве которого в основном выступает глагол [\[17\]](#). В свою очередь, А. С. Кравец представляет формулу пропозиции в виде следующего утверждения: «Нечто/Некто (М) обладает свойством Р» [\[18, с. 73\]](#). При этом, несмотря на то, что данная формула может иметь различную лексико-сintаксическую структуру, содержание может быть эквивалентным. То есть не имеет значения, какой лексико-семантической структурой можно выразить, например, идею «танк двигался медленно»: это могут быть такие варианты, как «скорость танка была низкой», «танк двигался с низкой скоростью», «скорость танка

была незначительной» и т. д. При любой из них смысл, то есть семантическое содержание, переданы в полном объеме. Соответственно, вполне допустимо поставить условный знак равенства между полнотой переданного смысла в каждой из вышеприведенных пропозиций, то есть считать их прагматически эквивалентными друг другу.

Таким образом, на основе вышеприведенного анализа можно заключить, что количественно можно выразить объем смысла любого сообщения, и соответственно, он может быть обработан с помощью статистических методов. Следовательно, может быть количественно рассчитана и такая характеристика устного перевода, как его полнота.

Данный показатель может показаться идентичным такому показателю, как коэффициент информативности, выведенному Р. К. Миньяр-Белоручевым [15, с. 73]. Однако следует заметить, что автор рассчитывает его лишь на основе ключевой информации сообщения, исключая дополнительную, уточняющую, повторную и нулевую, оперируя категорией «коммуникативная ценность информации». Авторы данного исследования считают, что с учетом специфики военного перевода содержание перевода военного текста будет иметь высокую степень полноты (точности) лишь при переводе, максимально приближенном к смысловому содержанию оригинального сообщения, то есть с учетом всех вышеуказанных типов информации, содержащихся в тексте оригинала.

Для расчета полноты устного перевода мы разработали алгоритм, позволяющий выявить не только полноту перевода, но и наиболее частые ошибки, допускаемые переводчиком в ходе осуществления перевода. То есть данный алгоритм позволяет выявить не только долю точно донесенной переводчиком информации, но и процент отступлений, искажений и необоснованных добавлений в текст перевода, что может иметь большое значение как при оценке квалификации устного переводчика, так и при его подготовке. Данный алгоритм включает в себя следующие шаги:

- 1) членение оригинального текста на пропозиции и подсчет их количества (T);
- 2) членение текста перевода на пропозиции (при необходимости при его предварительной транскрибации) и их подсчет (P);
- 3) подсчет генерализаций (G), дополнений (A), неточностей (M), пропусков (опущений) (O) и случаев искажения смысла, в том числе противоречий (F);
- 4) расчет полноты перевода f по формуле:

$$f = \frac{P + G}{T} \times 100\%;$$

- 5) расчет доли отступлений от смысла d при переводе по формуле:

$$d = \frac{M + O}{T} \times 100\%;$$

- 6) расчет доли необоснованных дополнений, не входящих в оригинальное сообщение, а по формуле:

$$a = \frac{A}{T} \times 100\%;$$

7) расчет доли искажений смысла при переводе *e* по формуле:

$$e = \frac{F}{T} \times 100\%;$$

8) расчет доли опущений смысла при переводе *o* по одной из формул:

$$o = \frac{T-(P+G+M+F)}{T} \times 100\%;$$

$$o = \frac{o}{T} \times 100\%.$$

9) составление заключения об уровне адекватности перевода.

Таким образом, вышеуказанные формулы представляют собой расчет пропорции количества донесенных переводчиком смыслов к общему количеству смыслов исходного текста. Выраженные в процентах вышеуказанные метрики, на наш взгляд, дают максимально четкое представление о качестве перевода и о степени надежности и квалифицированности переводчика в такой сфере, как устный военный перевод.

В качестве примера приведем официальный перевод выдержки из речи бывшего Министра обороны РФ генерала армии С. К. Шойгу на селекторном совещании с руководящим составом Вооруженных Сил от 02 апреля 2024 в Ситуационном центре Министерства обороны России (The Ministry of Defence of the Russian Federation, 2024).

Оригинальное сообщение:

После провала контрнаступления противник пытается закрепиться на отдельных рубежах и позициях, но ни на одном из направлений своих целей не достиг. Группировки российских войск продолжают отодвигать украинские формирования в западном направлении.

Официальный перевод:

Having failed the counter-offensive, the enemy attempted to gain a foothold on certain lines and positions, but has not achieved any of its objectives in any direction. [...] Russian troops continue to push the enemy out of the occupied lines and reduce its combat capabilities.

Смысловые единицы (пропозиции), использованные в вышеприведенном тексте:

- 1) having failed the counter-offensive,
- 2) he enemy attempted to gain a foothold,
- 3) gain a foothold on lines,
- 4) gain a foothold on certain lines,
- 5) gain a foothold on positions,

- 6) has not achieved its objectives,
- 7) has not achieved any of its objectives,
- 8) has not achieved its objectives in any directions,
- 9) Russian troops push the enemy,
- 10) Russian troops continue to push the enemy,
- 11) to push the enemy out of the occupied lines,
- 12) continue to reduce its capabilities,
- 13) continue to reduce its combat capabilities.

Таким образом, в вышеприведенном оригинальном тексте можно зарегистрировать количественную составляющую смысла в объеме 13 единиц смысла/пропозиций (T).

В транскрибированном виде данное высказывание может выглядеть следующим образом:

(1) Having failed the counter-offensive, (2) the enemy attempted to gain a foothold (4) on certain (3) lines and (5) positions, but (6) has not achieved (7) any of its objectives (8) in any direction. [...] (9) Russian troops (10) continue to push the enemy (11) out of the occupied lines and (12) reduce its (13) combat capabilities.

Во время проведения практического занятия по устному военному переводу одним из слушателей магистратуры 2 курса был осуществлен перевод следующим образом:

После своего контрнаступления противник закрепился на некоторых позициях, но не смог достичь своих целей. Войска РФ значительно отодвинули формирования врага и увеличили свои боевые способности.

Для объективной оценки качества осуществленного перевода необходимо зафиксировать наличие или отсутствие в тексте перевода тех или иных пропозиций из исходного сообщения, а также отметить применение приема генерализации, зафиксировать искажение смысла, неточности и необоснованные дополнения в тексте перевода. Например, следующим образом:

(1 F) Having failed the counter-offensive, (2 G) the enemy attempted to gain a foothold (4 M) on certain (3 O-) lines and (5 P+) positions, but (6 P+) has not achieved (7 O-) any of its objectives (8 O-) in any direction. [...] (9 P+) Russian troops (10 O-) continue to push the enemy (11 O-) out of the occupied lines and (12 F) reduce its (13 P+) combat capabilities. (A) значительно.

Таким образом, мы получим, что из исходного текста: точно переведены (P+) – 4 пропозиции, переведено с обобщением (G) - 1 пропозиция, опущены (O-) – 5 пропозиций, переведено, но с неточностью (M) – 1 пропозиция, искажен смысл (F) в 2 пропозициях, добавлено (A) – 1 пропозиция.

Применив вышеуказанные формулы, получим демонстрацию того, что полнота перевода составляет 38,5% от исходного текста данного фрагмента. Доля отступлений от смысла исходного фрагмента составит 46,2%, доля искажений смысла составит 15,4%, доля дополнений – 7,7%. Опущено 38,4% данных исходного фрагмента.

Отдельно хотелось бы подчеркнуть необходимость различать применяемые при переводе

переводческие трансформации и искажения исходных данных. Мы рекомендуем исходить из следующего принципа: если дополнения, опущения, обобщения (генерализация) и другие трансформационные приемы улучшают общую адекватность текста перевода и достижение его коммуникативной цели, то такие трансформации при использовании предложенной методики количественной оценки качества перевода должны восприниматься как действия, увеличивающие полноту перевода. При этом если они снижают адекватность перевода и отдаляют переводчика от достижения его коммуникативной цели, то необходимо фиксировать искажения смысла оригинального текста и отступления от него.

В частности может вызывать трудности установление различий между применением приема генерализации *G* и необоснованным опущением *O* информации. В этом случае необходимо обратиться к определению генерализации, под которой понимают переводческий прием, при котором для смысловой единицы исходного языка используют аналогичное по смыслу уместное обобщение языка перевода. Таким образом, в общем смысле необходимо, чтобы данный прием способствовал пониманию изначально заложенного в текст смысла. В таком случае полученный перевод можно назвать адекватным, а смысловую единицу можно добавлять к полно донесенным смыслам.

Говоря об остальных метриках, стоит отметить, что искажение смысла *F* подразумевает передачу противоположного исходному смысла при переводе или смысла, существенно вводящего реципиента в заблуждение; неточная передача смысла *M* подразумевает несущественное отступление от смысла исходного сообщения; необоснованное добавление *A* предполагает не дополнение понимания исходного текста за счет использования дополнительных лексических единиц (переводческий прием лексических добавлений), а добавление в текст перевода новых данных, не упомянутых в оригинальном тексте.

Таким образом, в вышеуказанном примере мы приходим к довольно объективной оценке полноты и корректности профессионального перевода: реципиент получит менее 40% информации, точно или обобщенно соответствующей информации исходного текста, около 60% данных будут получены в искаженном виде, 15% из которых ошибочны и вводят слушателя в заблуждение, а также около 8% добавленной самим переводчиком информации, что также может вводить реципиента в заблуждение. Важно заметить, что такая детальная экспертиза осуществляемого перевода может давать переводчику (а также будущему переводчику в период профессиональной подготовки) более отчетливое понимание траектории его профессионального развития.

Очевидно, что для оценки квалификации устного военного переводчика и качества перевода в целом необходимо производить анализ текста гораздо большего объема. Тем не менее задача данной работы – показать возможный принцип проведения количественной оценки качества устного последовательного военного перевода, который можно экстраполировать на весь последующий текст.

При этом необходимо отметить, что для оценки качества перевода устного переводчика и для оценки его квалификации подобный анализ может быть произведен по ходу выполнения перевода, если у проводящего оценку перевода эксперта есть текст оригинального сообщения и в нем предварительно пронумерованы пропозиции. По ходу осуществления перевода эксперт фиксирует предложенными выше условными обозначениями воспринимаемую точность донесения переводчиком тех или иных «идей» (смыслов, пропозиций) относительно выделенных пропозиций в исходном тексте, после чего путем несложных вычислений рассчитывается доля точно донесенной информации,

доля опущений, доля отступлений, доля искажений и доля необоснованных дополнений.

Для тестирования данной методики нами было проанализировано более 90 полноценных переводов студентов 3 и 4 курсов бакалавриата и слушателей 1 и 2 курса магистратуры, обучающихся на факультете лингвистики и межкультурной коммуникации МГИМО-Одинцово. Материалом для исследования послужили тексты общественно-политического характера длительностью 1:58 и 2:58 минут.

Исходя из полученных результатов, можно заключить, что предложенная методология оценки полноты устного военного перевода дает более объективное представление о точности донесения переводчиком всех используемых в сообщении смыслов, чем экспертное заключение без опоры на расчеты. Несмотря на то, что в данной методике задействован эксперт, его участие ограничено формальным разделением текста на смысловые единицы (пропозиции) и принятием решения о том, насколько каждая конкретная смысловая единица точно передана в осуществленном переводе.

Кроме того, учитывая процентное выражение полученных результатов, становится проще стандартизировать качество переводческих услуг в военной сфере, установив ограничения на объем неточно переданной информации. Причем, ввиду того, что данный анализ полноты перевода может быть проведен не только для последовательного перевода, но и для письменного и устного синхронного переводов, то, соответственно, могут быть разработаны стандарты качества и для данных типов перевода.

Таким образом, мы приходим к следующим выводам:

- 1) Посредством приведенной методики расчета полноты устного последовательного перевода авторы предпринимают попытку универсализировать, оптимизировать объективную оценку качества устного перевода на примере перевода устных текстов военной тематики ввиду ее особой актуальности в текущий период трансформации международных отношений в мире.
- 2) Теоретические и практические наработки отечественных и зарубежных исследователей в области оценки качества устного последовательного военного перевода и полноты перевода в частности зачастую основаны на проведении субъективной экспертной оценки либо на сложных моделях расчета числовой составляющей качества перевода, что затрудняет установление объективной оценки как качества перевода, так и квалификации переводчика.
- 3) На основе сопоставления пропозиций в оригинальном тексте и тексте перевода возможно выделить количественную составляющую доносимых смыслов при устном последовательном военном переводе (а значит и других видов устного последовательного перевода), что может существенно повысить уровень объективности оценки качества перевода и уровня подготовки и квалификации устных переводчиков, а также помочь выявить их наиболее частотные ошибки при осуществлении перевода.
- 4) Для всеобъемлющей оценки полноты перевода авторы предлагают расчитывать такие показатели, как полнота перевода, доля отступлений от оригинального смысла, доля необоснованных дополнений, доля искажения смысла, доля опущений смысла.
- 5) На примере фрагмента текста военно-политической тематики проведена демонстрация применения предложенной методологии оценки полноты устного последовательного перевода и предполагаемого заключения с детализацией данных по каждой из предложенных метрик.

На данном этапе исследование носит экспериментальный, весьма дискуссионный характер. Метод требует дальнейшей апробации и доработки. В качестве перспектив дальнейшего исследования заявленной проблематики требуется уточнение критериев категоризации используемых в переводе смыслов (пропозиций), а также апробация методики в ряде экспериментов в качестве оценочного фактора квалификации переводчика, что в дальнейшем может быть автоматизировано за счет разработки компьютерных моделей оценки качества перевода.

Библиография

1. Тимко Н. В. Культурологический фактор в переводе: языковой и экстравалигвистический аспекты: Монография / Н. В. Тимко. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2022. 160 с.
2. Мустафаева А. А. Особенности перевода военных текстов // Молодежь XXI века: образование, наука, инновации : Материалы XI Всероссийской студенческой научно-практической конференции с международным участием. В 4-х частях, Новосибирск, 07-09 декабря 2022 года / Под редакцией Е.С. Жуневой. Часть 3. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2023. С. 210-212.
3. Ткачева Ю. Г., Черенков В. А. Основные трудности перевода текстов военной тематики // Теоретические и практические аспекты развития науки в современном мире : сборник статей международной научной конференции, Санкт-Петербург, 18 марта 2024 года. Санкт-Петербург: Частное научно-образовательное учреждение дополнительного профессионального образования Гуманитарный национальный исследовательский институт «Нацразвитие», 2024. С. 34-37.
4. Подготовка переводчика: коммуникативные и дидактические аспекты : колл. монография / авт. колл.: В. А. Митягина и др. ; под общ. ред. В. А. Митягиной. 4-е изд., стер. М.: Флинта, 2017. 304 с.
5. Аликина Е. В. Концепция обучения устной переводческой деятельности в системе высшего лингвистического образования на основе интегративного подхода: диссертация на соискание ученой степени доктора пед. наук: 13.00.02 / Е. В. Аликина. — Нижний Новгород, 2017. 431 с.
6. Алексеева Е. А. Французский опыт подготовки переводчиков: переводческий и дидактический аспекты: Учебно-методическое пособие. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2017. 108 с.
7. Lee Jieun. Rating Scales for Interpreting Performance Assessment // The Interpreter and Translator Trainer. 2008. 2(2). Р. 165-184.
8. Княжева Е. А., Пирко Е. А. Оценка качества перевода в русле методологии системного анализа // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 1. С. 145-151.
9. Чэнь Ц. Оценка передачи ключевой информации при устном переводе (на материале перевода речи политического лидера) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки, 2020. № 02. С. 190-194.
10. Волкова Т. А., Коврова А. С. Качество устного последовательного перевода и параметры исходного текста: экспериментальное исследование и дидактический аспект // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкоznания и педагогики, 2021. № 3. С. 139-149.
11. Альбукова О. В. Обзор существующих подходов к проблеме оценки качества перевода // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 4(58). Ч. 2. С. 65-69.
12. Глушко Е. В. К вопросу о достижении эквивалентности в устном переводе с английского языка на русский (военная тематика) // Концепт. 2016. № S7. URL:

- [https://e-koncept.ru/2016/76083.htm.](https://e-koncept.ru/2016/76083.htm)
13. Галстян С. А. Кратковременная память как ключевой «инструмент» успешного осуществления устного перевода // Перевод как профессия, наука, творчество : в 2 т. ; сб. трудов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 7–9 декабря 2022 г. М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2023. С. 241–252.
 14. Светличная Е. Р. Психологические аспекты устного последовательного двустороннего перевода // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. Section 7. Pedagogy. 2014. №5-6. Вена: Premier Publishing s.r.o. С. 146-149.
 15. Миньяр-Белоручев Р. К. Теория и методы перевода. М.: Московский лицей, 1996. 208 с.
 16. Шелестюк Е. В. Методика выявления количественных показателей истинности, информативности и информационной плотности текстов // Система языка: синхрония и диахрония: межвуз. сб. науч. ст. Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. С. 151-156.
 17. Соловьева Н. В. Пропозиция как инвариант коммуникативной парадигмы предложения: Коммуникативная лингвистика. 2020. URL: <https://bspu.by/blog/soloviova/article/lection/kommunikativnaya-lingvistika-lekciya-propoziciya-kak-invariant-kommunikativnoj-paradigm-predlozheniya-ch-1>.
 18. Кравец А. С. Структура смысла: от слова к предложению // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2001. № 1. URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/hyman/2001/01/Kravec.pdf>.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Вопросы перевода и переводоведения в научном рассмотрении всегда интересны, сложны, востребованы. Как отмечает в начале труда автор, актуальность исследования обусловлена тем, что «в современном переводоведении проблема оценки качества устного перевода является одной из ключевых, в особенности в тех отраслях, в которых от точности формулировок зависят судьбы людей и целых государств. Одной из таких сфер является военный перевод, который превращается из инструмента семантического и культурного преобразования языкового кода в ключевой фактор при двуязычной коммуникации, от которой зависят глобальные решения на высшем государственном уровне». Действительно, это так, следовательно, и само рассмотрение указанного вопроса востребовано и значимо. В целом статья имеет завершенный вид, методы исследования актуальны и современны, позиция автора точна и аргументирована. Считаю, что большая часть тезисов-позиций объективна: например, «основной трудностью перевода военных текстов (как устных, так и письменных) остается достижение максимальной тождественности текста перевода оригинальному сообщению...», или «наиболее важной характеристикой любого перевода является его адекватность, под которой понимается наиболее оптимальное качество перевода в рамках конкретной коммуникативной и предметной ситуации», или «при устном последовательном военном переводе значительно повышается значимость предельно достижимой смысловой и прагматической эквивалентности» и т.д. Теоретическая база исследования конкретизирована, она вбирает труды как отечественных, так и зарубежных авторов. Новизна работы в выборе практического материала: «материалом исследования послужило заявление бывшего Министра обороны РФ генерала армии С. К. Шойгу на селекторном совещании с руководящим составом Вооруженных Сил от 02 апреля 2024 в Ситуационном центре Министерства обороны России, опубликованное на

сайте Министерства обороны РФ». Термины, понятия, которые используются в работе унифицированы, ссылочный уровень можно оценить положительно: например, «Так, Е. Р. Светличная подчеркивает, что именно точность воспроизведения полученной информации напрямую влияет на адекватность перевода, на повышение уровня его эквивалентности оригинальному высказыванию и на достижение его функциональной цели [14, с. 147]. Под точностью воспроизведения полученной информации можно также понимать точность воспроизведения смысла текста, напрямую зависящего от точной передачи единиц смысла» и т.д. Считаю, что автор умело вступает в диалог с оппонентами, противоречий и конфликта интересов не выявлено: «Заслуживает внимания попытка разработки метода объективной оценки качества перевода такими исследователями, как Е. А. Княжева и Е. А. Пирко, в работе которых применяется системный анализ и метод анализа иерархий, являющийся одним из наиболее продуктивных методов принятия решений в целом. Метод подразумевает математическую обработку результатов опроса экспертов и определения степени согласованности и достоверности полученных данных, за счет чего оценка качества перевода приобретает более объективный характер...». Наличного текстового объема достаточно для раскрытия темы, собственно и цель исследования достигнута полновесно. Стиль данного труда соотносится с собственно научным типом: например, «Для расчета полноты устного перевода мы разработали алгоритм, позволяющий выявить не только полноту перевода, но и наиболее частые ошибки, допускаемые переводчиком в ходе осуществления перевода. То есть данный алгоритм позволяет выявить не только долю точно донесенной переводчиком информации, но и процент отступлений, искажений и необоснованных добавлений в текст перевода, что может иметь большое значение как при оценке квалификации устного переводчика, так и при его подготовке. Данный алгоритм включает в себя следующие шаги...». Работа имеет открыто выраженный практический характер, материал уместно использовать в рамках изучения дисциплин связанных с переводоведением. Основные требования издания учтены, материал самостоятелен, оригинален. Однако текст желательно вычитать, устраниТЬ ряд опечаток / неточностей: например, «Для всеобъемлющей оценки полноты перевода авторы предлагают расчитывать такие показатели, как полнота перевода, доля отступлений от оригинального смысла, доля необоснованных дополнений, доля искажения смысла, доля опущений смысла». Выводы по работе полновесно соотносятся с основной частью, удачно высвечена и перспектива изучения вопроса: «на данном этапе исследование носит экспериментальный, весьма дискуссионный характер. Метод требует дальнейшей апробации и доработки. В качестве перспектив дальнейшего исследования заявленной проблематики требуется уточнение критериев категоризации используемых в переводе смыслов (пропозиций), а также апробация методики в ряде экспериментов в качестве оценочного фактора квалификации переводчика, что в дальнейшем может быть автоматизировано за счет разработки компьютерных моделей оценки качества перевода». Список источников объемен, правка излишня. Рекомендую статью «Измерение полноты последовательного перевода военной тематики» к открытой публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Егошкина В.А. Специфика репрезентации коммуникативных стратегий и тактик в жанре журналистского расследования // Филология: научные исследования. 2025. № 2. С.57-71. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.2.73490
EDN: DIEWOR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73490

Специфика репрезентации коммуникативных стратегий и тактик в жанре журналистского расследования

Егошкина Виолетта Александровна

ORCID: 0000-0003-3173-8289

кандидат филологических наук

доцент; кафедра журналистики и медиалингвистики; Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»



644077, Россия, Омская область, г. Омск, пр. Мира, 55

✉ v.egoshkina@yandex.ru

[Статья из рубрики "Коммуникации "](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.2.73490

EDN:

DIEWOR

Дата направления статьи в редакцию:

25-02-2025

Дата публикации:

04-03-2025

Аннотация: Предметом исследования является прагмалистическая специфика жанра журналистского расследования, рассмотренная на примере газетных публикаций Ю. Щекочихина, стоявшего у истоков данного жанра. В эмпирическую базу исследования вошли журналистские расследования Ю. Щекочихина, объединенные общей темой, – появление и развитие организованной преступности, мафии в СССР и постсоветской России, опубликованные в «Литературной газете»: «Лев прыгнул!», «Лев прыгнул: взгляд из-за океана», «Под контролем мафии», «Охота на льва, или бой с тенью», «Гуров ушел... Лев съел?», «Чужой», «Здравствуй, дорогая мафия», а также расследования, вышедшие на страницах «Новой газеты»: «Хорошо живется тем, кто

борется с мафией», «Лев прыгнул в XXI век. Уже в погонах». В исследовании используются общенаучные методы: наблюдение, сравнение, описание, систематизация эмпирического материала, а также методика прагмалистического анализа текста. Актуальность и научная новизна исследования видится в том, что в настоящее время жанр журналистского расследования является востребованным, особую популярность приобрел формат тру-крайм, генетический восходящий к обозначенному жанру. Однако изучение исторического контекста данного жанра, его основ и базовых признаков важно и перспективно. Более того, в трудах отечественных ученых не представлено исследование журналистских расследований Ю. Щекочихина с точки зрения их подробного прагмалистического анализа. Большинство работ посвящено изучению публицистического мастерства Ю. Щекочихина, хотя и эти исследования являются фрагментарными, фундаментальными монографических работ, посвященных журналистской деятельности автора, до сих пор не существует. В ходе исследования выявлены жанрообразующие черты журналистского расследования, определены доминантные коммуникативные стратегии и тактики, объективированные в публикациях Ю. Щекочихина.

Ключевые слова:

журналистское расследование, жанр, метод, коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика, прагмалистика, медиастистика, медиалингвистика, речевое воздействие, картина мира

Специфика жанра журналистского расследования

Самым важным в журналистском расследовании является постановка определенной цели, которая предполагает установление причин конкретных событий, ситуаций и процессов. Целью расследования может быть, например, разоблачение деятельности организованной преступности, выявление фактов коррупции, злоупотребления должностными полномочиями и прочее. Кроме того, расследование нередко решает такую важную задачу, как нравственное воспитание аудитории.

Как отмечает исследователь А. А. Тертычный, «в общем плане цели серьезного, социально важного журналистского расследования могут быть обозначены так: делать явной ту информацию, которая необходима, жизненно важна для народа, но от него скрывается; бороться со злоупотреблениями сильных мира сего; противостоять беззаконию, с тем чтобы изменилось к лучшему и все общество» [\[1\]](#).

Кроме того, целью журналистского расследования всегда является привлечение внимания общественности к значимой проблеме. Независимо от темы, задач, которые стоят перед журналистом, в основе предпринимаемого расследования всегда лежит резонансное событие, явление, ситуация.

Помимо этого, к задачам журналистского расследования можно отнести: выявление лиц, виновных в правонарушении, поиск доказательств и выяснение всех возможных точек зрения о предмете расследования. В каждом отдельном случае автор решает и более конкретные, частные задачи, продиктованные своеобразием предмета изучения, обстоятельствами, в которых проводится расследование и т.д.

Рассмотрим специфику жанрообразующих признаков журналистского расследования. Согласно А. В. Колесниченко, «жанр – это устойчивая форма произведения. Наличие

жанров позволяет журналисту пользоваться готовыми шаблонами и матрицами для подачи информации, а не изобретать для каждого материала новую форму» [\[2, с. 10\]](#). В рамках журналистского расследования читателю представляют главные факты, затем их непосредственную проверку и разработку разных версий, в конце следует вывод.

В работе «Журналистские расследования: современные методы и техника» Дж. Уллмен разъясняет: «Лучшее определение журналистского расследования дал бывший заместитель редактора-распорядителя газеты “Ньюсдэй” Роберт Грин: “Это журналистский материал, основанный, как правило, на собственной работе и инициативе, на важную тему, которую отдельные лица или организации хотели бы оставить в тайне. Три основных элемента: журналист проводит расследование, которое не проводил кто-то другой, тема материала важна для читателя; другие пытаются скрыть затронутые в расследовании факты от общественности”» [\[3\]](#).

Границы понятия «журналистское расследование», его определение до сих пор вызывают споры у исследователей. Некоторые утверждают, что сам термин «журналистское расследование» тавтологичен, поскольку всякая журналистика уже включает расследование, выявление причинно-следственных связей, фактчекинг и т.д. Например, С. Г. Корконосенко предполагает, что журналистское расследование нередко представляет собой вариант статьи-расследования [\[4\]](#).

Другие считают, что журналистское расследование представляет собой особый жанр журналистской деятельности. При этом одни исследователи относят журналистское расследование к аналитическим жанрам [\[5\]](#), другие считают его отдельным самостоятельным жанром [\[6\]](#).

Описывая исследуемый жанр, А. И. Станько характеризует его особые критерии:

- использование форм художественной публицистики;
- использование детективных приемов при расследовании фактов;
- глубокое изучение общественно значимой, острой ситуации, построенное на совокупности собранных данных, рассмотрение предмета расследования под разными углами;
- формулировка авторской позиции и объяснение найденной информации [\[7\]](#).

Исходя из обобщения различных подходов к определению понятия журналистского расследования, сформулируем основные характеристики, раскрывающие специфику этого жанра:

- материалы расследований посвящены чаще всего скрытым фактам или событиям. Но есть и случаи, когда журналист рассматривает известные факты, но проверяет информацию, в ходе чего выявляются тайные сведения;
- в расследовании должны быть эксплицированы авторская позиция, объяснение и доказательство всех представленных фактов;
- в расследовании должны использоваться различные методы сбора и анализа информации;
- материалы расследований должны быть актуальными для аудитории;

- итоги расследования должны быть ориентированы на то, чтобы каким-то образом воздействовать на дальнейшие события;
- журналист не должен быть предвзятым в ходе расследования и обязан подходить к работе объективно;
- расследование должно быть эксклюзивным, нужно освещать те факты, которые ранее были скрыты.

Коммуникативная стратегия и коммуникативная тактика: к определению понятий

Термины «стратегия» и «тактика» изначально не имели ничего общего с лингвистикой. Конечно, сегодня они нашли широкое применение в медиалингвистике, теории речевого воздействия, а также в сфере менеджмента, юридической практике и т.д. Однако история возникновения данных понятий связана с военным дискурсом. И это не случайно: для крупных государств армия всегда была значимым социальным институтом, а в XXI веке происходит все более сильная милитаризация языка, о чем пишут Н. И. Пушкина и О. М. Пушин: «современное общество на протяжении довольно длительного времени использует в коммуникации военную терминологию и военные метафоры. Военная лексика так прочно вошла в обиход, что не осознается как милитаризованная» [\[8\]](#).

На сегодняшний день существует несколько подходов к определению понятий «коммуникативная стратегия» и «коммуникативная тактика».

А. А. Волкова определяет коммуникативную стратегию как «диалектический процесс взаимодействия коммуникативной ситуации и участников речевого общения» [\[9, с. 7\]](#).

С. И. Виноградов обращает внимание на значимость сложившейся коммуникативной ситуации, определяет стратегию как «макроинтенцию одного или всех участников коммуникации, обусловленную социальными и психологическими ситуациями» [\[10, с. 41\]](#).

В настоящем исследовании мы будем оперировать дефинициями, сформулированными О. С. Иссерс. Итак, коммуникативная стратегия – это «совокупность речевых действий, направленных на решение общей коммуникативной задачи говорящего», а коммуникативная тактика – «одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии» [\[11, с. 54\]](#).

По мнению цитируемого автора, все речевые стратегии и тактики можно разделить на основные и вспомогательные. Так, основная стратегия – это та, которая «на данном этапе коммуникативного взаимодействия является наиболее значимой с точки зрения иерархии мотивов и целей. В большинстве случаев к основным стратегиям относятся те, которые непосредственно связаны с воздействием на адресата, его модель мира, систему ценностей, его поведение (как физическое, так и интеллектуальное)» [\[11, с. 106\]](#).

Вспомогательные стратегии позволяют адресанту повысить эффективность речевого воздействия на адресата. Автор, адресат, канал связи, коммуникативный контекст – анализ этих составляющих позволяет выбрать подходящую для определенной коммуникативной ситуации стратегию. О. С. Иссерс относит их к группе прагматических (коммуникативно-ситуационных) стратегий [\[11, с. 106\]](#).

Стоит отметить, что жанр журналистского расследования предполагает эксплицитный или имплицитный диалог адресанта с адресатом, в связи с чем даже в газетной публикации

может быть презентирована диалоговая коммуникативная стратегия. Нашу точку зрения подтверждает и мнение Н. Ю. Горчаковой, согласно которому «актуальность принципа диалогизации медийной речи определяется тем, что выступающий воспринимается публикой прежде всего как партнер по взаимодействию. Если это ожидание не подтверждается, то существенно снижается эффективность воздействия его выступления и возможность поддержания внимания и интереса» [\[12, с. 138\]](#)

Диалогический характер газетной публикации придают следующие черты:

- оценка факта или события, о котором говорится;
- прямое и непрямое обращение к собеседнику. Набор формул прямого непосредственного обращения к адресату достаточно разнообразен, например, «дорогой читатель», «уважаемый читатель», которые были частотны в печатной публицистике СССР. К разряду непрямых обращений относятся высказывания, которые можно определить как «мы-высказывания» [\[12, с. 138\]](#).

Для эффективного общения и, собственно, воздействия адресанту необходимо владеть определенными навыками и умениями, которые составляют базу для выстраивания вектора применения тех или иных речевых средств воздействия на собеседника:

- умение формулировать тезис и подбирать материал;
- навыки публичного (в том числе печатного) выступления с целью оказать определенное воздействие на адресата;
- умение доказывать и опровергать;
- умение убеждать [\[13, с. 81\]](#).

Таким образом, можно сделать промежуточный вывод: любой коммуникативный акт подчинен целевой установке автора сообщения и направлен на формирование соответствующей реакции реципиента.

Ю. Щекочихин: у истоков журналистского расследования

Юрий Щекочихин – пионер расследовательской журналистики в России, его публикации стали основой для многих последующих расследований, включая дела о коррупции во власти и правоохранительных органах. Он также стал символом свободной прессы в России и борцом за права человека.

Он начал свой творческий путь в газете «Московский комсомолец», где вел отдел «Сверстник», посвященный проблемам подростков и молодежи. Переходя в 1972 году в редакцию газеты «Комсомольская правда», он создал рубрику «Алый парус», в которой впервые честно и открыто были раскрыты табуированные темы, связанные социально значимыми проблемами, волнующими молодежь.

В 1980 году из редакции «Комсомольской правды» он перешел в «Литературную Газету». На новом месте работы Ю. Щекочихин занял пост специального корреспондента, занимаясь темами подростковой преступности. В дальнейшем, возглавив отдел расследований «Литературной газеты».

В целом можно сказать, что за время работы Юрия Щекочихина в «Литературной газете» издание стало более современным, активным, злободневным, прогресивным и аналитическим. Его работа привела к тому, что газета стала одним из лидеров

российской журналистики, а сам Ю. Щекочихин стал одним из наиболее уважаемых журналистов и общественных деятелей в России.

В июле 1996 года Ю. Щекочихин был назначен заместителем главного редактора и редактором отдела расследований еженедельника «Новая газета. Понедельник» (ранее «Новая ежедневная газета»). В его отделе работали О. Султанов, Г. Рожнов, О. Лурье и А. Иваницкий. Следует отметить, что помимо расследований самым востребованным жанром в его творчестве в это время был публицистический комментарий. Из 127 опубликованных им статей в «Новой газете» 43 были написаны в жанре комментария. Юрий Щекочихин не случайно обратился к этой форме, так как в условиях социально-политических трансформаций важно было оперативно, лаконично и выразительно отреагировать на происходящие события, разъяснить их суть, представить факты и выразить свою позицию.

Юрий Щекочихин скончался в 2003 году. Его смерть, как полагают многие, была связана с журналистской деятельностью. По данным следствия, Ю. Щекочихин был отравлен ядом таллия, который был добавлен в его чай в кафе на Беговой улице.

Экспликация коммуникативных стратегий и тактик в журналистских расследованиях Ю. Щекочихина

Речевое планирование – важная составляющая расследований Ю. Щекочихина. Благодаря репрезентации различных коммуникативных стратегий и объективирующих их тактик журналисту удается не только анализировать различные общественно значимые проблемы, но и правильно воздействовать на читателей.

На наш взгляд, основной (когнитивной) коммуникативной стратегией, репрезентированной в эмпирическом материале, является **стратегия подробного, всестороннего анализа такого феномена, как советская мафия**. Цель Ю. Щекочихина – не просто информировать читателей о существовании проблемы мафии в стране, но детально разобраться, когда и почему зародилась мафия в СССР, как она действует, как организована, каковы ее структура, иерархия и сферы влияния, какие появились новые типы преступников и схемы мошеннических действий, кто «покрывает» деятельность мафии в стране, как борются с ней и как вообще мафия влияет на политическую, экономическую и социальные сферы. Таким образом, Ю. Щекочихин меняет картину мира адресата, обсуждая тему, о которой ранее было не принято говорить публично.

Основная коммуникативная стратегия реализуется в журналистских расследованиях Ю. Щекочихина за счет использования вспомогательных, к которым мы относим **стратегии привлечения внимания к исследуемой проблеме, аргументации, формирования образа мафии, дискредитации коррумпированных представителей власти и правоохранительных органов**. Поскольку самым частотным методом сбора информации в работах Ю. Щекочихина является интервью с экспертами, а иногда и с самими преступниками, мы можем отметить репрезентацию **диалоговой стратегии** в его расследованиях.

Стратегия привлечения внимания к исследуемой проблеме реализуется при помощи следующих коммуникативных тактик: *номинации, солидаризации с аудиторией, апеллирования к ценностям адресата*.

Тактика номинации эксплицирована прежде всего в названиях расследований. Первая публикация, посвященная проблеме мафии, называется «Лев прыгнул!». Такой

заголовок не позволяет читателю сразу понять, о чем пойдет речь в материале. Автор намеренно использует метафору, чтобы заинтересовать адресата. Образ льва в русской картине мира традиционно понимается как символ силы, могущества и власти. Прыжок льва можно воспринимать как неожиданное, стремительное действие, производимое с усилием.

В ходе публикации раскрываются факты, которые вызывают не просто удивление, а шок у адресата. Проблема мафии в стране, как выясняется в расследовании, стоит очень остро, но для подавляющего большинства читателей этот факт не известен. Совершенный вид глагола «прыгать» в названии расследования подчеркивает, что действие уже совершено, факт существования мафиозных группировок не подлежит сомнению.

Отметим также, что лексема «лев» используется еще в четырех расследованиях, опубликованных в разные годы: «Лев прыгнул: взгляд из-за океана» (материал посвящен проблеме мафии в США и ее связи с советскими преступными группировками), «Охота на льва, или Бой с тенью» (в этой публикации речь идет о том, какие попытки предпринимаются для борьбы с мафией, почему они не эффективны и кому это выгодно, как преступные группы влияют на «теневую» экономику страны), «Гуров ушел... Лев съел?» (в публикации говорится об упразднении Главного управления МВД, которое занималось исключительно вопросами мафии, об отстранении от дел А. Гурова, одного из ключевых специалистов, постоянного эксперта и источника информации Ю. Щекочихина), «Лев прыгнул в XXI век. Уже в погонах» (журналист подводит итог борьбы с мафией в стране, делает неутешительные выводы, что влияние мафии усилилось, ее члены есть и среди коррумпированных чиновников, и среди представителей правоохранительных органов).

Номинация расследования «Хорошо живётся тем, кто борется с мафией» также привлекает внимание и вызывает интерес у читателя. Такое название обусловлено доминантной темой материала – проблема «имитации» борьбы с мафией со стороны коррумпированных чиновников.

Автор намеренно использует иронию в номинации расследования, подчеркивая, что те, кто должен бороться с мафией, на самом деле идут с ней на сделку, получая за это определенную выгоду, в том числе и материальную.

В названии расследования «Здравствуй, дорогая мафия» эксплицированы интертекстуальные элементы. Прежде всего можно отметить, что фраза «Здравствуй(те), дорогая...» является устойчивой формой обращения, которая использовалась в СССР, например, в письмах читателей в газеты или звучала на радио и телевидении. Более того, в тексте приводится цитата матери троих детей, которая обращается за финансовой помощью к главарям преступных группировок, а ее письмо начинается со слов «Здравствуй, дорогая мафия!». Кроме того, можно предположить, что в номинации актуализирована строчка из известной «бллатной» песни «Мурка». Помимо этого, лексема «здравствуй» может иметь и переносное значение, подчеркивающее, что мафиозные группы чувствуют себя весьма вольготно, они не боятся правоохранительных органов, ведут свою деятельность, не опасаясь наказания.

Номинация публикации «Чужой» не может быть сразу понята адресатом. Ее смысл раскрывается в самом конце материала, когда после обсуждения с А. Гуровым современного состояния мафии, преступности в стране вообще и упоминания некоторых вех биографии Александра Ивановича, автор публикации приходит к выводу, что такой

человек, как Гуров, остается чужим и для правоохранительных органов, несмотря на то, что когда-то возглавлял Главное управление МВД по борьбе с организованной преступностью (о причинах его отстранения подробно написано в расследовании «Гуров ушел... Лев съел» в 1991 году), так и для научного сообщества (Гуров защитил докторскую диссертацию, но коллеги относились к нему достаточно предвзято).

Тактика солидаризации с аудиторией репрезентирована чаще всего за счет использования лексем «мы», «вместе», а также глаголов в форме множественного числа. Автор стремится показать читателям, что проблема организованной преступности касается каждого, ему важно вовлечь адресата в обсуждение этой темы, установить с ним эмоциональную связь, повысить его заинтересованность в решении проблемы, показать, что бороться с мафией можно только сообща:

«*Думаю о тех высоких профессионалах с известными на всю Россию именами, которых вытолкнула Система только за то, что они не хотят жить по новым правилам львиных игр. Мы думаем, что они когда-нибудь вернутся. Мы надеемся, что те, кто пришел, не будут продаваться. Иначе во что превратится наша страна?*» («Лев прыгнул в ХХI век. Уже в погонах», 2001).

Тактика апеллирования к ценностям адресата используется автором для того, чтобы читатель задумался о масштабе проблемы мафии, о ее влиянии на все сферы жизни общества. Ю. Щекочихин отмечает изменения в общественном сознании, происходящую переоценку ценностей, связанную с романтизацией образов бандитов, подчеркивает, что многие молодые люди хотят примкнуть к преступным кругам, чтобы чувствовать себя более авторитетными и защищенными. Разумеется, все это идет вразрез с общепринятыми нормами морали, такая тенденция настораживает журналиста:

«**Как же так произошло? Кто виноват в этом? Что можно сделать? Кто может что-то сделать? Новые законы?** Или новые люди, которые должны сегодня возглавить все наши так называемые правоохранительные органы?» («Лев прыгнул в ХХI век. Уже в погонах», 2001);

«Недавно в мордовской колонии я увидел десятки молодых ребят, рядовых бойцов преступных группировок. «Они к нам поступают – и думаете, кто-нибудь из боссов их вспоминает? Все, отработанный пар – ни денег, ни передач», – рассказал мне начальник колонии. Да и зачем, когда **лидеры прекрасно знают, что стоит им свистнуть – и прибежит еще сотня таких же. Как-никак бандит – профессия престижная, и многие из этих пацанов уже мечтают о маршальском жезле**» («Здравствуй, дорогая мафия», 1994).

Стратегия аргументации объективирована тактиками пояснения, апеллирования к официальным источникам и экспертам, повышения авторитета источника/эксперта, обращения к историческому контексту и поиска путей решения проблемы.

Используя **тактику пояснения** Ю. Щекочихин детально описывает свои мысли и рассуждения на тему мафии и её влияния, приводит аргументы и примеры:

«Тогда, в первом «Льве», в 88-м, мы сконструировали некий трехэтажный мафиозный «дом», в середине которого – деятели теневой экономики, с первого «этажа» их доят гангстеры и рэкетиры, а сверху, с третьего, выкачивают деньги чиновники-взяточники. Сегодня «дом» перестроился. Сегодня все эти разномастные «солнцевские», «подольские», «ореховские», «измайловские» выглядят гайдаровскими тимуровцами, которых вытеснили на детскую площадку» («Лев прыгнул в ХХI век. Уже в погонах»,

2001).

Тактика пояснения также используется для объяснения причин и последствий определенных явлений, например, роста организованной преступности, вовлеченности представителей власти в бизнес мафии, нехватки персонала в милиции и давления на них со стороны местных начальников:

«Система породила теневую экономику, та, в свою очередь, породила организованную преступность, которая и вызвала к жизни коррупцию. Увы, сегодня мы боремся с тенью. Ну, одну преступную группировку ликвидировали, ну, десять коррумпированных связей разоблачили, а на их месте тут же возникают новые. Ведь **социально-экономические отношения меняются пока на словах!**»

(«Охота на льва, или Бой с тенью?», 1990).

Тактика апеллирования к официальным источникам и экспертам весьма частотна в расследованиях Ю. Щекочихина. Автор ссылается на официальные данные, статистику и письма, публикации в известных изданиях, цитирует экспертов, например А.И. Гурова, приводит их исследования, которые становятся основой для утверждений журналиста. Использование данной тактики позволяет читателям удостовериться в объективности и правдивости доводов Ю. Щекочихина:

«С 1991 по 1998 год из системы МВД ушли 1 600 000 (один миллион шестьсот тысяч) **сотрудников. За прошлый год** из московской милиции уволились **9000 сотрудников**»

(«Лев прыгнул в XXI век. Уже в погонах», 2001);

«Но еще об одном мне хочется сказать в конце: уголовная субкультура все больше проникает в молодежную среду, втягивая в свою орбиту все новых и новых ребят. И как еще одно доказательство хочу опять привести цитату – на этот раз длинную – из обращения работников исправительно-трудовых учреждений Чувашии»

(«Под контролем мафии», 1989).

Тактика повышения авторитета источника/эксперта используется Ю. Щекочихиным, чтобы убедить читателя в том, что именно этот специалист компетентен в данной области, он досконально разбирается в проблеме, поэтому его оценка и суждения не вызывают сомнений:

«Именно с его именем связана знаменитая операция “Чистые руки”, позволившая отправить на скамью подсудимых две тысячи самых высокопоставленных итальянских чиновников»

(«Хорошо живется тем, кто борется с мафией», 2000). Автор упоминает операцию «Чистые руки» и связывает её с деятельностью Лучано Виоленто, председателя итальянского парламента. Таким образом, автору удается убедить аудиторию в серьезности проблемы коррупции и важности борьбы с ней.

«Александр Гуров уже начальник управления, генерал и депутат Верховного Совета РСФСР

(«Лев прыгнул в XXI век. Уже в погонах», 2001). А. Гуров довольно часто выступает экспертом в расследованиях Ю. Щекочихина. Впервые читатель знакомится с ним в публикации «Лев прыгнул!» 1988-го года. Тогда А. Гуров был подполковником милиции. Он продолжил сотрудничать с журналистом и исследовать проблему мафии в стране. В данном расследовании Ю. Щекочихин намеренно приводит должность и звание А. Гурова, чтобы сделать его мнение более убедительным и авторитетным в глазах аудитории.

Ю. Щекочихин использует **тактику обращения к историческому контексту**, чтобы

показать этапы становления организованной преступности в СССР и ее современное состояние. Автору важно донести до читателя, что мафия в стране возникла не случайно, было множество «тревожных звоночков», на которые компетентные органы не отреагировали вовремя. Таким образом, журналист подчеркивает, что мафия – это серьезная проблема, которую долгое время отрицали, а сейчас настало время для решительной борьбы с ней:

«Первые признаки мафии появились у нас тогда, когда начал выправляться хозяйственный механизм, то есть при Н.С. Хрущеве. Хотя масштабы ее деятельности были смехотворны по сегодняшним меркам: в 1958-1959 годах средний ущерб от хозяйственных преступлений в среднем по РСФСР составил полтора-два миллиона. Сейчас подобный годовой доход имеет удачливый квартирный вор. Итак, **в шестидесятые можно было говорить об отдельных признаках мафии. В семидесятые она стала социальным явлением.** Именно тогда, вспомним, само это иноземное слово стало все чаще употребляться в нашем бытовом лексиконе» («Лев прыгнул!», 1988).

Тактика поиска путей решения проблемы призвана консолидировать общество, призвать его на борьбу с мафией. В более ранних расследованиях автор выражает надежду, что мафия будет побеждена. Ю. Щекочихин видит решение проблемы прежде всего в публичном обсуждении этой темы:

«За годы нашего знакомства только в «Литгазете мы провели пять или шесть больших, на страницу, диалогов, каждый раз пытаясь найти новые точки отсчета движения нашей, отечественной мафии» («Чужой», 1995);

«Ее погибель – в гласности. Не зря же именно время застоя оказалось наиболее благоприятным для мафии» («Лев прыгнул!», 1988);

«Пока "Волга" везла Александра Гурова на заклание, главному редактору "Литгазеты" А.Б. Чаковскому позвонил по "кремлевке" генеральный секретарь ЦК КПСС Горбачев и сказал: "Наконец-то кто-то об этом написал"» («Лев прыгнул в XXI век. Уже в погонах», 2001).

Стратегия формирования образа мафии эксплицирована при помощи следующих тактик: противопоставление мафии и общества, издевка, возмущение, рассмотрение информации под новым углом зрения и прогнозирование.

Для того чтобы раскрыть сущность мафии, показать ее крайне негативное влияние на общество, контраст между «идеалами» преступного мира и традиционными ценностями, принципами честности и порядочности, Ю. Щекочихин использует **тактику противопоставления мафии и общества**.

Кроме того, журналист настаивает на том, что необходимо перенять западный опыт борьбы с организованной преступностью, не только искоренить деятельность мафии, но и добиться того, чтобы все конфискованное имущество преступных группировок было направлено на благо общества: **«После суда над знаменитым мафиози Рина все его имущество конфисковано. Его парк стал общественным. Там бегают дети»** («Хорошо живется тем, кто борется с мафией», 2000).

Ю. Щекочихин с горечью констатирует, что мафия проникла во все сферы жизни общества, такая практика порочна и не ведет к положительным изменениям: **«Мафия – не красивый образ, мафия – реальность, болезнь, о которой мы раньше беспечно**

думали, что уж она-то нашему обществу не грозит» («Лев прыгнул», 1988).

Ю. Щекочихин приводит конкретные примеры, вскрывающие сущность мафии и ее антиобщественный характер, ее вопиющее отношение к сакральным для нашего социума темам, ее безнаказанность и безразличие к общепринятым ценностям, нормам морали и нравственности: «Недалеко от госпиталя, где один великий доктор пытается спасти всех ветеранов – от Великой Отечественной до невеликих афганской и чеченских – кладбище. Центральная аллея – в памятниках не жертвам этих войн, нет – жертвам крупных разборок между уралмашевскими. Классными памятниками открывается кладбище: у одного погибшего братка птица вылетает из клетки, у другого – руль от «Мерседеса» в руках... И – охрана. Чтобы не осквернили могилы. А рядом, в пятистах метрах, в ветеранском госпитале пациенты из Чечни лежат в коридорах, и денег нет на новый корпус: матери погибших солдат проводят марафоны, чтобы кто-то подарил госпиталю картошку, капусту да телевизор в палату» («Лев прыгнул в XXI век. Уже в погонах», 2001).

Ю. Щекочихин использует **тактику издевки**, чтобы подчеркнуть абсурдность происходящих явлений, которые, к сожалению, уже укоренились в обществе и сознании людей. Кроме того, автора возмущает, что даже представители власти пытаются как бы «обелить» образ мафии, доказать, что организованная преступность не опасна для социума:

«Казалось бы, не по делу: ну что за «мафиози» в жэке? что за мафия на кафедре? что за «коха ностра» в Краснодарском крайкоме? Смех, да и только. Скорее мы вкладывали в это слово свою горечь от социальной несправедливости, которую наблюдали практически ежедневно, – от невозможности пробиться сквозь бюрократические стены, от несоответствия между пропагандой и реалиями жизни» («Лев прыгнул!», 1988).

Тактика возмущения применяется Ю. Щекочихиным, чтобы вызвать эмоциональную реакцию адресата, сформировать такое же, как и у автора, негативное отношение к происходящим в стране событиям, осудить деятельность, а точнее бездеятельность коррумпированных чиновников, которые ради взяток готовы сотрудничать с лидерами преступных группировок, усилить негативное отношение общества к организованной преступности:

«Но что начиналось, когда жертвой оказывался кто-то из правящей элиты, пусть даже районного масштаба! Срывались с мест дежурные, ревели сирены, вытаскивались из теплых постелей начальники рай- и горотделов, и лошадиной рысью мчались служебно-розыскные Мухтары» («Здравствуй, дорогая мафия», 1994);

«Борьба за контроль, за степень влияния, за раздел территории. Потому-то привычными стали взрывы автомобилей и стрельба на наших улицах!» («Здравствуй, дорогая мафия», 1994).

Тактика рассмотрения информации под новым углом зрения используется Ю. Щекочихиным, чтобы обстоятельно и разносторонне изучить феномен советской мафии. Журналист затрагивает такие темы, которые принято было не афишировать, пишет об изменениях в структуре организованной преступности, вскрывает крайне неприятные для определенного круга лиц факты:

«И дело не только в том, что оставшиеся в живых лидеры или те, кого официально называли лидерами, повзросли, остепенились, заимели детей и имущество,

которое уже сами готовы защищать от разных "отморозков". **Государственная машина оказалась сильнее, но вовсе не такой, как когда-то давно виделась нам в туманном и завораживающем будущем**» («Лев прыгнул в ХХI век. Уже в погонах», 2001).

Ю. Щекочихин, применяя **тактику прогнозирования**, рассуждает о развитии мафии, о трансформациях, которые происходят в среде организованной преступности. Автор показывает читателю, что проблема не только не исчезла, но стала еще более актуальной, поскольку мафиозные группы завоевывают новые территории, оказывают влияние на различные сферы, например, политическую и экономическую, контролируют оборот наркотиков и незаконную торговлю оружием в стране. Журналист заостряет внимание на том, что сейчас необходимо принять еще более жесткие меры по борьбе с организованной преступностью, пока не стало слишком поздно. Однако заметим, что в целом Ю. Щекочихин не склонен делать оптимистичных прогнозов. Так, в материале «Лев прыгнул в ХХI век. Уже в погонах» он сравнивает тезисы из первой публикации, посвященной проблеме мафии («Лев прыгнул!»), и нынешнее положение дел в стране. Многое из заявлений А. Гурова и предположений самого Ю. Щекочихина теперь кажутся автору наивными и смешными:

«И потому, когда начнется переход к рынку, мафии придется искать свое место... Так мы думали тогда, в 90-м... Сегодня я лично убежден: и место, которое, как мы думали тогда, придется искать мафии, уже занято» («Лев прыгнул в ХХI век. Уже в погонах», 2001);

– Думаю, что напротив – идет процесс интеграции менее крупных в более крупные.

– **И к чему это приведет?**

– Убежден: **к созданию криминальных союзов**. Уже есть три – четыре самые крупные группировки, которые и вырабатывают общую тактику и стратегию. И плюс к этому **идет государствование мафии** («Чужой», 1995).

Стратегия дискредитации коррумпированных представителей власти и правоохранительных органов объективирована при помощи **тактик обвинения и критики**.

Названные тактики могут быть эксплицированы как в прямой (в цитатах экспертов), так и в косвенной форме (в рассуждениях самого Ю. Щекочихина).

Журналист и его собеседники связывают рост организованной преступности преимущественно с бездействием власти и правоохранительных органов. Они выражают сомнение, что политическая элита действительно готова бороться с мафией. Более того, эксперты ссылаются на то, что многие факты замалчиваются, а статистика уголовных дел исправляется по команде «сверху». Кроме того, некоторым высокопоставленным лицам, чьи имена чаще всего не называются открыто, по мнению источников Ю. Щекочихина, выгодно иметь дело с мафией. Помимо этого, высказываются предположения, что многие представители власти продвинулись по служебной лестнице благодаря своим связям с лидерами мафиозных групп:

«С одной стороны, – считает А.И. Гуров, – чиновники, призываая бороться с мафией (но ничего не делая для этого!), хотят не отстать от времени. С другой стороны, они отвлекают народ от истинных виновников: ведь легче всего свалить на тех же кооператоров вину за наши пустые прилавки» («Охота на льва, или Бой с тенью?», 1990);

«Действительно, что-то не так. Я не хочу идеализировать нашу работу, да и оснований для этого, конечно, нет: преступность растет, меняет свои формы, все более и более проявляются тенденции к политизации преступности, к ее жесткому структурированию, к выходу на международную арену, к все большим и большим связям с аппаратом власти» («Лев прыгнул в XXI век. Уже в погонах», 2001);

«Когда криминогенная ситуация в стране обостряется, то с учетом конкретной обстановки власти находят компромиссы с "авторитетами" преступного мира. Это делается ради сохранения спокойствия в обществе» («Здравствуй, дорогая мафия», 1994).

Диалоговая стратегия репрезентирована за счет тактик контроля над темой и уточнения.

Ю. Щекочихин, применяя названные тактики, управляет ходом коммуникации, не позволяет собеседнику отвлечься от главной темы диалога, уточняет ту информацию, которая не понятна либо самому автору, либо может быть не ясна читателям. Данные тактики позволяют журналисту получить более подробную информацию о предмете обсуждения, провести детальный анализ ситуации.

Приведем несколько из многочисленных примеров:

«Хорошо, давайте разберемся с нашей мафией» («Лев прыгнул!», 1988);

«Прошу подробнее рассказать, какие регионы страны больше всего заражены мафией» («Лев прыгнул!», 1988);

– Боб, – напрямую спрашиваю я, – можно сказать, что вы сами состояли в мафии, и притом, как я понимаю, не на самых нижних ее ступенях?

Он улыбается:

– Но можно сказать и так, что я был в пяти шагах от того, чтобы стать настоящим мафиози.

– Не понял...

– Меня окружали многие люди, которые хотели этого. Один из моих сотрудников был итальянцем... Через него я передавал деньги, которые он в свою очередь отдавал политикам для того, чтобы наш бизнес не накрыли... Уже потом люди из мафии пообещали мне, что если я захочу, то смогу стать мэром или губернатором...

– То есть, – уточняю я, – мафия так или иначе связана с политикой? («Лев прыгнул: взгляд из-за океана», 1989).

Выводы

В результате предпринятого исследования можно констатировать: Ю. Щекочихин сочетал в своих расследованиях элементы аналитики и публицистики, обращался к различным источникам информации, выражал собственную точку зрения на проблему, давал авторскую оценку изучаемым событиям и явлениям. Он тщательно прорабатывал логику и композицию своих публикаций, доказательную базу, что повышало уровень доверия читателей. Его тексты эмоциональны и образны, но в то же время убедительны и аргументированы.

Тематической доминантной журналистских расследований Ю. Щекочихина является проблема мафии в СССР и ее развитие в постсоветской России. В исследуемых

публикациях представлен довольно разнообразный репертуар коммуникативных стратегий и тактик, который позволяет журналисту обстоятельно исследовать феномен советской мафии. Выбор той или иной стратегии и реализующей ее тактики обусловлен характером коммуникации, целью адресанта и компетентностью адресата.

Библиография

1. Тертычный А.А. Расследовательская журналистика: учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2002.
2. Колесниченко А.В. Основы журналистской деятельности. М.: Юрайт, 2023.
3. Уллмен Дж. Журналистские расследования: Современные методы и техника. М.: Виоланта, 1998.
4. Корконосенко С.Г. Основы творческой деятельности журналиста. СПб.: Знание, СПБИВЭСЭП, 2000.
5. Бобков А.К. Газетные жанры: учебное пособие. Иркутск: Ирукт. ун-т, 2005.
6. Ворошилов В.В. Журналистика. Базовый курс. М.: Изд-во В.А. Михайлова, 2006.
7. Станько А.И. Журналистское расследование: поиски жанра // Relga: научно-культурологический журнал. 2001. № 20. [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/PTqrpL> (дата обращения: 15.05.2025).
8. Пушина Н.И., Пушин О.М. К вопросу о милитаризации языка // Теория и практика языковой коммуникации: Материалы XI Международной научно-методической конференции / под ред. Т.М. Рогожниковой. Уфа: Уфимский государственный авиационный технический университет, 2019. С. 209-216.
9. Волкова А.А. Понятия «коммуникативная стратегия», «коммуникативная тактика», «коммуникативный ход» // Коммуникативные стратегии и тактики в медиадискурсе. 2011.
10. Виноградов С.И. Культура русской речи. М.: Инфра М, 1999.
11. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 1999.
12. Горчакова Н.Ю. Особенности телевизионной речи как разновидности устной публичной речи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2007. № 2. С. 136-140.
13. Ивлев А.Е. Умения и навыки публичной речи: содержание понятия, роль и значение для сотрудников УИС // Уголовно-исполнительная система России: проблемы и перспективы: материалы Международной научной конференции адвокатов, аспирантов, курсантов и студентов. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2014. С. 77-82.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступают коммуникативные стратегии и тактики в жанре журналистского расследования, актуальность изучения которых обусловлена как интересом исследователей к проблеме воздействующей силы единиц языка и речи, так и высоким социальным статусом расследовательских публикаций. Общественная значимость журналистских расследований требует всестороннего научного анализа данного жанра. Выявление особенностей презентации коммуникативных стратегий и тактик в жанре журналистского расследования видится важным для развития современной журналистики и обеспечения информационной прозрачности в обществе.

Теоретической основой исследования послужили работы таких российских и зарубежных ученых, как О. С. Иссерс, А. А. Волкова, Н. И. Пушина, О. М. Пущин, А. И. Станько, Н. Ю. Горчакова, А. Е. Ивлев, А. А. Тертычный, А. В. Колесниченко, Дж. Уллмен и др., посвященные современным коммуникативным стратегиям и тактикам русской речи, методам и технике журналистских расследований и т. п. Библиография статьи составляет 13 источников, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах рукописи. Все цитаты сопровождаются авторскими комментариями. Однако автор(ы) совсем не апеллируют к актуальным научным работам, изданным в последние 3 года, что не позволяет судить о реальной степени изученности данной проблемы в современном научном сообществе. Также обращаем внимание автора(ов), что в соответствии с правилами редакции по оформлению списка литературы, в нем не указываются учебники, хрестоматии, учебные и методические пособия. Данные замечания не умаляют значимости представленной на рассмотрение рукописи и носят рекомендательный характер.

Методология проведенного исследования в статье не раскрывается, но очевиден ее традиционный характер. С учётом специфики предмета, объекта, цели и задач работы используются общенаучные методы анализа и синтеза; описательный метод, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию, классификацию материала; методы контент- и дискурс-анализа.

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования рассмотрена специфика жанра журналистского расследования и сформулированы основные характеристики, раскрывающие специфику этого жанра; уточнены понятия «коммуникативная стратегия» и «коммуникативная тактика»; выявлены особенности коммуникативных стратегий и тактик в журналистских расследованиях Ю. Щекочихина, «пионера расследовательской журналистики в России, его публикации стали основой для многих последующих расследований, включая дела о коррупции во власти и правоохранительных органах, символа свободной прессы в России и борцом за права человека». Сделаны выводы о том, что в журналистском расследовании «выбор той или иной стратегии и реализующей ее тактики обусловлен характером коммуникации, целью адресанта и компетентностью адресата» и др. Все выводы сформулированы логично и отражают содержание рукописи.

Результаты, полученные в ходе исследования, имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят определенный вклад в решение теоретических проблем жанра журналистского расследования и могут использоваться в курсах по теории дискурса, теории коммуникации, медиалингвистики, прагматолингвистики, психолингвистики, теории текста и дискурс-анализа, политической лингвистики, стилистики и других, а также применяться при разработке более эффективных коммуникативных стратегий и тактик журналистского расследования.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию. Стиль статьи отвечает требованиям научного описания, содержание соответствует названию, логика исследования четкая. Рукопись имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Фэн И., Грабельников А.А. 75 лет дипотношений Китая и России: медиаматрица агентства Синьхуа и особенности освещения // Филология: научные исследования. 2025. № 2. С. 72-81. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.2.73421 EDN: DCMYWR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73421

75 лет дипотношений Китая и России: медиаматрица агентства Синьхуа и особенности освещения

Фэн И

ORCID: 0009-0004-0968-0951

аспирант; кафедра массовых коммуникаций; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

119602, Россия, г. Москва, р-н Тропарево-Никулино, ул. Покрышкина, д. 1 к. 1

✉ 1042238041@pfur.ru



Грабельников Александр Анатольевич

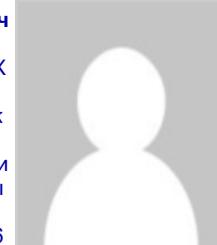
ORCID: 0000-0003-1415-824X

доктор исторических наук

профессор; кафедра массовых коммуникаций; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, Обручевский р-н, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

✉ grabelnikov-aa@rudn.ru



[Статья из рубрики "Коммуникации "](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.2.73421

EDN:

DCMYWR

Дата направления статьи в редакцию:

19-02-2025

Дата публикации:

04-03-2025

Аннотация: В данной статье анализируется стратегия информационного распространения агентства Синьхуа в освещении 75-летия установления

дипломатических отношений между Китаем и Россией. Особое внимание уделяется использованию новой медиаматрицы, включающей координированное взаимодействие официального сайта Синьхуа, а также платформ Weibo, WeChat и Douyin. Исследование рассматривает, как через многоплатформенное распространение Синьхуа формирует целенаправленный медиадискурс, обеспечивая синхронность подачи информации и адаптацию контента под разные сегменты аудитории. В центре внимания находятся ключевые тематические акценты публикаций, включая взаимодействие лидеров двух стран, стратегическое сотрудничество и его влияние на международную арену. Работа направлена на выявление эффективности медиаматрицы Синьхуа и потенциальных проблем её реализации, таких как фрагментация контента, однообразие тематики и недостаточная интеграция между платформами. В исследовании применяется контент-анализ, включая частотный анализ слов и анализ совместного употребления, для изучения особенностей функционирования медиаматрицы Синьхуа. Эмпирическая база включает публикации с официального сайта агентства и его аккаунтов в Douyin, WeChat и Weibo за период январь–ноябрь 2024 года. Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе новой медиаматрицы Синьхуа и её роли в освещении 75-летия установления дипломатических отношений между Китаем и Россией. Исследование демонстрирует, что медиаматрица способствует расширению охвата аудитории, обеспечивая синхронное распространение информации и адаптацию контента под особенности различных цифровых платформ. Частотный анализ показал, что в публикациях доминируют темы «сотрудничество», «развитие» и «стратегия», а анализ совместного употребления выявил, что ключевыми акцентами стали взаимодействие лидеров стран и их вклад в формирование двусторонней повестки. Результаты показывают, что медиаматрица Синьхуа эффективно противостоит раздробленности информационного пространства, однако требует улучшения механизмов взаимодействия платформ и интеграции контента. Для дальнейшего повышения глубины освещения необходимо внедрение многомерного аналитического подхода, что позволит создать более целостную информационную стратегию в рамках многоплатформенного медиапространства. Настоящее исследование не только расширяет теоретическое осмысление медиаматриц, но и предлагает практические рекомендации для ведущих СМИ в цифровую эпоху.

Ключевые слова:

агентство Синьхуа, Китай, Россия, Китайско-российские отношения, стратегии распространения информации, медиаматричная стратегия, новые медиа, 75-летие дипотношений, Медиадискурс, Медиаплатформы

Введение

Освещение значимых исторических событий всегда являлось ключевой сферой для демонстрации возможностей ведущих СМИ в области коммуникации и инновационных практик. Китайский учёный Тан Мэй отмечает, что новая медиаматрица представляет собой диверсифицированный комплекс распространения, сформированный в эпоху интернета с использованием многоплатформенной и мультиаккаунтной синхронной модели управления, нацеленной на организацию и развитие информационного взаимодействия в сетевых сообществах [9, с.85-87]. В современном многоплатформенном медиапространстве новая медиаматрица стала ключевой стратегией для оптимизации эффективности информационного распространения и расширения охвата аудитории

ведущими СМИ.

Ин Ин дополняет, что многоплатформенное координированное продвижение достигается путём интеграции ресурсов различных платформ новых медиа, что обеспечивает синхронную публикацию, интерактивное взаимодействие и совместное продвижение информации на нескольких платформах одновременно [1, с. 133-135]. При освещении «75-летия установления дипломатических отношений между Китаем и Россией» агентство Синьхуа использовало модель синхронного многоплатформенного взаимодействия, при которой ведущая роль отводится официальному сайту, а платформы Douyin, WeChat и Weibo координированно распространяли информацию. Этот подход демонстрирует преимущества многоплатформенного сотрудничества, что позволяет обеспечить как широкий охват информации, так и удовлетворить разнообразные потребности аудитории.

Несмотря на уже значительный объём исследований новой медиаматрицы, академическое сообщество в основном сосредоточено на технических характеристиках платформ и анализе отдельных стратегий распространения. Однако исследований, посвящённых взаимодействию основного контента и вспомогательных платформ, пока недостаточно. В данном исследовании с использованием контент-анализа, статистики частотности слов и анализа со-употребления изучается, как официальный сайт агентства Синьхуа формирует основной нарративный каркас освещения 75-летия китайско-российских дипломатических отношений, а также рассматривается роль новой медиаматрицы в этом процессе. Полученные результаты могут стать основой для дальнейших практик многоплатформенного взаимодействия ведущих СМИ в освещении значимых событий.

Причины освещения агентством Синьхуа «75-летия установления дипломатических отношений между Китаем и Россией»

«75-летие установления дипломатических отношений между Китаем и Россией» — событие, имеющее глубокое историческое и политическое значение и обладающее важной символической ценностью как для двух стран, так и для международного сообщества. Председатель КНР Си Цзиньпин в поздравительной телеграмме по случаю юбилея подчеркнул, что за 75 лет с момента установления дипломатических отношений стороны, исходя из коренных интересов двух стран и народов, на основе глубокого анализа исторического опыта, неизменно совершенствовали и укрепляли двусторонние отношения. Постоянное добрососедство, всеобъемлющее стратегическое взаимодействие и взаимовыгодное сотрудничество стали основными характеристиками китайско-российских отношений [5].

Агентство Синьхуа — это ключевой центр новостной и идеологической работы Коммунистической партии Китая, официальное государственное информационное агентство Китая и международное агентство мирового уровня. Оно выполняет важнейшую функцию по централизованной публикации авторитетных новостей китайской партии и правительства [7].

Согласно теории повестки дня (Agenda-setting), СМИ, выбирая, акцентируя и повторяя освещение определённых тем, могут влиять на внимание аудитории к этим вопросам и формировать восприятие их значимости в общественном сознании [4, с. 176-187]. Освещение агентством Синьхуа «75-летия установления дипотношений» не только представляет это историческое событие, но и подчёркивает достижения двустороннего сотрудничества и перспективы будущего развития. Это способствует формированию у публики восприятия китайско-российских отношений, а также укрепляет понимание и

поддержку китайской внешней политики со стороны общества.

Кроме того, в условиях фрагментации информационного пространства и растущего разнообразия потребностей аудитории агентство Синьхуа использует стратегию новой медиаматрицы для усиления эффективности распространения информации. Благодаря высокой интерактивности и возможностям социального обмена новостями, такая стратегия значительно повышает охват и влияние публикаций агентства Синьхуа. Это позволяет обеспечить широкий резонанс освещения «75-летия установления дипломатических отношений» на глобальном уровне и сформировать обширное общественное мнение.

Официальный сайт агентства Синьхуа, являясь ключевым компонентом новой медиаматрицы, представляет авторитетность и глубину содержания, транслируемого агентством. В качестве исследуемого материала в данной работе выбраны публикации на официальном сайте агентства Синьхуа за период с января 2024 года по 30 ноября 2024 года. Путём поиска в базе данных сайта по ключевому слову «установление дипотношений между Китаем и Россией» было отобрано 306 релевантных статей.

В новостных материалах выбор языковых ресурсов осуществляется не случайно, а под влиянием ценностных ориентиров, идеологии и медианорм. Подобный выбор языковых средств не только отражает тему и содержание текста, но и формирует фокус восприятия аудитории [10, с. 34-35]. В данном исследовании с использованием метода частотного анализа проведена статистика и идентификация ключевых тем и основных фокусов внимания в публикациях, посвящённых 75-летию установления дипломатических отношений между Китаем и Россией. С помощью класса Counter модуля collections в Python были подсчитаны частоты встречаемости слов в текстах, а результаты упорядочены по частоте появления. В итоге был составлен список наиболее частотных слов (Таблица 1), который демонстрирует основные тематические слова в публикациях и их относительную значимость.

Анализ частоты слов в репортажах агентства Синьхуа о 75-летии установления дипломатических отношений между Китаем и Россией	
Часто встречающиеся слова	Частота появления
Сотрудничество (合作)	1889
Китай (中国)	1513
Россия (俄罗斯)	1350
Развитие (发展)	1115
Обе стороны (双方)	943
Государство (国家)	830
Си Цзиньпин (习近平)	773
Президент (主席)	729
Культура (文化)	657
Международный (国际)	644
Совместный (共同)	642
Агентство Синьхуа (新华社)	606
75	581
Стратегия (战略)	578
Шуминьлист (记者)	571

(Таблица 1)

Путём частотного анализа были выявлены 15 наиболее часто встречающихся слов в текстах: сотрудничество, Китай, Россия, развитие, стороны, государства, Си Цзиньпин, председатель, культура, международный, совместный, Синьхуа, 75, стратегия и журналист.

Тематическая направленность новостных публикаций представляет собой обобщение внимания СМИ на ключевых вопросах и фактах. Она отражает проблемы, интересы и связи, которые СМИ стремятся продемонстрировать, и позволяет всесторонне представить актуальные события и социальные реалии [8, с. 45]. Метод совместного появления (анализ со-употребления) как инструмент текстового анализа позволяет выявлять связи между словами на основе их совместного появления в одном контексте. Это помогает определить структуру темы и основные смысловые акценты текста. В данном исследовании с использованием метода анализа совместного появления в Python были выявлены ключевые связи слов в публикациях агентства Синьхуа, посвящённых «75-летию установления дипломатических отношений между Китаем и Россией». Основные связи включают сотрудничество и Китай, Россия, развитие, сотрудничество, стратегия, и стороны; Си Цзиньпин и сотрудничество, Путин и сотрудничество; культура и международный, стратегия и глобальный, стратегия и две страны.

В результате анализа было установлено: Сотрудничество как центральная тема. Частотный анализ показывает, что слово «сотрудничество» встречается особенно часто и имеет тесные связи с «Китай» и «Россия». Это свидетельствует о том, что публикации агентства Синьхуа акцентируют внимание на углублённом сотрудничестве между двумя странами в политической, экономической и стратегической сферах. Сотрудничество отражает сущность китайско-российских отношений и подчёркивает их стратегическое значение в глобальном контексте.

Глобальный подход и стратегическое сотрудничество. Высокая частота совместного употребления слов «стратегия» и «глобальный» указывает на то, что китайско-российское сотрудничество выходит за рамки двусторонних отношений и имеет глобальное стратегическое значение. Агентство Синьхуа освещает сотрудничество двух стран в рамках глобального управления и международной безопасности, подчёркивая их влияние на мировой политический и экономический порядок.

Авторитетность высказываний лидеров. Слова «Си Цзиньпин» и «Путин» часто встречаются в текстах, особенно в сочетании со словом «сотрудничество». Это подчёркивает центральную роль лидеров двух стран в продвижении китайско-российского сотрудничества. Ссылка на их высказывания усиливает авторитетность публикаций и демонстрирует руководящую роль лидеров в стратегическом развитии двусторонних отношений.

Многомерность китайско-российского сотрудничества. Помимо политического и стратегического взаимодействия, агентство Синьхуа уделяет внимание культурному обмену и международному взаимодействию. Частое совместное употребление слов «культура» и «международный» отражает активное сотрудничество двух стран в сфере культуры, образования и общества. Такое многомерное взаимодействие охватывает не только правительственный уровень, но и гражданский, академический и культурный контексты, демонстрируя всеобъемлющий характер китайско-российских отношений.

Глобальное сотрудничество и региональное влияние. Результаты частотного и совместного анализа показывают, что китайско-российское сотрудничество имеет глобальный характер. Оно не ограничивается двусторонней повесткой, но также оказывает глубокое влияние на мировую политику, экономику и экологию. Публикации агентства Синьхуа акцентируют внимание на лидерской роли двух стран в международных делах.

Таким образом, в освещении «75-летия установления дипломатических отношений между Китаем и Россией» агентство Синьхуа через частотный и совместный анализ подчёркивает: Глубокое сотрудничество двух стран в политической, экономической и стратегической сферах; Глобальное стратегическое значение двусторонних отношений; Авторитетность лидерских позиций Си Цзиньпина и Путина; Многомерный характер взаимодействия, включая культуру и международное сотрудничество. Синьхуа, используя авторитетные и стратегически выверенные подходы, усиливает восприятие результатов китайско-российского сотрудничества и подчёркивает их важнейшую роль в глобальном контексте.

Новая медиаматрица агентства Синьхуа и её особенности

Медиаматрица — это концепция, возникшая в процессе трансформации медиапространства. Заимствуя идею математической матрицы (Matrix), медиаматрица представляет собой систему информационного распространения, построенную на основе вертикальной временной оси и горизонтальной пространственной оси, где различные медиаплатформы комбинируются для обеспечения многоканального и всестороннего охвата аудитории [2, с. 24–26]. Столкнувшись с фрагментацией информационного распространения и диверсификацией потребностей аудитории, ведущие китайские медиа, такие как агентство Синьхуа, создали новую медиаматрицу. Она охватывает платформы Weibo, WeChat, мобильные приложения и платформы коротких видеороликов, включая 90 подразделённых аккаунтов, нацеленных на удовлетворение потребностей разных групп пользователей.

С момента выдвижения концепции «двойной синергии Weibo и WeChat» в 2014 году WeChat стал ключевой платформой в работе государственных новых медиа [3, с. 20–26]. С развитием платформ коротких видео, ведущие медиа адаптировали свои нарративные подходы к новым условиям. Согласно данным QuestMobile за июнь 2024 года, Douyin занимает лидирующую позицию на рынке коротких видеоплатформ с 7,8 миллиардами активных пользователей в месяц, значительно опережая таких конкурентов, как Kuaishou и Xigua Video [6]. В данной работе, учитывая особенности платформ, характеристики аудитории и эффективность распространения, для анализа были выбраны аккаунты агентства Синьхуа на Weibo, WeChat и Douyin в контексте освещения 75-летия установления дипломатических отношений между Китаем и Россией.

Путём поиска контента по теме «установление дипотношений между Китаем и Россией» на платформах Weibo, WeChat и Douyin агентства Синьхуа за период с 1 января по 30 ноября 2024 года было собрано 28 релевантных данных.

1. Встреча Си Цзиньпина и Путина как центральное событие в освещении китайско-российских отношений. Статистические данные показывают, что по сравнению с 2 октября, когда отмечалась 75-я годовщина установления дипломатических отношений между Китаем и Россией, публикации агентства Синьхуа на различных платформах уделили больше внимания встречам Си Цзиньпина и Путина. В частности, акцент был сделан на визит Путина в Китай 16 мая 2024 года и саммит БРИКС в Казани 22 октября

2024 года. Эти дипломатические события стали ключевыми темами публикаций, в которых освещались основные вопросы переговоров, совместные заявления и перспективы будущего сотрудничества. Через платформы Weibo, WeChat и Douyin агентство Синьхуа продемонстрировало символическое значение взаимодействия лидеров двух стран, подчеркнув их стратегическое партнёрство и общие цели международного сотрудничества.

2. Китай как центральный фокус новостного нарратива: Си Цзиньпин — ключевая фигура. Публикации агентства Синьхуа отражают центрированную на Китае структуру новостного повествования, в которой Си Цзиньпин является ключевой фигурой. Репортажи сосредоточены на дипломатическом взаимодействии Си Цзиньпина и Путина, подчёркивая важную роль Китая в глобальных делах и его ответственность как великой державы. В публикациях подробно освещаются речи Си Цзиньпина, ключевые темы переговоров и совместные заявления, что демонстрирует активное участие Китая в продвижении мирового мира и развития. Такой подход усиливает международное влияние Китая и подчёркивает лидерскую роль Си Цзиньпина в китайско-российских отношениях.

3. Различия в акцентах и стилях публикаций на разных платформах. Douyin: Короткие видео и эмоциональная подача. Платформа Douyin использует короткие видеоролики (до 1 минуты) для динамичного освещения событий. 2 октября основное внимание уделялось официальному и историческому значению даты, а другие материалы через видеофрагменты речей Си Цзиньпина подчёркивали дружеские отношения лидеров двух стран и укрепляли эмоциональную связь с аудиторией. Однако из-за формата коротких видео контент остаётся фрагментарным и поверхностным, без глубокого анализа. WeChat: Глубина и авторитетность. Платформа WeChat делает акцент на глубокие аналитические публикации в виде подробных репортажей, полных текстов заявлений и политических комментариев. Публикации охватывают встречи Си Цзиньпина и Путина, совместные заявления и перспективы сотрудничества, используя текст, видео и аудио для комплексного представления информации. Это обеспечивает всесторонний и авторитетный анализ событий. Weibo: Оперативность и информационная направленность. Weibo фокусируется на быстром распространении ключевых новостей в лаконичной текстовой и визуальной форме. Темы включают встречи лидеров, 2 октября и саммит БРИКС. Публикации с графикой «новейшие новости» усиливают ощущение оперативности и достоверности, однако формат остаётся кратким и поверхностным.

4. Преимущества и ограничения новой медиаматрицы Синьхуа. Агентство Синьхуа эффективно использует новую медиаматрицу, сочетая преимущества различных платформ для достижения широкой аудитории: WeChat обеспечивает глубокий и авторитетный анализ; Weibo фокусируется на быстрой передаче информации и оперативном реагировании; Douyin укрепляет эмоциональную связь с аудиторией через визуальный контент.

Контентная однородность: Повторение схожих материалов на разных платформах снижает уникальность и новизну информации. Фрагментация контента: Weibo и Douyin предлагают упрощённый формат, ограниченный в глубине и детализации, что может не удовлетворять потребности аудитории, ищей полный анализ. Ограничения платформ: Douyin ориентирован на визуальную подачу, не отражая политический контекст; Weibo, несмотря на оперативность, не предоставляет многоаспектного анализа событий.

Публикации агентства Синьхуа о 75-летии установления китайско-российских дипломатических отношений эффективно используют новую медиаматрицу, сочетая

глубину, оперативность и эмоциональную вовлечённость на разных платформах. Однако проблемы фрагментации контента, повторяемости и ограничений платформ требуют дальнейшего совершенствования для обеспечения более глубокой и многогранной подачи информации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Синьхуа опирается на официальный сайт как ключевую платформу для публикации авторитетного контента, а также использует такие новые медиа, как Weibo, WeChat и Douyin, создавая структуру распространения «ведущая платформа и вспомогательная координация», которая демонстрирует системные преимущества ведущих СМИ в освещении значимых исторических событий. В этом контексте 75-летие установления дипломатических отношений между Китаем и Россией, являемось событием с глубоким историческим значением и международным влиянием, стало центральной темой публикаций. Особое внимание было уделено взаимодействию лидеров двух стран и результатам двустороннего сотрудничества, что ещё раз подчеркнуло стратегический характер китайско-российских отношений и их глобальное влияние.

В отличие от простого копирования контента на разных платформах, медиаматрица агентства Синьхуа, отвечая на вызовы фрагментации информационного пространства и диверсификации запросов аудитории, реализует многомерную подачу контента и его дифференцированное представление. Однако, несмотря на различия в акцентах на оперативность, глубину содержания и интерактивность, сохраняются проблемы однородности контента и его фрагментации, что ставит перед ведущими СМИ новые задачи по интеграции и оптимизации контента.

Благодаря новой медиаматрице, агентство Синьхуа в рамках освещения «75-летия китайско-российских дипломатических отношений» не только достигло широкого охвата аудитории и точной передачи информации, но и эффективно донесло важное символическое значение этого события. Публикации подчеркнули всестороннее углубление китайско-российских отношений в политической, экономической и культурной сферах, а также перспективы их дальнейшего развития. Этот опыт не только демонстрирует инновационные подходы ведущих СМИ к распространению информации в новую эпоху, но и укрепляет стратегическое значение китайско-российского сотрудничества на мировой арене. В будущем ключевым направлением оптимизации медиаматрицы станет преодоление информационной фрагментации, углубление содержания и предоставление многомерных аналитических перспектив в условиях многоплатформенного взаимодействия.

Библиография

1. Инь Ин. Анализ повышения эффективности распространения информации медиаматрицы через многоплатформенное продвижение // Цай Се Бянь. – 2024. – № 11. – С. 133–135.
2. Ли Хуэйминь. Исследование путей и стратегий распространения информации медиаматрицы // Южное распространение. – 2018. – № 2. – С. 24–26.
3. Лу Яо, Нинь Хайлинь. Исследование материалов новой медиаматрицы «Жэнъминь Жибао» по теме пандемии // Современное телевидение. – 2020. – № – С. 20–26.
4. McCombs M. E., Shaw D. L. Функция установления повестки в средствах массовой информации // *Public Opinion Quarterly*. – 1972. – Т. 36. – № 2. – С. 176–187. DOI: 10.1086/267990.
5. Министерство иностранных дел КНР. Си Цзиньпин и Владимир Путин обменялись поздравительными телеграммами по случаю 75-летия установления дипотношений между

- Китаем и Россией [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел КНР. – 2024. – URL: https://www.mfa.gov.cn/web/zyxw/202410/t20241002_11502225.shtml (дата обращения: 15.12.2024).
6. QuestMobile. Исследовательский отчет о цифровой медиаматрице и её эффективности в распространении контента [Электронный ресурс] // Сайт QuestMobile. – 2024. – URL: <https://www.questmobile.com.cn/research/report/1868977230085984257> (дата обращения: 15.12.2024).
7. Синьхуа. Информационное сообщение по случаю 75-летия установления дипломатических отношений между Китаем и Россией [Электронный ресурс] // Сайт Синьхуа. – 2024. – URL: <http://203.192.6.89/xhs/static/e11272/11272.htm> (дата обращения: 15.12.2024).
8. Сунь Яньцзе. Исследование освещения российско-китайских отношений в «Жэнъминь Жибао» (2013–2019): дис. ... канд. филол. наук. – Хэбэйский университет, 2020. – DOI: 10.27103/d.cnki.ghebu.2020.001524.
9. Тань Мэй. Как улучшить медийную грамотность в условиях новой медиаматрицы // Юнь Дуань. – 2024. – № 47. – С. 85–87.
10. Чжао Тяньжуй, Люй Чуньянь. Анализ дискурса по теме углеродной нейтральности Китая в корейских СМИ на основе корпуса // Исследования по иностранным языкам Северо-Восточной Азии. – 2024. – Т. 12. – № 4. – С. 34–45.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой статье является медиаматрица агентства Синьхуа, в частности рассматриваются особенности освещения «75-летия установления дипломатических отношений между Китаем и Россией». При освещении данного события агентство Синьхуа использовало модель синхронного многоплатформенного взаимодействия, при которой ведущая роль отводилась официальному сайту, а платформы Douyin, WeChat и Weibo координированно распространяли информацию. Отмечается, что «медиаматрица — это концепция, возникшая в процессе трансформации медиапространства», которая представляет собой «систему информационного распространения, построенную на основе вертикальной временной оси и горизонтальной пространственной оси, где различные медиаплатформы комбинируются для обеспечения многоканального и всестороннего охвата аудитории». Следовательно, представляется актуальным изучить практику применения в китайском медийном пространстве новых медиаформатов, так как «несмотря на уже значительный объём исследований новой медиаматрицы, академическое сообщество в основном сосредоточено на технических характеристиках платформ и анализе отдельных стратегий распространения. Однако исследований, посвящённых взаимодействию основного контента и вспомогательных платформ, пока недостаточно».

Теоретической основой работы выступили труды таких зарубежных исследователей, как M. E. McCombs, D. L. Shaw, Ли Хуэйминь, Лу Яо, Нинь Хайлинь, Инь Ин, Сунь Яньцзе Тань Мэй, Чжао Тяньжуй, Люй Чуньянь и др., посвященные изучению путей, стратегий и эффективности распространения информации медиаматрицы; повышению медийной грамотности в условиях новой медиаматрицы и пр. Кроме того, автор(ы) апеллируют к исследовательскому отчету о цифровой медиаматрице и её эффективности в распространении контента (QuestMobile). Библиография составляет 10 источников, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит

отражение на тексте статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Методология исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод с приёмами наблюдения и обобщения, статистический и системный анализ, интерпретативный анализ отобранного материала и контент-анализа.

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования проведена идентификация и статистика ключевых тем в публикациях, посвящённых 75-летию установления дипломатических отношений между Китаем и Россией. С помощью класса Counter модуля Collections в Python подсчитана частотность слов в текстах, результаты проранжированы. Список наиболее частотных словоупотреблений представлен в таблице. Проанализированы особенности и эффективность освещения события с использованием матрицы. Сформулированы выводы о том, что «благодаря новой медиаматрице агентство Синьхуа в рамках освещения «75-летия китайско-российских дипломатических отношений» не только достигло широкого охвата аудитории и точной передачи информации, но и эффективно донесло важное символическое значение этого события», «в будущем ключевым направлением оптимизации медиаматрицы станет преодоление информационной фрагментации, углубление содержания и предоставление многомерных аналитических перспектив в условиях многоплатформенного взаимодействия» и др.

Результаты, полученные в ходе исследования, имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят определенный вклад в решение теоретических проблем медиалингвистики, в изучение специфики инновационных подходов массмедиа к распространению информации, а также в возможности использования данных результатов в курсах по интернет-лингвистике, медиалингвистике, теории дискурса и лингвистике текста.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стиль изложения тяготеет к научному типу, содержание соответствует названию. Рукопись имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Ожерельев К.А. От черной перчатки до черного винила: поэтика образа «проклятой вещи» в русской прозе XIX–XXI вв // Филология: научные исследования. 2025. № 2. С.82-95. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.2.73221
EDN: CVTQYK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73221

От черной перчатки до черного винила: поэтика образа «проклятой вещи» в русской прозе XIX–XXI вв.

Ожерельев Константин Анатольевич

ORCID: 0009-0002-9077-8424

кандидат филологических наук

доцент; кафедра филологии, журналистики и массовых коммуникаций; Частное учреждение образовательная организация высшего образования «Омская гуманитарная академия» заведующий кафедрой филологии, журналистики и массовых коммуникаций; Частное учреждение образовательная организация высшего образования «Омская гуманитарная академия»



644105, Россия, г. Омск, ул. 4-я Челюскинцев, 2А ауд. 300

✉ ozhereljevc@yandex.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.2.73221

EDN:

CVTQYK

Дата направления статьи в редакцию:

01-02-2025

Дата публикации:

04-03-2025

Аннотация: Предметом исследования в статье является историко-литературная модификация различных вариантов образа «проклятой вещи» в отечественной словесности (демонический портрет, черная перчатка, денежный купон, оккультная книга-гримуар, видеопленка, грампластинка), начиная с XIX в. (творчество Антония Погорельского и Н.В. Гоголя) и заканчивая современными опытами русских писателей в рамках многочисленных субжанров литературного хоррора (тексты Э.Н. Успенского, А.П. Владимирова и А.Г. Атеева). Работа выполнена на материале исключительно прозаических текстов, что обуславливает ее локальный исследовательский характер и заявляет проблему, вынесенную в заглавии, в качестве перспектив для дальнейшего

изучения (применимо уже к текстам иной родовой принадлежности – лирической, лироэпической и драматической). Методология работы опирается на структурно-семиотический метод в научной интерпретации Московско-Тартуской школы, в частности – на работы Ю.М. Лотмана и В.Н. Топорова. Применяются герменевтический, мотивный и интертекстуальный типы анализа. Для проведения компаративной аналитики художественного образа привлекается контекстуальный анализ и методика философско-онтологического анализа А.Э. Еремеева. Научную новизну статьи определяет, во-первых, сам факт недостаточной изученности феномена «страшного» и «ужасного» («жуткого») в русской литературной традиции в целом, а также важность («инвариантный» характер, сюжетологическая роль и пр.) образа «проклятой вещи» в этико-эстетической перспективе бытования художественного концепта в отечественной словесности. По наблюдениям автора исследования, образы вещей и артефактов, которых коснулось какое-либо проклятие (родовое, внешнее и т. д.), в пространстве русской прозы XIX–XXI вв. характеризуются, с одной стороны, определенной преемственностью с западноевропейской культурой (в части «иконического» изображения «страшного»), а, с другой стороны, приобретают философско-символическое значение, при котором усиливается этико-религиозная аксиология и намечаются тенденции к многовариантным моделям интерпретации текстов.

Ключевые слова:

поэтика страшного, художественный образ, проклятая вещь, русская литература, литературный хоррор, философская проза, символизация, этико-эстетическая перспектива, художественная антропология, мотив искушения

В современном отечественном литературоведении исследование различных аспектов категорий «ужасного» и «страшного» как нравственно-эстетической дилеммы пока еще находится на раннем этапе научного освоения. Следует признать, что на протяжении последних ста лет русская словесность, обращенная к проблемам мистических загадок и «темных» сторон бытия, рассматривалась исключительно как разновидность либо фантастического дискурса [1, 2], либо в качестве жанрово-стилевого дополнения к литературной сказке (как вариант – романтической поэме / новелле) [3, 4]. В советский период существования науки о литературе подобная «мимикрия» была более чем оправданной, поскольку любая аналитика «страшной» темы неизбежно адресовала к тем или иным идеалистическим (читай – «ошибочным») концепциям: солипсизму, гилозоизму, спиритуалистическим учениям и пр.

Новейшую стадию в российской филологической теории по вопросам изучения поэтики «страшного» как особой сферы освоения художественного мира следует отнести к 2015 г., когда вышел в свет сборник статей «Все страхи мира...», посвященный специфике хоррора в различных видах искусства, в том числе и в литературе [5]. Наличие в указанном академическом компендиуме важных и содержательных с методологической точки зрения работ по постановке самой проблемы «ужасного» в гуманitarной перспективе [5, с. 5–20], по изучению поэтических вариаций «страха» в лироэпическом наследии В.А. Жуковского [5, с. 39–53] и А.С. Пушкина [5, с. 54–64], а также по осмыслению демонической топологии акмеистической баллады [5, с. 122–133] или мотивного комплекса «оживших мертвцев» в отечественной беллетристике [5, с. 84–99, 112–121] не снимает вопроса о недостаточной изученности данного феномена в пределах

русской литературы.

Интерес к обозначенной теме вызывают вышедшие в последние годы ценные статьи И.Г. Лебедевой (о лингвосемиотическом наполнении атмосферы «ужаса» у русских и зарубежных писателей) [6] и А.А. Федотовой (об исследовании лексической стороны эстетической категории «ужасного» у отечественных авторов XX-XXI вв.) [7]. Однако по-прежнему остаются нераскрытыми многие детали образного мира в «тайных» текстах классиков и современников; концептуально не описаны и не отрефлексированы границы и семантика этико-эстетического модуса «страха» и «ужаса» в родной словесности, их связь с ветхо- и новозаветной символикой и прямая зависимость от святоотеческой традиции восприятия «демонических начал». Это в равной степени определяет актуальность и научную значимость предлагаемой работы, посвященной интерпретации одного из самых любопытных образов русской мистической прозы – вещей и артефактов, на которые было наложено проклятие.

О важности особого отношения к «вещам» как «узловым» слагаемым предметного мира в художественной антропологии любого писателя (неважно – классика или же автора «второго ряда») в свое время справедливо писал академик В.Н. Топоров, который подчеркивал, с одной стороны, неизбежную факультативность и «вторичность» вещи (ведь любая вещь – это, в сущности, «порождение» человека, результат его деятельности), а, с другой стороны, указывал на то, что «вещный» субстрат «поэтической реальности» (в терминологии В.В. Федорова) всегда является некой смысловой суммой признаков восприятия этих вещей самим субъектом (человеком): «Через признаки человек проникает в сущее, и это тоже связывает его с вещью» [8, с. 29]. Таким образом, экспрессивно выделенная в тексте (колористическим эпитетом: черный, серебряный и пр.; интонационным акцентом в заголовке произведения либо частотным употреблением в различных грамматических формах) вещь-образ может выступать (и чаще всего выступает) в специфических стилевых форматах (философской, авантюрной или «ужасной» литературы) в качестве своеобразного семантического индикатора, определяющего как характер сюжетной структуры, так и расстановку ценностных максим того или иного произведения.

Конспективно рассмотрим в рамках данной статьи (поскольку сама проблема, заявленная в названии, в перспективе требует развернутого и основательного исследования) некоторые ключевые, на наш взгляд, мотивно-образные параллели к артефактам «темных сил» в отечественной прозе XIX-XXI вв., свидетельствующие о том, что «проклятая вещь» как феномен входит в перечень основополагающих, «инвариантных» концептов русской картины «страшного» мира, причем при перенесении на «язык родных осин» (по известному выражению И.С. Тургенева) она претерпевает существенные этико-эстетические трансформации.

Несмотря на вынесенную явочным порядком в первую часть заглавия нашей работы «черную перчатку», отправным и первостепенным образом для анализа поэтики «проклятой вещи» в русской литературной традиции (хотя бы чисто хронологически) все же стоит считать «портрет» (вариант – «картину»). Широко известная повесть Н.В. Гоголя «Портрет» (1831, редакция 1841), несомненно, является одним из наиболее ярких и глубоко философских переосмыслений проблемы соотношения художественного вдохновения и творческого успеха.

История художника Андрея Петровича Чарткова, фактически продавшего душу дьяволу за возможность быть популярным, успешным, востребованным и «модным» галеристом,

рассказана Гоголем не только при помощи узнаваемых, типично романтических атрибутов и экзотического колорита (душа ростовщика-азиата, заключенная в проклятом портрете; «живые глаза» жуткого «восточного старика», следящие за всеми, кто смотрит на его изображение и др.), но и посредством «голоса автора» (по М.М. Бахтину), последовательно проводящего вневременные постулаты христианской аксиологии: нестяжательство, в пределе – отказ от денег (даже их проклятие) и, что наиболее важно, – покаяние. Следует подчеркнуть, что зеркальный «двойник» Чарткова, его предшественник, создавший когда-то злополучный портрет (и не просто художник, а еще и иконописец), сам впервые столкнувшись с безнравственным «смуглым» старцем, сразу распознал его демоническую сущность – он <художник – К.О.> «... всякий раз не мог удержаться, чтобы не произнести: "Дьявол, совершенный дьявол!"» [\[9, с. 117\]](#). Когда же выдающийся портретист осознает, что становится заложником сатанинского замысла, то он подвергает себя самой суровой аскезе, удаляется в скит и только после долгого духовного труда, регулярных постов, воздержаний и молитв приступает, наконец, к главному живописному сюжету своей жизни – Рождеству Христову. Однако проклятый портрет, в итоге, крадут, и зло, таким образом, остается в мире.

С определенными оговорками можно признать, что одной из первых попыток перенесения западного романтического образа «дьявольской вещи» в русскую литературную онтологию была одновременно изящно-ироничная и, в то же время, «страшная» повесть-быличка «Лафертовская Маковница» (1825) Антония Погорельского (А.А. Перовского). Именно здесь появляется пока не сведенный к ясной образной художественной конкретике, но зримый реальный (почти обыденный) «проклятый предмет» – ключ от сундука с богатствами старой торговки маковыми лепешками, по преданиям знавшейся с нечистой силой. И у Погорельского, как впоследствии и у Гоголя, определяющим этическим императивом, не позволяющим поддаться искушению и завладеть «нечистыми» богатствами, является богообязненность главной героини, Машеньки: «Возьми назад свой подарок! <...> Не надо мне ни жениха твоего, ни денег твоих <...> Она бросила ключ прямо в колодезь <...> С груди ее свалился тяжелый камень» [\[10, с. 29\]](#). Однако лишь у Н.В. Гоголя «проклятая вещь» приобретает свое образно-символическое наполнение, эксплицируя тесную связь с мотивом искушения и соблазна, который, как мы впоследствии заметим, является специфически русской особенностью интерпретации этого семиоэстетического комплекса.

С другой стороны, нельзя не учитывать сюжетообразующий и семантический потенциал образа «проклятой вещи», переоткрытой Н.В. Гоголем как для отечественной, так и для зарубежной прозы последующего времени. Подобная «проклятая вещь» носит «кочующий» характер (в пространстве и времени), ходит по рукам и, в конце концов, пропадает из виду главных героев, однако продолжает «живь» в мире как нерастворенное зло, и лишь светлое этическое начало (крепость веры и жизнь по христианским заповедям), по мысли художника, неизбежно будет рассеивать тьму проклятия.

Любопытно сравнить повесть Н.В. Гоголя «Портрет» с написанной в один год с ней новеллой О. де Бальзака «Неведомый шедевр» («Le chef d'oeuvre inconnu»), в которой также представлена дилемма между «чистой» гениальностью, рвением таланта к невиданному совершенству и моральной платой за возможность постичь все тайны художественного ремесла. Стоит заметить, что Бальзак, идя рука об руку с Гоголем, предвосхитил, в одинаковой степени, массовую, лишенную печати вдохновения, живопись «на заказ» и позиционирующий себя в качестве «передового» искусства современности авангард начала XX в., с его интенцией к так называемому

«суперсинтезу» всех видов изящных искусств, но и, одновременно, с деформацией нравственного базиса творчества (в этом проявилась близость Бальзака русской литературной традиции), нарушением границ разных видов искусства и, как следствие, – пресловутой «дегуманизацией искусства» (по Х. Ортега-и-Гассету).

Один из ключевых персонажей «Неведомого шедевра», старый художник Френхофер, является подлинным ригористом во всем, что касается вопросов искусства – например, свою самую заветную картину он пишет целых десять лет. Как и гоголевский Чартков он сходит с ума (предварительно сжигая свои картины), однако, несмотря на то, что прямого указания на портрет как «проклятую вещь» текст Бальзака не содержит, мы можем видеть, что тема критики гордыни у французского литературного мэтра, как и в его романе «Шагреневая кожа» (*«La Peau de Chagrin»*, 1830), имеет своей первопричиной пагубную связь автора-творца непревзойденного шедевра с нечистой силой – Френхофер в тексте прямо обозначен как «дьявольская натура»: «...в лице старика было что-то дьявольское и еще нечто неуловимое, своеобразное, столь привлекательное для художников» [\[11, с. 76\]](#).

Трудно отрицать влияние гоголевского «Портрета» на энigmatischeкую «повесть» (в авторском жанровом обозначении) К.С. Аксакова «Вальтер Эйзенберг» (*«Жизнь в мечте»*) (1836), хотя в ней куда более сильно проявлены черты немецкого романтизма, стилевой манеры Э.Т.А. Гофмана и йенских мастеров слова (в частности, Новалиса). Герой повести Аксакова, Вальтер, – тоже художник, чей ранимый гений терпит поражение с темными силами и дьявольским искушением, персонифицированным в образе роковой женщины-суккуба, Цецилии, одно присутствие которой разрушает все подлинное и одухотворенное (в том числе и творения Вальтера). Отчаявшись скрыться от всеобъемлющей власти жестокой Цецилии, живописец находит приют не где-нибудь, а в своей собственной картине-идиллии, куда он отправляется (переносится) после ее завершения. Однако цена за пребывание в мире мечты оказывается более чем жестокой – Вальтер, сохранив и запечатлев себя для вечной жизни среди прекрасных образов своего творения, умирает в земном бытии. Но и в мир грез проникает проклятие – безмятежную картину с нарисованными на ней тремя прекрасными девушками и самим Вальтером выкупает вездесущая Цецилия и, в конечном счете, уничтожает ее (сжигает). Интересное совпадение и преломление имел данный мотив (перемещения персонажа в картину) более чем через столетие (разумеется, без прямого влияния повести К.С. Аксакова) – в нашумевшем фильме ужасов итальянского режиссера Л. Фульчи *«Седьмые врата ада»* (*«E tu vivrai nel terrore! L'aldilà»*, 1981) герои, преследуемые силами тьмы, пытаются спастись, укрывшись в большой картине, на которой изображена безжизненная пустыня Шеола, но, по сути, попадают именно в адское обиталище мертвых.

Исследователь М.Л. Сидельникова верно замечает, что мотив «ожившего изображения» в русской литературе, восходящий к повести Н.В. Гоголя «Портрет», в историко-литературной перспективе (в частности, в конце XIX в.) «...обретает почти символическое звучание» [\[12, с. 106\]](#), что свидетельствует об изначальной многоплановости данного образа. Характерные модификации «проклятого портрета» в тех или иных вариациях можно наблюдать и в неоконченной повести М.Ю. Лермонтова <«Штосс»> (*«У граф. В... был музыкальный вечер...»*) (1841), где также присутствуют образы демонического старика (здесь – призрака) и опять же – художника (Лугина), как это было и у Гоголя (см. персонажные пары в «Портрете»: «восточный старик – Чартков / добродетельный живописец-монах и его сын»). Параллельно этому, мотив игры в карты, «цементирующий» сюжетный каркас в том же <«Штоссе»>, напрямую связан со «страшной темой» в русской прозе (хрестоматийная «Пиковая дама» (1833–1834) А.С.

Пушкина) и, по глубокому наблюдению Ю.М. Лотмана, имеет вполне прозрачные отсылки к демонической предопределенности любого азартного действия (в том числе – «совершенного искусства любой ценой»): «Игра становилась столкновением с силой мощной и иррациональной, зачастую осмыслием как демоническая» 13, с. 798]. Другая западноевропейская параллель, неосознанно (или осознанно) идущая от гоголевского метаобраза, – знаменитый роман О. Уайльда «Портрет Дориана Грея» («The Picture of Dorian Gray», 1890). Заметим, вместе с тем, что многие картины во всех перечисленных текстах уничтожаются (сжигаются, рвутся, разрезаются и т. д.) либо самими художниками (Чартков – по отношению к своим авторским опусам), либо другими людьми, чаще всего – антагонистами главных героев (Цецилия).

В рассказе В.Ф. Одоевского «Черная перчатка» (1838) основу сюжетной коллизии составляет не только появление таинственного и пугающего атрибута одежды, но и нахождение героями в день свадьбы загадочного письма-предупреждения, генетически связанного с фольклорными нарративами-наставлениями (например, магическими «письмами счастья»). Мистический и «страшный» элемент в упомянутом тексте на поверку оказывается немного нелепым и безответственным кунштюком благовоспитанного дядюшки-англомана, однако вопрос о крушении ценностей, который был спровоцирован появлением загадочной перчатки, остается в рассказе Одоевского главным, что дополнительно оттеняет этический аспект русской мистической прозы в первой трети XIX в.

Литературная тема карающей перчатки / «черной» длань / страшной искусственной «руки возмездья» восходит к европейским преданиям о швабском рыцаре Геце фон Берлихингене, потерявшем в боях руку и поставившем на ее место железный протез, при помощи которого он продолжал ратные подвиги и, более того, написал знаменитые воспоминания. В западноевропейской литературной традиции образ жуткой «карающей руки», занявшей сторону народного суда во времена крестьянских войн в Германии XVI в., сначала был воплощен И.В. Гете в его выдающейся трагедии «Гец фон Берлихинген с железною рукою» («Götz von Berlichingen mit der eisernen Hand», 1773). Затем, уже в качестве самодовлеющего «страшного» элемента, данный образ был использован сначала бельгийцем Ж. Рэ, в его «странной истории» (weird tale) 1943 г. «Рука Геца фон Берлихингена» («La Main de Goetz von Berlichingen»), и впоследствии был переработан одним из самых известных американских хоррор-новеллистов, соавторов посмертной «Лавкрафтианы» (коллективного писательского портрета соратников и учеников Г.Ф. Лавкрафта), Ф. Лейбером (см. его рассказ «Перчатка» («The Glove»,) 1975). Причем у Ж. Рэ легендарная рука рыцаря фон Берлихингена «оживляется» чудаковатым дядюшкой героя, Франсом Квандиусом, сама по себе, отделяясь от человеческой сущности своего хозяина. Тем самым выхолащивается ее героическое прошлое и антропный характер, она становится «просто рукой» (фактически «оживляется» голый железный протез) и, таким образом, превращается в неконтролируемое орудие беспринципного убийства.

В этом и состоит главное отличие в интерпретации образа «черной руки» в русской и зарубежной литературе – постепенно композиционной доминантной у того же Ж. Рэ (и здесь он, безусловно, апологет Лавкрафта) становится древний «хтонический» ужас как таковой, из которого изъята любая морально-этическая предпосылка. Между тем, русские авторы XIX в. (кроме В.Ф. Одоевского здесь обязательно следует назвать имена И.В. Киреевского, О.М. Сомова, К.С. Аксакова, Е.А. Боратынского) понимают «ужас» в жесткой оппозиционной этико-эстетической конфронтации с категориями «прекрасного» (древнегреческое «καλός») и «благого» (опять же древнегреческое понятие «ἄγαθον»,

но в более широкой – онтологической проекции). Причем приоритет у отечественных прозаиков отдается гуманистической традиции обращения к «страшному» и «ужасному», в то время как «проклятый предмет» в хоррор-литературе Запада очень часто трансформируется в алогичный и нередко ноуменальный, «...отчужденный и однозначно агрессивный объект – инновацию в морфологии кошмара» [\[14, с. 500\]](#).

В случае с образом «черной перчатки» у В.Ф. Одоевского можно лишь условно говорить о прямом влиянии трагедии И.В. Гете на рассказ русского романика и указать, в этой связи, на до конца еще не оцененную по достоинству статью Ф.И. Буслаева о любопытных сходствах в образах и мотивах далеко отстоящих друг от друга во времени и географии произведений – «Замечательное сходство Псковского предания о горе Судоме с одним эпизодом Сервантесова "Дон-Кихота"», в которой автор убедительно показывает, что у подобных прецедентов обязательно должен быть общий литературный источник [\[15, с. 129–130\]](#). А произведение Одоевского, как мы прекрасно понимаем, было не столь отдалено хронологически от драматургического опуса Гете, тем более что русский художник вполне мог быть знаком с текстом германского гения и на языке оригинала.

Однако тема «черных перчаток» имела в отечественной литературе XX в. не менее оригинальное, хотя и легко считываемое по смыслу преломление: например, указанный образ выступал в качестве синонима преступления на экономической почве (см. киносценарий Л.И. Гайдая и В.Е. Бахнова «Черные перчатки», 1973) и был важной визуальной частью одноименной короткометражной ленты (реж. Л.И. Гайдай, 1973). К слову, одна из сюжетных линий с виртуозным вором Жоржем Милославским получилась настолько яркой и комичной, что вошла почти без изменений в полнометражный вариант будущего популярного фильма об Иване Грозном и московском изобретателе Шурике («Иван Васильевич меняет профессию» (1973) – по мотивам пьесы М.А. Булгакова «Иван Васильевич», 1936). В сценарном варианте короткометражной картины тема денег, легкой наживы и ослепляющего богатства были искрометно высмеяны, а этический аспект проблематики неизменно пронизывал сюжетный фон.

Намного позже, во второй половине XX в., некоторые из вариантов образа «черной руки» («красная» / «желтая» / «синяя» / «лохматая» рука) плавно перейдут сначала в городской и детский «страшный» фольклор [\[16, с. 36, 52, 61, 73, 88\]](#), а затем и в «детский литературный хоррор» на русской почве – повесть Э.Н. Успенского «Красная рука, черная прстыня, зеленые пальцы» (1990). Последняя станет довольно удачным отечественным аналогом «страшилок» и «ужастиков» для детей американского писателя Р.Л. Стайна (см. его цикл «Goosebumps», 1999–2006).

Нельзя не отметить, что образ-субститут «черной перчатки» можно встретить в русской прозе XX в. даже у столь далекого, на первый взгляд, от «страшной» темы автора, как неизменно аттестуемый в качестве «детского советского писателя» Б.С. Житков, например, в его небольшой повести «Элchan-Кайя» (1926). В этом тексте, предположительно заимствующем легендарные предания из жизни многонационального Старого Крыма, представлен сюжет на тему овладения «нечистыми» сокровищами (иронично-добродушную вариацию данного сюжета можно было встретить в XIX в. у О.М. Сомова, в его «Сказках о кладах» (1830)).

Б.С. Житков осуществляет интересную трансформацию образа, восходящего к «черной руке», – в повести ее заменителем является отрубленная рука «праведника», убитого каменными солдатами мертвого турецкого корабля Элchan-Кайя (здесь – явная отсылка к

сюжету о «Летучем голландце» и корабле-призраке). Рука с кольцом стережет сокровища («клад») кровожадных турецких разбойников, добытый ими явно неправедным путем (грабежи, разбой, убийства). Причем художественная нумерология в тексте повести «Элchan-Кайя» прозрачно отсылает к библейской символике чисел: турецкие воины выстроены в «тринацать рядов» (инфериальная семантика), общее количество их – «сорок человек». Последний факт можно, с небольшими оговорками, трактовать не просто как образы карающих призраков, характерных для «страшной» литературы, но и как «сорок дней и ночей искушения» из Евангелия от Луки (Лк. 4: 2), когда Христос был соблазняем «...от диавола и ничего не ел в эти дни, а по прошествии их напоследок взялкал», но остался тверд в своей вере [17]. В рассматриваемой повести образ «проклятой вещи» претерпевает этико-эстетическую градацию в сторону от поэтики «страшного» к т. н. «символизации» художественного объекта, что, в общем и целом, характерно для отечественной литературы ужасов XIX–XX вв. [18], а поскольку главного героя, греческого крестьянина, зовут Христо (сокращенное именование от «Христофор»), и это имя, как известно, является именем-удвоением от «Христос», то можно интерпретировать данный сюжет как борьбу с дьяволом искушения (которую герой, в итоге и проигрывает, не сумев удержаться от соблазна завладеть не только всеми сокровищами, но и «перстнем» с мертвой руки).

Предвосхищая возможное возражение оппонентов о том, что образ «перстня / кольца» также должен занимать свое законное место в русском каталоге образов среди «проклятых» артефактов, позволим себе с этим не согласиться. Один из наиболее хрестоматийных текстов, обыгрывающих образ «проклятой драгоценности», – повесть (иногда обозначаемая как «новелла») Е.А. Боратынского «Перстень» (1830–1832), не рассматривается нами в общем ряду, поскольку тема «страшного» сведена здесь к шутке и анекдоту, хотя условно «проклятый предмет» присутствует – это сам перстень юродивого помещика Опальского. Вместе с тем, образ перстня у Боратынского, как верно показывает А.Э. Еремеев, служит для философского переосмыслиния «вечной драмы непонимания человека человеком» [19, с. 67], а художественные поиски автора в области философского повествования запечатлевают важнейшую духовную коллизию героев – когда «...ощущение блага жизни сочетается с мучительно-острым переживанием трагичности личного самосознания» [19, с. 68]. Зато «Перстень» Е.А. Боратынского некоторые исследователи справедливо относят к русским текстам-предшественникам мирового детектива, точнее к «протодетективам» [20].

В некоторых произведениях новейшей литературы на русском языке, в равной степени посвященных темам фантастического и «ужасного», есть сложное объединение двух и более образов, которые восходят к И.В. Гете («железная рука») и его невольным продолжателям (фактически – образная контаминация «рука-протез») и к В.Ф. Одоевскому («черная перчатка») – см., например, образ «кожаной черной перчатки-протеза» и схожие его вариации в прозе представителей шестой (т. н. «цветной») волны отечественной фантастики, например, у Ю.А. Зонис (роман «Дети богов», 2010; рассказ «Шахматная королева», 2005).

Повесть Л.Н. Толстого «Фальшивый купон» (1904) не является в строгом смысле слова представителем «страшной литературы», однако типологически она также восходит к сюжету о странствующей «проклятой вещи», которая сеет разлад, горе и смерть. Здесь не просто заострена этическая доминанта – на протяжении всего развития художественного действия превалируют христианские мотивы покаяния и смирения. Вряд ли случайно отец одного из главных персонажей, неподкупный и честный

гражданин Федор Михайлович, носит «говорящую» фамилию Смоковников. Плоды смоквы в Библии являются аллегорией целого ряда понятий и качеств. В частности, в сказании о добрых и худых смоквах первые выступают синонимами «добродетельных людей» (Иер. 24: 5): «Так говорит Господь, Бог Израилев: подобно этим смоквам хорошим Я признаю хорошими переселенцев Иудейских, которых Я послал из сего места в землю Халдейскую» [17]. Библейский контекст усиливает здесь аксиологическую «подоплеку» художественного текста. Интересно, что даже в упомянутой выше повести Э.Н. Успенского («Красная рука, черная простья, зеленые пальцы») есть, пусть и в немногом ироническом (но не кощунственном!) ключе, изящные отсылки к Библии, когда одного из мальчиков (Петю) вызывают в качестве очевидцев преступления и лаконично обращаются к нему «Свидетель Петр», что имплицитно подразумевает намек на Апостольские деяния и первое послание Петра, где встречается такое словосочетание (1 Пет. 5: 1) [17].

Пунктирно зафиксируем другие примеры функционирования образа «проклятой вещи». Целый конгломерат предметов, материализовавших родовое или иное проклятие, представляет прозаическое наследие выдающегося экономиста и, одновременно, виртуозного стилиста-неоромантика, последовательного ученика Э.Т.А. Гофмана в прозе, А.В. Чаянова. Так, в его повести «Необычайные, но истинные приключения графа Федора Михайловича Бутурлина, описанные по семейным преданиям московским ботаником Х. и иллюстрированные фитопатологом У.» (1924) мы видим оккультные гrimuары, таинственную странницу из средневекового латинского трактата об «искусстве умирания» (т. е. благочестивого ухода в мир иной) «Ars Moriendi», магическую колоду пророческих «темных» карт колдуна Якова Брюса, секретные знаки отличия масонов-иллюминатов и т. п. Мотив игры в карты ретроспективно отсылает нас не только к Лермонтовскому <«Штоссу»>, но и ранее – к другим важным «страшным» русским текстам: «Пропавшей грамоте» Н.В. Гоголя (1831) и к уже упомянутой «Пиковой даме» А.С. Пушкина, причем у Гоголя, Лермонтова и Чаянова герой играет именно с нечистой силой (у Гоголя, например, дед рассказчика, Фомы Григорьевича, играет в дурака с ведьмой и побеждает последнюю только «перекрестив карты»). Владельцами же «проклятых предметов» (картин, карт, псевдобогословских книг) или их ужасных тайн являются, как правило, отталкивающие образы стариков / старух (см.: старуха-графиня Анна Федотовна Томская («графиня***») – у Пушкина; «смуглый восточный старик» – у Гоголя; «мертвая фигура» старика – у Лермонтова; «хихикающий» ветхий граф Брюс «в мундире петровских времен» – у Чаянова).

В последней трети XX – начале XXI вв. в новеллах и небольших повестях разных по стилистике, но представляющих наиболее интересные тенденции композиционных и финальных решений в современной отечественной литературе «ужасов» авторов – А.П. Владимира и А.Г. Атеева – образ «проклятой вещи» органично включен в общий реестр художественных артефактов русской мистической прозы. Новелла А.П. Владимира с характерным названием «Искушение» (1998) – это адаптация сюжета гоголевского «Портрета» в современных реалиях (Н.В. Гоголя, к слову, А.П. Владимира очень любил, считал своим «стилевым» наставником и даже написал текст-продолжение его «Шинели» – «Шинель-2 (о чем умолчал Гоголь)», 2020). Согласно сюжету «Искушения» «проклятой вещью», лишающей художника Дмитрия Ивашова зрения, становится видеокассета (VHS-пленка) с загадочным фильмом голливудского режиссера-уникума Самюэля Шора «Слепой гений», после просмотра киношедевра которого, по легенде, зритель слепнет, однако успевает увидеть работу непревзойденного мастера живописи – художника Н. Ивашов не просто поддается искушению, как и многие вышеупомянутые литературные герои, не совладавшие с дьявольским соблазном, но

успевает осознать, что попался в хитроумную ловушку, ведь на поверку бессмертные творения художника Н. послужили лишь завлекательной формой-оболочкой для биографической картины-«шедевра» Шора, которую тот снял в совершенно беспомощной и неуклюжей манере, выданной под соусом «авторского кино», или артхауса. Прозрение Ивашова наступает поздно – слепо до этого веривший в гениальность американского кинорежиссера художник в финале новеллы, решившись уничтожить бездарный фильм, слепнет буквально, после неожиданного взрыва экрана телевизора и вонзившихся ему в глаза осколков кинескопа. Однако финал произведения все же просветляюще-грустный – кассета будет уничтожена, а русские образы картин Дмитрия Ивашова будут жить в истории и вечности. Новелла А.П. Владимира – это, одинаковым образом, и эстетическая программа, и даже политическая (антизападная, анти-масскультурная) аллегория; мы видим в ней продолжение традиций символизации «проклятых» в целом и «ужасных» в частности образов в русской «таинственной» прозе. Нельзя не отметить и удивительное сходство (прежде всего – внешнее) новеллы Владимира с киноновеллой Дж. Карпентера «Сигаретные ожоги» (*«Cigarette Burns»*, 2005) из телесериала «Мастера ужасов» (*«Masters of Horror»*, 2005–2007) – в качестве «проклятой вещи» в телеварианте тоже оказывается кинофильм (кинопленка) под названием «Абсолютный конец света» (*«Le Fin Absolue du Monde»*), просмотр которого чреват последующим безумием зрителя.

В творчестве одного из наиболее одаренных русских мастеров в субжанрах новейшей хоррор-литературы, А.Г. Атеева, «проклятые вещи» служат, в первую очередь, сюжетогенным фактором усиления интриги и напряжения (саспенса), в то время как этический аспект либо ослаблен, либо выполняет вторичную роль (налицо тенденция возврата к «чистой» поэтике ужаса). В небольшой повести «Черный винил» (2010) губительным артефактом выступает загадочная грампластинка (*«винил»*) одной из западных рок-групп, которая попадает в руки фанатичного отечественного меломана. Согласно аннотации, расположенной на буклете винила, тот, кто ее прослушает, обязательно умрет. В пространстве «Черного винила» есть и «говорящий» персонаж Нечаев, чья фамилия иронично оформляет «бесовский» контекст образного мира повести (реальный нигилист С.Г. Нечаев, как известно, был прототипом Петра Верховенского в *«Бесах»* (1870) Ф.М. Достоевского). В романе Атеева *«Дно разума»* (2009) почти с первых страниц появляется образ загадочной монеты с латинской надписью, которую нашла маленькая девочка на кладбище типично советского населенного пункта – вымышленного Соцгорода. Монета, в итоге, «кочует» по рукам самых разных персонажей романа и несет ее временным владельцам неисчислимые беды и страдания.

Таким образом, можно предварительно заключить, что многие образы «проклятых вещей» в отечественной «страшной» и философской словесности XIX–XXI вв. (портрет / картина; перчатка и ее варианты: рука, протез; книга-фолиант; денежный купон; кинопленка; пластинка-винил; редкая монета) представляют собой не просто образы «страшного» и «проклятого» мира, но и являются субститутом многих заветных людских желаний: богатства, славы, вдохновения, власти, любви, ожидания чуда и мн. др. Сюжетообразующий мотивный комплекс в текстах самых разных с точки зрения индивидуальной манеры и стиля писателей-прозаиков, как правило, один – дьявольского искушения и соблазна. За исключением, пожалуй, персонажей А.Г. Атеева и Э.Н. Успенского (поскольку это особый случай – детская интерпретация категории «ужасного»), почти у всех авторов герои, даже оставшись ни с чем, либо испытывают покаяние как отпавшие христиане (*«Лафертовская Маковница»*, *«Портрет»*), либо «голос автора» «указывает» им на необходимость переосмыслиния прежнего грешного пути (*«Фальшивый купон»*). Русская литература, заимствуя некоторые экспрессивные образы

из западноевропейской традиции обращения к «страшному» миру, придает им принципиально новое звучание, сохраняя «загадочную» и «мрачную» интонацию повествования, «ужасный» колорит и предметный «готический антураж» и, вместе с тем, усиливая этическое (в идеале – христианское) звучание вечных тем и образов.

Библиография

1. Медведев Ю.М. Там лес и дол видений полны... // Русская фантастическая проза XIX – начала XX века. М.: Правда, 1989. С. 453–466.
2. Греков В.Н. Предисловие // Русская и советская фантастика (повести и рассказы). М.: Правда, 1989. С. 3–18.
3. Немзер А.С. «Столетняя чаровница» (о русской романтической поэме) // Русская романтическая поэма. М.: Правда, 1985. С. 3–22.
4. Немзер А.С. Тринадцать таинственных историй // Русская романтическая новелла. М.: Художественная литература, 1985. С. 3–7.
5. Все страхи мира: Horror в литературе и искусстве: сб. статей. СПб.; Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2015. 384 с.
6. Лебедева И.Г. Языковые средства выражения понятия «ужас» в произведениях Н.В. Гоголя и Ги де Мопассана // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. 2014. № 2. С. 66–72.
7. Федотова А.А. Эстетическая категория «ужасное» в русской литературе XIX–XXI веков // Поволжский педагогический вестник. 2020. Т. 8, № 1 (26). С. 109–112.
8. Топоров В.Н. Апология Плюшкина: вещь в антропоцентристической перспективе // Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: «Прогресс» – «Культура», 1995. С. 7–111.
9. Гоголь Н.В. Портрет // Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. Повести / под. общ. ред. С.И. Машинского, А.Л. Слонимского, Н.Л. Степанова. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1959. С. 71–127.
10. Погорельский Антоний. Лафертовская Маковница // Русская романтическая новелла. М.: Художественная литература, 1985. С. 8–30.
11. Бальзак О. Неведомый шедевр // Собрание сочинений: в 24 т. Т. 19. Человеческая комедия. Философские этюды / под. ред. О.С. Лозовецкого, М.Н. Черневич, Н.Я. Рыковой. М.: Правда; Б-ка «Огонек», 1960. С. 75–103.
12. Сидельникова М.Л. Мотив «ожившего» изображения в художественном мире А.К. Толстого: неклассическое содержание классической формы // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 10. С. 103–106.
13. Лотман Ю.М. «Пиковая дама» и тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века // Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб.: Искусство-СПБ, 1995. С. 786–814.
14. Головин Е.В. Жан Рэ: Поиск черной метафоры // Жан Рэ. Точная формула кошмара / пер. с фр. А.В. Хорева, Е.В. Головина. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 489–509.
15. Буслаев Ф.И. Замечательное сходство Псковского предания о горе Судоме с одним эпизодом Сервантесова «Дон-Кихота» // О литературе: Исследования; Статьи / сост., вступ. статья, примеч. Э.Л. Афанасьева. М.: Художественная литература, 1990. С. 126–131.
16. Успенский Э.Н., Усачев А.А. Жуткий детский фольклор. М.: РОСМЭН, 1998. 92 с.
17. Библия: книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Российское Библейское Общество, 2000. 1338 с.
18. Ожерельев К.А. «Огоньки болотные горели»: эволюция образа «блуждающих огней» в русской литературе XIX–XX вв. (от поэтики «страшного» до символизации) // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2024. Т 18, № 3. С. 24–36.

19. Еремеев А.Э. Русская философская проза (1820–1830-е гг.) / под ред. А.С. Янушкевича. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1989. 188 с.
20. Вольский Н.Н., Моисеев П.А. Русские предшественники Эдгара По // Вопросы литературы. 2012. № 6. С. 262–277.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия "От черной перчатки до черного винила: поэтика образа «проклятой вещи» в русской прозе XIX–XXI вв."

Предметом настоящего исследования представляется поэтика образа «проклятой вещи» в русской прозе 19-21 вв. Обращается внимание на художественные произведения, в которых предметы представляли определённый символизм и значение, в том числе отражали внутренний конфликт героев произведения.

Методология данного исследования состоит из литературного анализа, сопоставительного исследования текстов, применение культурологического подхода. В научной работе применялся интертекстуальный анализ, который позволяет определить взаимосвязи между произведениями различных эпох и авторов.

Актуальность исследования обусловлена не только растущим интересом к вопросам материальности в художественной литературе, но и в философии, в том числе в роли объектов в процессе формирования опыта человека. В рамках современного социума, в котором вещи, как правило, выступают носителями значений и символизма, изучение образа «проклятой вещи» предоставляет возможность более глубоко понимать культурные аспекты и психологические факторы взаимодействия человека с миром на современном этапе.

Научная новизна работы состоит в структуризации и анализе образа «проклятой вещи» в контексте русской прозы, что предоставляет возможность определить процесс трансформации.

Стиль, структура, содержание. Научная статья написана в научном стиле и состоит из Введения, основных глав, которые посвящены разным аспектам поэтики, заключения и библиографии с текущими исследованиями в рассматриваемой области.

Технических замечаний к научной статье нет.

Заключение подводит итоги проведенного исследования, в том числе, формулируя рекомендации для перспективы дальнейших исследований.

Библиография научной статьи включает различные источники, как например, научные публикации, по теме:

- 1.Медведев Ю.М. Там лес и дол видений полны... // Русская фантастическая проза XIX – начала XX века. М.: Правда, 1989. С. 453–466.
- 2.Греков В.Н. Предисловие // Русская и советская фантастика (повести и рассказы). М.: Правда, 1989. С. 3–18.
- 3.Немзер А.С. «Столетняя чаровница» (о русской романтической поэме). М.: Правда, 1985.

Замечания к статье:

- 1.В разделе Введение не прописана актуальность, объект и новизна исследования, не соответствует требованиям оформления.
 - 2.В Список источников рекомендуется добавить публикации за последние пять лет.
- По содержанию и стилю данная статья не соответствует требованиям, предъявляемым к научным статьям, представляемым в рецензируемые журналы ВАК.

В соответствии с вышеизложенным целесообразно отклонить представленный материал с правом повторного представления в журнал «Филология: научные исследования» только при условии учета автором замечаний рецензента.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В современном отечественном литературоведении, как отмечает автор рецензируемой статьи, «исследование различных аспектов категорий «ужасного» и «страшного» как нравственно-эстетической дилеммы пока еще находится на раннем этапе научного освоения». Стоит заметить, что это все же не совсем так, работы в данной тематической области есть, есть конструктивные исследования, есть и частные наработки. И все же, следует, сказать, что данная тема интересна, нетривиальна, она имеет открыто актуальный характер. Предметный мир художественного текста, есть определенный базис целостной эстетической модели. Детали, элементы «ужасного», «страшного», «пугающего» задают и определенный пафос произведения, или эмоциональный настрой. На мой взгляд, статья имеет цельный вид, она структурно конкретизирована, основная точка зрения прозрачна и доступна для вероятного читательского «диалога». Удачны, на мой взгляд, и отсылки к авторитетам: например, «О важности особого отношения к «вещам» как «узловым» слагаемым предметного мира в художественной антропологии любого писателя (неважно – классика или же автора «второго ряда») в свое время справедливо писал академик В.Н. Топоров, который подчеркивал, с одной стороны, неизбежную факультативность и «вторичность» вещи (ведь любая вещь – это, в сущности, «порождение» человека, результат его деятельности), а, с другой стороны, указывал на то, что «вещный» субстрат «поэтической реальности» (в терминологии В.В. Федорова) всегда является некой смысловой суммой признаков восприятия этих вещей самим субъектом (человеком): «Через признаки человек проникает в сущее, и это тоже связывает его с вещью»...» и т.д. Примечателен для данного исследования литературный контекст (Гоголь, Гофман, Одоевский, Л. Толстой, Житков, Э. Успенский, А. Атеев и т.д.), он для этого объема достаточен. Не исключает автор статьи и зарубежную литературу, это создает полновесный компаративный анализ. Комментарий по ходу работы, на мой взгляд, уместен, так как есть некие перебивы / смещение акцентов / логики: «несмотря на вынесенную явочным порядком в первую часть заглавия нашей работы «черную перчатку», отправным и первостепенным образом для анализа поэтики «проклятой вещи» в русской литературной традиции (хотя бы чисто хронологически) все же стоит считать «портрет» (вариант – «картину»). Широко известная повесть Н.В. Гоголя «Портрет» (1831, редакция 1841), несомненно, является одним из наиболее ярких и глубоко философских переосмыслений проблемы соотношения художественного вдохновения и творческого успеха...». Стиль работы соотносится с собственно научным типом, термины и понятия вводятся с учетом коннотаций, учитывается при этом императив категорий. Ссылки и сноски сделаны правильно, правка в данном случае излишня: «вместе с тем, образ перстня у Боратынского, как верно показывает А.Э. Еремеев, служит для философского переосмысления «вечной драмы непонимания человека человеком» [19, с. 67], а художественные поиски автора в области философского повествования запечатлевают важнейшую духовную коллизию героев – когда «...ощущение блага жизни сочетается с мучительно-острым переживанием трагичности личного самосознания» [19, с. 68]. Зато «Перстень» Е.А. Боратынского

некоторые исследователи справедливо относят к русским текстам-предшественникам мирового детектива, точнее к «протодетективам»[20]». Методы анализа актуальны, выше было отмечено, что принцип компаративизма доминирует, это и правильно для изучения литературы. В целом тема работы раскрыта, цель как таковая достигнута, определенные выводы фактически сделаны. В финале автор отмечает, что «многие образы «проклятых вещей» в отечественной «страшной» и философской словесности XIX–XXI вв. (портрет / картина; перчатка и ее варианты: рука, протез; книга-фолиант; денежный купон; кинопленка; пластинка-винил; редкая монета) представляют собой не просто образы «страшного» и «проклятого» мира, но и являются субститутом многих заветных людских желаний: богатства, славы, вдохновения, власти, любви, ожидания чуда и мн. др. Сюжетообразующий мотивный комплекс в текстах самых разных с точки зрения индивидуальной манеры и стиля писателей-прозаиков, как правило, один – дьявольского искушения и соблазна» и т.д. Следовательно, материал имеет завершенный вид, он может быть полезен в режиме изучения истории литературы, как вариант теории. Рекомендую статью «От черной перчатки до черного винила: поэтика образа «проклятой вещи» в русской прозе XIX–XXI вв.» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Ситникова И.А. Рецепция музыкального начала драмы Федерико Гарсиа Лорки «Кровавая свадьба» в русских переводах // Филология: научные исследования. 2025. № 2. С.96-109. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.2.73317
EDN: CXJSLE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73317

Рецепция музыкального начала драмы Федерико Гарсиа Лорки «Кровавая свадьба» в русских переводах

Ситникова Инна Анатольевна

старший преподаватель; кафедра романо-германской филологии Восточного института-Школы региональных и международных исследований; Дальневосточный федеральный университет аспирант; кафедра Восточный институт-Школа региональных и международных исследований; Дальневосточный федеральный университет

690087, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Баляева, 52, кв. 65

✉ agur77@mail.ru



[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.2.73317

EDN:

CXJSLE

Дата направления статьи в редакцию:

10-02-2025

Дата публикации:

04-03-2025

Аннотация: Предметом исследования является восприятие музыкального начала пьесы Федерико Гарсиа Лорки «Кровавая свадьба» (1933) в переводах на русский язык. Объектом исследования послужили текст оригинала пьесы на испанском языке и два его перевода на русский язык (А. В. Февральского, Ф. В. Кельина и Н. Р. Малиновской и А. М. Гелескула). В статье рассматриваются особенности поэтики пьесы, ее музыкальность, черты стилистики фламенко. Приводятся точки зрения исследователей в отношении музыкальности художественного произведения и связи творчества Гарсиа Лорки с народной и классической музыкой. Особое внимание уделяется восприятию музыкального начала, основанного на стилистике фламенко, его значению в пьесе и воссозданию в переводе на русский язык. При проведении исследования был использован метод структурного и мотивного анализа для выявления особенностей

структуры пьесы и ее основных мотивов. Использование сравнительно-сопоставительного метода позволило выявить черты стилистики канте хондо, фламенко, народной испанской песни в оригинале и переводах. Основными выводами проведенного исследования являются выявление особенностей восприятия и воссоздания ритмической организации текста в русских переводах А. В. Февральского, Ф. В. Кельина (1939), Н. Р. Малиновской, А. М. Гелескула (2000). Отмечается, что все структурные компоненты драмы связаны общим настроением тревоги и нарастающего напряжения, схожего с тем, что несет в себе народное искусство фламенко. Несмотря на трансформации, смену ритма и тональности, переводчиками, безусловно, воспринято и воссоздано музыкальное начало пьесы и ее фольклорная основа, благодаря чему русская «Кровавая свадьба» сохраняет экспрессивность и яркий испанский колорит. Новизна исследования заключается в том, что впервые была предпринята попытка провести сравнительно-сопоставительный анализ оригинала и переводов пьесы Гарсиа Лорки «Кровавая свадьба» с целью выявления особенностей восприятия музыкального начала в русских переводах в связи с проблемой рецепции поэтики драматургии Лорки и реализацией авторского замысла.

Ключевые слова:

музыкальность, Гарсия Лорка, синтез искусств, театр, Кровавая свадьба, фламенко, канте хондо, ритм, сигрийя, переводческое восприятие

Проблема музыкальности художественного произведения находится в центре внимания отечественных и зарубежных исследователей. По словам А. А. Житнева, «одной из важнейших тенденций современного литературоведения является интерес к формам репрезентации в тексте чувственного опыта» [\[1, с. 65\]](#). Рассматривается связь и взаимодействие музыки и художественного текста, влияние музыки на вербальный текст. Это взаимодействие может проявляться на разных уровнях и выполнять различные функции. В связи с этим появляются, как замечает Н. П. Коляденко, такие «феномены как «философия музыки», «музыка природы», «символика музыкальных инструментов», «музыкальные имена», «музыкальные сюжеты» [\[2, с. 142\]](#). Происходит поиск в художественных текстах аналогий с музыкальными формами, особого ритмического рисунка, схожего с ритмом музыкального произведения. Музыка в художественном произведении может быть не только фоном, звучать в исполнении героя, но и инструментом развертывания сюжета, создания образа героя, общей атмосферы, средством художественного выражения экспрессии, создания лирического, трагического эффектов, особого напряжения. Она становится, по словам Дж. Римонди, «органическим компонентом поиска новых средств художественной выразительности» [\[3, с. 28\]](#).

Особую роль играет музыка, музыкальное начало в драматургическом произведении. По словам Д. А. Олицкой, «двойной эстетический код (литературный и театральный), определяет онтологическую интермедиальность драматического текста», драма имеет особое значения в осмыслиении проблемы взаимодействия литературы и музыки, она «оживает» на сцене [\[4, с. 19\]](#). В связи с этим, по словам Н. А. Сметаниной, «писатели-драматурги, учитывая специфику театрального воплощения своего произведения, разрабатывают оригинальную систему художественно-изобразительных средств, необходимых для создания спектакля. В поэтике драмы всегда присутствуют указания автора на интонационно-эмоциональный строй речи персонажей, психологически заостренные ремарки; рекомендации по орнаментально-материалному выстраиванию

сцен и мизансцен, музыкальному оформлению спектакля» [\[5, с. 2099\]](#). В спектакле, который является художественным целым, по утверждению Н. А. Таршис, «музыка впрямую участвует в трактовке конфликта драмы», она также «обладает даром не впрямую «озвучивать» сценическое бытие драмы» [\[6, с. 64\]](#). Музыка важна для многих драматургов XX в., она указывает «на тот или иной тип художественного раскрытия мира и человека», в ней заключены характерные исторические черты» [\[6, с. 64\]](#).

Федерико Гарсиа Лорка был не только поэтом и драматургом, но художником, режиссером и музыкантом. Он получил домашнее музыкальное образование, играл на фортепиано и сочинял музыку. С народной музыкой был знаком с детства, путешествовал по Испании записывал, собирая, аранжировал испанские народные песни и изучал испанский фольклор, «не как ученый, но как поэт» [\[7, с. 81\]](#), постигая глубину древнего песенного стиля канте хондо, прекрасно играл на гитаре и любил фламенко. Дружба со знаменитыми музыкантами и композиторами того времени Мануэлем де Фальей, Адольфо Саласаром, Густаво Питталугой, гитаристами Андресом Сеговия, Рехино Санчесем де ла Маса, певицей Энкарнасьон Лопес (Архентинитой) повлияла на творчество Лорки поэта и драматурга.

По словам М. И. де Висенте-Ягуэ Хара, «музыкальные формы и жанры: песни, вальсы, коплы или нанас раскрываются в его стихах, а в драматических произведениях на протяжении всего действия звучат песни и музыкальные инструменты, придавая им сходство с балетом или оперой» [\[8, р. 82\]](#).

В пьесах Лорки «музыка не случайное украшение, а важнейшая составная полоркиански выразительных сценических решений. <...> Чувствуется, что поэту необходимы музыкальный ритм и мелодия, чтобы придать особую силу слову и добиться наиболее полного сценического выражения. Ни один автор (включая Лопе) не обращается к музыке с таким постоянством, ни у кого она не имеет такой органической связи с развитием сюжета» — заметил друг поэта Х. М. Гуарнидо [\[9, с. 187\]](#).

Отечественные исследователи: Т. И. Эсаулова, М. В. Якушевич, Г. И. Тамарли указывают на многогранность творческой натуры Гарсии Лорки, отмечают особенность его поэтики, где взаимодействие слова и музыки участвует в создании индивидуального художественного мира. По утверждению М. В. Якушевич, в пьесах Лорки «неразрывно сплетены музыка, речевой диалог, танцевально-пластическое решение сценических ситуаций. На этой основе формируется поэтический театр Лорки» (Якушевич М В. Синтез в искусстве Испании и его претворение в творчестве Ф. Гарсии Лорки и М. де Фальи: дис. канд. искусствоведения / Якушевич М. В. Новосибирск, 2004. С. 121).

Пьеса Лорки «Кровавая свадьба» воплощена в различных сценических формах — опере, балете, музыкальном спектакле фламенко. Связь пьесы «Кровавая свадьба» с классической музыкой посвящена работа Класа Воунша, где автор соотносит композицию и сюжет пьесы с кантатой И. С. Баха «Wachet auf, ruft uns die Stimme» BWV 140» («Проснитесь, нас голос зовет»), созданной композитором на основе церковной песни Филиппа Николаи.

Л. Кубе Тамайо, рассматривая связь пьесы «Кровавая свадьба» с народным искусством фламенко и канте хондо, указывает на традиции фламенко в музыке, созданной Лоркой для спектакля «Кровавая свадьба», говоря о схожести ритма и ведущих мотивов с жанрами фламенко и их фольклорной основе. По ее словам, «Лорка – не только поэт и драматург, но музыкант знал, как передать ритмы фламенко литературным языком», а

«Кровавая свадьба», — это пьеса, «в которой присутствует интенсивность, сложность и подлинность музыки фламенко» [\[10, с. 44\]](#).

Музыку к пьесе «Кровавая свадьба» написал сам автор, обработав народные мелодии, и он же выступил его режиссером. При постановке спектакля Лорка особенно внимательно следил за передачей песенных элементов. Как отмечает А. Бенсуссан, Лорка уже писал музыкальные фрагменты к драмам «Мариана Пинеда (1925) и «Чудесная башмачница» (1926), но именно в драме «Кровавая свадьба» он проявляет себя настоящим композитором, «он хотел, чтобы все лирические места в этой трагедии были пропеты» [\[11, с. 288\]](#). Гарсия Лорка создал для спектакля шесть музыкальных композиций. Основа ритма пьесы — испанские народные песни, коплы и ритмы фламенко.

Искусство фламенко — неразрывное сочетание пения, танца и гитарного аккомпанемента всегда драматично. Любовь, борьба, страсть, жизнь и смерть — его главные темы. В смене ритмов возникает завораживающий, магический эффект и особый драматизм спектакля фламенко.

В интервью «Гарсия Лорка ставит народные песни» (1933) он говорит актерам и музыкантам очерчивая в воздухе ритмический узор: «Ритм! Главное — держать ритм! (...) Ритм для меня, может быть, самое главное» [\[7, с. 81\]](#).

Ритм фламенко (*компас*) строгий и прерывистый с чередованием монотонных и резких фрагментов, создается не только гитарным аккомпанементом, но и щелчками пальцев (*pitos*), хлопками ладоней (*palmas*), постукиванием каблуками (*zapateado*) и громким вскриком «Оле!». В структуре спектакля возможна импровизация во всех его составляющих. С. А. Магон замечает, что в зависимости от жанра выделяют четыре основных ритма фламенко. Так, например, бинарный компас характерен для тангос, тернарный — для фанданго, амальгамный/переменный — для пetenеры и гуахиры и сложный компас 12/8 — для сигирии и солеа. Ритмы таких жанров фламенко как сигирия, нанас, тангос, альбorea, на наш взгляд, стали основой музыкальности пьесы «Кровавая свадьба» (Магон С. А. Фламенко: история, жанр, концептосфера: дис. кандид. Искусствоведения / Магон С. А. Новгород, 2019. С. 38–39).

С перевода пьесы «Кровавая свадьба» началось знакомство русских читателей с драматургией Лорки. Ее прозаический текст в 1939 г. перевел А. В. Февральский, а песни и стихи — Ф. В. Кельин. В послесловие к первому изданию пьесы А. В. Февральский отмечает талант Лорки-музыканта, указывает на музыкальное начало в пьесе, где «нарастание волнения и смена темпов, увеличивают эмоциональную силу пьесы, психологическое состояние героев передается через песни, внешне не связанные с сюжетом» [\[12, с. 105\]](#).

Второй перевод пьесы появился почти через шестьдесят лет после первого. Он был выполнен по заказу Московского театра «Сопричастность» для нового сценического воплощения пьесы в 2000 г. Его авторы, Н. Р. Малиновская и А. М. Гелескул, посвятили множество работ поэзии и драматургии Лорки.

Н. Р. Малиновская замечает, что пьеса «Кровавая свадьба» ее любимое произведение Лорки, но она долгое время не решалась его перевести и считает, что перевод драматических произведений требуют особого подхода: «Пьесу надо переводить так, чтоб ее можно было поставить, а не только читать, чтобы это говорилось со сцены, естественно говорилось» [\[13, с. 329\]](#). Не только переводчик, но и исследователь творчества Гарсия Лорка Н. Р. Малиновская в книге «Тема с вариациями» (2014) пишет:

«Может быть, самый впечатляющий пример главенства музыки в драматургии — это «Кровавая свадьба». Стихи, песни и проза в этой «трагической поэме», по авторскому определению, столь же неотъединимы и необходимы друг другу, как ее два плана — реальный и символический» [14, с. 268].

А. М. Гелескул — поэт, переводчик, эссеист, исследователь испанской народной песенной поэзии перевел все лирические произведения Гарсия Лорки. В переводе стремится не столько к точности, сколько к воссозданию экспрессии, считая перевод искусством: «родственным исполнительскому, переложением с одного музыкального инструмента на другой» [13, 156]. В этом кроется суть его переводческой стратегии — уйти от буквализма, сделать текст понятным русскому читатель, но в то же время, по словам Н. Ю. Ванханен, «спеть в унисон с голосом автора» (Ванханен Н. Ю. Поэзия, данная во всех ощущениях // Книжный клуб, № 2, 2006 URL: <https://geleskulam.narod.ru/translate.html>).

Мы обратимся к примерам из ключевых сцен пьесы, иллюстрирующим особенности переводческого восприятия музыкального начала, воссоздание образов и стиля испанского текста на русском языке.

Первая сцена пьесы открывается диалогом Матери и Жениха, состоящим из отрывистых реплик. Их ритм близок бинарному компасу танго — одного из старинных видов фламенко, и одновременно ассоциируется с сопровождающими мелодию пальмас (хлопками) или сапатеадо — стуком каблуков. В переводах сохранены лаконичные реплики оригинала, сходные с возгласами певца в начале спектакля фламенко.

Таблица 1. Фрагмент диалога Матери и Жениха

Оригинал	Перевод А. В. Февральского	Перевод Н. Р. Малиновской
<i>Novio: (Entrando)</i> <i>Madre.</i>	Жених (входит.) Мать. Мать. Что?	Жених (в дверях) Мать! Я ухожу. Мать. Далёко?
<i>Madre: ¿Qué?</i>	Жених: Я ухожу.	
<i>Novio: Me voy.</i>	Мать: Куда?	Жених. На виноградник.
<i>Madre: ¿Adónde?</i>	Жених: На виноградник. (Идет к двери.)	Мать. Погоди!
<i>Novio: A la viña. (Va a salir)</i>	Мать. Погоди	Жених. Что так?
<i>Madre: Espera.</i>	Жених. Что такое?	Мать. Поесть тебе соберу.
<i>Novio: ¿Quieres algo?</i>	Мать. Сынок, завтрак.	Жених. Не надо. Ягод поем. Дай мне нож.
<i>Madre: Hijo, el almuerzo.</i>	Жених. Нет. Поем винограду. Дай мне нож.	Мать. Это еще зачем?
<i>Novio: Déjalo. Comeré uvas. Dame la navaja.</i>	Мать. Зачем?	Жених. (улыбаясь). Гроздья срезать [17, с. 111].
<i>Madre: ¿Para qué?</i>	Жених (смеясь). Срезать гроздья [16, с. 197].	
<i>Novio: (Riendo) Para cortarlas [15, р. 19]</i>		

Жених просит подать ему нож, упоминание о ноже несколько раз повторяется в репликах и монологе Матери, так в первой картине пьесы возникает мотив смерти. «Нож, нож...», — произносит Мать, и далее ее речь становится длиннее, меняется ритм. Перечисляя и проклиная все виды оружия, она повторяет: "*Lanavaja, lanavaja... Malditas sean todas y el bribón que las inventó. <...> Y las escopetas y las pistolas y el cuchillo más pequeño, y hasta las azadas y los bieldos de la era. <...> Todo lo que puede cortar el cuerpo de un hombre. Un hombre hermoso, con su flor en la boca, que sale a las viñas o va a sus olivos propios, porque son de él, heredados*" [15, p. 191] (Нож, нож...Будь прокляты все ножи и мошенник, что их придумал. И ружья, и пистолеты, и самый маленький нож, даже старые кирки и вилы. Все, что может ранить тело мужчины красивого мужчины, с цветком смерти на устах, идет он на виноградник или к своим оливам, потому что это его оливы, по наследству ему достались. Здесь и далее подстрочный перевод наш. — И. С.).

Повторы перечислительных конструкций с союзом **у**, лексический повтор с вариацией **el cuer po de un hombre. Un hombre hermoso** придают ее речи одновременно песенную протяжность и монотонный характер причитания. Это свойственно жанрам сирийа и солеа с их грустными интонациями торжественной печали и безысходности.

В переводе А. В. Февральского сохраняются повторы и монотонный характер речи, воссоздается драматизм сирийи: «**Нож, нож...**Будь они прокляты, все ножи и тот бездельник, что их выдумал... <...> **И ружья, и пистолеты, и самый маленький ножик, даже кирки и лопаты.** <...> Все, что может убить **мужчину. Красивый мужчина** с цветком во рту идет на виноградник или к своим собственным оливковыми деревьям — все это его, досталось ему в наследство» [16, с. 197-198].

В переводе Н. Р. Малиновской фразы становятся восклицательными, резкими, отрывистыми; эмоциональная окраска усиливается лексически: «**будь они/оно проклято**», возникают паузы — многоточия, создавая ритм и указывая на скрытый смысл: «**Нож! Вечно эти ножи!** Будь они прокляты — и та дрянь, что их выдумала! <...> **И ружья, будь они прокляты, и пистолеты, и все ножи, сколько ни есть их на свете, и серпы заодно, и косы...** <...> Будь оно проклято — все, что ранит и режет...Идет себе мужчина на виноградник, на свой виноградник, кровный, или к оливам. Красивый, ладный, в зубах цветок...» [17, с. 111]. Звуковые повторы придают ритмичность и напряженность речи Матери.

Жених прерывает ее речь короткими фразами, резкими просьбами, но она продолжает говорить о прошлом: о гибели мужа и сына. Затем речь приобретает медитативный характер. Ее фразы превращаются в песню-причитание, песню-плач, напоминая «мрачные» песни канте хондо о горе и отчаянии, идущем из глубины души: "Cien años que yo viviera no hablaría de otra cosa. **Primero tu padre, que me olía a clavel y lo disfruté tres años escasos. Luego, tu hermano.** <...> **Pasan los meses y la desesperación me pica en los ojos y hasta en las puntas del pelo**" [15, p. 201] (Жила бы сто лет, ни о чем бы другом не говорила. Сначала твой отец, я любила его и счастлива была с ним всего лишь три года. Потом, твой брат. <...> Месяцы проходят, а отчаяние жжет мне глаза и до кончиков волос достает). Повторы глухого звука [р] создают напряженность речи, Матери тяжело говорить о своем горе, она не может простить виновных в смерти ее близких.

Переводчики следуют идеи автора и основным мотивам цыганско-андалузской песни, подчеркивая горе и отчаяние Матери фразами: «**Никогда не замолчу.** Время идет, а

отчаяние все сильнее **жжет** мне глаза и охватывает меня **до кончиков волос»** [16, с. 198] (перевод А. В. Февральского); «Нет, не смолкну! Дни идут, а **отчаянье растет, до корней волос доросло и глаза жалит»** [17, с. 112] (перевод Н. Р. Малиновской). Смысл выражение оригинала "me olía a clave!" — дословно «он благоухал для меня гвоздикой» точно передан в переводе Н. Р. Малиновской, сохранена символика гвоздики, символа супружеской любви и страсти: «Всего три года жила с ним — как в саду благоуханном!» [18, с. 112]. Наряду с мотивом смерти возникает и мотив любви. Переводчики не передают аллитерацию, но словами «**жжет**» и «**жалит**» подчеркивают «остроту» душевной боли Матери. В переводе Н. Р. Малиновской отчаяние героини уже «доросло» до предела, до самых «корней волос». Так воссоздается тональность сигирийи, что, по словам Лорки, «как спирт, обжигает сердце, горло и губы певца» [17, с. 66].

В доме Леонардо, влюбленного в Невесту, его Жена и Теща баюкают младенца. Звучит колыбельная. Это одна из шести сцен пьесы, к каким драматург написал музыку. Колыбельная (нана) — один из старинных видов андалузского пения, ставших стилем фламенко. «Нанас поют или проговаривают речитативом, их ритм адаптирован к ритму сигирийи», — замечает Л. Кубе Тамайо [10, р. 46]. Лирический повествовательный темп чередуется с резкими и тревожным нотами. Женщины стараются успокоить малыша, но мрачная песня о «черном коне с ножом во лбу» звучит все тревожней и воздействует как заклинание не только смыслом, но и ритмом, благодаря повторяющемуся рефрену, подобному «компасу» во фламенко: "Duérmete, clave!, / Que el caballo no quiera beber. / Duérmete, rosal, / Que el caballo se pone a llorar" [15, р. 33] (Усни, мой цветочек! / Конь воды не хочет, / Усни, мой кусточек, / Конь взял и заплакал.) По замечанию А. Н. Панамаревой, «музыка может становиться читаемым текстом, тесно связанным с сюжетом. Она способна устанавливать не только внешние семантические связи с сюжетом, но и содержать сюжет в себе» (Панамарева А. Н. Музыкальность в драматургии А. П. Чехова: дис. канд. филолог. наук. Томск. 2007. С. 43). Так колыбельная в стиле нанас теснейшим образом связана с сюжетом драмы и предвещает трагический финал пьесы.

Таблица 2. Фрагмент колыбельной из первого действия драмы

Оригинал	Подстрочный перевод	Перевод Ф. В. Кельина	Перевод А. М. Гелескула
<i>Nana, piño, nana del caballo grande que no quiso el agua.</i>	Песня, малыш, песня о коне большом, что воды не захотел.	Баю, милый, баю! Песню начинаю о коне высоком, что воды не хочет.	Баю-баю, милый, В песенке поется И вода струится, А коню не пьется.
<i>El agua era negra. Dentro de las ramas</i>	Вода была черной. Меж ветвей.	Черной, черной, черной Меж ветвей	Та вода ночная, темень гробовая, Под мостом
<i>Cuando llega al puente</i>	Когда к берегу подходит,	склоненных, та вода казалась	чернеет
<i>Se detiene y</i>	Останавливается и поет.	[16, с. 202].	Песню запевая [17, с. 117].

<i>canta.</i>		
[15, p. 27] .			

Песня в переводе Ф. В. Кельина приобретает тональность, схожую с русской колыбельной с характерным припевом «баю, баю», но трехкратный повтор прилагательного «черный» создает более мрачную атмосферу. Эта тревожная атмосфера подчеркивается рифмой, сменой ритмического рисунка в переводе А. М. Гелескула: наряду с ласковым и нежным обращением, «баю-баю», поется о «гробовой темноте», преобладает «черный» цвет, и «коню не пьется» — так звучит мотив смерти, характерный для испанской нарас.

Таблица 3. Фрагмент колыбельной из первого действия драмы

Оригинал	Подстрочный перевод	Перевод Ф. В. Кельина	Перевод А. М. Гелескула
<i>Las patas heridas,</i>	Израненные ноги	<i>Все избиты ноги,</i>	Леденела
<i>Las crines haladas,</i>	Грива покрыта, льдом	Лед застыл на граве,	грива,
<i>Dentro de los ojos</i>	Меж глаз— серебряный кинжал.	а в глазах сверкает	Кровь ручьем бежала,
<i>Un riñal de plata</i> [15, p. 27-28]		<i>серебро кинжала</i> [16, с. 202] .	В конском оке стыло серебро кинжала [17, с. 118] .

Глаголы несовершенного вида «леденела», «бежала» и «стыло» придают песне динамику, и ритм ускоряется. Образ коня, ассоциирующийся с главным героем Леонардо, буквально «оживает», близкая оригиналу «устрашающая» фраза «в конском оке стыло серебро кинжала», предвещает неминуемую гибель героя.

В первой картине второго действия драмы свадебным утром Леонардо первым приезжает в дом Невесты. Между бывшими возлюбленными происходит напряженный и экспрессивный диалог. Он похож на дуэт двух гордых танцоров, 'escobillo' («эскобильо») — «музыку ног», где танцовщицы фламенко создают собственный ритм, выступивая его каблуками. Обида, боль, невоплощенная страсть терзают душу героя. Гордость не позволила влюбленным когда-то быть вместе, и теперь гордая невеста решает выйти за нелюбимого. Леонардо признается, что гордость не помогла забыть о любви к Невесте и счастья в браке он не обрел: "*Callar y quemar es el castigo más grande que nos podemos echar encima. ¿De qué me sirvió a mí orgullo y el no mirarte y el dejarte despuesta noches y noches? ¡De nada! ¡Sirvió para echarme fuego encima!*" [\[15, p. 47\]](#) (Молчать и сгореть — самое большое наказание, которому ты можешь себя подвергнуть. Зачем мне нужна была гордость и то, что я не видел тебя, а ты не спала по ночам из-за меня? Ни к чему! Она только заставила меня гореть!). Лексические, звуковые повторы и аллитерация усиливают экспрессию и создают ритм,озвучныйударами ног в танце фламенко.

Переводы А. В. Февральского и Н. Р. Малиновской с некоторыми синтаксическими и грамматическими трансформациями полностью передают экспрессию оригинала. Страстно звучит реплика Леонардо в переводе А. В. Февральского: «**Молча сгорать — это самая страшная кара, какой мы можем подвергнуть себя.** Разве мне помогла

моя гордость, помогло то, что я не видел тебя, а ты не спала по ночам? **Ничуть! Только я был весь в огне!**» [\[16, с. 216\]](#). В переводе Н. Р. Малиновской «**Сгорать молча — это пытка из пыток.** Помогла мне гордость, когда я глаз на тебя не поднимал, **а ночами будил стуком копыт?** Не помогла, только **сожгла всего**» [\[17, с. 134\]](#)) «гордость» – это «пытка», что «сожгла» героя — воплощение «огненной» стилистики танца фламенко и основных черт испанского национального характера — гордости и страстности. Здесь переводчик вводит дополнительные фразы отходя от оригинала, но объясняя действие, делает его более понятным зрителю. Конь Леонардо был загнан так, что приходилось менять ему подковы, ведь по ночам он нес героя к дому возлюбленной.

За сценой запевают свадебную песню: “*Despierte la novia / La mañana de la boda! / iQué los ríos del mundo/ llevan tu corona*” (Проснись невеста / утро свадьбы. / Пусть реки мира / унесут твой венок). Л. Кубе Тамайо отмечает, что компас 6Х8 музыкальной композиции, написанный Лоркой к свадебной песне, соответствует жанру фламенко альбора. Это форма песни и танца цыганского происхождения, традиционно исполнявшиеся на свадьбах на рассвете, как символическое предсказание новой жизни. «Восклицание “*iDespierte la novia!*” подразумевает акцент на первом ударе и слабый второй удар, быстрый как стук каблуков в танце, бьющееся сердце или раскрывающийся веер» [\[10, р. 47\]](#). Перевод Ф. В. Кельина близок оригиналу по смыслу и по ритму: «Пробудись, невеста, — / это утро свадьбы, / знай, что реки мира / унесут венок твой!» [\[16, с. 213\]](#). А. М. Гелескул несколько отличается от оригинала: «Пробудись, невеста, **раным-рано**, / утро свадьбы **долгожданно**, / и с восходом / твой веночек / приплывет по водам!» [\[17, с. 132\]](#). Он использует редупликацию («раным-рано»), подчеркивая специфику и значение свадебного обряда, создает рифму и ритмический рисунок схожий с русскими свадебными песнями, при этом сохраняя символические образы и метафоры оригинала: образ воды — вечного движения жизни и свадебного венка — символа юности и непорочности невесты.

Постепенно все второе действие превращается в спектакль фламенко с чередованием веселой мелодии свадебной песни и диалогами героев. Здесь автор вводит все элементы этого искусства. Гости поют, танцуют, ритм сцены сравним с веселым жанром фламенко алегриас или булерияс, где быстрый двудольный ритм, свобода импровизации и обилие хлопков создают атмосферу шумного веселья. Но вернувшись из церкви Мать снова вспоминает о погибших сыне и муже. Жена Леонардо сообщает о бегстве мужа и Невесты. Сцена развивается в ритме ‘*cante valiente*’ («смелое пение»), этот ритм, звучащий в кульминации спектакля фламенко, представляет собой сложную мелодию с высоким тоном. Действие заканчивается напряженным монологом Матери. Она призывает всех родственников Жениха и Невесты отправиться в погоню “*por todos los caminos*” [\[15, р. 68\]](#) (по всем дорогам), воскликнув: “*Ha llegado otra vez la hora de la sangre*” [\[15, р. 68\]](#) («Снова настал час крови» [\[16, с. 230\]](#) / «Пробил час крови!» [\[17, с. 153\]](#)).

В третьем действии драмы, по словам автора, «господствует поэзия». Она постепенно проникает в прозаические диалоги драмы, создавая определенный рисунок от спокойного повествования до всплеска эмоций как это происходит в песнях и танцах фламенко. На фоне ночного леса на сцене под звуки скрипок появляются три дровосека. Подобно греческому хору они комментируют происходящее, оправдывая поступок Леонардо и Невесты. “*Hay que seguir la inclinación: han hecho bien en huir*” [\[15, р. 69\]](#) (Надо следовать своим стремлениям: они хорошо сделали, что бежали), — произносит Второй дровосек, Первый вторит ему: “*hay que seguir el camino de la sangre <...> Vale más*

ser muerto desangrado que vivo con ella podrida” [\[15, р. 69\]](#) (Надо следовать по пути крови. <...> Лучше быть обескровленным мертвым, чем живым с гнилой кровью).

А. В. Февральский и Н. Р. Малиновская следуют за главной мыслью автора. «**Надо слушаться сердца: они хорошо сделали, что бежали. / Надо следовать велению крови.** <...> **Лучше истечь кровью и умереть, чем жить с гнилой кровью**» [\[16, с. 216\]](#), — пишет А. В. Февральский. С трижды повторенным словом «кровь» здесь возникает мотив смерти, неразрывно связанный с мотивом любви. «Гнилая кровь» — жизнь без любви, подобная смерти. Этот тройной повтор и слияние мотивов любви и смерти сохранены в переводе.

В переводе Н. . МалиновскойР. Малиновской: «**Когда сердце велит, надо идти.** Хорошо сделали, что сбежали. <...> **Надо идти, когда кровь зовет.** <...> **Лучше истечь кровью, чем сгноить ее**» [\[17, с. 154\]](#), — для гордого испанца — лучше смерть, чем отсутствие свободы.

Постепенно речь дровосеков превращается в песню-заклинание, песню-мольбу, начинающуюся с экспрессивного междометия “iAy!” («Ай/Aх!»), как в старинных песнях канте хондо. Хор заклинает луну не быть жестокой, укрыть влюбленных от погони: “**iAy luna mala!** / Deja para **el amor la oscurarama.** / **iAy triste luna!** / iDeja para **el amor la rama oscura!**” [\[15, р. 71\]](#) (Ах, злая луна / Оставь для любви темную ветку / Ах, печальная луна / Оставь для любви ветку темную). В переводах сохраняется стилистика и экспрессия канте хондо: «**Ах, луна, не будь жестокой!**» [\[16, с. 232\]](#), — звучит призыв хора в переводе Ф. В. Кельина. У А. М. Гелескула Луна — Месяц, согласно ремарке, появляется в «облике молодого дровосека с бескровным лицом»: «**Ай, незванный месяц, напоследок** <...> **Ай, недобрый месяц...**» [\[17, с. 155\]](#).

Последний диалог Леонардо и Невесты решен в поэтической форме. Слова героев полны отчаяния, чувственности и нежности. Как громкое «Оле!» звучит пылкое признание Невесты, которая чувствует, что ей и ее возлюбленному уже не спастись: “**iTe quiero! iTe quiero! iAparta!** Que si matarte pudiera, te pondría una mortaja con los filos de violetas!” [\[15, р. 78\]](#) (О, я люблю тебя! Люблю! Уйди!.. Если бы я могла тебя убить, я бы покрыла тебя саваном из фиалок!). В ее реплике благодаря звуковым повторам твердых согласных создается четкий ритмозвучный стуку каблуков (сапатеадо) или ударам кастаньет. В переводах сохраняются восклицания, но несколько меняется ритмический рисунок и реплики Невесты приобретают более мелодичную песенную интонацию («**О, я люблю тебя! Люблю! Уйди! О, если бы я могла / тебя убить, из ткани нежных / фиалок я бы надела саван / на тело стройное!** Уйди!» [\[16, с. 237\]](#) — перевод Ф. В. Кельина. «**Желанный! Уйди, желанный!** / Могла бы убить —убила / и в саван из незабудок / тебя обрядила, **милый!**» [\[17, с. 162\]](#) — перевод А. М. Гелескула). В поэтическом объяснении в любви Леонардо и Невесты, как в ярком, страстном танце возникает образ огня, символа страсти. Невеста восклицает: “**iAy, qué lamento, qué fuego / Me sube por la cabeza! iQué vidrios se me clavan en la lengua!**” [\[15, р. 78\]](#) (Ах, что за крик, что за огонь поднимается в моей голове! Что за стекло в язык мне вонзилось!).

В переводе Ф. В. Кельина («**О, что за скорбь!** И что за пламя / в моей бушует голове! / Что за стекло в язык вонзилось!» [\[16, с. 236\]](#)) слова «скорбь», «пламя» и «стекло» придают трагическое звучание речи Невесты, а в переводе А. М. Гелескула («Как голова **пылает!** / Нет сил! / **И рана на ране!** / Не слезы душат, не слезы — / **осколки стекла в гортани!**» [\[17, с. 162\]](#)) градус экспрессии нарастает: Невеста «пылает» от душевных ран,

боль ее еще глубже, ощущается физически, фраза «осколки стекла в гортани» усиливает образ оригинала.

Сцена завершается ремаркой, автор поясняет кульминацию, оформляя фон трагедии музыкой и светом: "Aparece la luna muy despacio. La escena adquiere una fuerte luz azul. Se oyen **los dos violines**. Bruscamente se oyen **dos largos gritos** desgarrados y **se corta la música de los violines**" [15, p. 81-82] (Очень медленно появляется луна. Сцена приобретает насыщенный голубой свет. Слышны звуки двух скрипок. Внезапно раздаются два долгих, пронзительных крика, и скрипичная музыка обрывается). Две скрипки — два голоса, два героя. Музыка скрипок — жизнь героев обрывается «отчаянным криком», как в канте, где, по словам В. Ю. Силюнаса, «пение срывается в крик, в котором чудится и что-то первобытно дикое, и вопль ужаса и мольба о помощи» [18, с. 58-59] («Вдруг один за другим раздаются два **душераздирающих вопля**, и музыка обрывается» [16, с. 239] — перевод А. В. Февральского. «Вдруг ее обрывает **протяжный отчаянный крик, за ним другой**» [17, с. 165] — перевод Н. Р. Малиновской).

Действие завершается погребальным плачем Жены, Невесты и Матери. Последние реплика Матери в прозе снова превращается в печальную сигирийю. Оплакивая второго сына, как заклинание повторяет она Невесте:

«*Pero ¿qué me importa a mí tu honradez? ¿Qué me importa tu muerte? ¿Qué me importa a mí nada de nada? Benditos sean los trigos, porque mis hijos están debajo de ellos; bendita sea la lluvia, porque moja la cara de los muertos. Bendito sea Dios, que nos tiene juntos para descansar*» [15, p. 90] (Но что мне до твоей чести? Что мне до твоей смерти? Что мне вообще до чего-либо? Благословенна пшеница, ибо под ней мои сыновья; благословен дождь, ибо он омывает лица мертвых. Благословен Бог, что хранит нас вместе, чтобы мы могли отдохнуть). Оба перевода близки оригиналу и сохраняют все лексические и синтаксические повторы, передавая интонацию причитания («**Что мне твоя** чистота? **Что мне твоя** смерть? **Что мне** до этого? **Благословенна** пшеница, **ибо** под ней мои сыновья. **Благословен** дождь, **ибо** он омывает мертвых. **Благословен** бог, **ибо** он всех нас успокоит» [16, с. 246] — перевод А. В. Февральского. «**Что мне твоя** честь? **Что мне твоя** смерть? **Что мне вся суeta земная?** **Благословенна** рожь — под ней сыновья мои. **Благословен** дождь — он омывает мертвых. **Благословен** Бог, **ибо** с ними нас успокоит» [17, с. 172] — перевод Н. Р. Малиновской). Выражение "*nada de nada*" («ничего») — «**вся суeta земная**» в переводе Н. Р. Малиновская возвышает речь Матери, усиливает горестную ноту ее одиночества, характерную для сигирийи.

Мать произносит сложную фразу начиная ее с упоминания о ноже, как и в начале пьесы, Невеста повторяет часть этой фразы и в переводе Ф. В. Кельина эти слова Невесты стали финалом: "Y esto es un cuchillo, / que apenas cabe en la mano; / pez sin escamas ni río / para que un día señalado, entre las dos y las tres, / con este cuchillo / se quedan dos hombres duros / con los labios amarillos" [15, p. 92] (И это нож / что еле удержится в руке / рыбка без чешуи и без реки / чтобы в назначенный день, между двумя и тремя часами / остались два гордых мужчины / с пожелтевшими губами). В переводе ее реплика отличается возвышенностью и трагическим пафосом: «**Ножом** вот этим...**Он так мал, / что выпадает он из рук. / Он рыбкою** без чешуи, / **он рыбкой, брошенной на берег, / казался прежде, но в тот день, / который им судьбой назначен, / меж часом и двумя друг друга / ножом зарезали вот этим / два гордых и суровых мужа. / Тepерь лежат они недвижно, / на их устах желтеет смерть» [16, с. 247]. Но в оригиналe**

пьесу завершает сложная для понимания реплика Матери: "Y apenas cabe en la mano, / pero que penetra frío / por las carnes asombradas / y allí se para, en el sitio / donde tiembla entarañada / la oscura raíz del grito" [15, p. 92] (И едва помещается в руке / но проникает холодом / в пораженную плоть / и там останавливается, в том месте, / где дрожит спутанный / темный корень крика). Эти строки — финальный аккорд ее сигирии, он пронзительным криком боли и отчаяния звучит в переводе А. М. Гелескула: «И всего-то в ширину ладони, / но в живое тело / острие, пронизывая дрожью, / **входит до предела**, / до того последнего предела, / где **темно и дико / заплетены слепые наши корни / сердцевиной крика**» [17, с. 174].

Пьеса Федерико Гарсиа Лорки «Кровавая свадьба» — самая музыкальная пьеса испанского драматурга. Ее поэтика связана с образами испанского фольклора, обрядовыми песнями, ритмами испанской музыки и музыкального спектакля фламенко. Музыкальное начало в драме проявляется в тематических и эмоциональных контрастах, смене тональности структурных компонентов. Все эти компоненты связаны общим настроением тревоги и нарастающего напряжения, схожего с тем, что несет в себе народное искусство фламенко. Именно с перевода этой пьесы началось знакомство русского читателя с драматургией испанского автора. Первые переводчики пьесы стремились к точности, трансформируя текст, иногда подчеркивая трагический пафос, по-своему передали ее колорит и музыкальность. Их целью было ввести испанского автора в русскую литературу. Второму, более позднему переводу предшествовало многолетнее изучение творчества и эстетики Лорки отечественными и зарубежными литературоведами. Этот перевод был ориентирован на сценическое воплощение пьесы. Несмотря на трансформации, смену ритма и тональности, переводчиками, безусловно, воспринято и воссоздано музыкальное начало пьесы и ее фольклорная основа, благодаря чему русская «Кровавая свадьба» сохраняет экспрессивность и яркий испанский колорит.

Библиография

1. Житенев А. А. Музыкальный экфрасис и музыкальный код в прозе Н. Кононова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2018. № 4. С. 64-75.
2. Коляденко Н. П. Музыкальность художественной литературы: синестетический аспект // Идеи и идеалы. 2012. № 2. С. 142-149.
3. Римонди Дж. О роли музыкального экфрасиса в повести А. Ф. Лосева "Трио Чайковского" // Studia Litterarum. 2020. № 1. С. 22-41.
4. Олицкая Д. А. Перевод драмы: специфика, проблемы, подходы // Традиции и инновации в филологии XXI века: взгляд молодых ученых: материалы Всероссийской молодежной конференции, 23-25 августа 2012 г. Томск, 2012. С. 410-411.
5. Сметанина Н. А. Музыкальность пьес Эдварда Олби (на примере пьесы «Три высокие женщины») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. № 7. С. 2097-2103.
6. Таршис Н. А. Музыка драматического спектакля. СПб.: Издательство СПбГАТИ, 2010.
7. Гарсия Лорка Ф. Самая печальная радость: перевод с испн. / Сост., автор предисл. и comment. Н. Р. Малиновская. М.: Прогресс, 1987.
8. Visente Yagüe Jara M.I. Federico García Lorca a través de la música. Selección y análisis didáctico de un repertorio musical con hipotexto teatral / Bellaterra Journal of Teaching & Learning of Language Literature. 2019. Vol. 12(4), Nov-Dic. Pp. 81-101. DOI: <https://doi.org/10.5565/rev/jtl3.831>
9. Гуарнидо Х. М. Федерико Гарсиа Лорка в воспоминаниях современников. М.: Терра,

1997.

10. Kube Tamayo L. Tradición y flamenco: la música ideada por Lorca para "Bodas de Sangre" // La nueva alboreá. Revista de la Junta de Andalucía. 2018. Pp. 44–51.
11. Бенсуссан А. Гарсия Лорка. М.: Молодая гвардия, 2014.
12. Февральский А. В. Драматургия Федерико Гарсии Лорки // «Кровавая свадьба». М.: Искусство, 1939.
13. Калашникова Е. По-русски с любовью: Беседы с переводчиками. М.: Новое литературное обозрение, 2008.
14. Малиновская Н. Р. Самая печальная радость // Тема с вариациями. М.: Центр книги Рудомино, 2014.
15. García Lorca F. Bodas de Sangre. Edición Brontes. Barcelona: Olmak Trade S.L., 2017.
16. Гарсия Лорка Ф. Избранные произведения. В 2-х т. Т. 2. Стихи, театр, проза: Пер. с исп. / Редкол. А. Минин, Л. Осповат, Г. Степанов и др.; Сост. и примеч. Л. Осповата. М.: Художественная литература, 1986.
17. Гарсия Лорка Ф. Кровавая свадьба: пьесы / Федерико Гарсия Лорка; перевод с испанского; составление и комментарии Н. Малиновской. М.: Текст, 2020.
18. Силюнас В. Ю. Федерико Гарсия Лорка. Драма Поэта. М.: Наука, 1989.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Так называемый вопрос интермедиальности художественных текстов последнее время часто рассматривается в научных работах. Стоит признать, что связь музыки и литературы несомненна, органична, концептуальна. Следовательно, указанный вектор исследований вполне целесообразен. Автор рецензируемой статьи вначале отмечает, что «музыка в художественном произведении может быть не только фоном, звучать в исполнении героя, но и инструментом развертывания сюжета, создания образа героя, общей атмосферы, средством художественного выражения экспрессии, создания лирического, трагического эффектов, особого напряжения. Она становится, по словам Дж. Римонди, «органическим компонентом поиска новых средств художественной выразительности». Удачное, на мой взгляд, начало задает и весь вариант разверстки вопроса на примере драмы Федерико Гарсии Лорки «Кровавая свадьба» в русских переводах. Работа целостна, оригинальна, информативна, серьезных фактических неточностей в тексте не выявлено. Автор стремится к максимуму объективации вопроса; должный ряд позиции вводится достаточно грамотно: например, «Федерико Гарсиа Лорка был не только поэтом и драматургом, но художником, режиссером и музыкантом. Он получил домашнее музыкальное образование, играл на фортепиано и сочинял музыку. С народной музыкой был знаком с детства, путешествовал по Испании записывал, собирая, аранжировал испанские народные песни и изучал испанский фольклор, «не как учений, но как поэт» [7, с. 81], постигая глубину древнего песенного стиля канте хондо, прекрасно играл на гитаре и любил фламенко. Дружба со знаменитыми музыкантами и композиторами того времени Мануэлем де Фальей, Адольфо Саласаром, Густаво Питталугой, гитаристами Андресом Сеговия, Рехино Санчесем де ла Маса, певицей Энкарнасьон Лопес (Архентинитой) повлияла на творчество Лорки поэта и драматурга», или «В пьесах Лорки «музыка не случайное украшение, а важнейшая составная по-лоркиански выразительных сценических решений. <...> Чувствуется, что поэту необходимы музыкальный ритм и мелодия, чтобы придать особую силу слову и добиться наиболее полного сценического выражения. Ни один автор (включая Лопе) не

обращается к музыке с таким постоянством, ни у кого она не имеет такой органической связи с развитием сюжета» — заметил друг поэта Х. М. Гуарнидо [9, с. 187]». Как видим ссылки и цитации даются также в режиме регламентаций издания. Считаю, что авторская позиция в работе высказана с достаточной степенью аргументации, объективность взгляда налична. Стиль сочинения соответствует собственно научному типу: например, «Пьеса Лорки «Кровавая свадьба» воплощена в различных сценических формах — опере, балете, музыкальном спектакле фламенко. Связи пьесы «Кровавая свадьба» с классической музыкой посвящена работа Класа Воунша, где автор соотносит композицию и сюжет пьесы с кантатой И. С. Баха «Wachet auf, ruft uns die Stimme» BWV 140» («Проснитесь, нас голос зовет»), созданной композитором на основе церковной песни Филиппа Николаи», или «Музыку к пьесе «Кровавая свадьба» написал сам автор, обработав народные мелодии, и он же выступил его режиссером. При постановке спектакля Лорка особенно внимательно следил за передачей песенных элементов. Как отмечает А. Бенсуссан, Лорка уже писал музыкальные фрагменты к драмам «Мариана Пинеда (1925) и «Чудесная башмачница» (1926), но именно в драме «Кровавая свадьба» он проявляет себя настоящим композитором, «он хотел, чтобы все лирические места в этой трагедии были пропеты» [11, с. 288]. Гарсия Лорка создал для спектакля шесть музыкальных композиций. Основа ритма пьесы — испанские народные песни, коплы и ритмы фламенко» и т.д. Цитаты даются в унифицированном режиме. Рецензируемый материал оригинал, самостоятелен, отличает работы и научный сред, который в массе критических источников активно еще разбирался. Открытые источники даются в режиме буквальной ссылки: «А. М. Гелескул — поэт, переводчик, эссеист, исследователь испанской народной песенной поэзии перевел все лирические произведения Гарсии Лорки. В переводе стремится не столько к точности, сколько к воссозданию экспрессии, считая перевод искусством: «родственным исполнительскому, переложением с одного музыкального инструмента на другой» [13, 156]. В этом кроется суть его переводческой стратегии — уйти от буквализма, сделать текст понятным русскому читатель, но в то же время, по словам Н. Ю. Ванханен, «спеть в унисон с голосом автора» (Ванханен Н. Ю. Поэзия, данная во всех ощущениях // Книжный клуб, № 2, 2006 URL: <https://geleskulam.narod.ru/translate.html>)». Разные переводы драмы Федерико Гарсии Лорки «Кровавая свадьба» умело соотносятся, выявляется разница языкового оформления. Считаю, что примеров / иллюстраций в работе достаточно; режим компаратива введен в таблично-визуальном формате, что вполне уместно. Выводы по работе есть рациональный итог всего исследования: «Музыкальное начало в драме проявляется в тематических и эмоциональных контрастах, смене тональности структурных компонентов. Все эти компоненты связаны общим настроением тревоги и нарастающего напряжения, схожего с тем, что несет в себе народное искусство фламенко. Именно с перевода этой пьесы началось знакомство русского читателя с драматургией испанского автора. Первые переводчики пьесы стремились к точности, трансформируя текст, иногда подчеркивая трагический пафос, по-своему передали ее колорит и музыкальность. Их целью было ввести испанского автора в русскую литературу. Второму, более позднему переводу предшествовало многолетнее изучение творчества и эстетики Лорки отечественными и зарубежными литературоведами. Этот перевод был ориентирован на сценическое воплощение пьесы». Серьезных фактических ошибок в тексте не выявлено, тема соотносится с одной из рубрик издания; материал практически ориентирован. База источников достаточна, формальный грейд выдержан. Тема исследования раскрыта, цель достигнута. Рекомендую статью «Рецепция музыкального начала драмы Федерико Гарсии Лорки «Кровавая свадьба» в русских переводах» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Дай Ц. Средства создания юмористического эффекта в интернет-мемах // Филология: научные исследования. 2025. № 2. С. 110-122. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.2.73319 EDN: CZVDWS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73319

Средства создания юмористического эффекта в интернет-мемах

Дай Цзини

ORCID: 0009-0000-1479-5498

аспирант, кафедра "Русский язык. Языки народов России"; Санкт-Петербургский государственный университет

199058, Россия, г. Санкт-Петербург, Морская наб, д. 37 к. 1, кв. 1

✉ st084506@student.spbu.ru



[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.2.73319

EDN:

CZVDWS

Дата направления статьи в редакцию:

10-02-2025

Дата публикации:

04-03-2025

Аннотация: Предметом исследования являются средства создания юмористического эффекта в интернет-мемах. Объектом исследования являются русскоязычные интернет-мемы, циркулирующие в российском сегменте интернет-пространства. Интернет-мем представляет собой уникальное явление интернет-культуры, которое сочетает в себе вербальные и невербальные элементы, обеспечивая когнитивное, прагматическое и эстетическое влияние на интернет-коммуникацию. Особое внимание уделяется поликодовости и мультимодальности мемов, которые обусловливают взаимодействие различных знаковых систем и формирование многослойных комических смыслов. В исследовании рассматриваются различные риторико-стилистические средства создания юмористического эффекта в интернет-мемах, такие как каламбур, окказионализмы, метафора, аллегория, гипербола, персонификация, антитеза и эффект нарушенного

ожидания. Также рассматриваются интертекстуальные связи, культурные коды и игровые элементы, обеспечивающие вариативные модели восприятия юмора. Методология исследования основана на риторико-стилистическом и лингвосемиотическом анализе. Используются методы мультимодального и дискурс-анализа для выявления взаимодействия текстовых и визуальных компонентов в поликодовых конструкциях интернет-мемов. Научная новизна исследования заключается в изучении интернет-мема как поликодового текста в интернет-дискурсе, объединяющего вербальные и визуальные компоненты для создания многослойного юмористического эффекта. Было выявлено, что ключевой характеристикой мемов является интертекстуальность, проявляющаяся через использование узнаваемых текстовых и визуальных шаблонов. Поликодовость интернет-мемов обуславливает мультимодальность риторико-стилистических средств создания юмора, включая лексико-семантические приёмы, изобразительные тропы и выразительные фигуры. Изобразительные средства формируют образные сопоставления и ассоциативные связи, усиливая комическое восприятие, а выразительные приёмы организуют комическую структуру высказывания, подчёркивают смысловые контрасты и создают парадоксальные ситуации. Ведущим средством создания юмора в интернет-мемах является мультимодальная метафора. Таким образом, интернет-мемы представляют собой мощный инструмент юмористической интернет-коммуникации, объединяющий иронию, сатиру и абсурд.

Ключевые слова:

интернет-мем, юмор, комический эффект, поликодовость, мультимодальность, ирония, тропы, стилистические фигуры, интертекстуальность, риторико-стилистические стратегии

Введение

Интернет-мемы представляют собой уникальное явление интернет-культуры, объединяющее текстовые, визуальные и аудиовизуальные элементы для передачи идей, эмоций или социальных комментариев в сжатой и выразительной форме.

В цифровом пространстве интернет-мемы функционируют как динамичные и реплицируемые единицы, способные трансформироваться и адаптироваться в зависимости от контекста. Они рассматриваются как сложные семиотические конструкции, основанные на взаимодействии вербальных, визуальных и, в некоторых случаях, аудиальных элементов. Эти компоненты формируют многослойные и многозначные смыслы, придавая мемам гибридный характер и позволяя интегрировать иконичность, индексальность и символичность. Благодаря способности мемов переходить между различными типами знаков и их динамичной структуре, они играют важную роль в формировании и трансформации современных интернет-дискурсов, становясь неотъемлемой частью сетевой коммуникации [16].

Ключевой характеристикой интернет-мемов является их способность объединять различные знаковые системы (коды) — текстовые, визуальные и аудиальные элементы, что определяет их поликодовость. Креолизованные мемы, как особая разновидность поликодовых текстов, представляют особый интерес, поскольку они объединяют текст и изображение в единую знаковую конструкцию. Такая интеграция усиливает когнитивное и прагматическое воздействие мемов, эффективно передавая сложные культурные коннотации и создавая юмористические эффекты [7, 12, 14]. Такие особенности интернет-мемов, как имплицитность и прецедентность, требуют от реципиентов значительных

когнитивных усилий для интерпретации скрытых смыслов, что повышает вовлечённость аудитории [7].

Одной из главных функций интернет-мемов является развлекательная и юмористическая. Благодаря своей поликодовости, интертекстуальности и имплицитности они обладают значительным комическим потенциалом, который проявляется через активное использование различных стилистических приемов. Такие приёмы, как языковая игра, гипербола, антитеза и метафора, позволяют мемам варьировать формы юмора — от иронии до абсурда. Эти средства не только создают развлекательный эффект, но и способствуют снижению эмоционального напряжения, помогая аудитории воспринимать сложные темы через юмор [2, 8, 17].

Актуальность исследования средств создания юмора в интернет-мемах обусловлена необходимостью изучения механизмов взаимодействия вербальных и невербальных элементов, которые обеспечивают передачу юмора. Экстралингвистические факторы, такие как социальный и культурный контексты, играют ключевую роль в формировании комического эффекта. Анализ специфики создания юмора раскрывает лингвосемиотическую природу мемов и позволяет глубже понять, как языковые и экстралингвистические элементы совместно формируют комическое воздействие, усиливая эмоциональное и когнитивное восприятие аудитории.

Цель, материал и методы исследования

Целью настоящего исследования является анализ способов и средств создания юмора в креолизованных интернет-мемах. В рамках исследования было изучено 100 произвольно отобранных мемов из российских интернет-ресурсов.

Интернет-мемы рассматриваются как поликодовые тексты в рамках интернет-дискурса, которые требуют междисциплинарного подхода для анализа их многослойных стилистических стратегий создания юмористического эффекта. Для выявления специфики средств создания юмора в интернет-мемах были применены риторико-стилистические и когнитивные подходы, а также методы семиотического анализа, анализа мультимодальных компонентов и дискурсивного анализа. В статье представлены восемь репрезентативных примеров анализа, демонстрирующих результаты исследования.

Результаты и обсуждение

Основными средствами создания юмора в данных мемах являются игра слов (16 случаев), риторико-стилистические приёмы, включая метафору (46 случаев), аллегорию (23 случая), гиперболу (19 случаев), персонификацию (28 случаев) и аллюзию (14 случаев), а также логические стратегии, такие как антитеза (22 случая) и эффект обманутого ожидания (11 случаев). Благодаря своей поликодовой природе большинство перечисленных приёмов выходят за пределы лингвистической сферы, представляя собой мультимодальные средства, которые объединяют вербальные и визуальные элементы. В одной мемной единице часто наблюдаются многослойные стилистико-риторические стратегии. Такое сочетание способствует созданию юмористического эффекта через проявление иронии, сатиры, сарказма и абсурда, делая мемы универсальным инструментом комического выражения.

Важным стилистическим приёмом создания юмора в мемах является языковая игра. Она реализуется через окказиональное словообразование, каламбуры, омонимию и т. д. **Каламбур** как фигура речи, представляет собой популярное средство создания юмора в

интернет-мемах. Согласно определению, это «игра слов, основанная на комическом обыгрывании звукового сходства (омонимии) слов и словосочетаний, имеющих разное значение» [5].

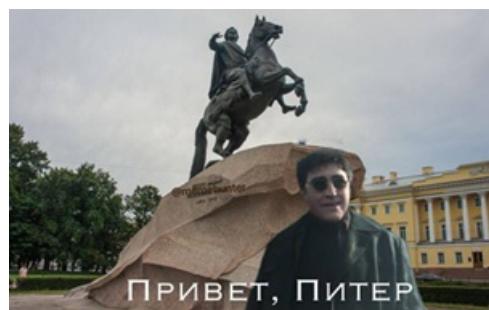


Рис.1. Мем «Привет, Питер».

Мем «Привет, Питер» на рис. 1 представляет собой яркий пример каламбура, в основе которого лежит многозначность обращения. Каламбура в данном меме реализуется визуальной и семантической игрой. Центральным элементом становится «двойное прочтение» имени Питер. Оно одновременно функционирует как имя известного персонажа (Питер Паркер, альтер эго Человека-Паука) и сокращенное название города (Санкт-Петербург). С одной стороны, фраза интерпретируется как приветствие, адресованное городу Санкт-Петербургу, представленному через символическое изображение Медного всадника. С другой стороны, благодаря визуальному контексту, включающему изображение персонажа из киновселенной Marvel, мем отсылает к сцене из фильма «Человек-Паук: Нет пути домой», где доктор Осьминог произносит эту же фразу. Благодаря этому мем использует полисемию, свойственную каламбуру, чтобы создать комический эффект, основанный на внезапном изменении интерпретации. Подобная игра слов требует от аудитории культурной и межтекстуальной компетентности, так как для полного понимания необходимы знания как российской культурной символики, так и популярной массовой культуры.

Кроме того, стоит отметить контраст между изображением Медного всадника, который является символом торжественной и монументальной истории, и стилистикой современной кинофраншизы, представляющей массовую культуру. Каламбур становится своеобразным медиатором, соединяющим два контекста — серьёзный (исторический и культурный) и развлекательный. Это создает ироничное напряжение, которое усиливает комический эффект мема.

Визуальная часть в этом меме выполняет ассоциативную функцию: Медный всадник отсылает к Санкт-Петербургу, а Доктор Осьминог — к хорошо узнаваемому меметическому контексту. Вербальная часть «Привет, Питер» функционирует как «речевая интервенция», которая связывает эти два слоя семантики каламбуrom, создавая комический эффект. В этом меме текст и изображение находятся в симбиотической связи, и их взаимодействие создает мультимодальную стилистическую стратегию.

В мемах для создания юмора часто используются **окказионализмы**. В лингвистике под окказионализмами понимаются индивидуально-авторские слова, которые создаются для конкретного контекста.



Рис. 2. Мем «Мойtron».

Мем на рис. 2 использует окказионализм, чтобы создать юмористический эффект, опираясь на неожиданные ассоциации и сочетания, которые нарушают привычное восприятие знакомых слов. В данном случае, три частицы — «электрон», «протон» и «нейтрон» — представлены научными терминами и соответствующими знаками, что вызывает у зрителя ассоциации с физикой и строгими законами природы. В конце мем вводит окказионализм «мойtron», который сопровождается изображением унитаза. «Мойtron» создается как комбинация слова «мой», которое подразумевает личную принадлежность, и «tron», который отсылает к королевскому престолу как символу власти. Это сочетание не имеет отношения к физике, но создает ассоциацию с туалетным сиденьем, являясь неожиданным и комическим.

Данный мем эффективно использует окказионализм, создавая юмор через игру слов, основанную на омонимии. Вставка повседневного понятия в контекст научных терминов приводит к неожиданному и абсурдному сочетанию, что вызывает смех.

В интернет-мемах одним из наиболее часто используемых средств передачи смысла и создания юмора является **метафора**. Благодаря поликодовой и медийной природе интернет-мемов, метафора представляет собой не языковую, а мультимодальную концептуальную метафору, которая создаётся совместным воздействием вербальных и невербальных компонентов. Согласно теории концептуальной метафоры, предложенной Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, в основе метафоризации лежит процесс взаимодействия между структурами знания двух концептуальных доменов — области источника (source domain) и области цели / мишени (target domain). В результате метафорической проекции хорошо известные человеку элементы области источника структурируют менее понятную для него концептуальную область цели [9]. В мультимодальных метафорах области цели и источника обычно относятся к разным модальностям.

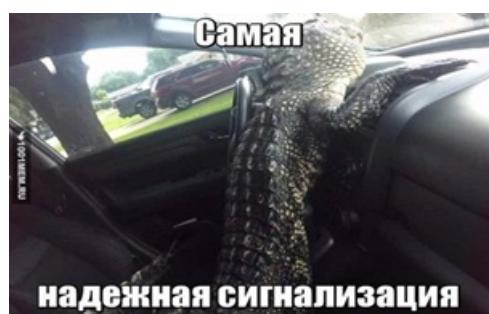


Рис. 3. Мем «Самая надежная сигнализация».

Приведенный пример (рис. 3) с изображением крокодила в автомобиле и подписью

представляет собой типичную модель мультимодальной метафоры в интернет-мемах. Область источника представлена визуальным компонентом — изображением крокодила, а область цели — верbalным текстом «самая надежная сигнализация». Взаимодействие верbalного компонента (текста) и неверbalного компонента (изображения) создаёт метафорическую проекцию, где крокодил выступает метафорой угрозы, о которой предупреждает автомобильная сигнализация. Этот мем структурирует понятие надёжности защиты через знакомый и легко узнаваемый образ угрозы, представленный крокодилом. Поскольку автомобильная сигнализация обычно ассоциируется с электронными устройствами, представление крокодила в этой роли выглядит неожиданным и абсурдным. Мультимодальная метафора в данном случае помогает создать комический эффект, построенный на абсурде.

Интернет-мемы, как форма постмодернистского юмора в цифровую эпоху, характеризуются также аллегоричностью. **Аллегория** — это условная форма высказывания, которая выражает абстрактное содержание некоторой мысли (понятия, суждения, идеи) посредством наглядного представления (образа). Аллегория представляет собой иносказание, при котором используемый образ означает нечто «иное», чем есть он сам [15]. В постмодернистском контексте **аллегория** становится инструментом для интерпретации и деконструкции смыслов [6]. Аллегория в креолизованных мемах, как правило, является мультимодальной и визуализируется с помощью изображений, передающих субъективные чувства, которые сложно выразить и описать словами.



Рис. 4. Мем «Когда я с утра пытаюсь перебороть сон».

На рис. 4 аллегория служит для передачи чувства тяжести и напряжения, связанного с пробуждением и преодолением утренней сонливости, переданной изображением двух борцов. Такая отвлечённая идея наглядно представлена в виде ситуации борьбы дзюдо, где массивный борец в белом символизирует «сон», а борец в синем — человека, который пытается его перебороть с утра, символизирующем сон. Таким образом, аллегория делает отвлечённую идею более конкретной и визуально понятной, вызывая комический эффект за счёт узнаваемости ситуации.

Грань между метафорой и аллегорией нередко оказывается размытой. Н. Фрай отмечает, что аллегория представляет собой «сложную повествовательную метафору» [18, с. 73]. Аллегория в креолизованных мемах может рассматриваться как развернутая метафора, где визуальные и текстовые компоненты работают в тесной связке, дополняя друг друга. В данном случае изображение борцов и текст о борьбе с сонливостью совместно создают единую метафору, которая передаёт смысл через взаимодействие двух знаковых систем. Как метафоры, так и аллегории активно используются в мемах как средства создания юмора, например, в повседневной жизни с эпическими или абсурдными контекстами, где обе структуры формируют комический эффект.

В интернет-мемах широко используется антитеза. В лингвистике **антитеза** определяется как 1) «стилистическая парная фигура в тексте, используемая в различных целях: экспрессивно-изобразительных, юмористических, иронических, оценочных и т.п.»; 2) «стилистический прием противопоставления понятий, положений, образов, состояний, гипотез, предметов и т.п.» [5]. Со стилистической точки зрения, антитеза в креолизованных мемах используется для создания яркого визуального или вербального эффекта, который помогает привлечь внимание адресата и усилить эмоциональную реакцию. Это может быть контраст между изображением и текстом, между различными элементами изображения или между ожидаемым и фактическим содержанием мема.



Рис. 5. Мем «Телефоны в 2002 и 2020».

На рис. 5 используется антитеза как выразительный прием, создающий яркий контраст между двумя изображениями и сопровождающими их текстами. Мем основан на популярном визуальном шаблоне «Качок Доге и Чимс», герои известного мультфильма и/or кто они, откуда??где мощный Доге олицетворяет превосходство прошлого, а слабый Чимс — его ослабленную версию в настоящем. Антитеза проявляется в контрасте между двумя образами телефонов. Слева — мускулистый Доге с логотипом Nokia, символизирующий старые кнопочные телефоны, известные своей прочностью и автономностью. Справа — ослабленный Чимс с логотипом Apple, представляющий современные смартфоны, которые воспринимаются как более хрупкие и зависимые от постоянной подзарядки. Текст усиливает контраст и помогает раскрыть смысл изображений.

В этом меме также можно отметить использование **гиперболы (преувеличения)**, которая определяется как «фигура речи, состоящая в заведомом преувеличении, усиливающем выразительность, придающем высказыванию эмфатический характер» [3, с. 99]. Она изображает в сильно преувеличенном виде какие-либо свойства, признаки предмета или процесса, явления (размера, силы, значения, незначительности, ничтожности и др.) для усиления впечатления [4, с. 132]. Утверждения «Я сделан из самого крепкого материала во Вселенной» и «Не трогай меня, пожалуйста. А то сломаюсь» являются яркой гиперболой, в которых акцентируется внимание на высокой прочности телефонов Nokia и их долговечности, в противоположность более хрупким и уязвимым современным смартфонам, таким как продукция Apple. Эта гипербола подчёркивает контраст между прочностью старых моделей телефонов и хрупкостью современных устройств.

Сочетание антитезы и гиперболы усиливает выразительность мема, который не только вызывает комический эффект, но и выполняет ироничную оценочную функцию, отражая восприятие технологических изменений через призму ностальгии и закрепляя стереотип

о превосходстве устройств прошлого над современными.

В интернет-мемах нередко наблюдается использование **аллюзий**. С точки зрения лингвистики текста под аллюзией понимается «заимствование определенных элементов претекста, по которым происходит их узнавание в тексте-реципиенте» [13, с. 128]. Аллюзии часто используют известные культурные или исторические факты, литературные цитаты, а также популярные медиаобразования. Аллюзия может использоваться для создания подтекста и передачи авторских интенций, а также как стилистический прием для формирования выразительности. В последнем случае она не имеет целью создавать подтекст, а служит для достижения стилистических эффектов [11].



Рис. 6а. Мем «Не все так однозначно, всей правды мы не знаем».

Рис. 6а представляет собой пример использования популярной мемной фразы в сочетании с исторической аллюзией. В русском интернет-дискурсе выражение «Не все так однозначно, всей правды мы не знаем» приобрело ироничный оттенок: оно высмеивает попытки оправдать очевидные факты, представляя их как якобы сложные и неоднозначные. Использованное изображение — картина Ильи Репина «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года». Этот живописный образ не нуждается в дополнительной расшифровке, поскольку уже закреплён в культурной памяти как иллюстрация трагического эпизода — убийства царевича Ивана Ивановича своим отцом, Иваном Грозным. Выбор изображения не просто иллюстрирует сказанное, но и задаёт конкретный исторический контекст.

Прагматическое значение мема создаётся за счёт несоответствия тяжёлой исторической сцены и попытки применить к ней фразу, обычно используемую для смягчения или оправдания спорных ситуаций. Вместо того чтобы ставить под сомнение достоверность самого события, автор мема использует этот приём для создания ироничного контраста: трагедия, известная каждому, абсурдно представляется как нечто требующее дополнительного разбирательства. Историческая аллюзия здесь не просто поясняет смысл мема, но становится его центральным механизмом, который переводит трагический сюжет в область ироничной реинтерпретации.

Мемная фраза «Не все так однозначно, всей правды мы не знаем» также часто используется в мемах о животных. Мемы о животных занимают значительное место в интернет-культуре, где основным средством создания юмора является **персонификация (олицетворение)** — «наделение животных, предметов, явлений природы человеческими свойствами, а также выражение отвлеченных понятий в образе человека» [5].

В креолизованных мемах персонификация является мультимодальной, состоящей из

верbalных и визуальных компонентов. Одной из типичных форм реализации является наделение животных текстовыми строками. Рассмотрим следующий пример:



Рис. 66. Мем «Не все так однозначно, всей правды мы не знаем».

Рис. 66 представляет собой фотографию кошки перед откусенной частью ветчины, сопровождаемую мемной фразой «Не всё так однозначно, всей правды мы не знаем». Очевидно, что кошка сама съела ветчину, однако текст создаёт эффект её «оправдания», что усиливает комический эффект. Персонификация здесь реализуется через текстовую реплику, придающую животному человеческую способность к рационализации и самооправданию. Такое сочетание верbalного и визуального компонентов формирует классическую мультимодальную комическую ситуацию, вызывая у аудитории смех за счёт узнаваемости поведенческой модели.

Следующий элемент интернет-мема, создающий юмористический подтекст интернет-мема, – эффект обманутого ожидания. **Эффект обманутого ожидания** – это широко используемый литературный прием, основанный на нарушении предположений и предчувствий читателя [10]. Он способствует созданию неожиданных поворотов сюжета, когда «ожидалось» развитие событий становится неожиданным, вводя в текст элемент сюрприза и стимулируя размышления [11]. Этот эффект широко распространён в литературных произведениях, но также активно используется в интернет-мемах. С. В. Канашина подробно анализирует функции эффекта обманутого ожидания в интернет-мемах: он создает комический эффект, вызывает интригу, усиливает противопоставления и формирует парадоксы. Эти функции привлекают внимание, усиливают комический эффект и повышают запоминаемость мема [8].



Рис. 7. Мем «Молчать, сейчас говорит...».

На рис. 7 представлен мем, использующий вирусный визуально-текстовый шаблон

«Молчать, сейчас говорит...». Этот шаблон предполагает наличие авторитетной фигуры, которая прерывает разговор, чтобы произнести нечто важное. Его корни уходят в сцену из фильма «Царство небесное», где фраза произносится в торжественной и церемониальной обстановке, подчёркивая значимость говорящего. В данном меме этот шаблон сохраняет свою внешнюю структуру, но смысловой компонент подвергается неожиданной трансформации. Первоначальная фраза «Молчать, военкор» поддерживает серьёзный и военный контекст, создавая у зрителя ожидание веского высказывания, связанного с военной аналитикой. Однако следующая строка — «специалист по War Thunder говорит» — резко меняет тональность. Вместо предполагаемого военного эксперта речь идёт о человеке, чей авторитет основан не на реальном боевом опыте, а на знаниях из видеоигры.

Такое использование эффекта обманутого ожидания усиливается сочетанием визуального образа и текста. Торжественная поза персонажа и общий формальный стиль вступительной реплики создают иллюзию важности, которая затем подрывается неожиданной концовкой. Это делает мем не просто комичным, но и сатирическим — он намекает на феномен, когда игроки, обладающие знаниями из симуляторов, дискутируют о реальных военных событиях с уверенностью профессионалов.

Заключение

Исходя из вышеизложенного, можно отметить, что одной из важных характеристик интернет-мемов является интертекстуальность, которая проявляется через использование узнаваемых визуальных и текстовых шаблонов. Мемы всегда строятся на предыдущем опыте, знаниях и текстах, которые уже существуют в общественном сознании. Мемы активно опираются на прецедентные феномены, такие как культурные, социальные или исторические коды, создавая ассоциативные связи, которые обеспечивают их широкую узнаваемость и эмоциональное воздействие.

Средства создания юмора в интернет-мемах включают лексико-семантические, изобразительные (тропы) и выразительные (стилистические фигуры) приёмы. К лексико-семантическим относятся каламбур, окказионализмы и омонимия, основанные на многозначности и фонетическом сходстве. Изобразительные средства, такие как метафора, аллегория, гипербола и персонификация, формируют образные сопоставления и ассоциативные связи, усиливая комическое восприятие. Аллюзия занимает особое место, так как она не только создаёт иносказательные образы, но и требует от аудитории когнитивного распознавания культурных кодов, что делает её важным механизмом интертекстуальности. Выразительные приёмы включают антitezу, эффект обманутого ожидания и доведение их содержания до абсурда — таким образом они организуют комическую структуру высказывания, усиливают смысловые контрасты и формируют парадоксальные ситуации.

Поликодовость интернет-мемов определяет мультимодальность риторико-стилистических средств, используемых для создания юмора. Они выходят за рамки традиционной лингвистики, так как значительная часть комического эффекта формируется на стыке текста, изображения и контекста. Визуальный ряд может не только усиливать семантические эффекты текста, но и интерпретироваться через него, получая новые смысловые оттенки. В свою очередь, языковые элементы дополняют изображение и способны направлять его восприятие, переосмысливать визуальный контекст. В пределах одной мемной единицы могут комбинироваться несколько приёмов, функционирующих на разных уровнях, что формирует многослойную стилистическую структуру. Такое наложение выразительных и изобразительных стратегий усиливает экспрессивность

мема, увеличивает его интерпретационный потенциал и расширяет воздействие на аудиторию.

Таким образом, интернет-мемы представляют собой уникальную единицу интернет-дискурса, объединяющую вербальные и невербальные компоненты. Их риторико-стилистическая многослойность в сочетании с поликодовой структурой обеспечивает высокую степень смысловой насыщенности. Интернет-мемы могут опираться на интертекстуальные связи, игровые элементы и визуальные образы, создавая различные уровни восприятия. Благодаря этим характеристикам они становятся мощным инструментом юмористической интернет-коммуникации, объединяющим иронию, сатиру и абсурд.

Библиография

1. Абрамовских Е. В. Эффект «обманутого читательского ожидания» в нарративной структуре повести Л. Улицкой «Сквозная линия» // Новый филологический вестник. 2013. № 4(27). С. 104–118.
2. Александрова Е. М. Креолизованный мем как новая форма бытования языковых анекдотов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 8(74). С. 65–69.
3. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 3-е, стереотипное. М.: КомКнига, 2005. 576 с.
4. Емельянова О. Н. Гипербола // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сквородникова, Е. Н. Ширяева и др. М.: Флинта, Наука, 2003. С. 132–133.
5. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов: Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: Изд-во «Пилигрим», 2010. [Электронный ресурс]. URL: https://lingvistics_dictionary.academic.ru/1379 (дата обращения: 15.01.2025).
6. Жилевич О. Ф. Роль аллегории в философии и литературе постмодернизма // Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук. 2023. № 1. С. 82–87.
7. Канашина С. В. Семантические особенности интернет-мема как полимодального дискурса // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 16 (811). С. 74–80.
8. Канашина С. В. Интернет-мем и юмор // Вопросы журналистики, педагогики и языкоznания. 2022. Т. 41, № 2. С. 317–328.
9. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ.; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
10. Леонтьева Т. И. Способы создания эффекта обманутого ожидания в литературном произведении // Труды Дальневосточного государственного технического университета. 2007. № 146. С. 91–94.
11. Сиренко Т. С. Стилистический аспект аллюзии // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 1. С. 364–366.
12. Терентьева Е. В., Павлова Е. Б. Семиотическая организация русскоязычных экологических интернет-мемов // Научный диалог. 2023. Т. 12, № 9. С. 184–206.
13. Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов. СПб.: КомКнига, 2007. 282 с.
14. Шереметова В. С. Интернет-мем как лингвистический феномен // Научное сообщество студентов. 2015. С. 97–101.
15. Шестаков В. П., Игнатьева И. К., Хомяков М. Б., Симонов А. И. Аллегория // Гуманитарный портал: концепты [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7325> (дата обращения: 08.01.2025).
16. Щурина Ю. В., Шелопугина Н. А. Интернет-мем: проблема семиотического статуса // Лингвистика и межкультурная коммуникация: материалы Всероссийской научно-

- практической конференции. Чита: Забайкальский государственный университет, 2018. С. 157–162.
17. Щурина Ю. В. Интернет-мемы в структуре комических речевых жанров // Жанры речи. 2014. № 8(2). С. 147–153.
 18. Frye N. Northrop Frye On Twentieth-Century Literature / ed. Glen Robert Gill. University of Toronto Press, 2010. Vol. 29. 464 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступают средства создания юмористического эффекта в интернет-мемах, которые представляют собой «универсальное явление интернет-культуры, объединяющее текстовые, визуальные и аудиовизуальные элементы для передачи идей, эмоций или социальных комментариев в сжатой и выразительной форме». Актуальность работы очевидна и обусловлена, во-первых, своей новизной, во-вторых, бурным развитием цифровых средств массовой информации и увеличением их роли в жизни современного общества, в-третьих, необходимостью изучения собственно интернет-мемов и механизмов взаимодействия вербальных и невербальных элементов, которые обеспечивают передачу юмора. Как верно отмечают автор(ы), «анализ специфики создания юмора раскрывает лингвосемиотическую природу мемов и позволяет глубже понять, как языковые и экстралингвистические элементы совместно формируют комическое воздействие, усиливая эмоциональное и когнитивное восприятие аудитории».

Теоретической основой научной работы являются труды таких отечественных и зарубежных ученых, как Е. М. Александрова, О. Ф. Жилевич, С. В. Канашина, Т. И. Леонтьева, Т. С. Сиренко, Е. В. Терентьева, Е. Б. Павлова, Н. А. Фатеева, В. С Шереметова, Ю. В. Щурина, Н. А. Шелопугина, Джордж Лакофф и Марк Джонсон, Нортроп Фрай и др., посвященные вопросам интертекстуальности и креолизованному тексту, особенностям интернет-мема, стилистическим средствам создания юмора в мемах. Библиография насчитывает 18 источников, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Методология исследования определена поставленной целью («анализ способов и средств создания юмора в креолизованных интернет-мемах») и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, интерпретативный анализ отобранного материала, метод системного анализа. Для выявления специфики средств создания юмора в интернет-мемах также применены риторико-стилистические и когнитивные подходы, методы семиотического анализа, анализа мультимодальных компонентов и дискурсивного анализа. В рамках исследования изучено 100 произвольно отобранных мемов из российских интернет-ресурсов. В статье представлены восемь репрезентативных примеров анализа, демонстрирующих полученные результаты.

Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили автору(ам) подробно рассмотреть основные средства создания юмора в интернет-мемах: игру слов (16 случаев), риторико-стилистические приёмы, включая метафору (46 случаев), аллегорию (23 случая), гиперболу (19 случаев), персонификацию (28 случаев) и аллюзию (14 случаев), а также логические стратегии, такие как антитеза (22 случая) и эффект обманутого ожидания (11 случаев); сформулировать ряд

существенных выводов: «интернет-мемы представляют собой уникальную единицу интернет-дискурса, объединяющую вербальные и невербальные компоненты. Их риторико-стилистическая многослойность в сочетании с поликодовой структурой обеспечивает высокую степень смысловой насыщенности. Интернет-мемы могут опираться на интертекстуальные связи, игровые элементы и визуальные образы, создавая различные уровни восприятия. Благодаря этим характеристикам они становятся мощным инструментом юмористической интернет-коммуникации, объединяющим иронию, сатиру и абсурд».

Результаты, полученные в ходе исследования, имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят существенный вклад в разработку феномена интернет-мема, в изучение интертекстуальности, в развитие таких научных направлений, как интернет-лингвистика, медиалингвистика, теория дискурса и лингвистика текста.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стиль изложения отвечает требованиям научного описания, содержание рукописи соответствует названию. Статья имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Уфимцев А.Е., Смирнова М.М. Биоэссенциально-детерминистическая парадигма: расширяя антропоцентризм // Филология: научные исследования. 2025. № 2. С.123-132. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.2.72915 EDN: CTFAIT URL: https://nbppublish.com/library_read_article.php?id=72915

Биоэссенциально-детерминистическая парадигма: расширяя антропоцентризм

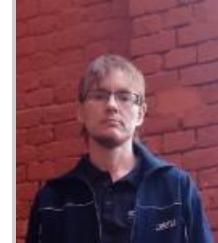
Уфимцев Александр Евгеньевич

ORCID: 0009-0004-9788-5550

независимый исследователь

660122, Россия, Красноярский край, г. Красноярск, ул. Транзитная, 48, кв. 32

✉ ufimtzev@inbox.ru



Смирнова Марина Михайловна

ORCID: 0009-0003-4332-4240

независимый исследователь

668312, Россия, республика Тыва, село Межегей, ул. Ленина, 69, кв. 1

✉ knyam2020@mail.ru



[Статья из рубрики "Психолингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.2.72915

EDN:

CTFAIT

Дата направления статьи в редакцию:

31-12-2024

Дата публикации:

04-03-2025

Аннотация: Данная статья продолжает исследования, опубликованные в журнале «Философская мысль» №№ 9 и 10 (2024) и № 1 (2025). Цель статьи: обоснование биоэссенциально-детерминистической парадигмы в лингвистике как антропоцентристической в широком смысле. Предметом исследования является

биоэссенциально-детерминистическая парадигма, понимаемая как антропоцентрическая в широком смысле. Актуальность статьи обусловлена принятием Декларации о сознании у животных. В апреле 2024 года научным сообществом была принята Нью-Йоркская декларация о сознании животных. Данная декларация утверждает наличие сознания у животных. Поскольку сознание, разум, мышление и язык взаимосвязаны, то авторы предлагают говорить о языке животных. Авторы считают: языковая способность есть у всего живого и является биоэссенциально детерминированной. Язык с позиций носителя изучает антропоцентрическая парадигма. Биоэссенциально-детерминистическая парадигма в лингвистике понимается как антропоцентрическая парадигма в широком смысле. Методы исследования: сопоставительный, метод абстрагирования, метод анализа научной литературы. В предыдущих статьях были описаны системно-структурная и биоэссенциально-детерминистическая мета-парадигмы в трансдисциплинарном аспекте. В данной статье авторы описывают биоэссенциально-детерминистическую парадигму в отдельно взятой дисциплине – лингвистике. В лингвистике традиционно выделяют системно-структурную и антропоцентрическую парадигмы. Традиционно считается: системный структурализм изучает язык как систему знаков, антропоцентризм изучает язык с учётом человеческого фактора. Авторами предложено расширить пределы понимания антропоцентризма. Введены термины биоэссенциально-детерминистическая парадигма и биоэссенциальный детерминизм. Биоэссенциально-детерминистическая парадигма понимается как антропоцентрическая парадигма в широком смысле. Биоэссенциальный детерминизм понимается как обусловленность жизненной сутью; суть, обусловленная жизнью. Биоэссенциальный детерминизм предполагает изучение языка любых живых существ, тогда как антропоцентризм предполагает изучение языка только человека. Таким образом, антропоцентризм есть частный случай биоэссенциального детерминизма. Язык как система – это достояние системного структурализма. По мнению авторов, биоэссенциально-детерминистическая парадигма – это то, что делает языкоизнание психолингвистикой.

Ключевые слова:

антропоцентризм, антропоцентрическая парадигма, биоэссенциально-детерминистическая парадигма, биоэссенциальный детерминизм, биоэссенциализм, системно-структурная парадигма, Декларация о сознании, язык животных, язык, мышление

посвящается нашему дорогому и близкому другу Надежде Николаевне Бебриш

Введение

Данная статья продолжает наши исследования, опубликованные в журнале «Философская мысль» №№ 9 и 10 (2024) и № 1 (2025). В указанных статьях нами описаны системно-структурная и биоэссенциально-детерминистическая мета-парадигмы в трансдисциплинарном ключе. В настоящей статье описано исследование проявления биоэссенциально-детерминистической мета-парадигмы в отдельно взятой дисциплине – языкоизнании.

Цель статьи: обоснование биоэссенциально-детерминистической парадигмы в лингвистике как антропоцентрической в широком смысле.

Предмет исследования: биоэссенциально-детерминистическая парадигма, понимаемая как антропоцентрическая в широком смысле.

Методы исследования: сопоставительный, метод абстрагирования, метод анализа научной литературы.

Научная новизна заключается в широком рассмотрении антропоцентрической парадигмы. Кроме того, в научный оборот введены термины **биоэссенциальный детерминизм** и **биоэссенциально-детерминистическая парадигма**.

Актуальность обусловлена принятием декларации о сознании у животных и необходимостью осмыслиения развития научного знания в связи с этим.

Статья имеет следующую структуру. Раздел **Декларация о сознании у животных** посвящён осмыслиению факта принятия декларации о сознании у животных. В разделе **Системно-структурная и антропоцентрическая парадигмы: язык и речь** сопоставлены системно-структурная и антропоцентрическая парадигмы. Кроме того, в данном разделе рассмотрены язык и речь сквозь призму парадигм. В разделе **Антропоцентризм и биоэссенциальный детерминизм** антропоцентрическая парадигма рассмотрена предельно широко. В **Заключении** представлены выводы.

Декларация о сознании у животных

В апреле 2024 года научным сообществом принятая Нью-Йоркская декларация о сознании у животных [\[1\]](#). Признано наличие сознания у животных. Какие последствия это может иметь для лингвистики?

Разумными признаны теперь не только *Homo sapiens sapiens*, но и животные. Фактически, это официальное признание очевидного для многих наличия мышления у животных. Известно, что мышление находится в тесной связи с языком. Тем самым, признание факта наличия сознания у животных равносильно признанию наличия у животных языка. Насколько абсурдной является эта идея? Постараемся осмыслить данный вопрос.

Для человека привычно ассоциировать речевую деятельность исключительно с собственным видом, и причины этого легко понять. Язык как система знаков и речь как реализация на практике этой системы, в полном смысле этих понятий всю известную нам историю были признаны существующими реально в том числе потому, что развивались внутри человеческого сообщества (среди владеющих грамотой, что немаловажно) – эти явления сформировались у людей, между людьми и для людей. Тем самым, априори считалось, что язык – прерогатива людей.

В настоящее время науке известны факты так называемого гиперобщения у представителей животного мира. Например, у муравьёв, когда члены муравьиной семьи осуществляют взаимодействие между собой, в том числе, на расстоянии: их общий труд является упорядоченным и сложенным, каким он способен быть только при наличии коммуникации.

Для сознания человека привычно воспринимать язык как систему, реализуемую посредством устной и письменной речи; феномен, который несёт в себе рациональное ядро и который можно подвергнуть рационализации, раскодировать. Но несмотря на отличия между миром *Homo sapiens* и остальной фауной планеты, вполне очевидно, что животные также осуществляют между собой коммуникацию. Язык, по своей сути – это код, одной из функций которого является коммуникация, и, как выясняется, коммуникация способна осуществляться не только в логико-словесной форме, но даже и

вообще без участия фонетических проявлений.

Системно-структурная и антропоцентрическая парадигмы: язык и речь

Что есть язык? Язык – это знаковая система, реализующаяся в речи. В отличие от языка, речь – это высшая психическая функция. Можно утверждать, что речь есть достояние психики, а язык есть многоуровневая знаковая система. В то же время язык связан с мышлением и сознанием – и тем самым проявляется в виде речи. Язык, мышление и сознание изучают различные науки. Так, Э. Сепир пишет о значимости для лингвистов и других наук: антропологии, истории культуры, социологии, психологии, философии и даже физиологии и физики. Э. Сепир пишет: «в процессе развития лингвистических исследований язык доказывает свою полезность как инструмент познания в науках о человеке и в свою очередь нуждается в этих науках, позволяющих пролить свет на его суть» [\[2, с. 260\]](#).

Итак, язык есть знаковая система, носящая биоэссенциально детерминированный характер, и это стоит учитывать, изучая язык.

В языкоznании системно-структурной парадигме традиционно противопоставляют антропоцентрическую [\[3\]](#) [\[4\]](#) [\[5\]](#). Системно-структурная парадигма рассматривает язык как систему, антропоцентрическая парадигма изучает язык с учётом человеческого фактора.

Фактически, язык – это достояние системного структурализма: определённая знаковая система, а речь – это достояние антропоцентрической парадигмы: живой процесс. Системно-структурная парадигма рассматривает язык как систему, в которой каждый элемент занимает свое место в соответствии с определёнными формальными требованиями. Антропоцентрическая парадигма рассматривает язык с позиций носителя.

Отметим, что по В. Н. Волошинову слово находится на стыке абстрактно-объективного и индивидуально-субъективного [\[5, с. 48\]](#). Схожие мысли излагает Э. Сепир: «Речь как деятельность есть чудесное слияние двух организующих систем – символической и экспрессивной; ни одна из них не смогла бы достичь нынешнего совершенства без воздействия другой» [\[2, с. 231\]](#). Мы делаем вывод: язык, речь, реализация языка в речи и кристаллизация речи в виде языка – это область пересечения системно-структурной и биоэссенциально-детерминистической мета-парадигм, проявляющихся в языкоznании как системно-структурная и антропоцентрическая парадигмы. Тем самым можно выделить особый статус лингвистики.

Итак, можно прийти к выводу: язык как система – проявление системно-структурной мета-парадигмы, а живая речь – проявление биоэссенциально-детерминистической мета-парадигмы. Тем самым снимается противоречие между издавна выделяемыми исследователями направлениями: абстрактным объективизмом и индивидуальным субъективизмом у В. Н. Волошина [\[5\]](#) [\[4\]](#); системоцентризмом и антропоцентризмом у Е. В. Рахилиной [\[4\]](#); системно-структурной и антропоцентрической парадигмами в языкоznании [\[3\]](#) [\[4\]](#).

Антропоцентризм и биоэссенциальный детерминизм

Антропоцентрическая парадигма получила широкое распространение. Говоря об антропоцентрическом принципе современного языкоznания, Н. В. Пятаева отмечает: человеческое бытие носит языковой характер [\[6, с. 47\]](#). В. М. Алпатов отмечает: антропоцентрический подход является исторически первичным [\[3, с. 15\]](#). В. В. Катермина

указывает: идея антропоцентричности языка является ключевой идеей в современной лингвистике [7, с. 228]. В. В. Катермина подчёркивает: «язык — это среда существования человека, с которой происходит его постоянное взаимодействие» [7, с. 226]. В. А. Маслова пишет о значимости изучения языка при изучении мышления в русле антропоцентрической парадигмы: «человеческий интеллект, как и сам человек, не мыслим вне языка и языковой способности как способности к порождению и восприятию речи. <...> Текст, создаваемый человеком, отражает движение человеческой мысли, строит возможные миры, запечатлевая в себе динамику мысли и способы ее представления с помощью средств языка» [8, с. 175]. Н. В. Бугорская пишет: антропоцентризм понимается многогранно, есть различные понимания антропоцентризма [9].

Таким образом, мы можем сделать вывод: дифференцируя различные понимания антропоцентризма, можно в то же время понимать антропоцентризм предельно интегрированно — как учёт суммы различных проявлений биоэссенциальности детерминированных ограничений на пути воплощения знаковой системы в языковой и речевой деятельности субъекта. Язык биоэссенциально детерминирован мыслящим и говорящим на нём субъектом.

Мы предлагаем расширить пределы понимания антропоцентрической парадигмы, и вводим термин **биоэссенциально-детерминистическая парадигма**, или **биоэссенциальный детерминизм**. Биоэссенциальный детерминизм — это обусловленность жизненной сущью; суть, обусловленная жизнью.

Если системный структурализм изучает язык, а антропоцентризм — человека в языке и язык в человеке, то биоэссенциальный детерминизм изучает язык с учётом наличия в нём биоэссенциальной детерминированного субъекта — и не обязательно это только и только человек: возможно изучать язык и любых живых существ — дельфинов, муравьёв, ворон, пчёл, крыс. Фактически, учёные уже делают это: наблюдая за коммуникацией между различными представителями живой природы и осмысливая подходы к изучению их общения — [10] [11] [12] [13] [14] [15]; изучая мышление и ставя когнитивные эксперименты с участием различных представителей фауны — [16] [17] [18] [19].

Рассмотрим связь мышления и языка в контексте языковой способности у животных.

И. П. Павлов выдвинул концепцию о двух сигнальных системах [20, с. 336-337]. Осмыслим концепцию И. П. Павлова сквозь призму исследований И. И. Булычева [21, с. 26-31], Е. И. Славутина и В. И. Пимонова [22, с. 46-55]. Очевидным будет вывод:

- первая сигнальная система может пониматься как реализация эволюционно более древнего конкретно-действенного и связанного с появлением зеркальных нейронов наглядно-образного видов мышления;
- вторая сигнальная система — как реализация словесного (словесно-логического и словесно-образного) и абстрактного (абстрактно-логического и абстрактно-художественного) видов мышления.

Отметим, что И. И. Булычев признаёт в качестве онтологической структуру сознания, включающую сенсорный, семиотический и семантический виды сознания [21, с. 31]. Мы считаем, что указанные виды сознания соотносимы с конкретно-действенным, словесным и абстрактным видами мышления соответственно. Можно сделать вывод: языковая

способность любого живого существа биоэссенциальна детерминирована его уровнем сознания (или видом мышления). Тем самым, потенциально язык есть у каждого живого существа.

Более того: если «перенести» сознание живого существа в другое, более совершенное с точки зрения мышления, тело, то это в лучшую сторону повлияет на его врождённые языковые способности.

Языковые способности живых существ ограничены их телесными возможностями – любой язык является биоэссенциальным детерминированным. Язык детерминирован видом мышления, которое присуще пользующимся им субъектам. Известны виды мышления: конкретно-действенное, наглядно-образное, словесно-логическое, абстрактное. Поскольку мышление тесно связано с языком, то можно сделать вывод, что каждому виду мышления присущ свой определённый язык:

- в качестве примера языка конкретно-действенного мышления можно назвать танец пчёл; Н. Хомский отмечает, что танец пчёл «по крайней мере поверхностно походит на человеческую речь» [\[23, с. 610\]](#);
- языком на уровне зачатков наглядно-образного мышления можно признать отдельные вокализации, или лучше воспользоваться термином из теории фонопедического метода развития голоса [\[24, с. 53\]](#): голосовые сигналы доречевой коммуникации у животных; тем самым, голосовые сигналы доречевой коммуникации предваряют способность к членораздельной речи;
- примером языка на уровне словесного мышления можно считать язык как инструмент верbalной коммуникации у людей;
- пример языка на уровне абстрактного мышления – язык как инструмент мышления у людей.

Тем самым, признание детерминированности языка видом мышления позволяет ответить на вопрос о том, какова цель языка: коммуникативная или когнитивная. Ответ будет таков: и коммуникативная, и когнитивная – в зависимости от мышления, связанного с языком. Коммуникативная – в случае словесно-логического мышления, когда язык служит для вербальной коммуникации; когнитивная – в случае абстрактного мышления, когда язык служит для осмыслиения действительности.

Мы действительно живём в языке – и определяя реализацию языковой способности видом мышления, мы переходим в плоскость психолингвистики. Тем самым можно утверждать: языкознание – это торжество системного структурализма, психолингвистика – биоэссенциального детерминизма. Антропоцентристическая парадигма в языкознании – это, по сути, переход от предела системного структурализма к пределу биоэссенциального детерминизма.

Т. В. Черниговская указывает: человеческие языки устроены иначе, чем коммуникационные системы других биологических видов [\[25, с. 463\]](#). Мы можем сделать вывод: языковая способность универсальна и биологически детерминирована – по меньшей мере, коммуникативная функция.

Н. Хомский отмечает: «язык, собственно говоря, не рассматривается как система общения. Его считают системой выражения мысли, – а это совсем иное дело» [\[23, с. 612\]](#). Признав наличие сознания у животных, мы тем самым подтверждаем: животные мыслят –

и следовательно, обладают языком.

Таким образом, любой язык, на котором общаются живые существа, изначально биоэссенциально детерминирован. Биоэссенциальный детерминизм шире, чем антропоцентризм. Антропоцентризм может рассматриваться как шаг в сторону биоэссенциального детерминизма. Антропоцентристическая парадигма есть частный случай биоэссенциально-детерминистической, реализующейся на материале человеческих языков. Можно сказать, что системный структурализм и биоэссенциальный детерминизм соотносятся между собой как план выражения и план содержания в теории знака.

Это значит, что антропоцентристическая парадигма в языкоznании расширяет свои пределы. Парадигму, описывающую язык с позиций носителя, корректнее назвать так: биоэссенциально-детерминистическая парадигма.

Заключение

Существуют различные понимания антропоцентризма. Если же понимать антропоцентризм и антропоцентристическую парадигму в широком смысле, то более подходящим будут термины **биоэссенциальный детерминизм** и **биоэссенциально-детерминистическая парадигма**.

Ранее нами были описаны системно-структурная и биоэссенциально-детерминистическая мета-парадигмы в трансдисциплинарном аспекте. Однако в свете принятия декларации о сознании животных мы можем говорить о биоэссенциально-детерминистической парадигме в отдельно взятой дисциплине – лингвистике. Тем самым, биоэссенциально-детерминистическая парадигма пришла на смену антропоцентристической – точнее будет сказать: расширила антропоцентристическую. Антропоцентризм есть частный случай биоэссенциального детерминизма.

Если системный структурализм изучает язык как систему, а антропоцентризм – язык с учётом человеческого фактора, то биоэссенциальный детерминизм предлагает изучать язык с учётом биоэссенциально детерминированного субъекта. Биоэссенциальный детерминизм предполагает изучение языка любых живых существ, тогда как антропоцентризм предполагает изучение языка только человека.

Итак, мы вправе говорить о биоэссенциально-детерминистической парадигме в лингвистике. Это же свидетельствует и о значительном увеличении роли психологии в лингвистике. Фактически, биоэссенциально-детерминистическая парадигма – это то, что делает языкоzнание психолингвистикой.

Библиография

1. <https://ria.ru/20240425/anokhin-1942314116.html> (дата обращения: 31.12.2024)
2. Сепир Э. Избранные труды по языкоzнанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. 656 с. (Филологи мира). ISBN 5-01-002079-3.
3. Аллатов В.М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку // Вопросы языкоzнания. 1993. № 3. С. 15-26.
4. Аллатов В. М. Два подхода к изучению языка // История и современность. 2016. № 1 (23). С. 198-220. EDN WAYDFZ.
5. Волошинов, В. Н. (М. М. Бахтин). Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке. Комментарии В. Махлина. М.: Лабиринт. 1993. 194 с.
6. Пятаева Н. В. Антропоцентрический принцип современного языкоzнания и понятие картины мира // Филологический класс. 2004. № 12. С. 47-54. EDN PEYWSL.

7. Катермина В. В. Человеческий фактор в языке // Человек. Культура. Образование. 2015. № 2. С. 222-232. EDN UUXESJ.
8. Маслова В. А. Основные тенденции и принципы современной лингвистики // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2018. Т. 16, № 2. С. 172-190. doi 10.22363/2313-2264-2018-16-2-172-190. EDN UOQEXN.
9. Бугорская Н. В. Антропоцентризм как категория современного языкознания // Вопросы психолингвистики. 2004. № 2. С. 18-25. EDN LAUJPJ.
10. Резникова Ж. И., Рябко Б. Я. Экспериментальное доказательство использования числительных в языке муравьев // Проблемы передачи информации. 1988. Т. 24, № 4. С. 97-101. EDN NSZSLW.
11. Резникова Ж. И. Анализ современных методологических подходов к изучению языка животных // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Психология. 2007. Т. 1, № 2. С. 3-22. EDN IIXNOX.
12. Резникова Ж. И. Язык муравьев до открытия доведет // Наука из первых рук. 2008. № 4(22). С. 68-75. EDN ILUHJS.
13. Резникова Ж. И., Дорошева Е.А. Думают ли животные? Новые возможности исследований, представляемые нейрофизиологией // Reflexio. 2018. Т. 11, № 2. С. 134-148. EDN YUHTNJ.
14. Таутц Ю. Что пчелы знают о цветах / Ю. Таутц // Наука из первых рук. 2008. № 4(22). С. 52-67. EDN JKFFHN.
15. Рябов В. А. Разговорный язык дельфина // Морские млекопитающие Голарктики: Сборник научных трудов по материалам VII международной конференции, Сузdalь, 24-28 сентября 2012 года. Том 2. Сузdalь: РОО "Совет по морским млекопитающим", 2012. С. 198-204. EDN GIPAXQ.
16. Обозова Т. А., Смирнова А.А., Зорина З.А. Мысление птиц: понимают ли попугаи, о чем они говорят? // Природа. 2018. № 10(1238). С. 46-57. DOI: 10.31857/S0032874X0001452-6. EDN VCEXMI.
17. Самулеева М. В., Смирнова А.А. Исследование процесса усвоения знаков у серых ворон // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Биология и экология. 2019. № 1(53). С. 203-217. DOI: 10.26456/vtbi061. EDN ZBMDUT.
18. Зорина З. А., Смирнова А.А. Современные представления о когнитивных способностях врановых птиц Corvidae // Русский орнитологический журнал. 2019. Т. 28, № 1747. С. 1325-1330. EDN YYKTRJ.
19. Зорина З. А., Обозова Т.А., Смирнова А.А. Высшие когнитивные способности птиц: сравнительно-эволюционный анализ // Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова. 2021. Т. 71, № 3. С. 321-341. DOI 10.31857/S004446772103014X. EDN СТРОАВ.
20. Павлов И. П. Полное собрание сочинений. Том 3. Книга 2. М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1951. 435 с.
21. Булычев И. И. К вопросу об онтологической структуре сознания // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 1997. № 2(6). С. 26-31. EDN NUVTYR.
22. Славутин Е. И., Пимонов В. И. Проблема происхождения языка в философско-семиотическом аспекте // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. 2014. № 2(10). С. 46-55. EDN SIYDTR.
23. Хомский Н. Избранное / Ноам Хомский; пер. с англ. Сергей Александровский, Вадим Глушаков. М.: Энциклопедия-ру, 2016. 720 с.
24. Емельянов В. В. Развитие голоса. Координация и тренинг : учебное пособие / 9-е изд., стер. Санкт-Петербург: Лань: ПЛАНЕТА МУЗЫКИ, 2020. 168 с.
25. Черниговская Т. В. Мозг и язык: врождённые модули или обучающаяся сеть? //

Вестник Российской академии наук. 2010. Т. 80, № 5-6. С. 461-465. EDN MSQZRL

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой статье выступает биоэссенциально-детерминистическая парадигма, понимаемая как антропоцентрическая в широком смысле. Актуальность работы обусловлена принятием декларации о сознании у животных и необходимостью осмыслиения развития научного знания в связи с этим, а также фактами так называемого гиперобщения у представителей животного мира, что позволяет говорить о языке как о мета-системе и требует серьезных изысканий: «антропоцентрическая парадигма в языкоznании расширяет свои пределы. Парадигму, описывающую язык с позиций носителя, корректнее назвать так: биоэссенциально-детерминистическая парадигма». Отмечается, что данная статья является продолжением цикла работ: уже описаны системно-структурная и биоэссенциально-детерминистическая мета-парадигмы в трансдисциплинарном ключе; здесь представлено «исследование проявления биоэссенциально-детерминистической мета-парадигмы в отдельно взятой дисциплине – языкоznании».

Теоретической базой научного исследования послужили труды таких отечественных и зарубежных ученых, как Н. В. Пятаева, В. М. Алпатов, В. Н. Волошинов, Е. В. Рахилина, В. В. Катермина, В. А. Маслова, Н. В. Бугорская, И. И. Булычев, Е. И. Славутин, В. И. Пимонов, Т. В. Черниговская, Ж. И. Резникова, Т. А. Обозова, З. А. Зорина, А.А Смирнова, Эдуард Сепир, Ноам Хомский и др. Библиография статьи составляет 25 источников, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах рукописи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. К сожалению, автор(ы) практически не апеллируют к научным трудам, изданным в последние 3 года. Конечно, это замечание не умаляет значимости представленной на рассмотрение работы, однако в данном случае достаточно сложно судить о реальной степени изученности данной проблемы в современном научном сообществе.

Методология проведенного исследования носит комплексный характер. С учётом специфики предмета, объекта, цели и задач работы (обосновать биоэссенциально-детерминистическую парадигму в лингвистике как антропоцентрическую в широком смысле) использованы общенаучные методы анализа и синтеза, абстрагирования; описательный метод, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию, классификацию материала; метод анализа научной литературы и др.

Исследование выполнено в русле современных научных подходов, рукопись состоит из введения; основной части, включающей разделы «Декларация о сознании у животных» (посвящён осмыслинию факта принятия декларации о сознании у животных), «Системно-структурная и антропоцентрическая парадигмы: язык и речь» (в котором сопоставлены системно-структурная и антропоцентрическая парадигмы, язык и речь рассмотрены сквозь призму парадигм), «Антрапоцентризм и биоэссенциальный детерминизм» (здесь предельно широко рассмотрена антропоцентрическая парадигма). Таким образом, автор(ы) рассматривают как теоретическую основу затрагиваемого проблемного поля, так и практическую проблематику. В заключительной части представлены выводы о биоэссенциально-детерминистической парадигме в языкоznании и значительном увеличении роли психологии в лингвистике («Если системный структурализм изучает язык как систему, а антропоцентризм – язык с учётом человеческого фактора, то

биоэссенциальный детерминизм предлагает изучать язык с учётом биоэссенциальности детерминированного субъекта. Биоэссенциальный детерминизм предполагает изучение языка любых живых существ, тогда как антропоцентризм предполагает изучение языка только человека»).

Теоретическая значимость и практическая ценность исследования неоспорима и обусловлена его вкладом в описание проявления биоэссенциально-детерминистической мета-парадигмы в языкознании. Полученные результаты могут быть использованы в дальнейших научных изысканиях по заявленной проблематике.

Содержание работы соответствует названию. Стиль изложения материала отвечает требованиям научного описания и характеризуется оригинальностью, логичностью и доступностью. Статья имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Дейкун И.Д. Авторская метарефлексия в романе Матвея Комарова «Ванька Каин» // Филология: научные исследования. 2025. № 2. С.133-146. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.2.71723 EDN: CTRIKQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71723

Авторская метарефлексия в романе Матвея Комарова «Ванька Каин»

Дейкун Илья Дмитриевич

ORCID: 0009-0002-9809-1010

независимый исследователь

125047, Россия, г. Москва, Миусская пл., 6, каб. 405

✉ iliariy@mail.ru



[Статья из рубрики "Интерпретация"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.2.71723

EDN:

CTRIKQ

Дата направления статьи в редакцию:

17-09-2024

Дата публикации:

04-03-2025

Аннотация: Предметом исследования является авторский метафункциональный дискурс, выраженный в комплексе дискурсивных элементов, имеющий разную жанровую и функциональную природу. В романе Матвея Комарова "Ванька Каин" метаралефлексия представляет комплекс, в который входят металепсисы, отступления, обобщения, глоссы, но также элементы паратекста, например "Предуведомление", и метатекста, например, подстраничные примечания. Все эти элементы находятся в уникальной конфигурации, составляют единую систему авторского дискурса и отражают метапоэтику произведения. Поэтому анализируя их как систему, мы разделяем не отдельные элементы, а два их комплекса, отражающих ключевую ценностную оппозицию метапоэтики произведения: метафункциональный и метанarrативный авторские дискурсы. Первый тематизирует работу вымысла, фантазии. Второй сосредоточен на рефлексии

литературной и риторической формы. В романе Комарова они имеют собственную специфику, своюственную риторическому сознанию, модифицированному народной традицией лубочной литературы. В исследовании мы пользуемся телеологическим подходом, выработанным в отечественной филологии А. Скафтымовым. Вслед за Ю. Чумаковым мы включаем авторские примечания в текст произведения. На основе постклассической немецкой нарратологии мы разделяем метафиксональный и метанarrативный авторские комментарии. На основе систематизации Ж. Женеттом транстекстуальных связей выделяем гипертекстуальную и интертекстуальную связи данного романа. Новизна исследования заключается в рассмотрении авторской метапоэтики в раннем творчестве Матвея Комарова. В аналитическом выделении ее эксплицитного, вербализованного автором вида, в комментарии, что ранее не становилось предметом исследования. Это потребовало методологически инновативного совмещения перспектив имманентного анализа литературного произведения и нарратологического анализа авторского, в ходе которого стало возможно выделение двух, метанарративной и метафиксональной, системы авторских суждений в тексте. При этом за счет специфики предмета особо ценными результатами исследования стало выявление особенностей литературного сознания Матвея Комарова. Концептуализация им литературности как качества формы, риторического восприятия вымысла как приема. И, напротив, опоры на свидетельство и на опыт в сюжетном оформлении истории, понимание ее природы как отражения действительности, эмblemатическое видение ее как фрагмента, имеющего дидактическую ценность.

Ключевые слова:

Метарефлексия, Авторский комментарий, Метафиксональный комментарий, Метанарративный комментарий, Матвей Комаров, Роман XVIII века, Метапоэтика, Голос автора, Нарратология, Авторские вторжения

Введение

Проблема авторской метарефлексии в зарубежных и отечественных исследованиях традиционно рассматривается на материале произведений XX века. Часто в рамках исследования метапрозы, прозе о прозе, в которой метарефлексия реализуется как авторское размышление над процессом создания произведения. Однако уже такие пионеры диахронического изучения метапрозы, как Патриша Во (1984), Линда Хатчен (1984) и Ингер Кристенсен (1981), обнаружили, что проявления метарефлексии можно усмотреть на протяжении всей истории литературы, начиная с «Тристрама Шенди» Л. Стерна и «Дон Кихота» М. де Сервантеса. При этом в современном литературоведении, в частности представителями постклассической нарратологии В. Вольфом (1993), М. Флудерник (2004), А. Ньюнингом (2005), была проведена классификация компонентов авторского метарефлексивного дискурса. В нем были выделены метанарративный и метафиксональный комментарий. Первый анализирует устройство повествования, осмыслияет систему речевых приемов, с помощью которых рассказчик излагает историю, а второй посвящен референциальному соотношению нарратива и реального мира [1, с. 28]. Это позволяет отойти от сфокусированности исследований метарефлексии на метапроze. Стали возможны, во-первых, специальные диахронические исследования поэтики отдельных метарефлексивных тропов, в частности, изучение металеписа В. Зусевой-Озкан (2021) и произведения в произведении Л. Муравьевой (2020). Во-вторых, стало возможна новая характеризация старых литературоведческих понятий, например

авторского комментария. Авторский комментарий – это важнейшая составляющая авторского дискурса. Его значение исторически колеблется между узким, когда под ним понимаются только примечания вне основного текста [2], и широким, когда любое авторское пояснение в тексте вплоть до диалоговых ремарок понимается как комментарий. Однако после Ю. Чумакова, во многом опирающегося на анализ субъектной структуры повествования, стало возможно говорить о единстве комплекса примечаний и внутренних авторских пояснений [3, с. 29]. На этом перекрестье зиждется актуальность данного исследования. Во-первых, модернизируется понятие авторского комментария и проводится жанровый анализ авторского метарефлексивного дискурса. Во-вторых, с предметной точки зрения ценность исследования обуславливается вводом, как в изучение метарефлексии, так и в изучение авторского комментария, нового историко-литературного материала, а именно образца популярной прозы последней трети XVIII в., романа М. Комарова «Ванька Каин» (1779). Роман XVIII в. получил систематическое литературоведческое описание сравнительно недавно, поэтому не служил объектом специальных исследований частного теоретико-литературоведческого характера, каковым является изучение метарефлексии. Между тем, «высокий» и «низкий», в терминах О. Калашниковой [4, с. 11], романы XVIII века представляют в этом плане большой интерес. Для высокого романа характерно сопровождающееся метарефлексией освоение нелитературных письменных жанров, например, трактатных форм, афоризмов и сентенций, эпистолярных форм. Ярким примером здесь является авантюристо-фантастический роман Ф. Эмина «Непостоянная фортуна или похождения Мирамонда» (1767). Для низового романа характерно освоение игровых авторских вторжений, документа, стратегий пародийного письма. Здесь яркий пример – вышеупомянутый роман М. Комарова, а также «Пригожая повариха» (1770), «Пересмешник» (1789) М. Чулкова. Однако от последних роман «Ванька Каин» отличается отсутствием иронико-комической установки. Его комизм сглажен документальностью, при этом сохраняется активная авторская метарефлексия. Вследствие чего в романе она в основном имеет функцию удостоверения в подлинности рассказываемого, и ее ключевыми темами становятся историческая достоверность, правдоподобие художественного мира, и степень, в которой жанр романа может их обеспечить.

Методы исследования

Объектом данного исследования является произведение М. Комарова «Обстоятельное описание жизни, добрых и злых дел славного российского мошенника Ваньки Каина» или, коротко, «Ванька Каин». Предметом исследования – авторская метарефлексия, выраженная в комплексе дискурсивных высказываний автора. Так как данное исследование относится к специальной, далеко не полностью понятийно освоенной области теоретико-литературоведческих исследований, его методология состоит из соединения нескольких подходов. Прежде всего «метарефлексия» определяется нами согласно с разграничением, сделанным В. Зусевой-Озкан. Она разграничила метарефлексию, метаповествование и метапозу. Метарефлексию она определила как общее выражение автором своей осознанности касательно творческих принципов своего произведения. Метаповествование – это рефлексивный модус повествования, постоянно сопровождающийся авторской метарефлексией, метароман – отдельный метарефлексивный жанр романа, имеющий темой написание романа [5, с. 7]. Метаповествования в романе «Ванька Каин» нет, авторская метарефлексия в тексте появляется лишь в узловых моментах и занимает маргинальное положение, поэтому речь в данном исследовании идет только о метарефлексии.

Для историко-литературной характеристики материала мы пользовались отечественными исследованиями лубочной литературы и романа XVIII в. Для анализа отраженной в авторской метарефлексии связи между романом и его источниками, а также отраженном в произведении соотношении литературных текстов эпохи, мы следовали учению Ж. Женетта о транстекстуальных связях, гипертексте, интертексте, паратексте и метатексте [6, с. 1-3]. Где гипертекст – это связь поэтической преемственности литературных текстов. Интертекст – присутствие одного текста в другом, например, посредством аллюзии или цитаты. Паратекст – отношение заголовочно-финального комплекса и основного текста. Метатекст – отношение критического дискурса и критикуемого, осмысливаемого текста. Для анализа авторского дискурса мы прибегли к методологии отечественной исторической нарратологии и исторической поэтики, в частности для характеристики «эмблематического вида нарратории», для которого свойственна ценностная и смысловая монолитность [7, 19], ориентация на реестр готовых культурных смыслов [8, с. 72]. Этот вид нарратории мы рассматриваем в связи с общей эпохой художественного мышления, которой он свойственен, эпохой рефлексивного традиционализма, то есть той стадии литературного процесса, для которого характерно риторическое осознание устройства поэтического творчества [9, с. 108]. Наша методология дополняется учением ставропольской филологической школы о присутствии в каждой художественной системе метапоэтического компонента, выраженного как текст в тексте, в форме отдельной публицистической автокритики своих произведений, в форме примечаний, маргиналий, в форме переписки и в других личных документах [10, с. 10].

Результаты и дискуссия

В данном исследовании нами проведен анализ авторской метарефлексии в романе Матвея Комарова «Ванька Каин», в ходе которого было выявлено, что она отчетливо делится на два комплекса, метанarrативный и метафункциональный. Каждый из них отражает отдельную группу ценностей и реализует ключевые моменты авторской метапоэтики. Поэтому мы в нашем исследовании, во-первых, характеризовали специфику авторской метапоэтики романа «Ванька Каин» в контексте общего художественного сознания эпохи. Во-вторых, обозначили функциональную иерархичность формальных элементов авторского дискурса в романе, обозначили композиционные уровни, на которых реализуется авторских дискурс, дифференцировали авторские голоса по этим уровням. В-третьих, провели жанровый анализ авторской рефлексии, обозначили композиционные центры метанarrативного и метафункционального комплексов авторского дискурса.

1. Авторская метапоэтика «Ваньки Каина» – это выраженное самосознание автора, принадлежащего к эпохе рефлексивного традиционализма. В романе «Ванька Каин» эти аспекты конкретизируются качествами эмблематического модуса нарратории, то есть автор ориентирован на готовые смыслы и устоявшиеся ценности, его манера не находит свой индивидуальный стиль, но имеет компилиативную природу соединения готовых топик речи. Этот момент осложняется гипертекстуальным и интертекстуальным отношением романа «Ванька Каин». Во-первых, специфика положенного в основу сюжета жизненного биографического материала оказывает на архитектонику романа свое влияние. Из-за этого на повествовательном уровне в романе происходит отмеченный исследователями несглаженный конфликт ценностей при характеристике героя, из-за чего Ванька Каин одновременно беспощадный злодей, щедрый справедливый вор, насильник и раскаявшийся грешник [11, с. 138-139]. Во-вторых, в не меньшей степени эклектичность, как в плане характеристики, так и в плане дискурса связана со

становящимся характером жанра русского романа в последней трети XVIII в. Жанровое сознание автора «Ваньки Каина» подвижно. Оно характеризуется осознанием «привативных оппозиций» [12, с. 25], то есть определений собственной художественной стратегии через противопоставление «соседним» жанрам. Оно в духе XVIII в. понимает жанр как коммуникативную конвенцию. Оно в постоянном активном обозначении аудитории и во внимании к читателю разделяет черты свойственной лубочной литературе ориентации на рецепцию [13, с. 26]. Здесь ярким примером служит указание в «Предведомлении» на предполагаемую аудиторию: «не только благородные, но среднего и низкого степени люди, а особливо купечество...» [14, с. 7], могут читать эту книгу. Это первая оппозиция. «Вторая оппозиция проявляется в характере примечаний, из которых мы видим, что события и обороты речи, связанные с миром повествования, для его аудитории незнакомы. Для этого в отдельных гlosсах автор оговаривает, что «у нас обыкновенно подлые люди как пишут, так и выговаривают иностранные имена несправедливо» [14, с. 18]. Аудитория первого романа Матвея Комарова «Ванька Каин» – это купечество, люди среднего сословия, довольно образованные горожане, которые «читывали Аристотеля» [14, с. 7]. Этим данный роман отличается от следующего произведения М. Комарова, авантюрно-фантастического романа «Милорд Георг», которое приобрело гораздо более широкую популярность и выдержало множество переизданий [15, с. 5], и даже снискало ему народную славу.

Другую характерную черту жанрового сознания автора составляет осознание иерархии высокого и низкого. Эта иерархичность связывается с кодифицирующим эффектом нормативных риторик и поэтик [16, с. 16], свойственным данной литературной эпохе. Сообразно риторической традиции эпохи М. Комаров воспринимает поэзию как литературу *par excellence*. Так, например, происходит в стихотворной цитате из М. Хераскова, которая предваряется специальным похвальным обозначением «российский писатель» [14, с. 47], подчеркнуто уважительным по контрасту с более ранним по тексту наименованием поэтов и драматургов «стихотворцами» и «комедий сочинителями» [14, с. 8]. С другой стороны, автор отчетливо ставит роман как жанр выше безыскусной письменной словесности. Автор всегда показывает композиционное превосходство своего произведения над трудами переписчиков, которыми «учинены великие ошибки, потому что одна материя с другой так смешаны, что едва разобрать можно» [14, с. 9]. Наконец, в подтверждения авторского сознания произведения именно как романа в «Предведомлении» частично реализована формула «просвещения и развлечения»: «чтение книг, просвещающее разум человеческий, вошло у нас в употребление» [14, с. 7]. Подчеркивается удивительность, необычность героя, чья история должна увлекать: «Бывали и в нашем отечестве чудные явления» [14, с. 8]. То есть прямо цитируются два из трех компонентов знаменитого определения романа, данного Юэ в XVII в.: «Роман – выдумки о приключениях, прозой написанные для развлечения и поучения читателей» [17, с. 23], без «выдумки», которую автор, как мы увидим ниже, отрицает. Это говорит об авторском осознании, что он пишет роман, является писателем, осознает себя включенным в большой литературный контекст эпохи. При этом отчетливо выделяются две линии авторского позиционирования: гипертекстуальная и интертекстуальная. Гипертекст проявляется в том, что автор, во-первых, отталкивается от живой биографии, из-за чего сюжет имеет оттенок импровизации. Во-вторых, автор показывает свою работу над источником, например, над документами переписчиков. Интертекст проявляется в обращении к явным, закавыченным и неявным цитатам, к присутствию в тексте клише высокого романа, в приведении авторских формул, в его дидактических отступлениях.

Эти две связи становятся транстекстуальными основами авторской метарефлексии, однако требуется уточнить как в метарефлексии отражается осознание автором устройства собственного произведения как такового.

2. Метарефлексия входит в композицию произведения как «систему дискурсов» [18, с. 48], относится к его субъектной структуре. Субъект метарефлексии в тексте никогда не конкретный биографический автор, но это и не абстрактный автор как субъектно-стилистический центр произведения [19, с. 48], это ряд конкретных субъектных инстанций, на которые он распадается. Это может быть повествователь, который является образом автора [20], то есть который напоминает биографического автора, или эксплицитным автором, то есть объявляющим, что он автор произведения, которое мы читаем [21, с. 362]. При этом в художественном произведении как в области «тотальной значимости» [22, с. 24] метарефлексия не просто распределена как ряд указателей и прямых обращений к читателю, но составляет систему фрагментов текста, имеющих между собой иерархическую связь. Главную моделирующую роль в произведении выполняет «заголовочно-финальный комплекс» [23, с. 175], в романе «Ванька Каин», состоящий из заглавия и «Предуведомления». Например, в заглавии оговорено задание на «обстоятельное и верное описание» «жизни», «странных похождений» [14, с. 5]. Заглавие считается единственным прямым словом биографического автора [24, с. 73]. Следующими по степени влияния на читателя идет предисловии, в романе «Ванька Каин – «Предуведомление», в нем задание заглавия развернуто в программу, которую следует и субъектно и тематически воспринимать вместе с паратекстом. Паратекст в романе имеет форму подстраничных примечаний. Примечания – это «привилегированное место комментария» [6, с. 2]. Так в «Предуведомлении» очень силен автобиографический акцент, концентрирующийся на гипертекстуальной оси произведения: «Сего-то ради я еще в 1773 году принял было намерение сделать описание дел известного мошенника Каина, о которых я сам от него слышал в 1755 году для некоторого дела в Сыскном приказе» [14, с. 8]. В подстраничных примечаниях выдерживается та же линия: «некоторые говорят, будто Каин сего доктора с женою зарезал, только в имеющихся у меня списках ни в одном о том не написано» [14, с. 19]. Обилие личных местоимений создает ложное впечатление, что речь о биографическом авторе. Однако хотя писатель Матвей Комаров мог, действительно, посещать Сыскной приказ в 1755 году, во-первых, этому пока не найдено прямых свидетельств [25, с. 352–353]. Во-вторых, в паратексте дается не полнота исторической личности, а конденсированная ее ипостась, которую мы условно могли бы назвать «автором-документалистом». Последний – это вид эксплицитного автора в романе «Ванька Каин», имеющего черты образа автора. Этот голос постоянно вносит пояснения. Например, он осуществляет пояснение отдельных слов: «Огневщик называется у разбойников тот, который носит трут, огниво и кремни» [14, с. 36].

Или реальное комментирование: «Китай есть та часть города Москвы, в которой находятся Гостиный, Мытный и Посольский дворы...» [14, с. 15]. Он прибегает и к одному из распространенных видов комментария, а именно комментария, содержащего анекдот, рассказ действительного случая, он имеет функцию расширения контекста произведения, помещения его в ряд похожих жизненных ситуаций, то есть тоже служит усилиению эффекта подлинности рассказа. Так, например, в сцене, когда пришедшего заложить воров Каина выталкивают с судейского двора, автор в примечании приводит соответствующий анекдот, как также вытолкали жену обедневшего дворянина [14, с. 44].

Одной из важнейших линий примечаний является апелляция к личному опыту автора. Одним из характернейших примеров здесь выступает примечание к имени второстепенного персонажа, монаха Зефира, где автор пишет: «Справедливо ль сие имя или прозвание, того я утвердить не могу, а что один неизвестный сочинитель Каиновой повести называет сего грека монахом, то весьма несправедливо, потому что сам Каин его монахом не называл, так и во всех имеющихся у меня списках, полученных из разных рук ни в одном оный монахом не именуется, а просто греком» [\[14, с. 33\]](#). Здесь видно, как автобиографический момент связан с рефлексией автора над гипертекстуальной связью романа и его письменных источников. Вплоть до того, что комментарий продолжается полемикой с автором «гипотекста» (текста-источника), выраженной в форме реального комментария: «Видно, что сему автору неизвестно, что в Греческом монастыре многие кельи нанимают и живут в них греческие купцы» [\[14, с. 33\]](#). На этом примере видно, что субъектность этого автора центрирована на происхождении текста. Тот контекст, который раскрывается в его дискурсе, служит историей текста, истории его улучшения и уточнения.

Таким образом автор-документалист проводит в произведении категории достоверности и подлинности.

Другой, во многом противоположный голос присутствует на следующем, менее влиятельном, уровне метарефлексии. На уровне графически выделенных элементов в тексте, например парантез, и композиционно выделенных фрагментов повествования, например заключений и зачинов, внутритекстовых отступлений и обобщений. Так одна из первых в тексте парантез помещена в сцене описания жизни Каина у купца Петра Филатьева. Рассказчик говорит, что, работая у купца, Каин «по привычке своей (о чем он после сам рассказывал) нередко делал как в доме своего господина, так и у ближайших соседей небольшие покражи» [\[14, с. 11\]](#). На первый взгляд, функционально эта парантеза схожа с примечаниями, принадлежит тому же субъекту-документалисту, апеллирует к жизненному опыту встречи героем, однако в тексте она выполняет и функцию предвосхищения будущего покаяния Каина. Ведь наречие «после» отсылает ко времени работы Каина в Сыскном приказе, которое составляет финал его биографического сюжета. Здесь выполняется функция сцепления рассказа в целое и направления читательского внимания. Она принадлежит другому голосу, который более явно звучит в следующей парантезе, помещенной в сцену ограбления купца Филатьева. Каин выходит из дома в господском платье, чтобы его и его подельников «не могли почесть за подозрительных людей (что они и в самом деле значили) и взять под караул» [\[14, с. 13\]](#). Парантеза здесь принадлежит повествователю рассказчику истории, она имеет оценочную функцию, указывает на моральный статус персонажа в истории, а не на его подлинность, историчность. Похожую функцию выполняют парантезы-переводы: «и как Каин выпил, то один ударяя его по плечу, говорил: «Видно, брат, что ты нашего сукна епанча» (сие значило, что того же сорту человек)» [\[14, с. 14\]](#), и иронические парантезы, как «(чего за деньги не сделаешь?)» [\[14, с. 35\]](#), подчеркивающая в сцене взятки ее порицаемый характер, и «(Рыбак рыбака далеко в плесе видит.)» [\[14, с. 36\]](#), в сцене заговора разбойников. Все они являются прямой реакцией повествователя на мир повествования, служат дополнительной ценностной ясности, от которой зависит эффект произведения. Голос, высказывающий их мы бы могли обозначить как принадлежащий автору-романиста. Другой группой внутритекстовых вторжений автора являются обращения к читателю или «металепсисы». Металепсис – согласно Ж. Женетту – это нарушающее логику повествовательных уровней вторжение авторского голоса [\[26, с. 244\]](#).

Оно само по себе подрывает иллюзию рассказа, то есть метафункционально [27, с. 24]. Металепсис является отличительной чертой «аукториальной наррации», свойственной повествовательной манере низового романа XVIII века [28, с. 25]. Не удивительно, что металепсис в романе «Ванька Каин» является прерогативой той субъектной инстанции, которую мы обозначили как автор-романист. Металепсисы имеют функцию контроля рецепции, а также несут игровую функцию, при этом отражают рефлексию автора над собственными креативными возможностями и возможностями жанра. Так это происходит в металепсисе, завершающем интригующую сцену погони драгунов за Каином: «однако не думаешь ли ты, любезный читатель, что воровским Каиновым делам здесь уже конец приближается? нет, если вы не поскучите прочесть сию книжку до последнего листа, то увидите, что последующие его дела гораздо превосходнее первых» [14, с. 29]. Этот металепсис обозначает конец эпизода, определяет его положение в общей композиции произведения, тем самым ориентируют читателя, как и первая рассмотренная выше парантеза. Содержательно он отражает композиционную метарефлексию автора, но опять же не ставит проблему подлинности и общей референции произведения. Тем самым он относится к метанarrативной рефлексии. Если все металепсисы в произведении обозначают и подчеркивают раму текста, границы эпизодов, то содержательно метанарративна из них только половина. И если металепсис, перетекающий в обобщение, как например: «Вот, почтенный читатель, как непостоянна фортуна человеческая...» [14, с. 57], относится к авторскому объяснению события сюжета через традиционный романский топ фортуны, и, принадлежат авторскому жанровому сознанию. То следующий, игровой металепсис апеллирующий одновременно к опыту автора и к фантазии читателя является редким случаем ценностного пересечения двух авторских голосов в тексте. В нем автор говорит: «я, живуче на свете более сорока лет, не только подобной сей свадьбы не видывал, но и не слыхал, да думаю, что и вы, почтенный читатель, примера сему сыскать не можете» [14, с. 53]. Он входит в зону особого авторского дискурсивного присутствия, находится в части «Дела Каиновы, учиненные во время бытности его сыщиком» в единственной из 35 главок этой части, которая имеет заглавие. Заглавие этой 16-й главы, «Описание Каиновой свадьбы», принадлежит биографическому автору. Сама глава представляет отдельную историю и предваряется большим авторским рассуждением о любовной страсти. Это рассуждение опирается на просвещенные клише и носит дидактический характер. Металепсис же венчает это рассуждение и служит в этот раз границей между дидактическим дискурсом и повествованием.

Общим и пересекающимся для этих двух выделенных нами авторских голосов является сознание своего читателя, забота о верности его восприятия авторскому замыслу. Автор-документалист тоже обращается к читателю. Например, в следующем подстраничном примечании: «Что Каин по своим делам во время свое был славен, во свидетельство тому находятся две песни, в которых имя его упоминается, которые я для любопытных читателей в конце сея истории и сообщаю с прочими песнями [14, с. 12]. Но хоть в данном обращении есть композиционная метарефлексия, речь идет не о композиции повествования, а о композиции произведения, к которому приложен неавторский текст. Функция этого примечания в приведении доказательства подлинности. Другим, объединяющим моментом является забота о подлинности, чему в большинстве своем посвящены примечания, но, как мы увидели и металепсисы. Однако речь идет даже не о двух разных видах подлинности, а о документальной и исторической подлинности и поэтическом правдоподобии.

Таким образом можно сделать ряд промежуточных выводов. Во-первых, в авторской

метарефлексии отчетливо выделяются несколько уровней с доминирующей на каждом из них различной ипостасью авторского субъекта: Заголовок принадлежит биографическому автору Матвею Комарову. «Предуведомление» и примечания – преобладающему голосу автора-документалисту. Паранезы и обращения – автору-романиста. Во-вторых, эти голоса вербализуют разные группы ценностей. Биографический автор и автор-документалист очевидно сосредоточены на исторической подлинности, тогда как автор-романист на устройстве повествования и художественном правдоподобии.

3. Как мы увидели, определенно усматривается отличие метанарративной и метафункциональной рефлексии. Однако наиболее разительно в романе «Ванька Каин» это отличие проявляется в жанровом аспекте. Проведем жанровый анализ авторской метарефлексии. Она делится на программное выступление автора, на комплекс обобщений, сентенций и уточнений, и на комплекс примечаний-комментариев. Все эти три группы различаются по области референции. Авторская программа в романе «Ванька Каин» выражена в рамках жанра предисловия, составляет метапоэтическую часть «Предуведомления». Она имеет референтом литературу вообще, как в уже упомянутой формуле романа, и характеризует авторское произведение как часть литературы. В ней обозначено осознание автором гипертекстуальной и интертекстуальной связи своего произведения.

Авторские обобщения имеют в романе форму а) философских размышлений дидактического характера, опирающихся на жанровые модели сентенции и гномы, и б) пословиц. Примером первой выступают многочисленные размышления о резкой перемене судьбы, в частности вышеупомянутый фрагмент о фортуне. Пословицы же встречаются в паранезах, как вышеупомянутая пословица о рыбаках. Оба эти жанра активно использует именно автор-романист, что подчеркивает его собственный, ценностно эклектичный характер, он автор литературного произведения, но также близок низовой литературе. Сентенция, и пословица имеют референцией факты, опирающиеся на общий смысл людей Просвещения, то есть противостоящее предрассудкам общественное мнение [29, с. 288], и на народный здравый смысл соответственно.

Касательно жанра комментария, то он в «Ваньке Каине» чрезвычайно многообразен. Это, как указано выше, реальный, исторический, анекдотический комментарий, комментарий-глосса, социально-бытовой комментарий. Они имеют референтом часть текста, но рассматривают ее в свете установки на социально-бытовую, историческую, предметную, реальность соответственно. В них актуализируется связь авторского повествования и мира читателя, а также метатекстуальная связь критики и текста.

Рассматривая эту совокупность жанров в свете заявленной в заглавии и «Предуведомлении» программы, мы видим, что они отражают авторскую метарефлексию и составляют метанарративный и метафункциональный ее комплексы. Однако это не их первичная функция. Вместе с этим в произведении есть фрагменты, где авторский комментарий прямо тематизирует вымысел или поэтическое творчество.

В романе есть метафункциональный комментарий, который отличается от вышеупомянутого металеписа о читательской фантазии именно тем, что это комментарий и он имеет референтом часть текста. Надо сказать, что в силу жанровых особенностей, а именно ретроспективности, «лемматизованности» [30, с. 26], метафункциональный и метанарративный комментарии является главнейшим индикатором авторской метарефлексии.

В тексте яркий пример метафикационального комментария дает подстрочное примечание к переводу бандитской фени в первой части романа в сцене посещения заключенного в темницу Каина его подельником Камчаткой. Автор пишет: «Любимый кайнов товарищ Камчатка [...], подавая колодникам каждому по калачу, Каину подал два [...] сказал: «Трёка калач ела, страмык сверлюк, страктирила» [14, с. 27]. К этим словам дается подстраничный комментарий: «Многим, я думаю, покажутся сии слова за пустую подлую выдумку, но кто имел дело с лошадиными барышниками [...], тот знает, что они употребляют такие слова» [14, с. 27]. Далее в том же примечании приводятся дополнительные примеры воровского жаргона. По нашему мнению, это один из центральных дискурсивных полюсов защиты подлинности произведения автором-документалистом. В плане содержания метафикациональный комментарий здесь лемматизован через обозначение фрагмента текста «пустой подлой выдумки», что опровергается. Автор-документалист сопротивляется жанровому требованию на вымысел, поэтому примечание идет рядом с парантезой-переводом. Дело в том, что перевод экзотической речи – общее место авантюрно-фантастического романа. С этой же целью в примечании даются альтернативные примеры фени, то есть содержание художественной речи ставится в ряд альтернатив, обозначается парадигматическая природа вымысла, ведь это мог бы быть любой другой жаргон, например лошадиных барышников, у которых «называется рубль – бирс, полполтины – секана, секис, гривна – жирмаха» [14, с. 27]. При этом композиционная значимость данного фрагмента подчеркивается густотой авторского дискурсивного вмешательства: парантеза и примечание. Так как мы убедились в наличие и определенной дискурсивной противоположности двух авторских голосов, то не удивительно, что в романе есть зеркальное место. Речь об обращении автора-романиста к читателю в переломном моменте повествования, когда по сюжету Каин сдает подельников и становится московским сыщиком на службе у Правительствующего сената. К окончанию повествовательного фрагмента автор присовокупляет риторическое размышление о превратностях судьбы, которое служит мотивировкой прямого обращения к читателю: «Не удивляйся сему, любезный читатель, дело сие обыкновенное, потому что если мы с прилежным примечанием рассмотрим все человеческие деяния, то несомненно увидим бесчисленное множество примеров, что воры, мошенники, злые лихоимцы... роскошствуют, благоденствуют» [14, с. 47]. По содержанию это обращение относится к авторской метафикациональной рефлексии: невероятность столь радикальной перемены героя своего амплуа снимается указанием на то, что для повседневности это обыденность. Этот высказываемый автором-романистом аргумент идеально встраивается в типичную для автора-документалиста линию защиты правдоподобия рассказа, разве что по форме оно является романским клише. Тем разительнее отличие следующего за этим чисто литературного аргумента. Автор прибегает к цитате из эпиграммы М. Хераскова, обозначая поэта через уже упомянутую нами уважительную антономазию «российский писатель». «Того-то ради один российский писатель говорит: Три вещи для меня на свете очень чудны: / Бездельник, что богат, а честны люди скучны; / Что умными тех чтут, которы безрассудны» [14, с. 47]. Этот аргумент оправдывает перемену положения героя не жизненным правдоподобием, а разработанностью темы в литературе, в ее высочайших образцах. В этом сказывается иерархическое мышление автора-романиста, для него недостаточно обращения к романским клише, так как они считаются читателем и воспринимаются автором лишь как общие места, он актуализирует интертекстуальную связь своего текста с современной поэтической литературой. Перемещенная в прозаический контекст поэтическая цитата приобретает

дополнительное значение как знак художественного литературного мастерства. Она и обрамляющий ее дискурс становится реализацией той линии авторской саморепрезентации в тексте, которая берет начало в «Предуведомлении» с упоминания поэтики Аристотеля. Вместе с этим обличительный пафос звучащего в данной цитате лирического героя выполняет своюственную автору-романисту функцию дополнительной моральной регулировки читательского восприятия. Как видно, этот интертекстуальный фрагмент органичен его дискурсу, входит в его систему ценностей. Таким образом в этом пункте можно сделать промежуточный вывод, что два отчетливо определенных дискурсивных комплексах авторской рефлексии, метафикациональный и метанarrативный, имеют две наиболее ярких жанровых проявления. Метафикациональный дискурс кристаллизуется М. Комаровым в авторский метафикациональный комментарий, который вынесен в подстрочное примечание и напрямую обращается к месту текста как к литературной реплике, но подлинной, взятой из жизни. Напротив, метанарративный дискурс кристаллизуется вокруг литературной цитаты, которая является закономерным следствием рефлексии автора над устройством художественного текста и романа как прозы.

Заключение

Результатами данного исследования является, во-первых, ввод в изучение авторской метарефлексии текста романа М. Комарова «Ванька Каин», указание на специфику авторского сознания в нем, его мышление жанровыми оппозициями и иерархиями, указание на эмблематический характер его дискурса, ориентированного на совмещение готовых смыслов. А также на рефлексию автором литературного контекста своего произведения через интертекстуальную и гипертекстуальную связи. Во-вторых, нами выявлена специфика авторского метарефлексивного дискурса в произведении, его распределение на две системы ценностей, связанных вокруг категорий достоверности истории и художественного правдоподобия. Нами продемонстрировано наличие в тексте соответствующих этим системам метанарративного и метафикационального дискурсивных комплексов. Показано, что каждый из них тяготеет к определенному уровню повествования и реализуется в определенной системе жанров. Так метафикациональный дискурс сконцентрирован на уровне заглавия, предисловия и паратекста, тогда как метанарративный дискурс принадлежит уровню повествования и оформляется в виде авторских вторжений. Наконец, нами обнаружены концептуальные центры данных дискурсивных комплексов, которые наиболее рельефно проявляют жанровую специфику и композиционную роль метафикациональной и метанарративной линии авторской метарефлексии. Также стоит отметить, что композиция нашей статьи отражает возможный алгоритм анализа авторской метарефлексии от контекстуализации метапоэтики до пофрагментного анализа авторского дискурса. Однако при этом наше исследование носит специальный и конкретно-предметный характер, и есть все основания считать, что огромную ценность будет иметь сравнительный анализ авторской метарефлексии на материале прозы XVIII века.

Библиография

1. Fludernick M. (2003) Metanarrative and metafictional commentary: From metadiscursivity to metanarration and metafiction. *Poetica* 35.1–2. (pp. 1-39).
2. Тюнькин К.И. Комментарий // Краткая литературная энциклопедия: В 9-ти т. М., 1966. Т. 3.
3. Чумаков Ю.Н. Состав художественного текста «Евгения Онегина» // Пушкин и его современники. Псков: Векулукская городская типография, 1970. С. 20-33.
4. Калашникова О.Л. «О сей род сочинений пленителен»: о русской прозе XVIII века.

- Днепропетровск: Новая идеология, 2013. С. 344.
5. Зусева-Озкан В.Б. Историческая поэтика метаромана. Москва: Intrada, 2014. С. 488.
6. Genette Gérard. *Palimpsestes. Literature in the Second Degree*. Lincoln-London: University of Nebraska Press, 1997.
7. Тюпа В.И. Логос нарративности // Тезаурус исторической нарратологии. Москва: Эдитус, 2022. С. 18-22.
8. Михайлов А.В. Языки культуры. Учебное пособие по культурологии. Москва: «Языки русской культуры», 1997. С. 912.
9. Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. Москва: Школа. Языки русской культуры, 1996. – 448 с.
10. Штайн К.Э., Петренко Д.И. Русская метапоэтика. Учебный словарь. Ставрополь: Издательство Ставропольского государственного университета, 2006. С. 601.
11. Николаев Н.И., Храмцова М.В. Маргинальный мир и герой в русской литературе XVIII века // Дискуссия. 2014. № 2. С. 138-142.
12. Клейн И. Пути культурного импорта: Труды по русской литературе XVIII века. М.: Языки славянской культуры, 2005. – 576 с.
13. Плетнева А.А. Любочная библия. Язык и текст. Москва: Языки славянской культуры, 2013. С. 392.
14. Комаров Матвей. Ванька Каин. Милорд Георг Москва: Научно-издательский центр «ЛАДОМИР», «Наука», 2019. С. 440.
15. Рейтблат А.И. Глуп ли «Глупый милорд»? // Любочная книга. Москва: Художественная литература, 1990. С. 5-21.
16. Лахманн Р. Демонтаж Красноречия. Риторическая традиция и понятие поэтического. Санкт-Петербург: Академический проект, 2001. С. 368.
17. Грифцов Б.А. Теория романа. Москва: ГАХН, 1927. С. 153.
18. Тюпа В.И. Анализ художественного текста. Москва: Издательский центр «Академия», 2009. С. 336.
19. Шмид В. Нарратология. Москва: Языки славянской культуры, 2003. С. 312.
20. Аверинцев С.С. Роднянская И.Б. Автор // Краткая литературная энциклопедия: В 9-ти т. М., 1978. Т. 9.
21. Ильин И.П. Постмодернизм. Словарь терминов. Москва: ИНИОН РАН (отдел литературоведения) – INTRADA, 2001. С. 424.
22. Скафтымов А.П. Нравственные искания русских писателей. Москва: Художественная литература, 1972. С. 547.
23. Кузьмина Н. А. Поэтика авторских комментариев к стихотворному тексту: материалы к истории жанра. Статья 1 // Вестник ОмГУ. 2009. № 3. С. 170-180.
24. Орлицкий Ю.Б. Заглавие // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. Москва: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. С. 73-74.
25. Рак В.Д. Две повести Матвея Комарова, «жителя города Москвы». // Комаров Матвей. Ванька Каин. Милорд Георг Москва: Научно-издательский центр «ЛАДОМИР», «Наука», 2019. С. 349-369.
26. Женетт. Ж. Фигуры III. Москва: Издательство имени Сабашниковых, 1998. С. 472.
27. Nunning A. On Metanarrative. Towards a Definition, a Typology and an Outline of Functions of Metanarrative Commentary // The Dynamics of Narrative Form: Studies in Anglo-American Narratology. Berlin and New York: Walter de Gruyter, 2005. Pp. 11-59.
28. Зусева-Озкан В.Б. Аукториальное повествование в прозе А.А. Бестужева-Марлинского в свете исторической нарратологии // Вестник Томского государственного университета, № 485. С. 24-34.
29. Тортароло Э. Общественное мнение // Мир Просвещения. Исторический словарь. Москва: Памятники исторической мысли, 2003. С. 286-295.

30. Брагинская Н.В. Комментарий как механизм инноваций в традиционной культуре и не только // Культура интерпретации до начала Нового времени. Москва: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2009. С. 19-66.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Объектом рецензируемой работы является произведение М. Комарова «Обстоятельное описание жизни, добрых и злых дел славного российского мошенника Ваньки Каина» или, «Ванька Каин». Автор определяет предметом исследования «авторскую метарефлексию, выраженную в комплексе дискурсивных высказываний автора». Заданный вектор исследования соотносится с одной из рубрик издания, он вполне оправдан, целесообразен. Считаю, что методология анализа вопроса современна, хотя «исследование относится к специальной, далеко не полностью понятийно освоенной области теоретико-литературоведческих исследований, его методология состоит из соединения нескольких подходов». Фактор синкретизма позволяет автору объективировать выбранный для оценки вопрос, ракурсно рассмотреть проблему; для анализа авторского дискурса «автор прибегает к методологии отечественной исторической нарратологии и исторической поэтики, в частности для характеристики «эмблематического вида наррации», для которого свойственна ценностная и смысловая монолитность, ориентация на реестр готовых культурных смыслов». Наличного текстового объема достаточно для раскрытия темы, достижения итогового результата. Материал является практико-ориентированным, он может быть импульсом для формирования новых научных изысканий, причем не только смежной тематической области. Суждения по ходу работы объективны, выверены: например, «авторская метапоэтика «Ваньки Каина» – это выраженное самосознание автора, принадлежащего к эпохе рефлексивного традиционализма. В романе «Ванька Каин» эти аспекты конкретизируются качествами эмблематического модуса наррации, то есть автор ориентирован на готовые смыслы и устоявшиеся ценности, его манера не находит свой индивидуальный стиль, но имеет компилиативную природу соединения готовых топик речи. Этот момент осложняется гипертекстуальным и интертекстуальным отношением романа «Ванька Каин», или «гипертекст проявляется в том, что автор, во-первых, отталкивается от живой биографии, из-за чего сюжет имеет оттенок импровизации. Во-вторых, автор показывает свою работу над источником, например, над документами переписчиков. Интертекст проявляется в обращении к явным, закавыченным и неявным цитатам, к присутствию в тексте клише высокого романа, в приведении авторских формул, в его дидактических отступлениях. Эти две связи становятся транстекстуальными основами авторской метарефлексии, однако требуется уточнить как в метарефлексии отражается осознание автором устройства собственного произведения как такового» и т.д. Считаю, что работе присуща однородность логики раскрытия темы, цельность позиции автора, ориентир на полновесный анализ текста. Цитации даются в верном формате, специальной правки не требуется: «так в «Предуведомлении» очень силен автобиографический акцент, концентрирующийся на гипертекстуальной оси произведения: «Сего-то ради я еще в 1773 году принял было намерение сделать описание дел известного мошенника Каина, о которых я сам от него слышал в 1755 году для некоторого дела в Сыскном приказе» [14, с. 8]. В подстраничных примечаниях выдерживается та же линия: «некоторые говорят, будто Каин сего доктора с женой зарезал, только в имеющихся у меня списках ни в одном о том не написано» [14, с. 19].

Обилие личных местоимений создает ложное впечатление, что речь о биографическом авторе. Однако хотя писатель Матвей Комаров мог, действительно, посещать Сыскной приказ в 1755 году, во-первых, этому пока не найдено прямых свидетельств...». Удачны в работе т.н. «промежуточные выводы», они корректируют основную канву научного изыскания. Термины и понятия унифицированы, уместны и ссылки на «авторитеты», например, Аристотеля: «в этом сказывается иерархическое мышление автора-романиста, для него недостаточно обращения к романским клише, так как они считаются читателем и воспринимаются автором лишь как общие места, он актуализирует интертекстуальную связь своего текста с современной поэтической литературой. Перемещенная в прозаический контекст поэтическая цитата приобретает дополнительное значение как знак художественного литературного мастерства. Она и обрамляющий ее дискурс становится реализацией той линии авторской саморепрезентации в тексте, которая берет начало в «Предведомлении» с упоминания поэтики Аристотеля». Работа цельна, оригинальна, самостоятельна; базовые требования издания учтены. Выводы по работеозвучны основной части, противоречий нет: «результатами данного исследования является, во-первых, ввод в изучение авторской метарефлексии текста романа М. Комарова «Ванька Каин», указание на специфику авторского сознания в нем, его мышление жанровыми оппозициями и иерархиями, указание на эмблематический характер его дискурса, ориентированного на совмещение готовых смыслов. А также на рефлексию автором литературного контекста своего произведения через интертекстуальную и гипертекстуальную связи. Во-вторых, нами выявлена специфика авторского метарефлексивного дискурса в произведении, его распределение на две системы ценностей, связанных вокруг категорий достоверности истории и художественного правдоподобия...». На мой взгляд, материал будет удобно использовать при изучении ряда курсов гуманитарного профиля. Рекомендую статью «Авторская метарефлексия в романе Матвея Комарова «Ванька Каин» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Шахназарян В.М. Исторические особенности развития испанского языка на территории мексиканского полуострова Юкатан // Филология: научные исследования. 2025. № 2. С.147-156. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.2.73506 EDN: CKABVR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73506

Исторические особенности развития испанского языка на территории мексиканского полуострова Юкатан

Шахназарян Владимир Михайлович

кандидат филологических наук

доцент; кафедра "Романо-германские языки"; Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)

105082, Россия, г. Москва, Рубцовская наб., 2/18

✉ vlad_shakhov@mail.ru



[Статья из рубрики "Языкознание"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.2.73506

EDN:

CKABVR

Дата направления статьи в редакцию:

25-02-2025

Дата публикации:

04-03-2025

Аннотация: Статья посвящена историческим особенностям развития испанского языка на мексиканском полуострове Юкатан, где многовековое взаимодействие с юкатекским майя сформировало уникальный региональный диалект. Исследование охватывает четыре ключевых этапа: доколониальный, колониальный, постколониальный и современный, раскрывая динамику языкового синтеза, сопротивления и адаптации. В доколониальный период (до XVI века) Юкатан был центром цивилизации майя, где юкатекский диалект, иероглифическая письменность и сложная социально-религиозная система создали основу для последующего языкового контакта. Колонизация (XVI–XVIII вв.) привела к насаждению испанского через администрацию и церковь, однако миссионеры, такие как Диего де Ланда, одновременно документировали майя, что позволило сохранить элементы его лексики и фонетики. Лингвистический синтез

проявился в заимствованиях (напр., *sepote*, *henequén*), субстратном влиянии на произношение и синтаксис, а также в скрытом билингвизме, где майя сохранялся в приватной сфере. Постколониальный этап (XIX–XX вв.) отмечен противоречиями между политикой унификации и сопротивлением коренного населения, особенно во время Кастовой войны (1847–1901). Экономический расцвет усилил стратификацию: испанский ассоциировался с элитой, майя — с сельскими рабочими. В XX веке образовательные реформы и стигматизация автохтонных языков замедлились благодаря культурному возрождению и двуязычным инициативам. Современный этап (XXI век) характеризуется асимметричным билингвизмом: 30% населения полуострова Юкатан владеет языком майя, но среди молодежи его использование сокращается. Глобализация и туризм привносят англицизмы, однако цифровые платформы и правовые и образовательные реформы (напр., *Ley General de Derechos Lingüísticos*, 2003) поддерживают ревитализацию языка. Уникальные черты испанского языка мексиканского полуострова Юкатан, такие как гортанная смычка, эллипсис согласных фонем, дублирование местоимений и национально-культурная лексика, остаются маркерами региональной идентичности. Статья подчеркивает, что будущее языкового ландшафта Юкатана зависит от баланса между образовательными программами, цифровизацией и сохранением культурного наследия. Исследование вносит вклад в изучение языковых контактов и проблем сохранения миноритарных языков в условиях глобализации.

Ключевые слова:

история испанского языка, контактная лингвистика, язык майя, испанский язык, испанский язык Мексики, испанский язык Юкатана, автохтонные языки, билингвизм, заимствования, языковая ситуация Юкатана

Введение

Полуостров Юкатан, расположенный на юго-востоке Мексики, представляет собой уникальный регион пересечения культурных, исторических и лингвистических традиций. Испанский язык, завезенный колонизаторами в XVI веке, здесь развивался в условиях интенсивного контакта с языками коренного населения, прежде всего юкатекским вариантом языка майя. Процесс данного взаимодействия привел к формированию регионального варианта испанского языка, который характеризуется национально-культурными особенностями функционирования языковых единиц на всех уровнях системы: фонетическом, лексическом и синтаксическом. Цель настоящей статьи — проанализировать исторические этапы становления испанского языка на территории мексиканского полуострова Юкатан, выделить ключевые факторы его эволюции и оценить влияние автохтонных языков на его современное состояние.

Материалом настоящего исследования послужили работы известных ученых в области истории испанского языка, социологии, этнографии и культурологии; материалы одно- и двуязычных академических словарей: J. Pérez Pío *Diccionario de la lengua maya* (1866); *Diccionario de Real Academia española* (<https://dle.rae.es/>); *Diccionario de americanismos* (<https://www.asale.org/recursos/diccionarios/damer>); *Diccionario del español de México* (<https://dem.colmex.mx/Inicio>); *Diccionario de mexicanismos de Academia mexicana de la lengua* (2010); *Diccionario del español yucateco* (2011), *Diccionario de elementos del maya yucateco colonial* (1970); J. A. Gómez Navarrete *Diccionario introductorio español – maya, maya – español* (2009); *Diccionario bilingüe ilustrado español – maya de recursos naturales* (2010); а также результаты полевых исследований, проведённых нами в 2020 г.

1. Доколониальный период: языковой ландшафт до прихода испанцев

Полуостров Юкатан в доколониальную эпоху являлся центром цивилизации майя, чьи достижения в архитектуре, астрономии и лингвистике до сих пор неподдельный интерес исследователей. Этот регион, покрытый густыми лесами и карстовыми образованиями, такими как сеноты (подземные пресные водоемы), являлся территорией множества городов-государств, таких как Чичен-Ица, Ушмаль и Маяпан, которые были связаны сложной сетью торговых и политических отношений. Социальная структура майя основывалась на иерархии, где правящая элита (ах-киноб), жрецы и военачальники контролировали ресурсы и ритуальные практики, а основное население занималось сельским хозяйством, ремеслами и строительством [\[1, с. 89\]](#).

Лингвистическое разнообразие и доминирование юкатекского варианта языка майя

Юкатекский вариант языка майя (майя' та'ан) служил лингва-франка на большей части полуострова, принимая во внимание тот факт, что в отношении языка, регион не был полностью однородным. Соседние группы, такие как чонталь и ица, использовали родственные, но отличные диалекты, что отражало племенную и территориальную дифференциацию [\[2, с. 112\]](#). Тем не менее, благодаря политическому доминированию городов-государств, таких как Маяпан (XIII-XV вв.), юкатекский вариант языка майя укрепился как язык межэтнического общения, администрации и религии. Интересно, что даже после распада Маяпана в XV веке, которое было вызвано внутренними конфликтами, язык сохранил свою роль, чему способствовала общая культурная и мифологическая база, включая эпос «Пополь-Вух» и летописную хронику «Чилам-Балам».

Иероглифическая письменность майя, которая была расшифрована лишь в XX веке советским ученым Ю. В. Кнорозовым, играла ключевую роль в сохранении исторической, культурной и сакральной информации. Тексты вырезались на стелах, керамике и в кодексах, таких как Дрезденский кодекс, где фиксировались астрономические расчеты и ритуальные календари. Письмо было тесно связано с властью: умение читать и писать ограничивалось элитой и жрецами, что подчеркивало сакральный статус языка. Обучение проводилось в специальных школах (кальмекак), где детей из высших слоев населения обучали не только грамоте, но и математике, астрологии и истории.

Религия майя, политеистическая и цикличная, глубоко влияла на языковые практики. Ритуалы, включавшие жертвоприношения и церемонии в честь богов дождя (Чаак) и солнца (Кинич Ахай), сопровождались особыми формулами и песнопениями на архаичных формах юкатекского варианта, что подчеркивало связь языка с сакральным [\[3, с. 122\]](#). Даже названия месяцев и дней в календаре майя сохранились в современном испанском языке полуострова Юкатан и интегрировались в сельскохозяйственные и праздничные циклы.

Экономика и языковые контакты

Экономика городов-государств майя основывалась в основном на сельском хозяйстве (кукуруза, бобы, какао), торговле и ремеслах. Юкатан был частью обширных мезоамериканских торговых сетей, через которые поступали обсидиан из Центральной Мексики, нефрит из Гватемалы и перья кетцаля. Эти контакты способствовали проникновению заимствований из языков науатль (язык ацтеков) и других соседних групп в вокабуляр майя. Например, слово *kakaw* 'какао', по мнению ученых из США С. Кука и В. Бораха, имеет общие корни с ацтекским *cacahuatl*, что свидетельствует о

длительных культурных обменах [, с. 67].

Демография и вызовы

До начала колонизации население Юкатана оценивалось в 1–2 миллиона человек, что делало его одним из самых густонаселенных регионов Мезоамерики. Однако эпидемии европейских болезней (оспа, корь), завезенных первыми конкистадорами, сократили численность коренного населения на 90% к концу XVI века, практически полностью разрушились традиционные социальные структуры и ускорился языковой сдвиг [\[6, с. 178\]](#).

Тем не менее, до колонизации майя создали устойчивую систему билингвизма: элита часто владела несколькими диалектами, а торговцы использовали упрощенные формы языка для коммуникации с иноземцами [там же, с. 210].

2. Колониальный период: насаждение испанского языка и языковой синтез

Колонизация Юкатана, начавшаяся с экспедиций Франиско де Монтехо в 1527–1546 годах, привела к радикальным изменениям в языковой динамике региона. Испанский язык стал не только инструментом власти, но и символом культурного доминирования. Однако его внедрение происходило в условиях сложного взаимодействия с автохтонными структурами, что породило уникальный лингвистический синтез.

Роль церкви и миссионерская лингвистика

Католическая церковь, выступая главным агентом колонизации, осознавала необходимость адаптации к местным реалиям. Миссионеры-францисканцы, такие как Диего де Ланда, активно изучали юкатекский вариант языка майя для распространения христианства. В 1562 году Ланда организовал массовое сожжение майяских кодексов в Мани, считая их «дьявольскими писаниями», но одновременно составил грамматику и краткий словарь майя (*«Relación de las cosas de Yucatán»*), которые стали основой для последующих лингвистических исследований [\[7, с. 45\]](#). Этот парадокс отражал двойственную стратегию: уничтожение автохтонной письменности и сохранение устного языка для принудительной евангелизации.

Монахи создавали школы-«доктрины» (*doctrinas*), где детей знати обучали испанскому и латыни, параллельно переводя религиозные тексты на майя. Например, «Сантисима Крус» (1557) — первый катехизис на юкатекском — содержал кальки испанских терминов, такие как *Dios* 'бог' и *ángel* 'ангел', адаптированные к местной фонетике [\[8, с. 112\]](#).

Административная политика и языковое насилие

Испанская корона, стремясь централизовать управление, ввела законы, ограничивавшие использование автохтонных языков. «Новые законы» 1542 г. предписывали обучать индейцев испанскому языку, а в 1570-х годах вице-король Мартин Энрикес де Альманса требовал от священников «не допускать проповедей на туземных наречиях». Однако эти указы часто игнорировались из-за сопротивления местных элит и практических сложностей: к концу XVI века лишь 5% коренного населения владело испанским [\[9, с. 201\]](#).

Ключевую роль в сохранении майя сыграла система энкомьенда, где испанские землевладельцы зависели от труда индейцев, говоривших на родном языке. Это способствовало формированию двуязычных посредников — *nahuatlato*s (переводчиков),

которые искажали смысл указов в пользу общин.

Лексические заимствования колониального периода и адстратное влияние

Именно в колониальный период испанский язык полуострова Юкатан заимствовал сотни слов из майя, отражающих местную флору, фауну и культурные практики:

- природа: **sak'á** 'белая земля' → **sascab** 'известняковый щебень';
- религия: **k'ech** 'замена' → ритуальный обряд подмены в католических праздниках;
- быт: **k'íiwik** 'завивать волосы' → **kiwik** 'прическа'.

Фонетика языка майя в значительной степени повлияла на испанское произношение: гортанная смычка ['], присутствующая в словах вроде **ma'** 'нет', стала маркером регионального акцента. Испанские интервокальные согласные (d, b, j) ослабевали, например в слове **mujer** 'женщина, жена' → [muer] взамен [muher], что характерно для просодии языка майя [\[10, с. 45\]](#).

Сопротивление и гибридизация культур

Коренное население враждебно принимало навязываемую им языковую ассимиляцию. Множественные восстания и бунты, например, восстание Купуля в 1546 г., сопровождались возрождением ритуалов майя и уничтожением церковных архивов. Наряду с этим возникли синкретические элементы национального культурного наследия.

В области литературы значимым произведением являются хроники «Чилам-Балам», записанные на майя в латинской транскрипции, и сочетают христианские и преиспанские мифы.

Немаловажную роль культурный и этнический синкретизм сыграл и в архитектуре: новые католические церкви строились на местах храмов майя, а фрески изображали святых в окружении майских символов [\[11, с. 122\]](#).

Эти процессы закрепили еще один культурный и языковой феномен – «скрытый билингвизм»: испанский язык доминировал в публичной сфере, а майя, как правило, – в приватной и ритуальной.

Демографические изменения на данных территориях привели языковому сдвигу и развитию субтерриториальной вариативности в регионе. Эпидемии и принудительный труд сократили население полуострова Юкатан с 1 млн в 1520 г. до 140 тыс. к 1600 г. [\[12, с. 34\]](#). Испанцы, количественное составляющее которых было менее 5% населения, как правило селились в наиболее крупных городах, таких как Мерида или Вальядолид, тогда как майя сохраняли контроль над сельскими областями. Это разделение заложило основу для субдиалектного дробления: городское наречие было ближе к кастильскому стандарту, а сельское – насыщено субстратными элементами [\[13, с. 77\]](#).

3. Постколониальный период: политика унификации, сопротивление и формирование региональной идентичности

После провозглашения независимости Мексики в 1821 году полуостров Юкатан столкнулся с новыми вызовами: формирование национального государства потребовало языковой унификации, но глубокие корни майской культуры, экономическая и социальная изоляция региона способствовали сохранению уникального языкового

ландшафта.

Правительство независимой Мексики, вдохновленное идеями либерализма, видело в испанском языке инструмент интеграции разнородного населения. Закон «О народном образовании» 1842 г. (*Ley de Instrucción Pública*) обязал использовать испанский как единственный язык образования, что привело к маргинализации всех автохтонных языков страны и языковой дискриминации. Однако на Юкатане, 60% населения которого составляли майя, эти меры натолкнулись на сопротивление. Местные элиты, зависевшие от труда майя на плантациях агавы и каучука, часто игнорировали предписания и сохраняли двуязычие во всех процессах администрирования и коммуникации.

Одним из ключевых событий сопротивления государственной политики в области миноритарных языков стала Кастовая война в 1847–1901 гг. — восстание майя против креольского господства. Повстанцы, контролировавшие восток полуострова (ныне штат Кинтана-Роо), создали параллельное государство с центром в городе Чан-Санта-Крус, где язык майя использовался не только в религиозных ритуалах, но и в военных приказах [\[14, с. 123\]](#). Этот конфликт закрепил восприятие майя как «языка сопротивления», что, безусловно, отразилось в лексике. Таким образом в словарный состав испанского языка полуострова вошли следующие лексические единицы: ***cruzob*** 'последователи «Говорящего Креста»' — термин для обозначения повстанцев; ***xix*** 'шершень' — символ бунта в фольклоре [\[15, с. 45\]](#).

«Золотой век» земледелия (1870–1915 гг.) превратил Юкатан в один из богатейших регионов Мексики. На плантациях агавы и фабриках по обработке и производству каучука и жвачки сформировался уникальный социолект, объединявший испанский владельцев и майя рабочих. Приведем некоторые примеры:

- лексика труда: ***henequén*** 'волокно агавы' → ***henequenero*** 'рабочий'; ***chicle*** 'жвачка'; ***cuadrilla*** 'бригада';
- заимствования из языка майя: ***k'áax*** 'лес' → ***cah*** 'деревня в названиях поселений', например, Тикуль или Мани.

Как отмечает немецкий исследователь Б. Фаллав «рабские условия труда и сегрегация усилили языковую стратификацию: испанский язык ассоциировался с урбанизированной элитой Мериды, а майя — с сельской беднотой» [\[16, с. 201\]](#).

Образовательная политика и ассимиляция в XX веке

После Мексиканской революции (1910–1917 гг.) правительство активизировало кампанию по интеграции индейцев в мексиканское общество по средствам образования. Так в 1921 г. было создано Министерство народного образования (*Secretaría de Educación Pública* (SEP)), которое внедряло испаноязычные программы, запрещавшие использование майя в школах, колледжах и университетах. Учителя-миссионеры (*misiones culturales*) описывали майя как «отсталый» язык, что привело к стигматизации его носителей. Однако в 1940-х годах антрополог Мануэль Гамио инициировал проекты по документированию майя. Позже, в 1960-х г. был создан Национальный институт индигенистов (*Instituto Nacional Indigenista* (INI)), который начал выпуск двуязычных учебников, что замедлило языковой сдвиг [\[17, с. 89\]](#).

Языковые особенности юкатанского диалекта испанского языка

В XX в. В Мексике проходил проект по созданию Лингвистического атласа Мексики

(ALMex) под руководством выдающегося лингвиста Х.М. Лопе Бланча, который утверждал, что испанский язык Юкатана отличают характерные национально-культурные особенности функционирования разноуровневых языков единиц [18, с. 40]. Первопричинами их возникновения ученый называл, в первую очередь, контакт с языком майя и длительный период изоляции от основной территории страны. Приведем некоторые примеры:

1. Наиболее характерными особенностями на фонетическом уровне, на наш взгляд, выступают:

- фонема /h/, в отличие от мексиканской и пиренейской норм, вместо [ø] произносится как [h]. Данное явление прослеживается у 100% информантов в словах-топонимах, «восходящих» к языку майя: **Holbox** [Holbósh] 'Холбош', **Xel-Há** [Sh'elhá] 'Шельха', а также переносится и на унаследованную лексику;
- ретрофлекс фонемы /r/: **comerciante** [comeɾsiánte] 'коммерсант', **persona** [peɾsóna] 'персона', **parecer** [paɾesé] 'быть похожим';
- гортанская смычка в заимствованиях: **ma'** [ma'] 'выражение отрицания';
- назализация гласных под влиянием майя: **pan** [pān] 'хлеб'.

2. Синтаксическому уровню свойственный следующие особенности:

- использование частицы **ah** для маркировки вопросов: *¿Vas ah?* 'Ты идешь?';
- дупликация местоимений: **Ellos los mayas hablan diferente** 'Они, майя, говорят иначе'.

3. Наибольшие изменения коснулись лексического состава диалекта испанского языка полуострова Юкатан. В вокабуляр жителей полуострова, как монолингвов, так и билингвов, прочно вошли заимствования из коренного языка: **bacal** 'кукурузный початок', **r'urix** 'человек с большим животом', **box** 'парень, юкатаанец', **han** 'скорее' и др.

4. Современный этап: диалектные особенности, билингвизм и вызовы глобализации

На рубеже XXI века испанский язык на Юкатане представляет собой динамичную систему, сохраняющую уникальные черты, сформированные многовековым контактом с майя. Однако глобализация, миграция и цифровые технологии создают новые вызовы для сохранения региональной идентичности.

Демография и билингвизм

Согласно переписи населения 2020 г., около 785 тыс. человек (30% населения Юкатана) владеют языком майя, при этом в сельских муниципалитетах (например, Фелипе Каррильо Пуэрто) доля носителей достигает 65% [19, с. 12]. Однако среди молодежи (15–24 года) активное использование майя сократилось до 18%, что связано с сильной внутренней и внешней миграцией в города, особенно в штат Кинтана-Роо, и стигматизацией языка как «непrestижного».

Интересным представляется тот факт, что билингвизм в регионе носит асимметричный характер: 45% сельских семей используют майя в быту, но переходят на испанский при общении с незнакомцами [20, с. 89].

Рост туризма (ежегодно Юкатан посещают более 5 млн. человек) и экспансия английского оказывают двойственное влияние. С одной стороны, в туристических зонах (Канкун, Пляя дель Кармен, о. Мухерес и др.) испанский язык насыщается заимствованиями, например: *tour* → *el tur* 'тур', *booking* → *el buking* 'бронирование'. С другой, язык майя становится своего рода коммодификатором культуры: названия отелей *Xcaret* (маленькая бухта), *Cobá* (название древнего города); *Tren Maya* – экскурсионный туристический поезд по основным городам майя; сувениры с иероглифами и тд. Согласно последним исследованиям мексиканских социологов, это повышает престиж языка и культуры майя среди молодежи, стремящейся подчеркнуть локальную идентичность [21, с. 112].

Заключение

Развитие испанского языка на территории мексиканского полуострова Юкатан отражает сложный процесс исторического, языкового и культурного синтеза. Влияние майской субстратной языковой системы сформировало на его территории уникальный диалект, который сохраняет свою идентичность несмотря на множественные глобализационные процессы. Доколониальное наследие, колониальный синтез, постколониальное сопротивление и современный активизм создали многослойный лингвистический ландшафт, где испанский и майя сосуществуют в динамичном равновесии.

Дальнейшие перспективы исследования испанского языка данного ареала видятся нам в определении социолингвистического статуса испанского языка во всех штатах полуострова; проведении полевых исследований и выявлении культурно маркированных разноуровневых языковых единиц, а также определении границ их распространения и витальности. Особого внимания заслуживает роль цифровых медиа в процессе трансформации собственных норм живой разговорной речи и их взаимодействие с возрождающимся интересом к языку майя.

Библиография

1. Restall, M. *The Maya World: Yucatec Culture and Society, 1550–1850*. Stanford: Stanford University Press, 1997.
2. Bricker, V. R. *The Indian Christ, the Indian King: The Historical Substrate of Maya Myth and Ritual*. Austin: University of Texas Press, 1981.
3. Freidel, D., Schele, L., & Parker, J. *Maya Cosmos: Three Thousand Years on the Shaman's Path*. New York: William Morrow, 1993.
4. Cook, S. F., & Borah, W. *Essays in Population History: Mexico and the Caribbean*. Berkeley: University of California Press, 1971.
5. Clendinnen, I. *Ambivalent Conquests: Maya and Spaniard in Yucatan, 1517–1570*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
6. Hanks, W. F. *Referential Practice: Language and Lived Space among the Maya*. Chicago: University of Chicago Press, 1990.
7. Landa, D. de. *Relación de las cosas de Yucatán*. Ed. A. M. Tozzer. Cambridge: Peabody Museum, 1941.
8. García Bernal, M. C. *La sociedad de Yucatán, 1700–1750*. Sevilla: CSIC, 1972.
9. Farriss, N. M. *Maya Society Under Colonial Rule*. Princeton: Princeton University Press, 1984.
10. Michnowicz, J. "Substrate Influence in Yucatan Spanish." *Spanish in Context*, vol. 12, 2015, pp. 197–215.
11. Kubler, G. *Mexican Architecture of the Sixteenth Century*. New Haven: Yale University Press, 1948.

12. Cook, S. F., & Borah, W. Essays in Population History: Mexico and the Caribbean. Berkeley: University of California Press, 1971.
13. Suárez, J. A. La lengua española en el Yucatán. Mérida: UADY, 1995.
14. Reed, N. The Caste War of Yucatán. Stanford: Stanford University Press, 2001.
15. Dumond, D. E. The Machete and the Cross: Campesino Rebellion in Yucatan. Lincoln: University of Nebraska Press, 1997.
16. Fallaw, B. Cárdenas Compromised: The Failure of Reform in Postrevolutionary Yucatán. Durham: Duke University Press, 2001.
17. Baqueiro López, O. Educación y sociedad en el Yucatán colonial. Mérida: UADY, 1983.
18. Lope Blanch, J. M. Estudios sobre el español de Yucatán. México: UNAM, 1987.
19. INEGI. Censo de Población y Vivienda 2020. México: INEGI, 2021.
20. Pfeiler, B. "Yucatec Maya-Spanish Contact." International Journal of Bilingualism, vol. 7, 2003, pp. 165–184.
21. Regino, J. El renacimiento maya: estrategias de revitalización lingüística. Mérida: UADY, 2020. Словари и справочники
22. Diccionario bilingüe ilustrado español – maya de recursos naturales. Chetumal: Universidad de Quintana Roo, 2010. 177 p.
23. Diccionario de americanismos: <https://www.asale.org/recursos/diccionarios/damer>
24. Diccionario de elementos del maya yucateco colonial. México: UNAM, 1970. 137 p.
25. Diccionario del español de México: <https://dem.colmex.mx/Inicio>
26. Diccionario de mexicanismos /Academia mexicana de la lengua. México: Siglo XXI, 2010. 648 p.
27. Diccionario del español yucateco. – Mérida: Plaza y Valdres Editores, 2011. 459 p.
28. Diccionario de Real Academia española: <https://dle.rae.es/>
29. Gómez Navarrete J.A. Diccionario introductorio español – maya, maya – español. Chetumal: Universidad de Quintana Roo, 2009. 193 p.
30. Pérez Pío J. Diccionario de la lengua maya. Mérida: Imprenta literaria de Juan F. Molina Solís, 1866. 493 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена исследованию исторических особенностей развития испанского языка на территории мексиканского полуострова Юкатан. Предмет достаточно актуален в силу того, что в современной лингвистике в последние годы возрос интерес ученых к языковой вариативности. Испанский язык, ввиду своей распространенности в мире, представляет широкие возможности для проведения подобного рода исследований, особенно принимая во внимание тот факт, что проблемы диалектологии в отечественной и зарубежной испанистике недостаточно разработаны. Отмечается, что «испанский язык, завезенный колонизаторами в XVI веке, здесь развивался в условиях интенсивного контакта с языками коренного населения, прежде всего юкатекским вариантом языка майя. Процесс данного взаимодействия привел к формированию регионального варианта испанского языка, который характеризуется национально-культурными особенностями функционирования языковых единиц на всех уровнях системы: фонетическом, лексическом и синтаксическом».

Теоретической основой исследования выступили фундаментальные работы таких зарубежных ученых в области истории испанского языка, социологии, этнографии и культурологии; материалы одно- и двуязычных академических словарей испанского

языка, языка майя, мексиканских языков, юкатекского испанского языка и др. Библиография статьи насчитывает 30 источников, в том числе 9 лексикографических, что представляется достаточным для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах рукописи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. К сожалению, автор(ы) в основном апеллируют к научным трудам 10-летней и более давности. Конечно, данное замечание не умаляет значимости проделанной работы, однако в этом случае достаточно сложно судить о реальной степени изученности данной проблемы.

Методология проведенного исследования в статье не раскрывается, но очевиден ее традиционный характер. С учётом специфики предмета, объекта и поставленной цели («проанализировать исторические этапы становления испанского языка на территории мексиканского полуострова Юкатан, выделить ключевые факторы его эволюции и оценить влияние автохтонных языков на его современное состояние») используются общенаучные методы (аналитический, описательный, сопоставительный, историко-культурологический); собственно лингвистические (метод анализа лексикографических источников, метод сопоставления языковых данных); социолингвистические методы. Также в работе использованные результаты полевых исследований, проведённых автором(ами) в 2020 году, что свидетельствует о масштабности и перспективности научных изысканий.

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования подробно рассмотрен языковой ландшафт полуострова Юкатан в доколониальную эпоху (до прихода испанцев); насаждение испанского языка и языковой синтез (колониальный период); развитие испанского языка на территории мексиканского полуострова Юкатан в постколониальный период; языковые особенности юкатанского диалекта испанского языка на современном этапе. Сделан вывод о сложном процессе исторического, языкового и культурного синтеза испанского языка на территории мексиканского полуострова Юкатан: «влияние майской субстратной языковой системы сформировало на его территории уникальный диалект, который сохраняет свою идентичность несмотря на множественные глобализационные процессы. Доколониальное наследие, колониальный синтез, постколониальное сопротивление и современный активизм создали многослойный лингвистический ландшафт, где испанский и майя сосуществуют в динамичном равновесии».

Теоретическая значимость и практическая ценность исследования неоспоримы и обусловлены его вкладом в решение современных языковедческих проблем, связанных с изучением региональных вариантов испанского языка. Полученные результаты могут быть использованы в курсах по диалектологии романских языков, лингвострановедению и межкультурной коммуникации.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию. Стиль статьи отвечает требованиям научного описания, содержание рукописи соответствует названию, логика исследования четкая и понятная.

Обращаем внимание на техническую ошибку: в ссылке пропущен номер источника (см 2 стр.: Например, слово *kakaw* 'какао', по мнению ученых из США С. Кука и В. Бораха, имеет общие корни с ацтекским *cacahuatl*, что свидетельствует о длительных культурных обменах [, с. 67]).

Работа имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна заинтересованному кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Лобанова Т.Н., Середенко В.М. Лингвоаксиология военно-политического дискурса (на материале китайязычных и англоязычных медиаресурсов) // Филология: научные исследования. 2025. № 2. С.157-171. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.2.72932 EDN: OGYNEY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72932

Лингвоаксиология военно-политического дискурса (на материале китайязычных и англоязычных медиаресурсов)

Лобанова Татьяна Николаевна

ORCID: 0000-0003-4901-3251

доктор филологических наук

профессор; кафедра индоевропейских и восточных языков; Государственный университет просвещения
директор Регионального центра китайского языка и китаеведения; ГУП

141031, Россия, Московская область, г. Мытищи, ул. Малая Бородинская, 1, кв. 1



✉ lobanovaty@mail.ru

Середенко Владимир Михайлович

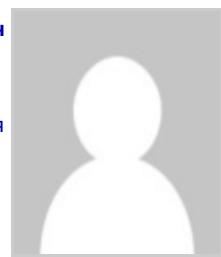
кандидат филологических наук

старший преподаватель; кафедра Дальневосточных языков; Военный университет имени князя Александра Невского

117335, Россия, г. Москва, ул. Фонвизинская, 7А, кв. 60

✉ ichi210@mail.ru

[Статья из рубрики "Дискурс"](#)



DOI:

10.7256/2454-0749.2025.2.72932

EDN:

OGYNEY

Дата направления статьи в редакцию:

03-01-2025

Дата публикации:

04-03-2025

Аннотация: Сегодня процессам шифровизации подвержен любой язык (английский как

язык международной коммуникации и современный китайский язык), равно как и сама «цифра» уже является метаязыком. Новая виртуальная действительность интернет-медиа и новый дискурсивный формат (визуально-дисплейный текст) потребовали ревизии многих ценностей – язык стремительно реагирует на этот запрос его носителей. Ценности интернет-эпохи вступают в сложный диалог с традиционными, привычными ценностями эпохи до 4-й постиндустриальной революции – налицо переформатирование этих ценностей. Впервые исследовательским предметом выступают лингвоаксиология военно-политического дискурса (на материале китайского и английского языков). Становление феноменологии лингвоаксиологии предполагается изучать в рамках военно-политического дискурса КНР. Изучение функционирования языка и современных дискурсивных практик в иноязычных медиа является актуальнейшим направлением современного социо-гуманитарного знания, в том числе и лингвистической науки. Методами исследования послужили такие общенаучные методы, как описательный, сопоставительный, классификационный, количественный, а также собственно лингвистические методы, а именно: медиалингвистический анализ, функционально-прагматический, дефиниционный, лингвокультурный; при работе с эмпирическим материалом применяется метод критического дискурс-анализа (КДА), мультимодальный дискурс-анализ и группа лингвистических методов. Основное содержание исследования сконцентрировано вокруг анализа понятий «лингиоаксиология», «военно-политический дискурс» именно с лингвистической точки зрения. Целью статьи является «ревизия» научно-теоретических концепций и подходов к разработке междисциплинарного феномена лингвоаксиологии военно-политического дискурса как методологического ключа при анализе иноязычных (цифровых) медиа. Современный цифровой медиасектор находится в центре гуманитарной антропологической парадигматики. Настоящее исследование выполнено в междисциплинарном ключе в русле теории языка и медиакоммуникаций, социологии журналистики, прикладной лингвистики, информационной лингвистики, современной дискурсивной лингвистики. По итогам исследования уточняется понятие лингвоаксиологии, подчеркивается его роль при анализе цифровых медиа, а также предлагаются комплексные методики изучения данного феномена на конкретном языковом материале в рамках военно-политического дискурса.

Ключевые слова:

лингиоаксиология, военно-политический дискурс, китайский язык, дискурс, дискурс-анализ, мультимодальный анализ текстов, медиадискурс, интернет-коммуникация, цифровой язык, политическая лингвистика

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность проводимого исследования заключается в том, что в нем вычленяется феноменология лингвоаксиологии военно-политического дискурса посредством изучения военно-политической доктрины КНР в «сопряжении» с вопросами функционирования некоторых китаеязычных и англоязычных каналов медиа. Как в перспективе будут развиваться международные отношения в треугольнике «Россия-Китай-США» во многом зависит от факторов милитаризации и решения вопросов управления санкциями. На современном этапе мы являемся свидетелями того, насколько военное кейнсианство как антикризисная экономическая политика государств способно оживлять или трансформировать государственное управление в экономике крупных стран.

Вместе с тем, общественно-политический запрос на использование китайского языка в РФ в силу фактора «дружественности» актуализирует проведение сопоставительных исследований разноструктурных языков (китайского, английского и русского) с применением функционального подхода в современных научных работах, что предопределяет потребность анализа данных языков на различных уровнях, в том числе дискурсивном и прагматическом.

Изучение лингвистических вопросов языка цифровых медиа в русле антропологической парадигмы лингвоаксиологии и дискурсологии выступает неотъемлемой частью как теории языка и дискурса, так и смежных гуманитарных областей научного знания.

МЕТОДОЛОГИЯ

Статья посвящена изучению лингвоаксиологии военно-политического дискурса (на материале китаеязычных и англоязычных медиаресурсов). Целью работы выступает «ревизия» научно-теоретических концепций и подходов к разработке междисциплинарного феномена лингвоаксиологии военно-политического дискурса как методологического ключа и анализ иноязычных (цифровых) медиа.

Интерес представляет также вопрос сравнения лингвоаксиологических оснований военно-политического дискурса в современных восточных и русском языках.

Теоретической базой исследования послужили работы авторов, которые посвящены проблематике общей теории дискурса и дискурс-анализа [3], [4], [7], [10], [11], [12], концепции авторов по прагмалингвистике, семантике и лингвоаксиологии [2], [6], [8], а также современные научные изыскания по цифровым медиа [3], [5], [9].

Анализ вышеупомянутых источников позволил сделать вывод о том, что трансформация ценностей в сознании носителей языка (аксиологическая составляющая) может оказаться столь глубокой в условиях цифровой революции, что можно будет вести речь о переактуализации национального кода. Вместе с тем ученые признают, что изменения в речи, объективирующей актуальные мысли современного человека, существенны. Цифровая революция в сочетании с идеями массовой культуры вызывает глубокие изменения в сознании говорящих; дискурсивно-функциональный подход определяет степень и характер этих изменений. Так, аксиология военно-политического дискурса практически не изучается как лингвистический феномен и остается перспективным направлением в языкоznании.

Разрабатывая феноменологию военно-политического дискурса в рамках исследования, мы принимаем определение И.И. Федотова: «Военно-политический дискурс является интердискурсивным новообразованием, сочетающим особенности военного и политического дискурсов на лексико-семантическом, жанрово-стилистическом и концептуальном уровнях, выраждающий собственный культурно-выразительный стандарт в рамках межгосударственных отношений, который отходит от концептуально-тематических программ этих двух дискурсов» [10].

Говоря о методологических подходах, мы исходим из того, что любой метод или эксперимент претендует на репрезентативность, операционализацию и верификацию: «чем лучше сбалансированы экспериментальные материалы, чем однороднее в заданных отношениях испытуемые, тем более тщательнее составлены инструкции испытуемым, тем больше шансов того, что исследователь получит надежные данные, релевантные для соответствующего класса ситуаций» [2, с. 210-211]. Кроме того, представляя тот или иной

метод, необходимо учитывать следующие его компоненты: его цель, основные теоретические предпосылки, процедуры, инструменты и правила, критерии качества, сходства и различия с другими методами [7]. Г. Кресс предполагает, что идеологические сущности и тренды реализуются за счет жанрового предпочтения и стилистической-синтаксической организации текста [11]. Исследовательский интерес представляет лингвосемиотическое и прагматическое измерение изучения медиатекстов с применением методики мультимодального анализа (далее – ММА).

Материалом для данного исследования послужили публикации информационных китайязычных и англоязычных ресурсов. В рамках данного исследования изучаются такие авторитетные медиаисточники, как "The South China Morning Post", 《环球网》, 《中国军网》, 《解放军报》 и др. Выбор этих изданий обусловлен тем, что они освещают широкий спектр новостной военно-политической повестки; некоторые из них также затрагивают общественно-социальную и международную политico-экономическую сферу. Китайязычное издание 《解放军报》 – официальный орган Главного политического управления народно-освободительной армии Китая (НОАК). В китайязычном издании 《环球网》 исследуются тексты из вкладки 《军事》.

Хронологически выборка ограничена периодом 2022-2025 гг. Англоязычная выборка составила 75 медиапубликаций; китайязычная выборка – 78 медиапубликаций. Выборка медиаматериалов сплошная, рандомная, без инструментов применения ИИ. Представляется, что отобранные медиаматериалы позволят всесторонне изучить лингвоаксиологическую проблематику в военно-политическом дискурсе.

Анализ проводился с помощью критического дискурс-анализа (далее – КДА), мультимодального дискурс-анализа и группы лингвистических методов.

Практическая значимость настоящей статьи заключается в том, что результаты исследования могут применяться в лингводидактических целях, в том числе на занятиях по межкультурной коммуникации, общественно-политическому и военному переводу.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЛИНГОАКСИОЛОГИИ В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ ПАРАДИГМАТИКЕ

Изучение вопросов военно-политического дискурса, лингвоаксиологии, интернет-коммуникации, прагмалингвистики языка, текста и медиа-технологий в русле антропологической парадигмы современной гуманитаристики все больше выходят в исследовательскую перспективу в связи с усилением медийного фактора в военно-политической жизни различных государств. Добавим фактор современной цифровой визуальной культуры, то становится понятным, почему процесс описания интернет-коммуникаций в аспекте политологического «выхлопа», с одной стороны, усложняется в некоторой степени, и, с другой стороны, весьма перспективен с точки зрения прикладных значений.

Современный этап развития информационного общества и специфика ведения гибридных войн с включением информационного фактора воздействия на противника позволяет вычленить так называемый феномен информационно-психологического воздействия на массового адресата.

Исследуемый материал – военно-политический медиадискурс КНР, включая англоязычный Гонконг, обладает безусловной новизной, обусловленной спецификой «метастабильности Восточной Азии» [1, с. 139]. Как указывает Збигнев Бжезинский, стратегическая цель США в ближайшее десятилетие будет связана со сдерживанием

возвышающегося Китая, претендующего на статус региональной державы и наращивающей военную мощь Японии. При этом существует «молчаливый союз» между Японией и Тайванем, призванного в «данной конструкции» сдерживать Китай.

«С этой целью Пекин все более упорно добивается улучшения отношений, как с США, так и Японией, несмотря на военизацию последней. Сдвиг в позиции Китая позволяет извлечь важный стратегический урок: главное, тщательно дозированное укрепление роли Японии в сфере безопасности усиливает заинтересованность Китая в сохранении стабильного сотрудничества с США, в неизменности американо-японских связей и поддержании сбалансированности китайско-японо-американского треугольника» [\[1, с. 150-151\]](#).

Так, китайский язык становится все более востребованным в мире благодаря росту экономической мощи Китая и его значимости на международной арене; английский язык как язык межкультурного общения позволяет «держать руку на пульсе» в конкурентной борьбе за мировые рынки. Китайский и английский языки сегодня – не только средство межкультурной коммуникации, но и важный инструмент азиатского лидера мнений при трансляции своей повестки и влияния на геополитической арене.

Издания КНР на английском языке (например, "The South China Morning Post" (далее – SCMP)) нацелены на широкую аудиторию, включающую англоговорящих иностранцев и китайские диаспоры за рубежом: они представляют Китай всему миру и выражают позицию Китая по важным военно-политическим событиям в мире. Материалы англоязычных изданий не являются переводами с китайского языка, а представляют собой уникальные самостоятельные публикации.

Характеризуя военно-политический медиадискурс КНР необходимо указать на тот факт, что он отвечает задачам ведения когнитивной войны. Как явление военного порядка когнитивная война в отличие от войны конвенциональной не ассоциируется с мирным договором или капитуляцией. Ее цель это контроль над потоками информации.

Важно понимать, что Китай определяет когнитивную войну как более широкое понятие, подразумевающее поле боя для идеологического проникновения, направленного на разрушение морального духа и сплоченности войск, а также на формирование или разрушение потенциала оперативного уровня [\[13\]](#).

Когнитивная война, согласно представлениям китайцев, включает в себя шесть технологий, разделенных на две категории (когнитивные, которые включают технологии, влияющие на способность человека мыслить и функционировать; и подсознательные когнитивные, которые охватывают технологии, нацеленные на глубинные эмоции, знания, силу воли и убеждения человека) [\[13, с. 27\]](#).

Новые технологии облегчают ведение когнитивной войны, порождая беспрецедентные по масштабу конфликты даже в сравнении с Холодной войной. В тоже время, развитие информационных технологий постепенно приводит к снижению когнитивных способностей человека: он все больше привыкает к фрагментарной картине мира и так называемому «клиповому мышлению», создаваемых социальными новыми медиа.

Психология и социальные науки как никогда становятся востребованы для победы в ходе войны, и, хотя военные действия отходят от кинетических операций, они могут изменить правила игры. Психология, к примеру, объясняет мотивацию поведения террористических групп или причины вступления в их ряды молодых людей.

Психологические операции в информационной сфере и медиа расшатывают веру противника в победу и т.д.

К семиотически-осложненным текстам медиа предлагается применять методику мультимодального анализа [4]. "The multimodal use of discourse is as much a feature of print genres as it is of television genres" [12, с. 169]. Рассмотрим примеры с применением мультимодального анализа медитекстов (далее - МАМ) к обозначенной выборке англоязычного медиасегмента. Так, невербальная, визуальная метафора в сочетании с вербальным текстом часто используется СМИ для создания некой гротескной ситуации.



Рис. 1. Пример визуальной метафоры – карикатура в гонконгской англоязычной SCMP (the work by SCMP's veteran political cartoonist Harry Harrison, September 2024) (<https://www.scmp.com/photos/opinion/harrys-view/3276715/harrys-view-september-2024?page=5>)



Рис. 2. Визуальная метафора в гонконгской англоязычной SCMP (by Jane Cai, Sylvie Zhuang, Phoebe Zhang, and Vanessa Cai, 31 Dec 2024) (https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3292903/chinas-efforts-bring-back-foreign-visitors-are-bearing-fruit-will-they-be-enough?module=feature_package_2&pgtype=homepage)

Вышеуказанные примеры (см. рис. 1-2) демонстрируют следующее: карикатура, визуальная метафора и визуализация фразеологических единиц в политической карикатуре – весомый персуазивный инструмент и в некоторой степени «информационное оружие» в политической коммуникации [4].

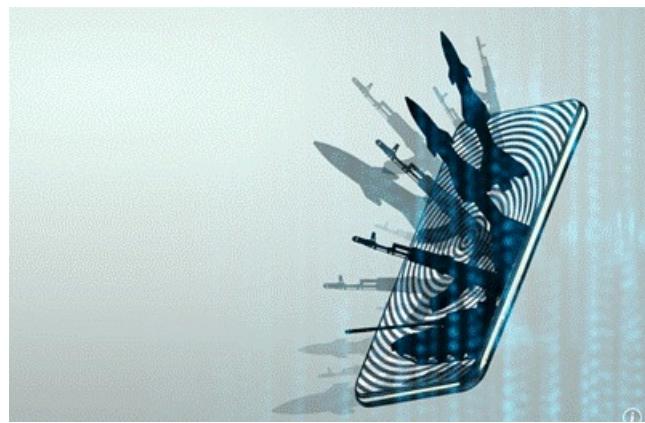


Рис. 3. Визуальная метафора в гонконгской англоязычной SCMP публикации
 (https://www.scmp.com/news/china/science/article/3292466/china-releases-worlds-most-powerful-electronic-warfare-weapon-design-software-free?module=top_story&pgtype=homepage)

Разберем пример с визуальной «военизированной» компонентой. Так, медиапубликация “China releases world’s most powerful electronic warfare weapon design software – for free” от 10 января 2025 г. англоязычного гонконгского издания “The South China Morning Post” [14] подтверждает тезис о взаимосвязи языка и общества, в том числе с учетом фактора наращивания милитаризации (см. рис. 3). Медиалингвистический анализ публикации позволяет сделать некоторые выводы:

- 1) обнаруживают себя лингвистические инновации и неология: electronic warfare weapons = «электронная война»;
- 2) визуализация образа национальной милитаризации на иллюстрации-карикатуре;
- 3) декодирование («расшифровка») семантики и прагматики аббревиатуры *the People’s Liberation Army (PLA)*;
- 4) эмоционально-образное и провокативное воздействие на читателя посредством иллюстрации и размещение карикатуры на переднем плане (в верхней части публикации).
- 5) визуальные приемы преувеличения и гротеска в образах;

Как видно из анализа выше, МАМ предлагает возможности интерпретации визуальной компоненты в синергии с «линейным» текстом.

Визуальная метафора или визуализация фразеологических единиц в политической карикатуре – весомый персузивный инструмент и в некоторой степени «информационное оружие» в политической коммуникации [4].

Далее применим МАМ к материалам китайского медиасегмента военно-политической коммуникации. Исследуемые тексты из вкладки «军事» китайского медиаиздания «环球网» демонстрируют широкий спектр стилистических средств и визуального ряда.

Пример 1. В статье «**空战对抗, 激烈打响！东部战区空军航空兵某旅开展飞行训练**» [Воздушное боевое столкновение, ожесточенная схватка! Бригада ВВС на Восточном театре военных действий проводит летную подготовку] [15] обнаруживает себя следующий спектр лингвистических и экстралингвистических единиц, характеризующих язык китайского военно-политического дискурса:

1) военная терминология и номинация технологий, единиц боевой техники и оружия: 实战化课目开展飞行训练 = проведение летной подготовки в реальных условиях; 围绕编队飞行、空战战术、支援掩护等 = в фокусе программы – строевой пилотаж, тактика воздушного боя, поддержка и прикрытие и т.д.;

2) визуализация образа национальной военной летной авиации в серии фотографий;

3) эмоционально-образное и провокативное воздействие на читателя посредством использования перифраза и метафоры: “起飞就是迎敌, 升空就是作战。” «Взлететь – значит встретить врага, быть в воздухе – значит сражаться».

Пример 2. В статье《以军开始从拉法向“费城走廊”转移》[Израильские войска начали перемещаться из города Рафаха в направлении Филадельфийского коридора] [16] находим следующие языковые средства, подразумевающие оценку в китайском военно-политическом дискурсе:

1) военная терминология и номинация технологий, единиц боевой техники и оружия: 以色列国防军 = Армия обороны Израиля (ЦАХАЛ);

2) инструменты визуализации – приведение в статье схемы предстоящего развертывания израильской армии в секторе Газа (см. рис. 4).



Рис. 4. Пример привлечения инструмента визуализации в тактиках аргументации: картографирование (<https://mil.huanqiu.com/article/4L8JIOXhh8S>)

Исследуемые тексты из медиаизданий 《中国军网》, 《解放军报》также демонстрируют широкий спектр стилистических средств и визуального ряда. Необходимо отметить, что медиаиздания предлагают в электронном виде «листать» газетное издание; можно обнаружить перечень выпусков и необходимый гипертекст [9] (см. рис. 5).

Рис. 5. Интерфейс сайта《中国军网》(http://www.81.cn/szb_223187/szblb/index.html?paperNumber=01&paperName=jfjb&paperDate=2025-01-19)

Пример 1. В статье《三九探哨 | 我站横断山中：“云岭第一哨”》[Когда я впервые побывал на этом посту, я стоял в горах Хэндуань: «первый пост Юньлин»] [17], рассказывающей о буднях дозорных в КНР, обнаруживает себя следующий спектр лингвистических и экстралингвистических единиц, характеризующих язык китайского военно-политического дискурса:

1) эмоционально-образное воздействие на читателя посредством использования перифраза, сравнения и метафоры: 彩云之南, 四季如春。难以想象的是, 在风景如画的香格里拉, 却有一个地方常年难见一抹绿色 = На Юге – разноцветные облака и все четыре времени года словно одна весна. Трудно представить, что в живописной Шангри-Ла есть место, где трудно увидеть хоть капельку зелени.

2) использование возвышенной патриотической лексики: 多年来, 官兵秉持“无私奉献、建功高原”的信念, 叫响“不畏难、不怕苦、不惧险”的口号坚守战位, 用担当诠释忠诚、用生命践行使命 = На протяжении многих лет офицеры и солдаты поддерживают идеи беззаветной преданности, создают платформу для убеждения: на поле боя придерживаться лозунга: «не бояться трудностей, не бояться страданий, не бояться опасности», чтобы с чувством долга и верности выполнить свою миссию.

Пример 2. В статье《跨越山海的奋斗之约》[Сражения за горами и морями] [18] также обнаруживает себя следующий спектр лингвистических и экстралингвистических единиц, характеризующих язык китайского военно-политического дискурса:

1) использование терминологической номинативной лексики: 夜色下, 南北哨兵身姿挺拔, 眼神坚毅, 他们眼前是祖国界碑, 身后是安宁祥和。同站一班岗、同执一次勤, “南海第一哨”官兵亲身体验极寒环境中北极哨所官兵的工作生活, 让互学共建更有意义 = Под покровом ночи северный и южный дозорные стоят прямо, глаза решительны: они стоят перед монументом границы Родины, за их спинами – мир и спокойствие. Находясь в одной смене и выполняя одни и те же обязанности, офицеры и солдаты Первого дозорного поста в Южно-Китайском море познакомились с трудовыми буднями офицеров и солдат арктических постов в условиях экстремального холода, что позволило повысить значимость взаимного обучения.

2) использование возвышенной лексики и патриотической риторики: “边海防有我, 请祖国放心!” 两个哨所官兵的铮铮誓言响彻云霄, 发出奋斗强军的共同心声。= «Пока я на границе, Родина может быть спокойна!» Торжественные клятвы офицеров и солдат двух постов проносятся сквозь облака, распространяя общий голос борьбы за укрепление армии.

Пример 3. В статье《太空军事竞争持续升温》[Военное соперничество в космосе продолжает накаляться] [19] встречается:

1) лексика, обусловленная военно-техническими инновациями и современным состоянием военно-политического дискурса в мире: 随着科学技术的飞速发展, 一些国家将太空视为军事竞争的制高点和新型作战域 = Наряду с быстрым развитием науки и техники некоторые страны стали рассматривать Космос как высшую сферу военной конкуренции и новый тип поля боя.

2) инновационная лексика: 美国多措并举谋求不对称优势。2025年, 美太空军计划创建“未来司令部”, 统筹美太空军建设、评估新兴技术潜在的太空军事价值、模拟未来太空作战场景等工作。= Меры США по поиску конкурентного преимущества. В 2025 году Тихоокеанские ВВС США планируют создать «Командование будущего», координирующее наращивание потенциала Тихоокеанских ВВС США, оценку потенциальной военной ценности появляющихся технологий в космосе, моделирование сценариев будущих космических боев и другие

работы.

Относительно перспектив военных технологий англоязычное гонконгское издание “The South China Morning Post” в публикации “China’s commercial Mach-4 drone tipped to make first flight next year” от 23 января 2025 г. предъявило миру новый гиперзвуковой дрон (см. рис. 6) [20].



Рис. 6. Гиперзвуковой дрон в гонконгской англоязычной SCMP
<https://www.scmp.com/news/china/science/article/3296012/chinas-commercial-mach-4-drone-will-make-first-flight-next-year-company>

Таким образом, аксиологическая «картина» (любовь к Родине у китайцев, философские учения о судьбе, верности и т.д.), существующая на уровне базовых и фоновых знаний представителей восточного этноса, становится катализатором, обеспечивающим интерес к текстам военно-политического дискурса. Китаеязычные медиаматериалы военно-политического дискурса гораздо в большей степени демонстрируют использование терминологии, возвышенной лексики и патриотической риторики, а также применяют языковую метафору и перифраз. Англоязычные медиаматериалы имеют тенденцию к визуализации посредством карикатурирования и других визуально-образных средств

воздействия на массового читателя. Сами же тексты военно-политического дискурса, расширяя дискурсивный кругозор читателя, создают предпосылки для его опосредованного участия в описываемых ситуациях и контекстах коммуникации, воспитывают и задают ценностный ориентир и «горизонт».

Заключение

Весь спектр задействованных научных работ считаем крайне важным с научно-теоретической и научно-практической точки зрения, поскольку результаты теоретического анализа позволили выделить методологию анализа и интерпретации медиа-текстов в условиях данного типа журналистики, в том числе в аспекте изучения виртуальной культуры национальных медиасистем. Реализация некоторых положений в данной статье позволила выявить факторы, определяющие лингво-аксиологическую «картину» восточного военно-политического дискурса. Доминирующая медиаповестка, основные языковые средства, средства визуализации единиц боевой техники и местности (карографирование), карикатура образов врага, средства, выражающие патриотическую риторику, а также некоторые роботизированные технологии в современной восточной онлайновой журналистике в совокупности предопределяют медиа-эффекты на читателя и потребителя медиаинформации.

Погружение все большей части человечества в виртуальный мир медиа в век цифровизации порождает спрос на создание информационно-психологического оружия и кибервойск. С каждым годом отмечается стремительное развитие сферы средств массовой информации, в том числе ее визуально-дискурсивной составляющей, что способствует развитию «цифрового языка» и «языка телевидения», которые эволюционируют наряду со всеми происходящими процессами. Этому подвержен любой язык, особенно английский и китайский языки, являющиеся самыми распространенными и популярными среди всего населения нашей планеты. Особого внимания заслуживают механизмы трансляции и вербализации реализуемых в информационной войне в медиа идеологем и социально-значимых понятий, включая количественную и качественную оценку их коммуникативной эффективности.

Когнитивная война (ее способы и приемы воздействия) нацелена в первую очередь на человеческий капитал любого государства: ее можно «подвести» к горячему конфликту, в том числе посредством медиа; тогда эффект мультилинируется. Приемы и способы ведения когнитивной войны имеют национальную специфику: российскую, китайскую, англосаксонскую.

Библиография

1. Бжезинский Збигнев. Выбор; Стратегический взгляд. Москва: Изд-во АСТ, 2023.
2. Касевич В. Б. Проблемы семантики. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2019.
3. Лобанова Т.Н. Языковые средства выражения коммуникативных стратегий в некооперативном дискурсе (на материале англоязычных ток-шоу) // Филология: научные исследования. 2024. № 1. С. 138-149. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.1.69507 EDN: EOFVYE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69507
4. Лобанова Т.Н. Внешнеполитическая проблематика в китайском политическом медиадискурсе: лингвистический анализ (на примере анализа выпусков канала "CCTV中文国际") // Litera. 2019. № 2. С. 236-250. DOI: 10.25136/2409-8698.2019.2.29074 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29074
5. Манович Л. Язык новых медиа. М.: АД МАРГИНЕМ ПРЕСС, 2019.
6. Матвеева Г. Г. Основы прагмалингвистики: учебник. Москва: ИНФРА-М, 2022.

7. Методы анализа текста и дискурса / С. Тичер [и др.]; пер. с нем. Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2017.
8. Общая и русская лингвоаксиология: Коллективная монография / М. С. Милованова (отв. ред.), К. Я. Сигал, В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин, Б. И. Фоминых, Н. А. Боженкова, Л. М. Гончарова, А. Н. Матрусова, Р. Р. Шамсутдинова; Ияз РАН, Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина. М. Ярославль: Издательство «Канцлер», 2022.
9. Стройков С. А. Англоязычный электронный гипертекст как объект лингвосемиотического исследования: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 5.9.8 / Стройков Сергей Александрович. Волгоград, 2024.
10. Федотов И. И. Лингвистические характеристики военно-политического дискурса международных организаций (на материале английского и русского языков): автореферат дис. ... канд. филологических наук: 5.9.8 / Федотов Илья Игоревич. Москва, 2023.
11. Kress G. Ideological Structures in Discourse // Handbook of Discourse Analysis. Vol. 4. Discourse Analysis in Society: Academic Press. London. 1985 (a). P. 27-42.
12. Paltridge B. Discourse Analysis. London, New Delhi, New York: Bloomsbury Academic, 2012.
13. Francois du Cluzel. Cognitive Warfare. June-November, 2020.
14. China releases world's most powerful electronic warfare weapon design software – for free. "The South China Morning Post". URL: http://www.scmp.com/news/china/science/article/3292466/china-releases-worlds-most-powerful-electronic-warfare-weapon-design-software-free?module=top_story&pgtype=homepage (дата обращения 10.01.25).
15. 空战对抗, 激烈打响! 东部战区空军航空兵某旅开展飞行训练 | 《环球网》. URL: <https://3w.huanqiu.com/a/7f8f74/4L7ZeTf6zB5> (дата обращения 18.01.25).
16. 以军开始从拉法向“费城走廊”转移 | 《环球网》. URL: <https://3w.huanqiu.com/a/24d596/4L8JIOXhhS> (дата обращения 18.01.25).
17. 三九探哨 | 我站横断山中：“云岭第一哨” | 《中国军》. URL: http://www.81.cn/szb_223187/szblb/index.html?paperNumber=01&paperName=jfjb&paperDate=2025-01-19 (дата обращения 11.01.25).
18. 跨越山海的奋斗之约 | 《中国军》. http://www.81.cn/szb_223187/szblb/index.html?paperNumber=01&paperName=jfjb&paperDate=2025-01-19 (дата обращения 11.01.25).
19. 太空军事竞争持续升温 | 《中国军》. URL: http://www.81.cn/szb_223187/szbxq/index.html?paperName=jfjb&paperDate=2025-01-19&paperNumber=04&articleid=947818 (дата обращения 22.01.25).
20. China's commercial Mach-4 drone tipped to make first flight next year | "The South China Morning Post". URL: <https://www.scmp.com/news/china/science/article/3296012/chinas-commercial-mach-4-drone-will-make-first-flight-next-year-company> (дата обращения 23.01.25).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Лингвоаксиология военно-политического дискурса (на материале языков стран АТР)».

Предмет исследования – лингвоаксиологическая специфика военно-политического дискурса.

Методология исследования основана на критическом дискурс-анализе, мультимодальном

дискурс-анализе в сочетании с лингвистическими методами.

Актуальность исследования определяется необходимостью системного изучения дискурса как феномена речевой деятельности и, в частности, военно-политического дискурса как одной из его разновидностей. Изучение лингвистических вопросов языка медиа, телепередач в русле антропологической парадигмы лингвоаксиологии и дискурсологии выступает неотъемлемой частью как теории языка и дискурса, так и смежных гуманитарных областей научного знания.

Научная новизна заключается в том, что исследование представляет собой попытку ревизии и систематизации научно-теоретических концепций и подходов к разработке междисциплинарного феномена лингвоаксиологии военно-политического дискурса как методологического ключа.

Стиль изложения научный, структура, содержание. Статья написана русским литературным языком. Структура рукописи включает следующие разделы: введение (содержит постановку проблемы, автор аргументирует актуальность выбранной темы); методология (сформулирована цель и приведена методология исследования, автор приводит теоретическую базу исследования; дана характеристика эмпирического материала); теоретико-методологические основания лингвоаксиологии в междисциплинарной парадигматике (автор отмечает, что современный этап развития информационного общества и специфика ведения гибридных войн позволяет выделить так называемый феномен информационно-психологического воздействия на массового адресата; военно-политический медиадискурс отвечает задачам ведения когнитивной войны, а новые технологии облегчают её ведение; автор проводит мультимодальный анализ медиатекстов; теоретические измышления автора подкреплены иллюстративными примерами); заключение (автор делает общие выводы); библиография (включает 12 источников). Содержание в целом соответствует названию.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Статья будет интересна тем, кто исследует военно-политический дискурс. Практическая значимость заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы на лекциях и на практических занятиях по межкультурной коммуникации, общественно-политическому и военному переводу.

Рекомендации автору:

1. Есть потребность в корректировке и уточнении названия статьи: автор указывает «на материале языков стран АТР», однако материалом исследования послужили публикации информационных китаеязычных, японскоязычных и англоязычных ресурсов.
2. В статье не указан объем эмпирического материала, необходимо включить источники эмпирического материала в библиографию.
3. Необходимо уделить большее внимание обзору и анализу современных научных работ, теоретический анализ именно современных источников является недостаточным.
4. Было бы уместно привести большее количество иллюстративных примеров как подкрепление теоретические измышлений автора статьи (рисунки 1 и 2 не прокомментированы автором).
5. Следует упорядочить использование кавычек и перепроверить текст на предмет опечаток, описок и пропусков символов. При первом упоминании аббревиатур в тексте следует писать полное название, а в скобках — аббревиатуру.
6. Библиографические описания некоторых источников нуждаются в корректировке в соответствии с ГОСТ и требованиями редакции. Стоит увеличить долю работ за последние 3 года.

В целом рукопись соответствует основным требованиям, предъявляемым к научным статьям. Материал представляет интерес для читательской аудитории и после доработки может быть опубликован в журнале «Филология: научные исследования».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена изучению лингвоаксиологии военно-политического дискурса, автор рассматривает данный вопрос на материале китайязычных и англоязычных медиаресурсов. На мой взгляд, выбранный вектор исследования вполне оправдан, он логически выверен и интересен. Как отмечается в начале данного труда, «целью работы выступает «ревизия» научно-теоретических концепций и подходов к разработке междисциплинарного феномена лингвоаксиологии военно-политического дискурса как методологического ключа и анализ иноязычных (цифровых) медиа». Цель задает общую канву поддержания логики научного изыскания, формулировка вполне наукообразна. Согласен, что «изучение лингвистических вопросов языка цифровых медиа в русле антропологической парадигмы лингвоаксиологии и дискурсолологии выступает неотъемлемой частью как теории языка и дискурса, так и смежных гуманитарных областей научного знания». Актуальность данной статьи заключается в том, что в ней вычленяется феноменология лингвоаксиологии военно-политического дискурса посредством изучения военно-политической доктрины КНР в «сопряжении» с вопросами функционирования некоторых китайязычных и англоязычных каналов медиасферы. Вариант, который методологически предлагает автора, на мой взгляд, конструктивен, он не противоречит современным научным изысканиям. Удачно в работе сочетает уровень теоретических наработок и практических наблюдений. Вариант ссылок и цитаций объективен и точен, например, «военно-политический дискурс является интердискурсивным новообразованием, сочетающим особенности военного и политического дискурсов на лексико-семантическом, жанрово-стилистическом и концептуальном уровнях, выражающий собственный культурно-выразительный стандарт в рамках межгосударственных отношений, который отходит от концептуально-тематических программ этих двух дискурсов» и т.д. Стиль работы соотносится с собственно научным типом: например, «китайский язык становится все более востребованным в мире благодаря росту экономической мощи Китая и его значимости на международной арене; английский язык как язык межкультурного общения позволяет «держать руку на пульсе» в конкурентной борьбе за мировые рынки. Китайский и английский языки сегодня – не только средство межкультурной коммуникации, но и важный инструмент азиатского лидера мнений при трансляции своей повестки и влияния на geopolитической арене». Серьезных неточностей, разнотений в работе не выявлено; большая часть суждений аргументирована. Стандарт обязательных частей имеется: цель, методология, практическая значимость. Как отмечает автор, «материалом для данного исследования послужили публикации информационных китайязычных и англоязычных ресурсов. В рамках данного исследования изучаются такие авторитетные медиаисточники, как "The South China Morning Post",《环球网》,《中国军网》,《解放军报》 и др. Выбор этих изданий обусловлен тем, что они освещают широкий спектр новостной военно-политической повестки; некоторые из них также затрагивают общественно-социальную и международную политico-экономическую сферу. Китайязычное издание《解放军报》– официальный орган Главного политического управления народно-освободительной армии Китая (НОАК). В китайязычном издании《环球网》исследуются тексты из вкладки《军事》». Ориентир на доступность источников вполне оправдан, принцип сплошной выборки вновь свидетельствует об объективности полученных данных. Иллюстративный фон достаточен, варианты пиктограмм также оправданы: «к

семиотически-осложненным текстам медиа предлагается применять методику мультимодального анализа [4]. "The multimodal use of discourse is as much a feature of print genres as it is of television genres" [12, с. 169]. Рассмотрим примеры с применением мультимодального анализа медитеекстов (далее - МАМ) к обозначенной выборке англоязычного медиасегмента. Так, невербальная, визуальная метафора в сочетании с вербальным текстом часто используется СМИ для создания некой гротескной ситуации» и т.д. Развёрстка вопроса сделана грамотно, тема по ходу статьи раскрыта полновесно. Автор в finale приходит к выводу, что «реализация ряда положений позволила выявить факторы, определяющие лингво-аксиологическую «картину» восточного военно-политического дискурса. Доминирующая медиаповестка, основные языковые средства, средства визуализации единиц боевой техники и местности (картографирование), карикатура образов врага, средства, выражающие патриотическую риторику, а также некоторые роботизированные технологии в современной восточной онлайновой журналистике в совокупности предопределяют медиа-эффекты на читателя и потребителя медиаинформации...». Основные требования издания учтены, серьезная правка текста излишня. Рекомендую статью «Лингвоаксиология военно-политического дискурса (на материале китаеязычных и англоязычных медиаресурсов)» к открытой публикации в журнале «Филология: научные исследования».

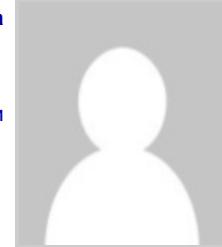
Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Зубова Т.Б., Калинин О.И. Оценочность как дискурсивная характеристика: свойства и типология // Филология: научные исследования. 2025. № 2. С. 172-187. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.2.72801 EDN: OHYPER URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72801

Оценочность как дискурсивная характеристика: свойства и типология

Зубова Таисия Борисовна



преподаватель, кафедра иностранных языков, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации

123001, Россия, г. Москва, ул. Большая Садовая, 14

taya505@yandex.ru

Калинин Олег Игоревич



ORCID: 0000-0002-1807-8370

доктор филологических наук

профессор; кафедра китайского языка; Московский государственный лингвистический университет
доцент; кафедра германских языков; Военный университет имени князя Александра Невского
старший научный сотрудник; Управление научной и инновационной деятельности; Южно-Уральский
государственный университет (национальный исследовательский университет)

123001, Россия, г. Москва, ул. Большая Садовая, 14

okalinin.lingua@gmail.com

[Статья из рубрики "Дискурс"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.2.72801

EDN:

OHYPER

Дата направления статьи в редакцию:

21-12-2024

Дата публикации:

04-03-2025

Аннотация: Предметом исследования в данной работе является содержание категории

оценочности как характеристики дискурса, отражающей субъективное отношение говорящего к объектам и явлениям окружающего мира. В работе уделено значительное внимание разграничению понятий «оценка» и «оценочность». Оценка определяется как индивидуальное выражение мнения, обладающее положительной, отрицательной или нейтральной окраской, основанной на социально-культурных нормах и личном опыте. Оценочность рассматривается в более широком контексте как совокупность языковых средств, позволяющих передавать субъективное отношение на различных уровнях дискурса. Цель исследования заключается в систематизации понятия оценочности, включая её разграничение с модальностью и тональностью, а также в описании типов и характеристик оценочных высказываний. Работа акцентирует внимание на описании эксплицитных и имплицитных форм выражения оценки, их роли в медиадискурсе и влиянии на формирование общественного мнения. Методами проведения исследования можно считать общенаучные методы (анализ, синтез) и метод логического сопоставления. Метод анализа позволяет детализировать ключевые аспекты оценочности. Синтез обеспечивает объединение различных теоретических подходов к изучению данной категории. Метод логического сопоставления применяется для выявления различий и сходств между оценочностью, тональностью и модальностью. Таким образом, оценочность представляет собой ключевую характеристику дискурса, влияющую на его семантику и прагматику. Данная категория проявляется в эксплицитной и имплицитной формах, каждая из которых играет важную роль в создании аксиологической структуры текста. Отдельное внимание уделено разграничению оценочности, модальности и тональности. В рамках когнитивно-дискурсивного подхода оценочность интегрирует аспекты модальности (грамматические характеристики) и тональности (эмоционально-стилевые особенности), выступая универсальной категорией для анализа медиадискурса. Новизна заключается в систематическом подходе к анализу оценочности с использованием различных лингвистических теорий и выделении её ключевых элементов. Результаты исследования могут быть применены в изучении механизмов формирования общественного мнения, разработке методов анализа текстов медийного содержания, а также в образовательной практике для преподавания теории коммуникации и лингвистики.

Ключевые слова:

медиадискурс, оценочность, ценность, дискурс, эксплицитная оценка, имплицитная оценка, анализ тональности, когнитивно-дискурсивный подход, лингвистика, формирование оценки

Финансирование и благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00049, <https://rscf.ru/project/24-18-00049/>. Funding and acknowledgements: The research is financially supported by Russian Science Foundation № 24-18-00049, <https://rscf.ru/project/24-18-00049/>.

Введение

Научное исследование посвящено теоретическому осмыслению понятия «оценочность» как дискурсивной характеристики медиа коммуникации, выявлению взаимосвязи понятий «оценка» и «оценочность» в медиадискурсе и разграничению его содержания с тождественными понятиями «модальность» и «тональность».

Актуальность темы обусловлена растущим влиянием медиадискурса на различные сферы жизни общества, которое предопределяет необходимость системного рассмотрения

вопросов, касающихся основных воздействующих характеристик медиадискурса, к числу которых относятся массовость и экспрессивность. Значимым с позиций изучения воздействующего потенциала медиадискурса представляется также анализ оценочности. Как известно, оценочность как свойство языка через дискурсивные практики выражать субъективное отношение адресанта к объекту речи, является значимой характеристикой современных медиа, связанной с формированием и изменением общественного мнения. При очевидности роли оценочности как важного свойства реализации субъективной авторской интенции в речевом сообщении это понятие относится к числу слабоизученных, в особенности с позиций когнитивно-дискурсивного подхода, что проявляется в большом количестве разнотечений в определении этого понятия. Кроме того, активное использование понятий «тональность», «экспрессивность», «эмоциональность», «модальность» в смежном смысловом поле приводит к размытию понятийных границ термина оценочность, что предопределяет необходимость его конкретизации применительно к современным исследованиям лингвопрагматического потенциала медиа коммуникации. Объектом исследования является оценочность как дискурсивная характеристика, отражающая субъективное отношение говорящего к объектам и явлениям окружающего мира. Предмет исследования – свойства, характеристики и типология категории оценочности. Научная новизна заключается уточнении и детализации содержательных рамок понимания оценки и оценочности с позиций когнитивно-дискурсивного подхода, а также в выявлении отличий понятия «оценочность» от понятий «модальность» и «тональность».

В этой связи целью данного исследования является системное описание понятия оценочности как характеристики дискурса, что предполагает последовательное рассмотрение разных подходов к определению оценочности, разграничение понятий ценность и оценка, описание типов и характеристик оценки, дифференциация понятий оценочность, модальность и тональность.

Особенности понятий «оценка» и «ценность»

Понятийное значение «оценки» тесно связано с понятием «ценности», которое обычно рассматривается в рамках лингвоаксиологического подхода. Так, согласно Большому энциклопедическому словарю, «ценность – это «положительное или отрицательное значение объектов окружающего мира для человека, социальной группы, общества в целом, определяемого не их собственными свойствами, а их участием в сфере человеческой деятельности, интересов и потребностей, социальных отношений» [\[4, с. 1251\]](#).

В своих работах И. А. Стернин утверждает, что «ценности определяются как социальные, социально-психологические идеи и взгляды, разделяемые народом и наследуемые каждым новым поколением» [\[18, с. 108\]](#). В. В. Виноградов рассматривает ценность, как «идеальное образование, представляющее собой важность предметов и явлений реальной действительности для общества и индивида, выраженное в различных проявлениях деятельности людей» [\[5, с. 93\]](#).

Общим в приведенных определениях является то, что ценность рассматривается как некая идеальная сущность, имеющая важность и значимость для человека или общества. Ценность может проявляться во взаимосвязи с разными критериями, например, экономическим, этическим, социальным, психологическим и др.

Ценность чаще всего описывается с позиций субъективности и может быть различной для каждого человека. Разная ценность может придаваться одним и тем же вещам или событиям в зависимости от своих потребностей, убеждений и мыслей. В медиадискурсе ценности также могут играть важную роль, так как они могут формировать мнения и

установки аудитории по определенным темам или проблемам.

Таким образом, ценности могут относиться как к индивидуальной картине мира, так и к картине мира отдельной социальной группы или всего общества. Они формируют и одновременно отражают языковую и концептуальную картину мира человека, играют значимую роль в регулировании социального поведения, являются частью менталитета народа и, в целом, опосредуют всю когнитивную деятельность человека.

На наш взгляд, ценность можно рассмотреть как своего рода основу для формирования оценки. Ценность и оценка связаны, как «почва и растения»: как почва непосредственно влияет на то, что на ней может вырасти, так и базовые ценности опосредуют формируемые в разных коммуникативных ситуациях оценки. Фундаментальные представления об окружающем мире, закономерностях его развития, социальных отношениях, отношения к власти и так далее непосредственно лежит в основе оценивания новых элементов действительности. Однако, как растения с течением времени могут менять химический и компонентный состав почвы, так и оценка, будучи высказываемой в разных множественных ситуациях общения, может влиять на содержание определенных ценностей.

В этой связи нельзя не согласиться с мнением Л. Н. Солович, что «оценка и ценность – два полюса оценочного отношения: объективный и субъективный, в котором оценка является одним из важнейших средств объективации и трансляции ценностей» [\[19, с. 7\]](#). В трудах отечественных лингвистов мы находим несколько подходов к дефинированию понятия «оценка»:

1. Аксиологический. На основе этого подхода существуют много определений данного понятия. Приведём некоторые из них. Н. Д. Арутюнова утверждает, что «оценка – это результат сопоставления реальных свойств оцениваемого объекта с идеализированной моделью мира, соответствие которой связано с понятием хорошего, а несоответствие по какому- либо из присущих ей параметров – спонятием плохого» [\[2, с. 5\]](#). А по мнению Р. М. Якушиной, оценка – «это отношение носителей языка к объекту, обусловленное признанием или непризнанием его ценности с точки зрения соответствия или несоответствия его качеств определенным ценностным критериям» [\[22, с. 12\]](#).
2. Стилистический. В словаре лингвистических терминов представлено такое определение данного понятия: «Оценка – это суждение говорящего, его отношение – одобрение или неодобрение, желание, поощрение и т.п. – как одну из основных частей стилистической коннотации» [\[3, с. 294\]](#).
3. Прагматический. Т.В. Маркелова утверждает, что «оценка – это функционально-семантическая категория, реализуемая в речевой деятельности системой разноуровневых языковых средств: дидактических, эмотивных, когнитивных, что подчёркивает прагматический характер языковой природы оценки, функцией которой является цель высказывания, основное назначение которого – воздействие на поведение адресата в процессе коммуникации» [\[10, с. 11\]](#).
4. Лингвокогнитивный. Согласно Н. В. Ильиной, оценка – это «умственный акт, являющийся результатом взаимодействия человека с окружающей его действительностью» [\[6, с. 16\]](#), что предполагает наличие сложных ментальных операций по интерпретации и категоризации воспринимаемой информации. Этот процесс включает активацию когнитивных схем, концептуальных метафор и фреймов, которые помогают реципиенту структурировать опыт и формировать ценностные ориентиры. В результате оценка выступает как когнитивный механизм, обуславливающий восприятие социальных и культурных явлений через призму индивидуальных и коллективных ментальных моделей.
5. Лингвокультурологический. В. И. Карасик отмечает, что помимо языковой картины

мира необходимо рассматривать и ценностную картину мира, в которой «выделяются ценностные доминанты, представляющие собой наиболее важные для культуры смыслы, совокупность которых и образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке» [7, с. 118], что предполагает рассмотрение оценки как механизма, отражающего культурные доминанты.

Таким образом, в широком смысле слова оценка с точки зрения лингвистики – это «универсальная категория, которая определяет отношение автора к содержанию речевого сообщения, опирающееся на сравнение данного предмета с избранным эталоном» [1, с. 14]. Она не только передает положительное или отрицательное отношение к событиям, явлениям, но и опосредованно формирует у людей оценочное восприятие действительности. Как известно, оценка является частью деятельности человека, направленной на познание объективного мира.

Ключевыми элементами процесса формирования оценки являются:

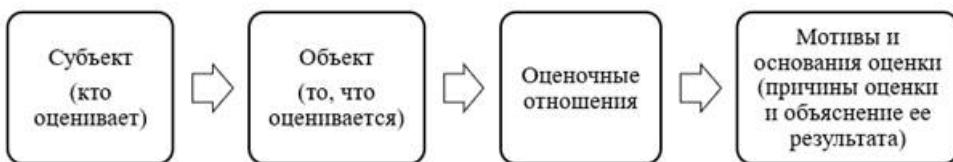


Рис. 1. Элементы формирования оценки

Схема на изображении представляет процесс формирования оценки и выделяет его ключевые элементы: субъект, объект, оценочные отношения, а также мотивы и основания оценки. Рассмотрим каждый элемент более детально.

1. Субъект (кто оценивает). В рамках лингвопрагматического анализа, субъект выступает как коммуникант, обладающий определенными коммуникативными интенциями, которые проявляются в выборе языковых средств их выражения. Субъект оценки – это носитель ценностных установок и культурных норм, влияющих на процесс формирования оценки, он формирует и выражает оценочное отношение, основываясь на личном или коллективном опыте, что определяет его взгляд на объект.
2. Объект (то, что оценивается). Объект оценки – это знание об элементе окружающего мира, то есть концепт, который может быть выражен различными языковыми средствами, и их выбор всегда связан с интенциональностью субъекта. Объект служит семантическим центром оценочного высказывания, вокруг которого строится смысловая структура высказывания.
3. Оценочные отношения. Этот элемент представляет собой отношения между субъектом и объектом, выраженные через средства вербализации оценки. В лингвистике оценочные отношения проявляются через употребление эмотивной лексики, модальных слов, нарративных структур, что указывает на позицию субъекта. Эти отношения подчеркивают прагматический потенциал и аксиологическую направленность текста, которые помогают аудитории воспринимать сообщение с определённой эмоциональной и ценностной окраской.
4. Мотивы и основания оценки. Мотивы представляют собой интенции и установки, которые побуждают субъекта выражать оценку, а основания – социокультурные основания, опосредующие выбор средств вербализации оценки. Лингвистически мотивы и основания часто выражаются через дискурсивные маркеры, логические связи и риторические приемы, которые усиливают убеждающую силу текста. Этот элемент является важным для создания когерентного оценочного высказывания и обоснования

ценностного суждения в структуре текста.

Рассмотрим далее основные характеристики оценки, выделенные в работе Е.В. Строкан: «ценостная основа; ориентация на норму; антропоцентричность; релятивность; субъективность; амбивалентность; динамичность; прагматическая интенция говорящего/пишущего» [20, с. 22-27].

Так, оценка влияет на содержание и структуру речевого акта, определяет подбор языковых средств и формирует коммуникативные отношения между адресантом и адресатом. Ценостная основа и субъективность оценки обуславливают выбор лексических и стилистических средств, через которые адресант передает своё отношение к объекту оценки и фреймирует восприятие адресатом объекта оценки. Ориентация на норму и релятивность предполагают учет социокультурного контекста, а также изменчивость оценочных представлений, что отражает культурно-историческую обусловленность и гибкость вербализации оценки. Антропоцентричность и амбивалентность подчеркивают субъективную, личностную природу оценочных суждений, а динамичность указывает на способность оценок изменяться с течением времени в зависимости от внешних и внутренних факторов, влияя на прагматическую силу высказывания. Прагматическая интенция говорящего/пишущего отражает коммуникативное намерение воздействовать на адресата с целью вызвать у него предсказуемую реакцию или сформировать сходное с адресатом ценностное восприятие.

Классификация видов оценки

Немаловажным является классификация разных видов оценки, предложенная в отечественной лингвистике. По отношению к объекту оценка может быть прямой и косвенной. Прямую оценку можно легко распознать в тексте, а косвенную нет, так как в ней «имплицитно и выводится адресатом благодаря его коммуникативной компетенции» [8, с. 111].

Оценка в медиадискурсе может быть выражена эксплицитно или имплицитно, что подчеркивает её прагматическую многослойность и отражает «связь формальных характеристик языковой единицы с особенностями передаваемого оценочного значения» [9, с. 55]. В.А. Куликова подчеркивает, что «имплицитность и эксплицитность характеризуют степень открытости/скрытости выражения оценочного значения при восприятии оценочно-маркированного элемента адресатом, что особенно важно при изучении медийного текста в аспекте его воздействующей функции» [9, с. 55].

Эксплицитная оценка представляет собой аксиологическое значение, заложенное в семантике слов и «объективированное в их словарной статье» [12, с. 6]. Такая оценка выражается непосредственно в лексических значениях средств ее вербализации и поверхностной структуре высказывания, не требуя дополнительных смысловых интерпретаций.

Имплицитная оценка, напротив, содержит скрытые аксиологические смыслы, которые не закреплены в семантике слов и формируются в контексте [12, с. 6]. Такой тип выражения оценки «не имеет самостоятельного явного выражения в формальной структуре языка и выявляются лишь в лексико-семантических парадигмах, через контекст» [21, с. 249]. Имплицитная оценка возникает в результате взаимодействия эксплицитных значений с конкретными условиями и контекстом коммуникации, что позволяет адресанту скрытно влиять на восприятие реципиента, усиливая прагматическое воздействие.

Классификация типов оценки, предложенная в отечественной лингвистике, отражает многообразие её форм выражения и специфические прагматические характеристики.

Сенсорно-вкусовая, психологическая, эстетическая, этическая, утилитарная, нормативная иteleологическая оценки представляют различные аксиологические измерения, то есть основания оценки, выражающие определенный аспект ценностного отношения к объекту оценки.

По отношению к объекту оценка может быть прямой, то есть явно выраженной и легко интерпретируемой в тексте, или косвенной, когда оценка «как бы подразумевается» и может быть выявлена реципиентом благодаря его коммуникативной компетенции.

По форме выражения эксплицитная оценка выражает аксиологическое значение непосредственно через лексические единицы, не требуя дополнительных когнитивных операций для её интерпретации. Имплицитная оценка, напротив, включает скрытые аксиологические компоненты, которые активируются только в контексте, тем самым усиливая прагматическое воздействие на реципиента. Имплицитные аксиологические смыслы позволяют адресанту гибко управлять восприятием аудитории, обеспечивая вариативность интерпретации и адаптируя оценочное высказывание к коммуникативной ситуации.

Опосредующей оценку характеристикой речевого высказывания, взятого в форме текста или дискурса, является оценочность. Рассмотрим несколько определений понятия «оценочность».

В. А. Марьинчик утверждает, что «оценочность - это способность языковой или речевой единицы эксплицировать положительные и отрицательные свойства объекта, его место на оценочной шкале и в аксиологическом пространстве» [\[11, с. 101\]](#). Согласно А. М. Яхиной, оценочность представляет собой «свойство, способность языковых единиц выражать относительно устойчивую, позитивную или негативную характеристику человека, а также отношение, мнение, суждение о положительной или отрицательной для языковой личности ценности предметов, явлений и процессов» [\[23, с. 24\]](#). Г.Я. Солганик также соотносит оценочность с характеристикой отдельной лексической единицы, указывая, что это «часть лексического значения, способного выразить отношение говорящего к обозначаемому словом предмету или понятию» [\[17, с. 9\]](#).

В работе Л. Г. Смирновой оценочность рассматривается в более широком контексте как «семантическая категория, представленная в языке системой разноуровневых средств и совокупностью приемов, организующих прагматику речевого акта и позволяющих говорящему передать адресату квалифицирующую характеристику явлений внеязыковой действительности в соответствии с признакомой шкалой хорошо / плохо, должно / не должно» [\[16, с. 107\]](#).

Так, оценка – это категория, которая выражает отношение говорящего к действиям и поведению других людей в социальной ситуации. Она может быть положительной или отрицательной и зависит от социальных норм и ценностей, которые принимаются в данном сообществе и выражается языковыми и невербальными средствами, такими как мимика, жесты, интонация. Если оценка связана с адресантом, то оценочность может быть рассмотрена в узком смысле как свойство языковой единицы, которая выражает отношение говорящего к тому, о чем он говорит, и в широком смысле как свойство дискурса. Несомненно, оценка – категория речевого воздействия в дискурсе, в то время как оценочность – это более широкое понятие, которое относится к тому, каким образом данная категория (оценка) выражается в контексте социальной коммуникации.

Следует подчеркнуть, что оценочность как свойство дискурса может выражаться как эксплицитно, так и имплицитно. Для эксплицитной оценочности характерны эмоционально-оценочная лексика, устойчивые словосочетания, отражающую оценку адресанта коммуникации. Оценочность может быть использована как установка для логических высказываний и собственных рассуждений, что, в свою очередь, также

является мощным средством воздействия.

Согласно Е. Н. Овчаренко, «наиболее эффективным средством воздействия является имплицитная оценочность высказывания» [\[13, с. 21\]](#), так как оценка (положительная или отрицательная), которая выражена имплицитно, воспринимается человеком на когнитивном уровне, тем самым оказывает скрытое воздействие на него. Также средства выражения оценочности представлены на всех языковых уровнях, известно, что основную роль в вербализации оценки играют лексические и синтаксические средства. Как известно, оценка и оценочность связаны с такими понятиями, как тональность и модальность. Согласно А.И. Приходько, «оценка и модальность - это явления разного порядка, имеющие связь между собой, модальность - это отношение к действительности, а оценка предусматривает не только отношение к объектам окружающего мира, но и познание, осмысление и оценивание действительности и отношение субъекта к результатам познания» [\[14, с. 75\]](#). Что касается тональности, Т. А. Семина утверждает, что «понятие тональности включает в себя все эти компоненты, объединяя в себе и оценку, и эмоции, так как эмоциональная и оценочная лексика фиксируется в тональных лексиконах. Отличительной особенностью тональности является и выражение мнения при помощи фактической лексики» [\[15, с. 75\]](#).

Так, согласно мнениям современных отечественных лингвистов (Селезневой Л.В., Ломтеву Т.П., Виноградову В.В.), модальность — это свойство отношений между субъектом и объектом предметами, которое может различаться по свойству действительности, способу их существования, а также по наличию или отсутствию указаний на уверенность в их истинности. Она не только характеризует реальность и нереальность, но также отражает отношение говорящего к высказываемому и выражает дополнительную информацию о характере зависимости между объектами действительности, о логическом статусе суждения и о его характеристиках (оценочных, регулятивных, временных и др.). Модальность представляет собой многослойную категорию, которая выражает отношение к реальности, субъективное отношение говорящего, дополнительные характеристики суждения и грамматическое выражение этих смыслов. Грамматико-семантическая категория модальности выражается категориями наклонения глагола, интонацией, модальными словами. Она не только передает различия между реальным и предполагаемым, но и отражает уверенность, эмоциональность и временные характеристики высказывания, что делает это понятие шире, чем понятие оценочности.

По мнению Шептухиной Е.М., «Тональность в лингвистических исследованиях – это ключ общения, стиль дискурса, регистра, тема, композиция, эмоционально-стилевой формат общения, определение установки и ситуации общения, способ представления текста автором и способ передачи пропозиции и др.» [\[21, с. 248\]](#). Исходя из определений учёных (Багдасяна Т.О., Карасика В.И.), тональность – это эмоционально-стилевой формат общения, который определяет установки и выбор языковых средств коммуникации для выражения эмоций. Она также является способом представления текста автором и выражает его отношение к тексту, реципиенту, действительности. Тональность учитывает сферу общения и личностные качества коммуникантов, определяет эмоциональную установку и коммуникативную ситуацию общения, а также способ передачи информации. Как мы видим, рассмотренные понятия во многом пересекаются. Не случайно в западной лингвистике эти три понятия объединяются в одно – sentiment. В работе «Opinion mining and sentiment analysis» Бо Пэна и Лиллиан Ли категория оценочности («sentiment») включает в себя анализ мнений и настроений, что предполагает акцент на то, как тексты могут изучаться для извлечения субъективной информации. Оценочность составляет важную часть анализа тональности. По мнению Бо Пэна и Лиллиан Ли, «важно не только

определять, положительно или отрицательно выражено суждение, но и учитывать нейтральную оценку, так как оценочные выражения зависят от контекста» [\[25\]](#). Основной задачей анализа оценочности (sentiment analysis) является не только выявление оценки в текстах, а исследование того, как адресант речевого сообщения выражает своё мнение. В данной работе также даётся описание различных программ и приложений, направленных на поиск, извлечение и классификацию оценочных суждений. В научной статье «Sentiment Analysis and Subjectivity» Бинг Льюисследует методы и подходы к анализу тональности. По её мнению, «анализ тональности – это компьютерное изучение мнений, эмоций, выраженных в тексте» [\[26\]](#). Данный анализ имеет важное значение для различных практических сфер применения, а именно: общественная безопасность, анализ отзывов пользователей и маркетинговые исследования. Взаимосвязь трёх тождественных понятий («тональность», «модальность», «оценочность»), которые входят в понятие «sentiment», рассматривается в контексте анализа тональности текста. Тональность выражается в эмоциональном фоне высказывания, оценочность подразумевает наличие оценок мнений, модальность же охватывает степень уверенности автора в своих утверждениях.

В работе М. Табоада «Sentiment Analysis: An Overview from Linguistics» дается обширное определение понятия «sentiment» и его роли в анализе текста. Автор рассматривает sentiment как выражение субъективных оценок, которые могут быть либо положительными, либо отрицательными. Sentiment включает в себя не только положительное или отрицательное отношение к объекту, но также субъективные реакции и восприятие говорящего или пишущего относительно предмета обсуждения. М. Табоада подчеркивает, что sentiment analysis исследует экспрессивные средства языка, с помощью которых передаются эмоции, оценки и мнения. Для этого применяются лексические и синтаксические маркеры, указывающие на оценочные характеристики, такие как интенсивность и экспрессивность высказывания, субъективная модальность, эмоциональные оттенки. Sentiment тесно связан с понятиями оценочности и модальности, поскольку он включает элементы субъективности, отражающие установку говорящего. Оценочность выражается через выбор лексики и конструкций, обозначающих положительное или отрицательное отношение. При этом модальность добавляет к этому степень уверенности или сомнения, а также оттенки гипотетичности или обязательности содержания высказывания. Взаимосвязь между sentiment и тональностью заключается в стилистической окраске высказывания. Тональность, как объясняет М. Табоада, «определяется выбором слов и структур, задающих общий эмоциональный настрой текста. Тональность помогает акцентировать внимание на ключевых эмоциональных аспектах сообщения, а также создает общее впечатление и стиль общения, что особенно важно в анализе социального контекста, в котором произведено высказывание» [\[24\]](#).

Как мы видим, оценочность, тональность и модальность являются во многом тождественными терминами, однако некоторое отличие в содержании этих лингвистических терминов все же можно выявить, что важно для определения дальнейшей понятийной базы нашего исследования.

Таблица 1.

Сопоставительный анализ содержания

понятий «оценочность», «модальность», «тональность»

Критерий	Модальность	Оценочность	Тональность
Базовое	Отношение высказывания	Способность	Отражение

понимание	к действительности и его реальности	эксплицировать положительные или отрицательные свойства объекта высказывания	выражение эмоционально-волевой установки автора текста при достижении коммуникативной цели
Обозначение	Обозначение понятий «необходимо», «возможно/невозможно», «обязательно/необязательно» «верно/неверно»	Обозначение понятий «хорошо/плохо»	Обозначение эмоций (интерес, уверенность/неуверенность, удивление, сожаление)
Субъективность	Может быть субъективна и объективна	Субъективна, но основывается на социальных нормах и правилах	Всегда субъективна
Постоянность	Статична и постоянна	Статична и динамична, постоянна и непостоянна	Динамична и непостоянна
План выражения	Выражена наклонениями, интонацией, словами. Основное выражения – грамматическое	Выражена категориями глагола, мелиоративной модальностью и пейоративной лексикой, разнообразными стилистическими тропами, временными формами, инверсией и риторическими вопросами.	Выражена эмоциональными междометиями, эмоционально-экспрессивной лексикой, приёмами выразительности (тропами и стилистическими фигурами), графический уровень языка, (шрифтовое оформление, деление текста на абзацы, расположение строк)

Исходя из таблицы, оценочность – это выражение субъективного отношения к объекту, характеристике, явлению или событию, которое выражается в различных формах: эмоциональной окраске, использовании оценочных слов и выражений, выборе определенных фактов и аргументов. Модальность может быть определена как преимущественно грамматическая категория, соотносящаяся с категориями времени и

наклонения, а также способность языка выражать отношение говорящего к высказыванию. Тональность – это преимущественно эмоциональная характеристика высказывания, которая определяет его отношение к объекту или явлению, выраженная с помощью лексических и грамматических средств, интонации и других языковых приемов. С лингвистической точки зрения, оценочность относится к прагматической категории, модальность к грамматической, а тональность к стилистической.

Также, проанализировав данные понятия, мы отмечаем, что они неразрывно связаны между собой и с категорией оценки как таковой, то есть с выражением отношения говорящего к предмету высказывания, поэтому мы полагаем, что с позиций лингвопрагматики оценочность включает в себя отдельные аспекты содержания понятий модальность и тональность, и может быть рассмотрена как универсальная характеристика медиадискурса.

В рамках нашего исследования мы рассматриваем оценочность в широком смысле как понятие, которое включает в себя тональность и модальность, что позволяет проводить анализ языковой репрезентации оценки объектов окружающего мира с субъективных позиций с учетом эмоционального восприятия автора речевого сообщения.

Заключение

В лингвистике понятия "оценка" и "оценочность" представляют собой категории, которые отражают субъективное отношение говорящего к объекту или явлению окружающей действительности. Оценка – это выражение субъективного мнения о предмете или событии, имеющее положительный, отрицательный или нейтральный характер. Оценка передает индивидуальное восприятие, основанное на социально-культурных нормах, опыте и коммуникативных ожиданиях говорящего, и играет ключевую роль в передаче эмоциональных и ценностных установок.

Оценочность, в свою очередь, является более широким понятием, чем оценка. Она включает способность дискурса выражать субъективное отношение через различные языковые средства на лексическом, синтаксическом и стилистическом уровнях. Оценочность является интегративной характеристикой, охватывающей оценку как прагматическую категорию, реализуемую в дискурсе с целью оказать воздействие на реципиента. Оценочность проявляется в постоянном присутствии субъективного аспекта в дискурсе, выражаемого через подбор слов, использование тропов и стилистических фигур и смысловую организацию текста.

Оценочность отличается от таких категорий, как модальность и тональность, хотя содержание этих понятий во многом пересекается. Модальность – это категория, описывающая отношение говорящего к действительности с точки зрения вероятности, необходимости или предположительности. Она выражает степень уверенности, возможности или обязательности, но не всегда предполагает эмоциональное отношение. Тональность же относится к эмоционально-стилевому формату высказывания, связанному с настроением или эмоциональной установкой автора по отношению к теме и реципиенту, и преимущественно связана со стилистическим аспектом высказывания. Таким образом, оценочность включает в себя элементы модальности и тональности, но может быть рассмотрена как более обобщенная категория, охватывающая все средства выражения оценочного отношения в дискурсе.

Оценочность как характеристика дискурса в целом выполняет особую роль в медиадискурсе. Она формирует смысловую структуру текста, проявляясь эксплицитно и имплицитно одновременно на лексическом, синтаксическом, и стилистическом уровнях дискурсивного высказывания. В медиадискурсе оценочность особенно значима, так как СМИ активно формируют общественное мнение, направляя дискурсивную интерпретацию

действительности адресатов речевого сообщения.

В целях нашего исследования следует выделять эксплицитную и имплицитную оценочность. Эксплицитная оценочность представлена языковыми средствами, которые содержат аксиологические значения в семантике используемых языковых единиц. Она передается через лексические единицы, фразеологизмы и иные конструкции, выражающие положительную или отрицательную оценку напрямую, не требуя дополнительных интерпретаций. Эксплицитная оценочность делает отношение автора к объекту высказывания очевидным для реципиента.

Имплицитная оценочность, напротив, содержит скрытые оценочные смыслы, которые не закреплены непосредственно в языковой форме и проявляются только в контексте. Имплицитная оценка требует от реципиента более глубокого анализа текста, так как она строится на социальном контексте и фоновых знаниях, а также предполагает использование когнитивных процессов для интерпретации субъективного отношения адресанта сообщения. Имплицитная оценочность усиливает воздействие на аудиторию за счет скрытого влияния, которое воспринимается на уровне восприятия и когнитивной обработки информации.

Кроме того, оценочность может быть прямой и непрямой. Прямая оценочность выражается в тексте непосредственно и легко идентифицируется, так как она чаще всего подкреплена аксиологически нагруженной лексикой, эмоционально окрашенными эпитетами или прямыми суждениями. Непрямая оценочность менее очевидна и проявляется в косвенных средствах, таких как ирония, сарказм, намеки или использование фраз, требующих интерпретации со стороны реципиента. Непрямая оценочность позволяет автору гибко выражать свои мнения, оставляя свободу для различных интерпретаций и делая оценочное высказывание многослойным.

Библиография

1. Азылбекова Г.О. Прагматика оценки: монография / Г. О. Азылбекова. – Павлодар: Кереку, 2017. – 122 с.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. – 905 с.
3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов – М.: Советская энциклопедия, 1969. – С. 293.
4. Большой энциклопедический словарь / Ред. А.М. Прохоров. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – 1456 с.
5. Виноградов С. Н. К лингвистическому пониманию ценности [Текст] / С.Н. Виноградов // Русская словесность в контексте мировой культуры: материалы Междунар. науч. конф. РОПРЯЛ. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 2007. – С. 93-97.
6. Ильина Н.В. Структура и функционирование оценочных конструкций в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1984.
7. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке / В.И. Карасик // Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – С. 166-205.
8. Кошман, Ю. И. Прагматическое содержание прямых и косвенных оценочных высказываний / Ю. И. Кошман // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов. – 2015. – С. 111-113.
9. Куликова, В.А. Словообразовательные средства выражения негативной оценки (на материале новообразований в заголовках электронных СМИ XXI в.): дисс ... канд. филол. наук / В.А. Куликова. – Нижний Новгород, – 2020. – 278 с.
10. Маркелова Т.В. Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке: монография / Моск. гос. ун-т печати имени Ивана Федорова; Т. В. Маркелова. – Москва: МГУП имени Ивана Федорова, 2013. – 299 с.
11. Марьянчик В.А. Оценка как категория текста / В.А. Марьянчик // Вестник Северного

- (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2011. – № 1. – С. 100-103.
12. Новиков, В.П. Оценочная лексика в языке английской газеты: автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.П. Новиков. – М., 1992. – С. 22.
13. Овчаренко Е.Н. Лингвопрагматический аспект вербализации оценки в медиадискурсе: диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук: 10.02.19. – Майкоп, 2022. – 166 с.
14. Приходько А.И. Когнитивно-дискурсивный потенциал оценки и способы его выражения в современном английском языке: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / А. И. Приходько. – Запорожье, 2004. – 428 с.
15. Семина Т.А. Тональность текста: синтаксические паттерны выражения отношений между сущностями: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Т.А. Семина. – Мытищи 2020. – 175 с.
16. Смирнова Л. Г. Лексика русского языка с оценочным компонентом значения: системный и функциональный аспекты: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Л. Г. Смирнова. – Смоленск, 2013. – 610 с.
17. Солганик Г.Я. Стилистика текста: учебное пособие. – М.: Флинта, 1980. – 256 с.
18. Стернин И. А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры / И. А. Стернин // Этнокультурная специфика языкового сознания; отв. ред. Н. В. Уфимцева. – М.: Ин-т языкоznания РАН, 1996. – С. 97-112.
19. Столovich Л.Н. Жизнь – творчество – человек: Функции художественной деятельности. – М: Политиздат, 1985. – 415 с.
20. Срокан Е.В. Языковые средства выражения оценки института монархии (на материале современной британской прессы): дис. ... д-ра филол. наук / Е.В. Срокан М, 2021. – 196 с.
21. Шептухина Е.М. Эксплицитность/имплицитность смысловой структуры русских глаголов со связанными основами // Семантико-дискурсивные исследования языка: эксплицитность/имплицитность выражения смыслов: материалы междунар. науч. конф. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2006. С. 248-255.
22. Якушина Р.М. Динамические параметры оценки: (на Материале современного английского языка): дис. канд. филол. наук / Р. М. Якушина. – Уфа, 2003. – 179 с.
23. Яхина А.М. Оценочность как компонент значения фразеологических единиц в русском, английском и татарском языках (на материале ФЕ, обозначающих поведение человека). Дисс. ... канд. филол. наук. – Казань, 2008.
24. Maite Taboada Sentiment Analysis: An Overview from Linguistics February 2016 Annual Review of Linguistics 2(1) 10.1146/annurev-linguistics-011415-04051
25. Pang B., Lee L., Opinion mining and sentiment analysis // Foundations and Trends in Information Retrieval Vol. 2, No 1-2 (2008), 1-135.
26. Liu B., Sentiment Analysis and Subjectivity, Handbook of Natural Language Processing, Second Edition, 2010. – 38 р.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

НА НАУЧНУЮ СТАТЬЮ «ОЦЕНОЧНОСТЬ КАК ДИСКУРСИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СВОЙСТВА И ТИПОЛОГИЯ»

Предмет исследования. Научная статья посвящена оценочности, которая анализирует способы выражения индивидуальных суждений и оценок. Важное внимание в работе уделяется типологии оценочных высказываний, а также структуре оценочных высказываний.

Методология исследования. В научной работе используются методы дискурсивного анализа, а также лексикостатистики и контекстуального анализа.

Актуальность темы обусловлена растущим интересом к исследованию дискурса в рамках социокультурных явлений. В целом оценочные высказывания играют важную роль в процессе формирования общественного сознания и восприятия информации, делая данное исследование важным для более глубокого понимания коммуникационных процессов на современном этапе.

Научная новизна исследования состоит в том, чтобы в систематизировать и классифицировать оценочные средства, в том числе автор предпринимает попытку актуализировать типологию оценочных высказываний на основе функциональных характеристик.

Стиль, структура, содержание работы. Научная статья написана в научном стиле и состоит из Введения, раздела «Особенности понятий «оценка» и «ценность»», раздела «Классификация видов оценки» и Заключения. В разделе «Особенности понятий «оценка» и «ценность»» автором рассматриваются теоретические основы оценочности. В разделе «Классификация видов оценки» рассматривается типология оценочных высказываний и различные примеры.

Заключение подводит итоги проведенного исследования, в том числе, формулируя рекомендации для перспектив дальнейших исследований.

Библиография. В исследовании представлена обширная библиография, которая включает в себя не только традиционные источники по теории дискурса, но и актуальные исследования в контексте анализа, предоставляя возможности читательской аудитории более глубоко понимать контекст настоящего исследования, а также взаимосвязь с новыми научными разработками на современном этапе.

Выводы исследования отмечают значимость оценочности в рамках дискурса как средства формирования смыслов, а также влияния на общее восприятие информации. Проведенное исследование может представлять интерес как для специалистов в рамках лингвистики, а также для специалистов дискурсивного анализа.

Замечания к статье:

1. В разделе Введение не прописана актуальность, объект и новизна исследования, не соответствует требованиям оформления.

2. Целесообразно представить в научной работе 2-3 понятия западных лингвистов (помимо М. Табоада).

3. В статье много орфографических и грамматических ошибок. Научная статья нуждается в повторной вычитке.

По содержанию и стилю данная статья не соответствует требованиям, предъявляемым к научным статьям, представляемым в рецензируемые журналы ВАК.

В соответствии с вышеизложенным целесообразно отклонить представленный материал с правом повторного представления в журнал «Филология: научные исследования» только при условии учета автором замечаний рецензента.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена теоретическому осмыслению понятия «оценочность» как дискурсивной характеристики медиа коммуникации, выявлению взаимосвязи понятий «оценка» и «оценочность» в медиадискурсе и разграничению его содержания с тождественными понятиями «модальность» и «тональность». Актуальность данной работы обусловлена интересом научного сообщества к изучению дискурса (политического, религиозного, художественного), особенно это касается медиадискурса. Видится важным анализ понятия «оценочность» как дискурсивной характеристики: «оценочность как свойство языка через дискурсивные практики выражать субъективное отношение адресанта к объекту речи, является значимой характеристикой современных медиа, связанной с формированием и изменением общественного мнения».

Теоретической базой исследования обоснованно выступили труды таких отечественных и зарубежных ученых, как Н. Д. Арутюнова, В. И. Карасик, И. А. Стернин, Г. О. Азылбекова, Ю. И. Кошман, Т. В. Маркелова, С. Н. Виноградов, Н. В. Ильина, В. П. Новиков, Е. Н. Овчаренко, А. И. Приходько, Т. А. Семина, А. М. Яхина, М. Табоада, Бини Лью, Бо Пэна и Лиллиан Ли и др. Библиография составляет 26 источников, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Методология исследования определена поставленной целью и задачами («последовательное рассмотрение разных подходов к определению оценочности, разграничение понятий ценность и оценка, описание типов и характеристик оценки, дифференциация понятий оценочность, модальность и тональность») и носит комплексный характер: применяются общенаучные методы анализа и синтеза; описательный метод, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию, классификацию материала; индуктивный метод анализа от конкретных языковых фактов к установлению системных отношений между ними и обобщению на этой основе теоретических положений и выводов; метод дефинициального анализа; метод компонентного семантического анализа и др.

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования рассмотрены особенности понятий «оценка» и «ценность», дана классификация видов оценки, проведен сопоставительный анализ содержания понятий «оценочность», «модальность», «тональность», результаты которого представлены в таблице. Сделаны выводы о том, что «оценочность является интегративной характеристикой, охватывающей оценку как прагматическую категорию, реализуемую в дискурсе с целью оказать воздействие на реципиента»; «оценочность включает в себя элементы модальности и тональности, но может быть рассмотрена как более обобщенная категория, охватывая все средства выражения оценочного отношения в дискурсе»; «оценочность как характеристика дискурса в целом выполняет особую роль в медиадискурсе; она формирует смысловую структуру текста, проявляясь эксплицитно и имплицитно одновременно на лексическом, синтаксическом, и стилистическом уровнях дискурсивного высказывания» и др. Все выводы сформулированы логично и отражают содержание рукописи.

Теоретическая значимость исследования связана с определенным вкладом результатов проделанной работы в уточнение и детализацию содержательных рамок понимания оценки и оценочности с позиций когнитивно-дискурсивного подхода, в выявление отличий понятия «оценочность» от понятий «модальность» и «тональность». Практическая значимость заключается в возможности использования полученных результатов в дискурсивных исследованиях, в ходе изучения действующего потенциала медиадискурса, а также в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике.

Стиль статьи отвечает требованиям научного описания, содержание соответствует названию, логика изложения материала четкая. Все замечания носят рекомендательный характер. Рукопись имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Тань Ц. Функции образных единиц в медиатизированном политическом дискурсе // Филология: научные исследования. 2025. № 2. С.188-196. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.2.72894 EDN: OICONE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72894

Функции образных единиц в медиатизированном политическом дискурсе

Тань Цзе

ORCID: 0009-0007-9525-2700

аспирант; кафедра общего и русского языкоznания; Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

117485, Россия, г. Москва, ул. Академика Волгина, 6

✉ 870583493@qq.com



[Статья из рубрики "Дискурс"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.2.72894

EDN:

OICONE

Дата направления статьи в редакцию:

27-12-2024

Дата публикации:

04-03-2025

Аннотация: Предметом исследования является функция образных единиц в медиатизированном политическом дискурсе, их влияние на восприятие и интерпретацию информации аудиторией. Объектом исследования является медиатизированный политический дискурс, представленный в текстах российских и китайских интернет-блогов, интервью с политиками и политических ток-шоу, отражающих современные политические реалии. Автор подробно рассматривает такие аспекты исследования, как понятие медиатизированного политического дискурса и образности, использование образных единиц для усиления воздействия на аудиторию, выполнения функции оценки, а также смягчения или усиления содержания сообщения. Особое внимание уделяется сравнению типов образных единиц, используемых в политической коммуникации двух стран, их значению для создания убедительного образа и укрепления эмоциональной

связи с аудиторией в рамках политической коммуникации. С помощью метода сплошной выборки было собрано более 150 текстов из политических ток-шоу, интервью с политиками и блогов, которые подверглись анализу с точки зрения использования образных единиц. В статье предложен новый подход к классификации образных единиц в медиатизированном политическом дискурсе, выделяя пять ключевых типов: метафоры и образные сравнения, фразеологизмы, прецедентные феномены, паремии, просторечия и бранные выражения. Автор вводит функциональную классификацию, которая позволяет более детально рассмотреть роль этих единиц в политической коммуникации. Особое внимание уделяется трем функциям образных единиц — воздействующей, оценочной, а также функциям усиления или смягчения содержания, что позволяет глубже понять механизмы влияния на общественное восприятие и восприятие политического контекста. Образные единицы в медиатизированном политическом дискурсе выполняют важнейшую роль в формировании политического имиджа, укреплении убедительности и воздействии на общественное мнение. Влияние образных средств на восприятие информации и оценку политических событий имеет большое значение для формирования политических взглядов.

Ключевые слова:

медиатизированный политический дискурс, образные единицы, воздействующая функция, функция оценки, функция усиления, функция смягчения содержания, политический дискурс, медиадискурс, Образность, Политическая коммуникация

С развитием информационных технологий медиатизированный политический дискурс, как новая форма распространения политической информации, постепенно становится важным элементом политической коммуникации. Эта форма дискурса не только предоставляет аудитории возможность получать информацию о политических событиях, но и выполняет роль моста для взаимодействия и диалога между политическими деятелями и обществом. Как С.В. Ионова отмечает: «Дискурсивные практики постоянно адаптируются к изменяющимся социальным контекстам и развивающимся коммуникационным средствам. Этот процесс приводит к появлению новых возможностей обмена информацией и взаимодействия, формируя особые конфигурации коммуникативного пространства» [Ионова, 2012, с. 164]. Одной из характеристик непрофессионального политического дискурса является интердискурсивность [Савельева, 2022, с. 91], наряду с ней развивается медиатизированность: политика, как и другие сферы общественной жизни, подвергается медиатизации [Ионова, Ма Юйсинь, 2022, с. 43], в этой связи медиатизированный политический дискурс становится неотъемлемой частью политической коммуникации. Несмотря на то, что «главным коммуникативным носителем политического медиадискурса выступает политический журналист» [Русакова, Грибовод, 2014, с. 67], активность медиатизированного политического дискурса сегодня поддерживается самими политиками. Речевые высказывания политиков больше не ограничиваются определёнными площадками или узкими аудиториями, а распространяются через множество цифровых медиа-платформ, охватывая глобальную аудиторию [Ройба, 2017, с. 199]. Такая среда коммуникации придаёт политическому языку высокую скорость распространения и широкий охват, «играет значительную роль в формировании общественного диалога» [Орлова, 2020, с. 57]. По мнению Н. Фэрклou, «медиатизированный политический дискурс представляет собой своеобразный гибрид – смешение дискурсов обыденной жизни, социополитических движений, различных областей академического и научного знания и

др. с журналистским дискурсом, и соответственно, представлен специфическим «репертуаром голосов» (социальных агентов). К числу основных агентов медиатизированного политического дискурса Н. Фэрклou относит профессиональных политиков, журналистов, политиков в нетрадиционном понимании (представители различных общественных организаций и движений), «экспертов» (политические аналитики, ученые-политологи) и «простых людей», народ» [Fairclough, 1998, с. 148]. Исходя из приведённых выше определений, в данном исследовании медиатизированный политический дискурс делится на три категории: политические ток-шоу, телевизионные и интернет-интервью с политиками и блоги политиков. Эффективность воздействия политического сообщения «во многом зависит от образного содержания высказывания» [Порческу, Рублёва, 2019, с. 60].

Образность, наряду с ассоциативностью, которая выступает особым способом отражения окружающего мира, является базовым свойством языковой системы и её функционирования. Этот феномен играет важную роль в речемыслительном процессе, объединяя когнитивные аспекты и лексико-семантические элементы языка. Н.А. Илюхина заключает: «Ассоциативный (образный) способ оказывается постоянным элементом речемыслительной деятельности вообще. Оценка этого факта обозначила в лингвистических исследованиях последних лет поворот к общеязыковому аспекту изучения образного отражения действительности» [Илюхина, 1999, с. 3]. Образность, как отмечают исследователи, формируется через взаимодействие различных уровней языкового содержания. Е.А. Юрина обосновывает специфику значения образной единицы следующим образом: «Образное значение – это двуплановая содержательная структура языковой (лексической) единицы, в которой взаимодействием предметно-понятийного и ассоциативно-образного планов содержания передается стереотипное (прототипическое) конкретно-чувственное представление о называемом явлении посредством метафорического воплощения признаков этого явления» [Юрина, 2005, с. 131]. Итак, образность выступает связующим звеном между когнитивным и ассоциативным восприятием, что делает её важнейшим элементом как индивидуального, так и коллективного осмыслиения реальности.

Согласно определению образности, в данном исследовании выделены пять типов образных единиц: 1) метафоры и образные сравнения, 2) идиомы, 3) прецедентные явления, 4) пословицы, 5) просторечие и оскорбительные выражения. Для анализа был использован метод случайной выборки, в результате чего было собрано 178 текстов (политические ток-шоу - 63, интервью с политиками - 55, блоги политиков - 60). На рисунке 1 представлено распределение различных типов образных единиц.



Рисунок 1 – Использование различных типов образных единиц

На основе собранных данных можно сделать несколько важных наблюдений. Во-первых, наибольшее количество образных единиц составляют идиомы, что указывает на широкое использование устойчивых выражений в политической речи. Во-вторых, метафоры и прецедентные явления занимают значительную долю, что подчеркивает их важность в создании выразительных образов и обеспечении когерентности политического дискурса. Пословицы и оскорбительные выражения встречаются реже, однако они играют ключевую роль в передаче эмоций и формировании отношения с аудиторией.

Образные единицы играют ключевую роль в медиатизированном политическом дискурсе. Они помогают сделать сообщения более убедительными, запоминающимися и усиливают его воздействие на эмоции адресата. В контексте медиатизации политического дискурса это особенно важно, так как конкуренция за внимание аудитории и необходимость передачи сложных идей в доступной форме требуют активного использования выразительных средств. В ходе анализа фактического материала нами выделены следующие функции образных единиц в медиатизированном политическом дискурсе:

1) Оценочная функция

В медиатизированном политическом дискурсе субъективная оценка не менее важна, чем объективная. Оценочная функция речи в целом тесно связана с экспрессивной функцией: отношение к предмету речи или оппоненту, выраженное с использованием образных единиц, приобретает насыщенные эмоциональные оттенки, увеличивает вероятность эмоционального вовлечения адресатов в освещаемую проблему. Оценочная функция образных единиц основывается на системно-языковых свойствах их семантики, а также на особенностях их реализации в речи. Благодаря взаимодействию денотативной и тропической сфер, они могут выражать рациональную и эмоциональную оценку говорящего к предмету речи.

*Расчет США был на то, что мы и месяца не продержимся в 2022 году, после того как они обрушат на нас, по их же собственному выражению, **адские санкции**. И они в чем-то правы: ведут себя они **как настоящие бесы**. Ни Италия, ни Германия, ни Франция, ни Британия, ни сами США от подобных санкций не оправились бы* [11].

В данном примере автор выражает критическое отношение к действиям запада с использованием оценочного выражения «адские санкции», в котором отражается высокая степень интенсивности негативной оценки (от слова *ад* — по религиозным представлениям, место, куда попадают души умерших грешников, обреченных на вечные муки [Кузнецов, 2008, с. 29]), в том числе дополненной субъективным отношением автора к указанной ситуации. Аналогия между западными странами, применяющими санкции в отношении России, и «настоящими бесами» (от слова *бес* — по религиозным представлениям, злой дух, искушающий человек; нечистая сила, черт, дьявол [Кузнецов, 2008, с. 72]) дополнительно акцентирует негативную оценку этих мероприятий.

佩洛西口中的民主, 不过是一件爬满虱子的袍子, 乍看华丽, 近看不忍卒睹 / Демократия, о которой говорит Пелоси, — это покрытый вшами халат: на первый взгляд он выглядит великолепно, но при более близком взгляде становится невыносимо смотреть [\[2\]](#).

Метафора «покрытый вшами халат» служит яркой образной оценкой западной демократии. Это выражение выполняет оценочную функцию, подчеркивая субъективное негативное отношение автора к политической концепции, которую он критикует. Визуальный образ «покрытый вшами халат» контрастирует с привлекательным изначально понятием демократии, что создает четкое эмоциональное разделение между тем, что кажется внешне привлекательным, и тем, что скрывается за этим фасадом.

В медиатизированном политическом дискурсе оценочная функция играет ключевую роль, так как она помогает выразить субъективное отношение автора к обсуждаемым вопросам. Использование образных единиц усиливает авторскую оценку, привлекает внимание аудитории, способствует достижению целей коммуникации.

2) Функция воздействия;

В условиях современного информационного общества, которое все в большей степени проникает в различные сферы жизни, функция воздействия становится главной функцией средств массовой информации. В таком контексте реципиент воспринимается как объект воздействия, а эффективность этого воздействия напрямую зависит от того, насколько успешно используются образные единицы в речи политиков. Намеренное речевое воздействие может осуществляться посредством авторитета носителя институционально более высокого статуса; манипуляции; убеждения, аргументации; силы [Карасик, 1992, с. 47-85]. Например,

Насчет сокращения ядерного оружия, которого добиваются американцы, потому что они проигрывают, Путин ответил коротко: "хрен им". Эта часть и эта сфера, да, связана с ядерным оружием, и как предельная форма эскалации (Куликов Д. Право знать, 17.06.2023).

В.В. Путин дал резкий лаконичный ответ на вопрос о ядерном оружии: «хрен им». Это бранное выражение не только демонстрирует авторитет автора высказывания, но и подчеркивает силу и непоколебимость его позиции благодаря выразительности интонации. Такая форма высказывания, сочетающая прямоту и эмоциональность, позволяет укрепить образ лидера в глазах аудитории, усиливая воздействие его слов и приближая его к аудитории за счет использования образных единиц разговорного стиля речи.

Количество руководящих идиотов в натовских странах растет. Один новоиспеченный кретин — министр обороны Британии — решил перенести английские курсы подготовки

украинских солдат на территорию самой Украины (Медведев Д. Telegram, 01.10.2023).

«Идиот» (бранно) — дурак, болван, тутика [Кузнецов, 2008, с. 375]. «Кретин» (бранно) — дурак, тутика [там же, с. 470]. В данном примере использование лексем с ярко выраженной негативной коннотацией отражает намеренное (интенциональное) воздействие на аудиторию. Эти термины вызывают у слушателей или читателей эмоциональный отклик и усиливают критическое восприятие фигуры британского министра обороны, что соответствует функции усиления воздействия, создавая яркое, образное представление о ситуации. За счет использования бранных выражений речь автора становится более эмоциональной, наглядной, что усиливает аргументацию и повышает эффект воздействия на слушателей.

Функция воздействия образных единиц особенно заметна в речи политиков. Через образные единицы политик может транслировать авторитетность, манипулировать эмоциями массового адресата, усиливать убеждающую силу высказывания и повышать таким образом эффективность коммуникативного взаимодействия с аудиторией.

3) Функция усиления или смягчения содержания

В медиатизированном политическом дискурсе адресанты нередко используют образные единицы с целью усиления или смягчения высказывания. Функция усиления, или заострения, нацелена на приздание высказыванию эмоциональной насыщенности, на усиление оценки предмета речи. Смягчение с позиции pragmatики можно определить как «снижение интенсивности иллоктивной силы высказывания, детерминированное определенными параметрами речевого контакта (индивидуально-психологическими и социальными)» [Тахтарова, 2010, с. 25]. Категория смягчения является одной из ключевых коммуникативных категорий, которая наряду с вежливостью и толерантностью регулирует речевое поведение коммуникантов в процессе политической коммуникации [Тахтарова, 2010, с. 256]. В медиатизированном политическом дискурсе использование некоторых образных единиц может снизить резкость высказываний, уменьшить возможные конфликты и споры, придавая выражению более мягкий характер. Например:

*Официальный представитель Совета нацбезопасности США Эдриен Уотсон: Украина не причастна к теракту в Красногорске, во всём виноват запрещённый ИГИЛ. Вот бы у них с **убийством собственного президента Кеннеди** так быстро получилось разобраться. Так нет же – больше 60 лет не могут выяснить, кто же его всё-таки убил. А, может, тоже ИГИЛ? Или ещё 60 лет будут тянуть с конкретикой, играя в любую «конструктивную неопределенность» (Захарова М. Telegram, 24.03.2024)?*

Использование прецедентного феномена - ссылки на убийство президента Кеннеди - выполняет функцию усиления эмоциональной насыщенности содержания высказывания. Сравнение длительной нерешённости дела об убийстве Кеннеди с быстрой и однозначной оценкой ситуации в Украине создаёт резкую контрастную связь, что усиливает акцент на критике американской власти. Фраза «больше 60 лет не могут выяснить, кто же его всё-таки убил» подчёркивает и усиливает негативную оценку. Такое использование исторического контекста и провокационного сравнения придаёт высказыванию дополнительную силу, усиливая эмоциональное воздействие на аудиторию.

几年前,一份欧盟政策文件给中国同时贴上伙伴、竞争者、制度性对手三种标签,但事实证明,这种三重定位不符合事实,也不可行,反而给中欧关系发展带来不必要的干扰和阻碍。就好比汽车开到十字路口,红灯、黄灯、绿灯三种信号灯同时亮起,这车还怎么开 / Несколько лет назад один из документов политики Европейского Союза одновременно присвоил Китаю три ярлыка: партнер,

конкурент и системный соперник. Однако на практике оказалось, что такое троекратное позиционирование не соответствует действительности и непрактично, а наоборот, мешает и препятствует развитию китайско-европейских отношений. Это как если бы машина подъехала к перекрестку, и одновременно загорелись бы красный, желтый и зеленый сигналы светофора — как тогда ехать^[3]?

В данном примере сравнение политического решения со светофором выполняет функцию смягчения высказывания, снижая его резкость и делая более понятным и доступным. Образ представляет собой яркое, но мягкое изображение нелепости ситуации: вместо прямого осуждения тройного позиционирования Китая как противоречивого и неэффективного, метафора мягко указывает на проблему, не акцентируя внимание на её негативных последствиях. Это помогает смягчить эмоциональную нагрузку высказывания, делая его менее агрессивным и более конструктивным.

В медиатизированном политическом дискурсе активно используются образные единицы для усиления или смягчения содержания высказывания в зависимости от целей говорящего. Усиление позволяет придать высказыванию эмоциональную насыщенность, подчеркнуть критику или осуждение. Смягчение, наоборот, снижает резкость высказывания.

Таким образом, данное исследование выявило ключевую роль образных единиц в медиатизированном политическом дискурсе, продемонстрировав, что они не только способствуют эффективному взаимодействию с аудиторией, но и являются неотъемлемой частью процесса формирования политического имиджа. Применение образных средств в политическом дискурсе усиливает его привлекательность и убедительность, создавая яркие, легко запоминающиеся образы, которые оказывают влияние на восприятие политических посланий. Кроме того, образные единицы играют важную роль в выражении личных эмоций, оценке политической ситуации, а также в усилении или ослаблении определённых аспектов содержания, что в свою очередь оказывает значительное влияние на когнитивные и эмоциональные реакции аудитории. Перспективы будущих исследований предполагают углублённое изучение использования образных единиц в политических дискурсах различных культур и стран, что позволит выявить особенности риторических стратегий и национальные различия в их применении. Важным направлением также является расширение исследования функций образных единиц, с акцентом на их культурные особенности и риторическую значимость в контексте политической коммуникации. Дополнительным перспективным аспектом является анализ влияния образных единиц на формирование политической идентичности, а также их роль в социально-культурных контекстах, что открывает новые горизонты для межкультурной коммуникации и сопредельных дисциплин.

^[1] https://vk.com/wall-70034991_683242?ysclid=m56tzkm24k798603243

^[2] <https://3w.huanqiu.com/a/16c2d1/495bqNp7PC0>

^[3] <https://news.qq.com/rain/a/20240307A04W0100>

Библиография

1. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2008. – 1536 с.
2. Илюхина Н. А. Образ как объект семасиологического анализа : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Н. А. Илюхина. – Уфа, 1999. – 38 с.
3. Ионова С. В. Текстовое пространство СМИ: теоретические и эмпирические аспекты

- исследования // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкоzнание. – 2012. – № 1 (15). – С. 163–168.
4. Ионова С. В., Ма Юйсинь. Медиатизация социально-медицинской сферы как фактор формирования образа пожилого человека // Лингвистика и образование. – 2022. – Т. 2, № 4 (8). – С. 42–53.
5. Карасик В. И. Язык социального статуса. – М.: Ин-т языкоzнания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. – 330 с.
6. Орлова О. Г. Жанры политического медиадискурса // Вопросы журналистики. – 2020. – № 7. – С. 56–73.
7. Порческу Г. В., Рублева О. С. Лингвостилистические особенности политических выступлений (на примере публичных выступлений Дональда Трампа) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12, № 1. – С. 60–63.
8. Ройба Н. В. Национально-культурное измерение в исследовании глобального политического дискурса // Политическая лингвистика. – 2017. – № 6. – С. 199–204.
9. Русакова О.Ф., Грибовод Е. Г. Политический медиадискурс и медиатизация политики как концепты политической коммуникативистики // Научный ежегодник института философии и права УрО РАН. – 2014. – № 14 (4). – С. 65–77.
10. Савельева И. В. Непрофессиональный политический дискурс как новое коммуникативное явление: лингвопрагматический и лингвоперсонологический аспекты моделирования : дис. ... д-ра филол. наук / И. В. Савельева. – Кемерово, 2022. – 496 с.
11. Тахтарова С. С. Категория коммуникативного смягчения (когнитивно-дискурсивный и этнокультурный аспекты): дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2010. – 430 с.
12. Юрина Е. А. Комплексное исследование образной лексики русского языка : дис. ... д-ра филол. наук / Е. А. Юрина. – Томск, 2005. – 436 с.
13. Fairclough N. Political discourse in the media: an analytical framework // Approaches to Media Discourse. – Oxford : Blackwell Publishing, 1998. – Р. 142–162.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензуемая статья посвящена функционированию образных единиц в медиатизированном политическом дискурсе. Актуальность предмета исследования не вызывает сомнения: «с развитием информационных технологий медиатизированный политический дискурс, как новая форма распространения политической информации, постепенно становится важным элементом политической коммуникации. Эта форма дискурса не только предоставляет аудитории возможность получать информацию о политических событиях, но и выполняет роль моста для взаимодействия и диалога между политическими деятелями и обществом». Политический дискурс относится к особому типу общения, для которого характерна высокая степень воздействия на аудиторию и ее убеждение. Так как образные единицы играют ключевую роль в медиатизированном политическом дискурсе: они помогают сделать сообщения более убедительными, запоминающимися и усиливают его воздействие на эмоции адресата, видится обоснованным изучение их функций.

Теоретической основой научной работы явились труды таких российских и зарубежных исследователей, как В. И. Карасик, Н. А. Илюхина, С. В. Ионова, Ма Юйсинь, О. Г. Орлова, Г. В. Порческу, О. С. Рублева, Н. В. Ройба, О.Ф. Русакова, Е. Г. Грибовод, И. В. Савельева, С. С. Тахтарова, Е. А. Юрина, Норман Фэркло, посвященные языку социального статуса; теоретическим и эмпирическим вопросам изучения текстового

пространства СМИ; различным аспектам политического медиадискурса; образной лексике русского языка и т.п. Библиография включает 13 источников, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Рекомендуем автору(ам) обратить внимание на требования редакции в отношении оформления в рукописи ссылок на научные источники.

Методология исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер: применяются общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию, классификацию материала; метод случайной выборки, лингвостатистический и социокультурный анализ, а также метод дискурсивного анализа, который представляет собой совокупность взаимосвязанных подходов к изучению дискурса и функционирующих в нем языковых единиц, как и различных экстралингвистических аспектов.

Проанализировав и обобщив теоретический материал, автор(ы) рассматривают частотность использования пяти типов образных единиц (метафоры и образные сравнения, идиомы, прецедентные явления, пословицы, просторечие и оскорбительные выражения). Полученные результаты представлены в виде линейчатой диаграммы. На основе собранных данных сделано несколько важных наблюдений: «наибольшее количество образных единиц составляют идиомы, что указывает на широкое использование устойчивых выражений в политической речи»; «метафоры и прецедентные явления занимают значительную долю, что подчеркивает их важность в создании выразительных образов и обеспечении когерентности политического дискурса»; «пословицы и оскорбительные выражения встречаются реже, однако они играют ключевую роль в передаче эмоций и формировании отношения с аудиторией». В ходе анализа функций образных единиц в медиатизированном политическом дискурсе (оценочной, воздействия, усиления или смягчения содержания) установлено, что они «активно используются для усиления или смягчения содержания высказывания в зависимости от целей говорящего».

Обозначены перспективы дальнейшего исследования, а именно: углублённое изучение использования образных единиц в политических дискурсах различных культур и стран; расширенное изучение функций образных единиц с акцентом на их культурные особенности и риторическую значимость в контексте политической коммуникации; анализ влияния образных единиц на формирование политической идентичности, а также их роль в социально-культурных контекстах.

Теоретическая и практическая значимость исследования неоспорима и обусловлена его вкладом в решение современных языковедческих проблем, связанных с теорией дискурса, политическим медиадискурсом, спецификой функционирования образных единиц в медиатизированном политическом дискурсе. Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут применяться в курсах по общему языкоznанию, лингвистике текста и теории дискурса, прагмалингвистике и социолингвистике и использоваться специалистами в области политической коммуникации.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стиль статьи отвечает требованиям научного описания. Статья имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования*Правильная ссылка на статью:*

Шиндель С.В., Маслова А.Н., Кошелева О.Н. Конфирмация как жанр религиозного дискурса (на материале этого-документов лютеран колонии Брунненталь XIX-XX вв.) // Филология: научные исследования. 2025. № 2. С.197-219. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.2.72957 EDN: OIQTQK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72957

Конфирмация как жанр религиозного дискурса (на материале этого-документов лютеран колонии Брунненталь XIX-XX вв.)

Шиндель Светлана Владимировна

ORCID: 0000-0002-5253-0068

кандидат культурологии

доцент, кафедра экономики и гуманитарных дисциплин, Энгельсский технологический институт
(филиал) СГТУ им.Гагарина Ю.А)

410031, Россия, Саратовская область, г. Саратов, ул. Чернышевского, 223/231, оф. 77



✉ schindelsvetlana@mail.ru

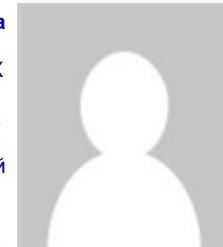
Маслова Антонина Николаевна

ORCID: 0009-0000-0582-922X

кандидат филологических наук

доцент, кафедра романо-германской филологии, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева»

414056, Россия, Астраханская область, г. Астрахань, ул. Татищева, 20 а



✉ tonja-ch@yandex.ru

Кошелева Ольга Николаевна

ORCID: 0009-0001-5195-917X

кандидат филологических наук

доцент, кафедра иностранных языков, ФГБОУ ВО «Астраханский ГМУ Минздрава России»

414000, Россия, Астраханская область, г. Астрахань, ул. Бакинская, 121.



✉ ninlil@mail.ru

[Статья из рубрики "Дискурс"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.2.72957

EDN:

OIQTQK

Дата направления статьи в редакцию:

06-01-2025

Дата публикации:

04-03-2025

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению жанрового своеобразия конфессиональных эго-документов немцев Поволжья. Предмет исследования – дискурсивные особенности, объект – лингвистические и экстралингвистические маркеры жанра религиозного дискурса на примере конфирмационных свидетельств лютеран колонии Брунненталь XIX-XX вв. Конфирмация в форме письменного свидетельства содержит цитаты из текстов Библии, фрагменты проповеди, строки гимнов и куплеты хоралов на немецком языке (лингвистические маркеры). К экстралингвистическим маркерам относятся графические изображения сюжетов библейских историй, образ Спасителя, готическая фрактура, особенности художественного оформления (флористические композиции и преобладание красного цвета), фрагменты произведений музыкальной духовной культуры. Совокупность лингвистических и экстралингвистических маркеров организует характерную четкую структуру с доминантой в виде ценностных предписаний лютеранину. Компаративистский метод позволил классифицировать образцы эго-документов. Семиотический, лингвокультурологический методы послужили выявлению маркеров жанра религиозного дискурса. Научная новизна заключается в комплексном характере исследования образцов конфессиональных эго-документов лютеран колонии Брунненталь с точки зрения их жанровой специфики. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения своеобразия религиозного дискурса на основе сохранившихся подлинных письменных свидетельств. Совокупность выявленных лингвистических и экстралингвистических маркеров позволяет отнести конфирмационные свидетельства к вторичному жанру религиозного дискурса в протестантизме. Теоретическая значимость исследования заключается в том, что данная работа вносит вклад в развитие теории дискурса, характеризуя один из его типов – религиозный дискурс. Результаты исследования могут быть использованы на лекциях и практических занятиях по дисциплине «Теория языка», а также будут интересны тем, кто занимается изучением немецкой конфессиональной лингвокультуры.

Ключевые слова:

Конфирмация, конфирмационное свидетельство, конфессиональные эго-документы, лютеране, немецкий язык, немцы Поволжья, колония Брунненталь, религиозный дискурс, лингвистические маркеры, экстралингвистические маркеры

Введение.

История этноса немцы Поволжья насчитывает в общей сложности 260 лет. В 2023 году исполнилось 100 лет со дня образования автономии, в ноябре 2024 года – 90 лет со дня рождения композитора А.Г. Шнитке. Памятные даты – всегда повод вспомнить о прошлом, подлинной истории, культуре, языковом своеобразии «Wolgadeutsche». С первой четверти XXI в. уже и научные работы исследователей Д.Н. Бонвенча^[11], А.А.

Германа [2,3], И.Р. Плеве [4], А. Айсфельда [5], Г. Дингеса [6], в которых исследована история немцев Поволжья, представляются данью прошлого, оставаясь, вне всякого сомнения, авторитетными публикациями, основанными на анализе подлинных документов в фондах Государственного исторического архива немцев Поволжья. Не менее значимыми являются научные труды, посвященные изучению особенностей религии и конфессиоанльной культуры поволжских немцев. Например, диссертационные работы «Лютеране в России (XVI-XX вв.)» (О.В. Курило, 1995), «Римско-католическая и Евангелическо-лютеранская церкви в России: сравнительный анализ взаимоотношений с государством и обществом: XVIII – начало XX вв.» (О.А. Лиценбергер, 2005 г.), «Конфессиональная политика государства в отношении католиков и протестантов среднего Поволжья и Приуралья во второй половине XIX - начале XX вв.» (А.А. Мошковцев, 2015 г.).

Изучению особенностей лингвокультуры немцев Поволжья посвящены работы филолога А.Я. Минора [7,8]: в публикациях исследованы процессы генезиса островных диалектов, осуществлен лингвистический анализ типов языковой личности немцев Поволжья в период существования автономии, освещены этнолингвистические аспекты обычая этноса. В конце XX в. Минор принимал активное участие в издании словаря немецко-поволжского марксштадского диалекта под редакцией В.Ф. Дизендорфа [9]. Благодаря кропотливой работе автора В.Ф. Дизендорфа, филолога А.Я. Минора, философа С.И. Замогильного и историка И.Р. Плеве опубликованы три тома словаря: фактически был реконструирован бесписьменный диалект, «островной язык», который канул в небытие вместе с его носителями. Словарь немецко-поволжского марксштадского диалекта опубликован, к сожалению, только в России. Долгое время при жизни С.И. Замогильный делал все возможное для популяризации этого проекта в том числе и за рубежом: с этой целью была опубликована его последняя статья «Язык и время» («Die Sprache und die Zeit») [10]. О необходимости сохранения лингвокультуры и подлинной истории немецкого Поволжья в конце XX в. справедливо писал К. Штумпп: «Хотя мы, живущие на свободе, составляем значительно меньшую часть русских немцев, мы одни можем свидетельствовать о наших традициях, народных особенностях и христианском образе жизни, а также о наших культурных и экономических достижениях». И далее: «Это тем более важно, что в стране потерянной родины действуют силы, которые хотят стереть все следы этого прошлого и исказить историю нашего народа» [11, с.4]. В наши дни можно только приветствовать публикационную активность представителей научного сообщества (работы И.В. Лаптевой [12], О.А. Пивцайкиной [13], А.В. Павловской [14, 15]), прилагающих усилия к популяризации изучения и, следовательно, к сохранению немецкого языка и культуры.

В 2023 году в Энгельсе была организована выставка «Архивное дело в немецкой автономии 1923-1941 гг.». Посетители имели возможность ознакомиться с содержимым папки «Евангелическо-лютеранская церковь села Брунненталь (1863-1916 гг.)» (Фонд 165, опись 2, ед. хр. 4). В ней хранятся конфирмационные свидетельства, выданные первопоселенцам колоний Брунненталь, Бейдек, Гнаденфельд, Гусенбах – всего 63 документа. Образцы конфирмационных свидетельств привлекли наше внимание и послужили материалом для исследования в представленной статье. Впервые предпринимается попытка осуществить анализ данных документов с точки зрения их жанрового своеобразия. Предмет исследования – дискурсивные особенности эго-документов лютеран церкви колонии Брунненталь XIX-XX вв. Цель исследования – выявление специфических лингвистических и экстралингвистических маркеров, совокупность которых дает основание отнести конфирмационные свидетельства к жанру

церковно-богословского стиля религиозного дискурса. Методология исследования основана на сочетании теоретического и эмпирического подходов с применением методов анализа, обобщения и синтеза. Актуальность работы обусловлена тем, что религиозный дискурс является одним из древнейших и важнейших типов институционального общения и разноспектрное изучение письменных памятников позволяет раскрыть его специфику и своеобразие. Научная новизна заключается в комплексном характере исследования, выполненного на материале эго-документов лютеранской колонии Брунненталь XIX-XX вв. Анализ не опубликованных ранее в открытых источниках образцов конформационных свидетельств позволяет "погрузиться" в глубины немецкой конфессиональной лингвокультуры, получить представление о ее сакральности. Ведь если культуру сравнивать с айсбергом, то такие элементы, как памятники архитектуры, национальный костюм, детали интерьера являются, по мнению исследователей Ю.М. Чибисовой и В.С. Курске, его «надводной частью»; именно о них говорят в первую очередь, когда речь заходит о серьезных различиях. «Однако этот уровень «айсберга» не позволяет объяснить, почему людям, принадлежащим различным культурам, бывает непросто понять друг друга. Причина в том, что на поведение человека накладывает отпечаток прежде всего нижняя, «подводная» часть «айсберга». [16, с.9]. На наш взгляд, содержание конформационных свидетельств в его вербальном и невербальном (слитно) выражении на примере каждого отдельно взятого образца есть «нижняя подводная часть айсберга», а, лучше сказать, (запятые) сакральность конфессиональной лингвокультуры. Отметим, феномен сакральности как конститутивное свойство религиозного дискурса подробно рассматривался исследователем С.Н. Воробьевой [17].

Несмотря на то, что научная литература не испытывает дефицита в работах, освещдающих самые разные стороны религиозного дискурса, нами не было обнаружено фундаментальных научных работ, посвященных сбору, систематизации и комплексному анализу конформационных свидетельств. Это является подтверждением новизны проведенного исследования. Мы опирались на авторитетные теоретические труды: «Языковой круг: личность, концепты, дискурс» В.И. Карасика, «Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического» В.Н. Топорова, «Духовные ценности: производство и потребление» С.Ф. Анисимова, а также обращались к материалам диссертационных исследований «Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии: на материале православного вероучения» (Е.В. Бобырева, 2007 г.), «Элементы религиозного дискурса в художественной картине мира: лексический аспект: на материале произведений И. Шмелева и В. Бахревского» (У.С. Баймуратова 2009), «Роль телекоммуникационных концептуальных полей в организации религиозного дискурса» (Е.Ю. Балашова, 2019 г.). Подспорьем послужили работы Е.А. Семухиной [18, 19], в которых проведено исследование специфики религиозного дискурса на основе документов и монографий на французском языке, в частности, на материале непереведенных с французского языка глав книги Ф.Р. Шатобриана. В работе Н.П. Генераловой «Религиозная жизнь как фактор сохранения национальной идентичности и родного языка первых Поволжских немцев-колонистов» [20] исследованы особенности конформации как ритуала, что позволило нам представить не только хронологию приобщения лютеран к вероучению, но и реконструировать смыслообразующие фрагменты аутентичных конфессиональных эго-документов прихожан церкви колонии Брунненталь. Базовыми источниками для сравнительного анализа исследуемых в конформационных свидетельствах текстов послужили такие книги, как "Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета" [21]; "Das neue Testament und die

Psalmen" [\[22\]](#).

Основная часть.

Как известно, пасторы лютеранских церквей совершали все культовые обряды и письменно фиксировали все этапы духовной и физической жизни лютеранина. Основными документами являлись метрические книги, которые по сей день хранятся в фондах Государственного исторического архива немцев Поволжья и представляют собой огромные фолианты приблизительно формата А5. Метрические книги хранились в лютеранских храмах, а после известных исторических событий 1917 года, как правило, передавались в архивы местных органов самоуправления, затем в архивы отделов ЗАГС, которые, в свою очередь, передавали метрические книги в архив немцев Поволжья. Таким же образом в фондах архива оказались и конфессиональные эго-документы, среди которых до сих пор сохранились оригиналы свидетельств о помолвке (*Verlobungsschein*), заключении (*Proklamationsschein*) и (или) расторжении брака.

Более подробно мы остановимся на анализе конфирмационных свидетельств, в содержании которых обнаруживаются лингвистические и экстралингвистические маркеры, которые, в свою очередь, позволяют нам отнести аналогичные документы к жанру религиозного дискурса. В наши дни конфирмационные свидетельства, оформленные в лучших традициях национальной немецкой стилистики, больше не выдаются, о чем можно только сожалеть: в первоначальном своем виде они представляют произведения типографского искусства, содержащие смыслообразующие элементы конфессиональной лингвокультуры.

Обряд конфирмования, как известно, возник на основе таинства миропомазания, до сих пор сохраняющегося в православной и католической церкви. У лютеран «конфирмация есть осмысленное на Божественной литургии празднование учения, согласно которому дети в возрасте от 13 до 15 лет в соответствии с усвоенными знаниями становятся полноценными членами общины и допускаются к разделению Тайной вечери» [\[23, с.321\]](#), по сути своей обряд воцерковления. Из 63 типовых документов (1863-1916 гг.) в соответствии со стилистическими особенностями нами выделены 7 видов исследуемых образцов. Все они содержат идентичную информацию и имеют аналогичную структуру, в которой можно обнаружить такие сведения, как название документа (варианты: «*Konfirmationszeugnis*», «*Konfirmationsblatt*», «*Erinnerung an der Tag der Konfirmation*»), персональные данные лютеран, цитаты из текстов Библии и фрагменты произведений духовной музыкальной культуры на немецком языке.

Самый ранний документ сохранился в одном единственном экземпляре. На изображении (рис.1) можно разобрать лишь название документа и рассмотреть соответствующую культовую символику – крест с цветами у основания, обвитый терновыми ветвями. Восстановить фрагменты не представляется возможным. Второй и третий образцы (рис.2, 3), несмотря на следы времени, содержат уже текст, в котором отражены персональные данные, в документах эта информация записывалась в нижней части (по этическим соображениям мы данный фрагмент в статье не размещаем). В незаполненном образце это строки, которые заполнялись в соответствии с датами рождения, крещения, конфирмации. В предложениях на немецком языке сказуемое указывается в форме прошедшего времени Perfekt (*geb.* (*geboren*-родился), (*getaucht* – крещен), (*konfirmiert* – конфирирован)); далее упоминаются – *Kirche* (церковь, в которой совершался обряд) и *Pastor* (духовное лицо, совершившее обряд). Отметим, что в предложениях в данной части отсутствует вспомогательный глагол в соответствующей форме (3л. ед. ч.); в классическом варианте было бы, например, *ist geboren* или *wurde geboren*

(страдательный залог). На наш взгляд, это обстоятельство объясняется необходимостью лаконичности формулировок и некоторой архаичностью, которая свойственна церковно-богословскому стилю.



Рис.1. Образец 1. Рис.2, 3. Образцы 2, 3 (сверху вниз)

Образец 4 на рис. 4 содержит экстралингвистические маркеры: слева изображен образ Спасителя, текст отпечатан в стиле готической фрактуры, документ обрамлен декоративной рамкой, напоминающей убранство церкви.

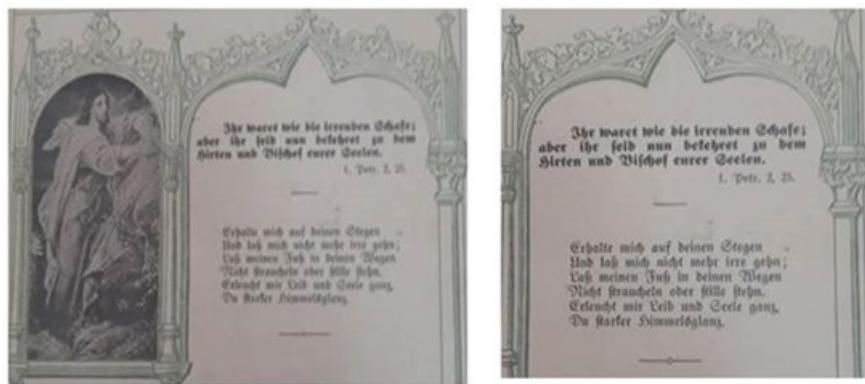


Рис. 4. Образец 4.

К лингвистическим маркерам относятся цитаты из 1-го Послания Петра, глава 2, стих 25. В таблице ниже цитаты на немецком и русском языках.

"Ihr wart wie die irrenden Schafe; aber ihr seid nun bekehret zu dem Hirten und Bischof eurer Seelen".	"Ибо вы были, как овцы блуждающие (не имея пастыря), но возвратились ныне к Пастырю и Блюстителю душ ваших".
(1. Petr. 2, 25)	(1. Петр. 2:25) ([21. с.1139])

Кроме того, в документе содержится 6 строфа из стихотворения «Sie verspricht sich Ihn biß in Tod zu lieben» (1657 г.) немецкого лирика, теолога и врача И. Шеффлера (1624-1677 гг.). Произведение состоит из восьми шестистрочных ямбических строф в стиле литературы барокко (фрагмент представлен в таблице). К экстралингвистическому маркеру следует отнести музыку, написанную к этому произведению в XVIII в. немецким теологом, органистом, композитором Георгом Йозефом.

"Erhalte mich auf deinen Stegen	"Храни меня на путях Твоих,
Und laß mich nicht mehr irre gehn;	и да не сбиться мне с пути;
Laß meinen Fuß in deinen Wegen	позволь идти Твоим путем,
Nicht straucheln oder stille stehn...	не спотыкаясь, не стоя на месте ...
Erleucht mir Leib' und Seele gantz	В своем небесном великолепии
Du starker Himmels glantz".	Ты тело и душу просвети".

(www.evangeliums.net/lieder/lied_ich_will_dich_lieben_meine_staecke.html (дата обращения 06.01.2025)).

На рис. 5. представлен образец, аналогичный по своему стилистическому оформлению ранее рассмотренному конфирмационному свидетельству на рис. 4. Таких документов в фонде сохранилось всего 2 экземпляра. Персональные данные владельца удалены с помощью графического редактора.



Рис. 5. Образец 5.

Слева на документе изображен алтарь: здесь, как правило, совершался обряд конфирмования. Псалом (справа) содержит цитату из Евангелия от Луки 24:29 из Книги Нового Завета: «Но они удерживали его, говоря: останься с нами, потому что день уже склонился к вечеру. И Он пошел и остался с ними». Из этих строк в заголовок вынесены слова: «Останься с нами» (Herr, bleibe bei uns!). Полностью текст представлен в таблице ниже.

"Ach, bleib mit deiner Gnade,	"Пребудь в нас благодатью,
Bei uns, Herr Jesu Christ,	Своею, Боже сил!
dass uns hinfert nicht schade	Возьми в свои объятья,
Des bösen Feindes List.	Чтоб враг нас не смутил
Ich bleib mit deinem Segen,	Пребудь своим ты словом,
Bei uns, du reicher Herr!	О Боже в нас, чтоб нам
Dein Gnad und all s Vermögen	Под дивным его кровом
In uns reichlich vermehr".	Стремиться к небесам"!

Существует и музыкальное переложение гимна немецким теологом, лютеранским

пастором И. Штегманном (1595-1633) (слова) на музыку немецкого композитора М. Вульпиуса (1570-1615) (рис. 6).



Рис. 6. Ноты к гимну (слова И. Штегманна, музыка М. Вульпиуса)



Рис. 7. Образец 6.

В образце конфирмационного свидетельства № 6 (рис. 7) в центре – образ Иисуса Христа, распятого на Кресте, вокруг находятся флористические композиции, справа и слева изображены образы ангелов. К экстралингвистическим маркерам следует отнести также добавление красного цвета. В таблице ниже приведены строки из гимна поэтагимнолога Л.-А. Готтера на музыку И.С. Баха. (www.hymnary.org/text/schaffet_schaffet_menschenkinder (дата обращения 06.01.2025)).

"Selig, wer im Glauben kämpfet;	"Блажен, кто сражается верой;
selig, wer im Kampf besteht	блажен, кто упорствует в борьбе
und die Sünden in sich dämpfet;	и смиряет в себе грехи;
selig, wer die Welt verschmäht!	блажен, кто отвергает мир!
Unter Christi Kreuzesschmach	С Крестом Христовым
jaget man dem Frieden nach.	стремится к миру.
Wer den Himmel will ererben	Тот, кто желает унаследовать
muß zuvor mit Christo sterben".	небеса, должен умереть во Христе".

Библейская цитата (из Послания апостола Павла к Филиппийцам (2:12, 13)) отпечатана фрактурой; впечатляет изысканное художественное оформление первой заглавной буквы в предложении. К лингвистическим маркерам следует отнести слова из гимна и цитаты из Библии. Музыкальное сопровождение и графические элементы оформления – экстралингвистические маркеры.

"Schaffet, daß ihr selig werdet.

"Итак. возлюбленные мои. как вы

...ибо ... как ... ибо ...

mit Furcht und Zittern!

Denn Gott ist es, der in euch wirket

beides,

das Wollen und das Vollbringen,

nach seinem Wohlgefallen".

(Phil. 2. 12, 13)

...ибо ... возвещенные ... как ...

всегда были послушны, не только в присутствии моем, но гораздо более

ныне во время отсутствия моего, со

страхом и трепетом совершайте

свое спасение, потому что Бог

производит в вас и хотение и

действие

по Своему благоволению".

(Флп. 2:12, 13)

([21. с.1197])

Приведем еще один пример конфирмационного свидетельства, аналогичного предыдущему образцу (рис. 8. образец 7). К экстралингвистическим маркерам следует отнести художественное оформление: изображение Спасителя на кресте, ангелов слева и справа, флористические композиции, использование красного цвета и готической фрактуры, мелодию духовной песни «Such wer da will ein ander Ziel».



Рис. 8. Образец 7.

Цитата из Библии (из 1-го Послания к Римлянам, стих 16) дается в конфирмации в сокращенном варианте (строки представлены в таблице ниже). Так, в синодальном переводе приводится следующий вариант: «Ибо я не стыжусь благовестования Христова, потому что оно есть сила Божия ко спасению всякому верующему, во-первых, Иудею, потом и Еллину». (Римлянам 1:16) (www://bible.by/verse-de/52/1/16/ (дата обращения 06.01.2025)). В переводе Мартина Лютера цитата переведена полностью. Сокращение, допущенное в конфирмации, на наш взгляд, объясняется стремлением зафиксировать в документе самое главное, передать основной смысл наставления.

"Ich schäme mich des Evangelii von" Ибо я не стыжусь
Christo nicht, благовестования Христова, потому
denn es ist eine Kraft Gottes, что оно есть сила Божия ко
спасению всякому верующему".

die da selig macht alle, die daran (Рим. 1:16)
glauben".

([21. с.1150])

В нижней части конфирмации приводится первый куплет из духовной песни «Such wer da

will ein ander Ziel», приводим строки в таблице:

"Such wer da will ein ander Ziel,	"Кто хочет, тот найдет иную цель,
die Seeligkeit zu finden	чтоб обрести блаженство,
mein Herz allein bedacht soll sein,	и сердце мое пусть исполнится
auf Christus sich zu gründen.	опорой на Христа.
Sein Wort sind wahr, sein Werk sind	Ибо Слово Его истинно,
klar,	а дела Его ясны,
sein heilger Mund hat Kraft und	уста Его святые уста имеют силу и
Grund,	
all Feind zu überwinden".	основание, чтобы победить всех врагов".

(слова написал Г. Вайзель (1623), мелодию – М. Вульпиус, И. Штобэус (1613). (www.evangeliums.net/lieder/lied_such_wer_da_will_ein_ander_ziel.html (дата обращения 06.01.2025))

Образец конфирмационного свидетельства №8 (рис. 9) сохраняет черты художественной стилистики ранее исследованных образцов. Цитаты из Библии отпечатаны в фрактуре красного цвета, в центре – узнаваемый образ Спасителя. Как мы предполагаем, изображение соответствует библейской притче о неплодной смоковнице, растущей в винограднике, которую хозяин виноградника желал срубить. Цвет, готическая фрактура шрифта, графическое изображение Спасителя – экстралингвистические маркеры жанра религиозного дискурса, к лингвистическим в данном образце относятся лишь цитаты из Библии. Они приведены в таблице ниже.

"So spricht der Herr:	"Так говорит Господь:
Meine Schafe hören meine Stimme,	Овцы Мои слушаются голоса Моего,
und ich kenne sie, und sie folgen mir.	и Я знаю их; и они идут за Мною.
(Joh. 10, 27)	(Ин. 10:27)
Leben wir, so leben wir dem Herrn";	([21. с.1084])
sterben wir, so sterben wir dem	Если мы живем, то живем для
Herrn.	Господа";
Darum, wir leben oder sterben,	если мы умираем, то умираем для
so sind wir des Herrn.	Господа.
(Röm. 14, 8)	Посему, живем мы или умираем, мы от Господа.
	(Рим. 14:8)
	([21. с.1161])



Рис. 9. Образец 8.

Ранее мы уже исследовали в работах [24, 25] образцы некоторых конфирмационных свидетельств. Два аналогичных образца были обнаружены нами также в папке «Евангелическо-лютеранская церковь села Брунненталь (1863-1916 гг.)» из Фонда 165. На рис. 10 представлен образец 9; в отличие от предыдущего образца (8) бланк имеет розово-бежевый фон, стилистика художественного оформления сохраняется и содержит описанные выше экстралингвистические маркеры. Приступим к анализу содержания документа.



Рис. 10. Образец 9.

В центре конфирмации находится иллюстрация, на которой мы распознаем сюжет из библейской притчи об Иисусе и грешнице (Евангелие от Луки, гл. 7:36-7:50). Изображение (экстралингвистический маркер) обрамлено цитатами из Библии, строки из которых приведены в таблицах.

"So spricht der Herr:

Ich will dich segnen und du sollst ein
Segen sein,

"Я произведу от тебя великий
народ, и благословлю тебя, и
возвеличу имя твое, и будешь ты в
Благословение".

Der Herr segne dich und Er behüte dich".

(4 Mos. 12,2)

книга Моисея Бытие (гл. 12:2)

([21, с.15])

В 4-й книге Моисея «Числа» (в гл. 6:24, 6:25) находим перевод изречения, помещенного справа от изображения:

«Der Herr lasse leuchten Sein" Да призрит на тебя Господь

Angesicht über dir und sei dir gnädig». (4 Mos. 6, 24; 6,25)	светлым лицом своим и помилует тебя!" книга Моисея Бытие (гл. 6:24; 6:25) ([21, с.135])
--	--



Рис. 11. Образец 10.

Конфирмационное свидетельство на рис. 11 содержит указание на первое Послание Святого Апостола Павла к Коринфянам. На изображении – сюжет из Библии, когда утопающий Пётр в отчаянии обращается к Спасителю с просьбой не дать ему утонуть. Цитаты, помещенные слева и справа от изображения, приведены с переводом на русский язык в таблицах:

"Der Gott ist und bleibt getreu;
Er weiß, was uns Vermögen,
Er pfleget nie zu viel
Den Schwachen aufzulegen".

(1 Kor., 10:13)

"Вас постигло искушение не иное,
как человеческое; и верен Бог,
Который не попустит вам быть
искушаемыми сверх сил, но при
искушении даст и облегчение, так
чтобы вы могли перенести".

(1 Кор. 10:13)

([\[21, с.1171\]](#))

"Er macht sein Israel
von Last und Bandenfrei
Wenn große Noten steht.
Gott ist und bleibt getreu".

(1 Kor., 10:13)

"Он избавит Израиль от бремени и
оков, когда наступит большая
нужда. Он есть Господь, и останется
верным".

(1 Кор. 10:13)

([\[21, с.1171\]](#))

Представленный в статье последний образец 11 (рис. 12.) – единственный сохранившийся в своем роде экземпляр, содержание которого удалось прочитать и проанализировать. Остальные 4 документа такого вида имеют большие повреждения или являются аналогами рассматриваемого образца.



Рис. 12. Образец 11.

В конфирмационном свидетельстве содержатся цитаты из Библии (из книги Нового Завета, 11-й стих 2-й главы первого Послания святого апостола Петра) (в таблице приведены строки на немецком и русском языках). Во второй таблице – 5-й куплет из духовной песни «Mein Leben ist ein Pilgrimstand» («Моя жизнь – паломничество»); слова принадлежат немецкому теологу Ф.А. Лампе (1683-1729) (лингвистические маркеры). На рис. 9. представлен фрагмент партитуры французского композитора XVI в. Клода Гудимеля [26], написавшего музыку к произведению Ф.А. Лампе (экстралингвистический маркер).

"Ich ermahne euch
als die Fremdlinge und Pilgrime:
enthaltet euch von fleischlichen
Lüsten,
welche wider die Seele streiten".

(1. Petr. 2, 11)

"Israels Hüter, Jesu Christ,

der du ein Pilgrim worden bist,

da du mein Fleisch angenommen,

zeig mir im Worte deine

Er lass mich bei einem jeden Schritt

zu deinem Heil stets näher kommen.

Mein Leben flieht; ach eile dich

fleuch mit Gnad und Hilf herzu".

"Возлюбленные! прошу вас, как
пришельцев и странников,
удаляться от плотских похотей,
восстающих на душу".

(1. Петр. 2:11)

([21, 1139])

"Хранитель Израиля, Иисус Христос,

Ты, ставший пилигримом,

хаста тех пор как Ты принял плоть мою,
яви в словах Твоих спасение

позволь мне с каждым шагом

ближе быть к Тебе

а жизнь моя бежит,

так поспеши же

к милости и помощи".

Claude Goudimel
1504–1572
Text: Friedrich Adolf Lampe

Рис. 13. Фрагмент партитуры к духовной песне «Mein Leben ist ein Pilgrimstand» («Моя жизнь – паломничество»)

Безусловно, немецкий язык со времен Мартина Лютера широко употреблялся в религиозных целях; об этом свидетельствуют устойчивые стилистические особенности, обусловленные сферой общения, спецификой протестантского вероучения. Языковое воплощение содержания образцов конфирмационных свидетельств тому подтверждение. Так, на уровне фонетики мы можем наблюдать выпадение некоторых букв, сокращений, что свидетельствует, с одной стороны, об архаичности, а с другой – о стремлении адаптировать лексику в соответствии с красивой рифмой, например, в глаголах или существительных:

Und laß mich nicht mehr irre **geh**n;

Nicht strauchein oder stille **ste**hn ...

Глаголы (**stehen** – стоять, **gehen** – идти)

Mein Leben flieht; ach eile dich

fleuch mit **Gnad** und **Hilf** herzu.

Существительные (**Gnade (f)** – милость, **Hilfe (f)** – помощь)

Или, наоборот, добавление буквы для экспрессии и для благозвучия рифмы:

Erleucht mir Leib' und Seele **gant**z

Du starker Himmels **glant**z

В первой строке в слове **ganz** (весь, целый) добавлена согласная **t**.

Рассмотрение лексических средств представленных образцов в функционально-стилевом аспекте дало возможность выделить церковно-религиозную лексику: существительные – Israels Hüter (хранитель Израиля), Jesu Christ (Иисус Христос), Gott (Господь), Herr (Господин), Bischof (пастырь), Pilgrim (пилигрим), Pilgrimstand (паломничество) и т.д., а также слова и словосочетания, которые в представленном контексте получают стилистическую экспрессивную отрицательную или положительную окраску: Furcht und Zittern (страх и трепет); Wollen-Vollbringen-Wohlgefallen (желание-действие-благоволение); die irrenden Schafe (заблудшие овцы) – фразеологизм, den Himmel ererben (наследовать небо), mit Christo sterben (умереть во Христе (во имя Христа)). Имеется лексика, которая стоит в оппозиции: Glauben/Sünden (вера-грехи), Kampf/Frieden (борьба-мир), mein Fleisch-dein Heil (моя плоть-твоя святость). Приведем примеры прилагательных во множественном числе (по сравнению с существительными в представленных образцах документов их не так много): irrenden (блуждающие,

заблудшие) – *fleischlichen* (плотские) – *seligen* (блаженные). Отмечается преобладание личных и притяжательных местоимений (*dein-deine-deine* (твой, твоя, твои)), (*mein-meine-meine*) (мой-моя-мои).

Встречаются в конфирмационных свидетельствах устойчивые выражения, маркирующие церковно-богословский стиль. Например, в нижней части документа, где приводятся персональные данные (в некоторых образцах) можно прочесть: «*nach empfangenen Unterschrift im Worte Gottes*» («после принятой печати в слове Божьем»), «*nun mehr zum heiligen Abendmal zugelassen*» (разделивший Святую Вечерю), «*Bleibe ein Kind Gottes!*»! (Оставайся таким же чадом Божиим!), «*Das ist das herzlichste Wunsch deines Seelesorges*», (это самое сердечное желание твоей заботы о душе). Чаще всего в конфирмациях используются определенно-личные предложения с главным членом, выраженным повелительным наклонением глагола (*schaffet* (*schaffen* - создавать), *such* (*suchen* – искать), *erhalte mich* (*sich erhalten* (auf Akk.) – хранить кого-либо), *erleucht mir* (*sich erleuchten* D. – освещать)). Кроме того, широко представлены предложения с составным глагольным сказуемым, включающим модальные слова со значением бытия.

Содержание молитвенных прошений определяется религиозным учением: это просьбы Божественной помощи в исполнении христианских заповедей. При этом молитвенная речь реализует комплекс характерных эмоционально-психологических состояний – любви, доверия, надежды, смирения, предания себя воле Бога и др. Как справедливо отмечает В.И. Карасик, «где бы ни протекал религиозный дискурс, одну из основных его задач можно сформулировать следующим образом: выразить чаяния, мольбы, надежды верующего человека, найти духовную подпитку, поддержку (либо у последователей той же веры, либо у Всевышнего). Развитие и формы существования религиозного дискурса определяются его целями: а) получить поддержку у Бога; б) очистить душу; в) призвать близких к вере и покаянию; г) утвердить верующих в вере и добродетели; д) через ритуал осознать свою принадлежность к той или иной конфессии» [\[27\]](#). В религиозном дискурсе лютеранства вербальные действия отступают на второй план по значимости, на первый план выходит ритуал – «совокупность и установленный порядок обрядовых действий при совершении какого-либо религиозного акта; выработанный обычаем порядок совершения чего-либо, церемониал; стандартный сигнальный поведенческий акт» [\[28, с.446\]](#). Таким ритуалом по форме и религиозным актом приобщения по содержанию является конфирмация. «Можно сказать, что люди рождаются дважды: сначала физически – в акте рождения, а затем духовно – в процессе обучения, образования, воспитания, формирования духовных качеств личности, усвоения всех ценностей, созданных человечеством» [\[29, с.36\]](#).

Заключение. Выводы.

Выделение жанров в религиозном дискурсе – довольно сложная задача. Мы разделяем мнение о связи трудностей в определении жанра со следующими факторами: «а) сложным характером коммуникации, поскольку осуществляется общение человека с Богом или Бога с человеком, при этом любое высказывание перерастает свои границы и становится событием; б) сложным характером иллокутивного потенциала, совокупности интенций, обнаруживающих довольно сложные конфигурации. Исходя из особенностей порождения и функционирования религиозного дискурса целесообразно и приемлемо выделять первичные и вторичные речевые жанры». И далее: «К первичным относятся речевые жанры притчи, псалмы и молитвы, как индивидуальные типизированные образцы структурно-семантических и ценностных моделей, зародившиеся в религиозном дискурсе, а уже затем получившие широкое функционирование вне религиозного

контекста (притчи). В разряд вторичных входят речевые жанры, представляющие собой своеобразную интерпретацию и модификацию первичных религиозных образцов — текстов Священного Писания в целом, опирающихся на них композиционно, ситуативно и ценностно, — проповедь, исповедь» [30, с.167]. Принимая во внимание такое разделение, мы приходим к выводу, что конфирмационное свидетельство как таковое представляет собой хоть и самостоятельный, но тем не менее вторичный жанр церковно-богословского стиля в религиозном дискурсе протестантизма. С одной стороны, мы имеем дело с аутентичными свидетельствами о конфирмации — уникальными в своем роде конфессиональными эго-документами на немецком языке. С другой стороны, сложная структура данных документов организуется фрагментами первичных самостоятельных жанров: притчи, псалмов, цитат из библейских текстов. Впрочем, не только первичными, но и вторичными — в тех случаях, когда в конфирмации содержатся цитаты из проповеди. В определенном смысле конфирмационное свидетельство является артефактом не только культуры, но и религии. И если религиозный дискурс представляет собой образование со сложной жанровой структурой, богатой системой ценностей и концептов на макроуровне, то конфирмация представляет аналогичную жанровую структуру на микроуровне.

Итак, в процессе исследования нами было проанализировано 7 типовых образцов конфирмационных свидетельств лютеран колонии Брунненталь 1863-1916 гг. По своему функциональному назначению конфирмационные свидетельства являются конфессиональными эго-документами, удостоверяющими приобщение лютеран к протестантскому вероучению. При всей своей общности каждый из представленных образцов имеет свое уникальное содержание. В семиотическом пространстве документов обнаруживаются лингвистические (вербальные) и экстралингвистические (невербальные) маркеры, которые в совокупности организуют четкую структуру с характерной доминантой: в конфирмационных свидетельствах сочетание изображения и цитат из Библии формируют своего рода назидание, а, лучше сказать, предписание, связанное с правилами духовной жизни верующего. Таким образом, конфирмационные свидетельства воплощая веру и реализуя ее назначение, объективируют религиозную деятельность. В соответствии с особенностями религиозной речи тексты конфирмаций проявляют целостный комплекс специфических стилевых черт и характеризуются стилистико-речевой системностью. Проведенное исследование дает нам все основания признать конфирмационные свидетельства вторичным жанром церковно-богословского стиля религиозного дискурса в протестантизме.

Библиография

1. Bonwetsch D.N. Geschichte der deutschen Kolonien an der Wolga. – Stuttgart: 1919. 133 S.
2. Герман А.А. Национально-территориальная Автономия немцев Поволжья (к 100-летию со дня образования) // Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. 2017. № 3. С. 10-38.
3. Герман А.А. Образы исторического прошлого как фактор формирования настоящего (на материалах истории российских немцев и их общественного движения в конце ХХ в.) // Ежегодник Междунар. ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. 2020. № 2 (8). С. 119-127.
4. Плеве И.Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. – Москва: 1998. 448 с.
5. Aisfeld A. Die Deutschen in Rußland und in der Sowjetunion. – Wien: 1985. 343 S.
6. Dinges G. Beiträge zur Heimatkunde des deutschen Wolgagebiets: Mit einer Karte und

- einer Tabelle. – Pokrowsk (Kosakenstadt): Verlag von der Abteilung für Volksbildung des Gebiets der Wolgadeutschen. 1923. 88 S.
7. Минор А.Я., Вишняков А.С. Смешение поселенческих диалектов как фактор формирования языка общения поволжских немцев // Язык и культура (Новосибирск). 2015. № 17. С. 7-12.
8. Минор А.Я. Формирование основных типов языковой личности немцев Поволжья в период существования автономии (1918-1941 гг.) // Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. 2015. № 1. С. 328-335.
9. Дизендорф В.Ф. Словарь немецко-поволжского марксштадтского диалекта: в 2 т. / под ред. А.Я. Минора; Саратовский гос. ун-т, Центр исследования языковых вариантов российских немцев. – Саратов. Саратовский источник, 2015. Т.1: A – L. – 599 с.
10. Zamogilnj S.I., Plewe I.R. Die Sprache und die Zeit (Die Zusammenfassung zum Wörterbuch des marxstädtischen Dialekts der deutschen Sprache von Viktor Disendorf) // The Fourteenth European Conference on Languages, Literature and Linguistics 10th February, 2017. «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education.-GmbH, Vienna, Austria. 2017. S. 103-106.
11. Stumpp K. Die Russlanddeutschen: zweihundert Jahre unterwegs. – Stuttgart: Verlag Ladsmannschaft der Deutschen aus Russland. Nachdruck, 1993. 147 S.
12. Лаптева И.В. Сохранение культурного наследия как проблема лингво-и этнокультурологии // Этнос, язык, культура в коммуникативном пространстве: познание и преподавание: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Абакан, 01–02 ноября 2023 года. – Абакан: Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова. 2023. С. 10-13.
13. Пивцайкина О.А. Изучение культуры через интеллектуальное наследие И.Д. Воронина: меморизация и мемориальные практики // Центр и периферия. 2022. № 4. С. 63-67.
14. Павловская А.В. Иностранные языки в России и проблемы национальной самобытности. Из истории российского образования // Вестник Московского Университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 3. С. 141-154.
15. Павловская А.В. Место и роль иностранных языков в русской культуре // Вестник Московского Университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 2. С. 79-91.
16. Чибисова М.Ю., Курске В.С. Гражданская и этническая идентичность в молодежной работе на примере российских немцев // Гражданская и этническая идентичность в молодежной работе на примере российских немцев: сб. метод. рекомендаций. Курске В.С. – 2-е изд., доп. ЗАО «МСНК-пресс» – Москва. 2014. 160 с.
17. Воробьева С.Н. Сакральность (сакральное) как конститутивное свойство религиозного дискурса // Филология: научные исследования. 2019. № 6. С. 140-148.
18. Семухина Е.А. Общедискурсивные и специфические виды тональности французского религиозного дискурса // Наука и общество. 2015. № 4(23). С. 52-56.
19. Семухина Е.А. Специфические фраземы французского религиозного медиадискурса // Язык и мир изучаемого языка: сб. науч. статей / ред. совет: А.А. Зарайский, Н.П. Тимофеева, С.П. Хижняк, С.В. Шиндель. Вып. 10. – Саратов: ГАУ ДПО «СОИРО», 2020. С. 90-94.
20. Генералова Н.П. Религиозная жизнь как фактор сохранения национальной идентичности и родного языка первых Поволжских немцев-колонистов // Science Time. 2014. № 9. С. 67-71.
21. Библия: книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета в рус. переводе / ил. Г.

- Доре. – Санкт-Петербург: Лениздат. 2006. 1246 с.
22. Das neue Testament und die Psalmen. – Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft. 2000. 904 S.
23. Bertholet A. Wörterbuch der Religionen. – Stuttgart: 1985. 679 S.
24. Шиндель С.В. Конфессиональная культура немцев в Поволжье: образы прошлого, запечатленные в артефактах // Миссия конфессий. Москва. 2023. Т. 12. Ч. 4 (69). С. 61-71.
25. Шиндель С.В. Опыт проектной работы с лютеранскими конфирмациями как технология погружения в историю и культуру Германии // Инновационная парадигма развития современной науки, технологий, образования. Материалы международной научно-практической конференции. – Москва. 2024. С. 55-65.
26. Michel Brenet. Claude Goudimel: Essai Bio-bibliographique. Besançon, Imprimerie et Lithographie de Paul Jaquin, 1898.
27. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / Науч.-исслед. лаб. "Аксиол. лингвистика". – Москва: ГНОЗИС, 2004 (ГУП Смол. обл. тип. им. В.И. Смирнова). 389, [1] с.
28. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифopoэтического: Избранное. М.: Издательская группа "Прогресс" – "Культура". 1995. 624 с.
29. Анисимов С.Ф. Духовные ценности: производство и потребление. М.: Мысль. 1988. 253, [2] с.
30. Бобырева Е.В. Религиозный дискурс ценности и жанры // Проблемы филологии, культурологии и искусствоведения. 2008. №1. С. 162-167.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой работе является конфирмация как жанр религиозного дискурса. Материалом исследования послужили 7 типовых образцов конфирмационных свидетельств лютеран колонии Брунненталь 1863-1916 гг. Отмечается, что «пасторы лютеранских церквей совершали все культовые обряды, письменно фиксировали все этапы духовной и физической жизни лютеранина» в метрических книгах; в фондах Государственного исторического архива немцев Поволжья «оказались и конфессиональные эго-документы, среди которых до сих пор сохранились оригиналы свидетельств о помолвке (*Verlobungsschein*), заключении (*Proklamationsschein*) и (или) расторжения брака». Актуальность работы определяется возрастающим интересом научного сообщества к религиозному дискурсу и отображению религиозной картины мира, недостаточной изученностью лингвистического аспекта религиозного дискурса, который дает возможность раскрыть миропонимание и лингвокультуру той или иной общности: «вместе с миграционными процессами исчезает и подлинная немецкая лингвокультура, во всяком случае – на бывшей территории Автономии немецкого Поволжья».

Теоретической базой научной работы послужили труды таких отечественных и зарубежных исследователей, как А. А. Герман, Н. П. Генералова, С. И. Замогильный, И. Р. Плеве, Ю. М. Чибисова, С. В. Шиндель, Е. А. Семухина, И. В. Лаптева, О. А. Пивцайкина, А. В. Павловская, Н. П. Генералова, K. Stumpp, G. Dinges, A. Aisfeld и др. Библиография составляет 20 источников, что представляется достаточным для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики. Библиография

соответствует специфике рассматриваемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями.

Методология исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер: применяются общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, текстологический метод и интерпретативный анализ материала, компаративный и семиотический методы, методы лингвокультурологического и дискурсивного анализа, последний представляет собой совокупность взаимосвязанных подходов к изучению дискурса и функционирующих в нем языковых единиц, как и различных экстралингвистических аспектов.

Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили автору(ам) тщательно исследовать конfirmационные свидетельства; обнаружить в их символическом пространстве лингвистические и экстралингвистические маркеры, организующие четкую доминантную структуру; признать конfirmацию жанром церковно-богословского стиля религиозного дискурса.

Теоретическая значимость и практическая ценность работы заключаются в ее вкладе в развитие теории дискурса вообще и в частности религиозного дискурса, а также в возможности использования ее результатов в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по языкоznанию, стилистике, по лингвистике текста, теории дискурса, межкультурной коммуникации и социолингвистике. Представленный на рассмотрение материал имеет логически выстроенную структуру. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания.

Однако в тексте встречаются опечатки, пропуски запятых и иные неточности: см «К экстралингвистическим маркерам следует отнести также добавление красного цвета», «Образец конfirmационного свидетельства № 6 (рис. 7) сохраняет черты художественной стилистики раннее исследованных образцов», «Как известно, пасторы лютеранских церквей совершали все культовые обряды, и письменно фиксировали все этапы духовной и физической жизни лютеранина», «Так, на уровне фонетики мы можем наблюдать выпадение некоторых букв, сокращений что свидетельствует с одной стороны, об архаичности...».

Обращаем внимание на разношерстное оформление библиографического списка:

Герман А.А. Образы исторического прошлого как фактор формирования настоящего (на материалах истории российских немцев и их общественного движения в конце XX в.) // Ежегодник Междунар. ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. № 2 (8).: 2020. С. 119-127.

Павловская А.В. Иностранные языки в России и проблемы национальной самобытности. Из истории российского образования // Вестник Московского Университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2023. – № 3. С. 141-154.

Рекомендуем автору(ам) изучить требования редакции в части оформления библиографического списка и привести в соответствие библиографическое описание источников.

Статья имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования» после устранения указанных выше замечаний.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Конфирмация как жанр религиозного дискурса (на материале эго-документов лютеран колонии Брунненталь XIX-XX вв.)».

Предмет исследования – дискурсивные особенности эго-документов лютеранской колонии Брунненталь XIX-XX вв.

Методология исследования основана на сочетании теоретического и эмпирического подходов с применением методов анализа, обобщения и синтеза.

Актуальность работы обусловлена тем, что религиозный дискурс является одним из древнейших и важнейших типов институционального общения и разноаспектное изучение письменных памятников даёт возможность раскрыть его специфику и своеобразие.

Научная новизна заключается в комплексном характере исследования, выполненного на материале эго-документов лютеранской колонии Брунненталь XIX-XX вв.

Стиль изложения научный, структура, содержание. Статья написана русским литературным языком. Структура рукописи включает следующие разделы (в виде отдельных пунктов не выделены, не озаглавлены): введение (содержит постановку проблемы); основная часть (выполнен комплексный анализ типовых образцов конфирмационных свидетельств лютеранской колонии Брунненталь 1863-1916 гг.; уделено внимание конфирмационным свидетельствам, в символическом пространстве которых обнаруживаются лингвистические и экстралингвистические маркеры, позволяющие отнести документы к жанру религиозного дискурса; отмечено, что языковое воплощение содержания образцов конфирмационных свидетельств имеет все признаки церковно-религиозного стиля в контексте протестантского вероучения; выделена церковно-религиозная лексика и указаны синтаксические особенности конфирмаций; приведены иллюстративные материалы); заключение (автор делает общие выводы); библиография (включает 20 источников).

Выводы, интерес читательской аудитории.

Теоретическую значимость исследования заключается в том, что данная работа вносит вклад в развитие теории дискурса, характеризуя один из его типов – религиозный дискурс. Результаты исследования могут быть использованы на лекциях и практических занятиях по дисциплине «Теория языка», а также будут интересны тем, что изучает немецкую конфессиональную лингвокультуру.

Рекомендации автору:

1. В статье не сформулированы цель, объект, предмет, научная новизна и методологические основы проведенного исследования. Объём эмпирического материала, его источники и критерии отбора уместнее указать в начале статьи.

2. Необходимо уделить большее внимание обзору и анализу научных работ, теоретический анализ современных источников также является недостаточным. Возможно, часть текста перед выводами стоит перенести в начало статьи, а также стоит ввести подзаголовки.

3. Было бы уместно привести большее количество иллюстративных примеров как подкрепление теоретические измышления автора статьи. Возможно, эмпирический материал позволяет продемонстрировать церковно-религиозную лексику и синтаксические особенности конфирмаций в дискурсе.

4. Следует упорядочить использование кавычек и перепроверить текст на предмет опечаток, описок и пропусков символов. Кроме того, необходимо проверить наличие в тексте ссылок на первоисточники.

5. Библиографические описания некоторых источников нуждаются в корректировке в соответствии с ГОСТ и требованиями редакции.

Материал представляет интерес для читательской аудитории, но требует доработки, после чего может быть опубликован в журнале «Филология: научные исследования».

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметно автор рецензируемой статьи касается религиозного дискурса, что не является столь частотной базой исследований. Следовательно, материал данной работы актуален, оригинален, нов. При этом в работе рассматривается не столько религиозный дискурс как формация, а ориентир сделан на жанр конfirmации или таинство миропомазания. Думаю, что выбранный вектор исследования вполне оправдан, заметна заинтересованность автора работы в теме, проблеме, заявленной в заголовке. Статья дифференцирована на т.н. смысловые части, деление имеет логику аргументации, да и читателя заинтересованному темой легче двигаться вслед за авторским движением мысли. Привлекает в работе объем фактического материала, например: «История этноса немцы Поволжья насчитывает в общей сложности 260 лет. В 2023 году исполнилось 100 лет со дня образования автономии, в ноябре 2024 года – 90 лет со дня рождения композитора А.Г. Шнитке. Памятные даты – всегда повод вспомнить о прошлом, подлинной истории, культуре, языковом своеобразии «Wolgadeutsche». С первой четверти XXI в. уже и научные работы исследователей Д.Н. Бонвенча [1], А.А. Германа [2,3], И.Р. Плеве [4], А. Айсфельда [5], Г. Дингеса [6], в которых исследована история немцев Поволжья, представляются данью прошлого, оставаясь, вне всякого сомнения, авторитетными публикациями, основанными на анализе подлинных документов в фондах Государственного исторического архива немцев Поволжья»... Это дает возможность полновесно оценить тему, вникнуть в суть вопроса. Фактические данные вводятся с учетом объективности; ряд необходимых отсылок делается с необходимым допущением. Четко и выверено автор манифестирует цель исследования и методы анализа: «Цель исследования – выявление специфических лингвистических и экстралингвистических маркеров, совокупность которых дает основание отнести конfirmационные свидетельства к жанру церковно-богословского стиля религиозного дискурса. Методология исследования основана на сочетании теоретического и эмпирического подходов с применением методов анализа, обобщения и синтеза. Актуальность работы обусловлена тем, что религиозный дискурс является одним из древнейших и важнейших типов институционального общения и разноспектное изучение письменных памятников позволяет раскрыть его специфику и своеобразие. Научная новизна заключается в комплексном характере исследования, выполненного на материале эго-документов лютеранской колонии Брунненталь XIX-XX вв.». Работа имеет явные признаки новизны, ибо большинство обозначенных данных не опубликовано. Считаю, что материал может быть и далее продуктивно расширен, дополнен, проиллюстрирован. Комментарий по ходу работы оправдан: например, «Более подробно мы остановимся на анализе конfirmационных свидетельств, в содержании которых обнаруживаются лингвистические и экстралингвистические маркеры, которые, в свою очередь, позволяют нам отнести аналогичные документы к жанру религиозного дискурса. В наши дни конfirmационные свидетельства, оформленные в лучших традициях национальной немецкой стилистики, больше не выдаются, о чем можно только сожалеть: в первоначальном своем виде они представляют произведения типографского искусства, содержащие смыслообразующие элементы конфессиональной лингвокультуры». Статья основательна, концептуальна, объемна; заметна явная заинтересованность автора в предмете исследования. Стиль данного труда соотносится с собственно научным типом:

например, «Самый ранний документ сохранился в одном единственном экземпляре. На изображении (рис.1) можно разобрать лишь название документа и рассмотреть соответствующую культовую символику – крест с цветами у основания, обвитый терновыми ветвями. Восстановить фрагменты не представляется возможным. Второй и третий образцы (рис.2, 3), несмотря на следы времени, содержат уже текст, в котором отражены персональные данные, в документах эта информация записывалась в нижней части (по этическим соображениям мы данный фрагмент в статье не размещаем). В незаполненном образце это строки, которые заполнялись в соответствии с датами рождения, крещения, конfirmования» и т.д. Статью дополняет необходимый иллюстративный фон (см. рисунки по ходу исследования). Аналитический ценз выдержан на протяжении всего научного сочинения. Ряд информационных блоков открыт, это тоже говорит о максимуме объективности: «В образце конfirmационного свидетельства № 6 (рис. 7) в центре – образ Иисуса Христа, распятого на Кресте, вокруг находятся флористические композиции, справа и слева изображены образы ангелов. К экстралингвистическим маркерам следует отнести также добавление красного цвета. В таблице ниже приведены строки из гимна поэта-гимнолога Л.-А. Готтера на музыку И.С. Баха. ([www://hymnary.org/text/schaffet_schaffet_menschenkinder](http://hymnary.org/text/schaffet_schaffet_menschenkinder) (дата обращения 06.01.2025)). Работа имеет синкретический характер, на мой взгляд, это делает ее интересной для широкого круга читателей. Ориентир на культуру, литературу, язык, историю, религию дан спектрально. Вариатив оценки собственно языка правилен: «Рассмотрение лексических средств представленных образцов в функционально-стилевом аспекте дало возможность выделить церковно-религиозную лексику: существительные – *Israels Hüter* (хранитель Израиля), *Jesu Christ* (Иисус Христос), *Gott* (Господь), *Herr* (Господин), *Bischof* (пастырь), *Pilgrim* (пилигрим), *Pilgrimstand* (паломничество) и т.д., а также слова и словосочетания, которые в представленном контексте получают стилистическую экспрессивную отрицательную или положительную окраску: *Furcht und Zittern* (страх и трепет); *Wollen-Vollbringen-Wohlgefallen* (желание-действие-благоволение); *die irrenden Schafe* (заблудшие овцы) – фразеологизм, *den Himmel ererben* (наследовать небо), *mit Christo sterben* (умереть во Христе (во имя Христа)). Имеется лексика, которая стоит в оппозиции: *Glauben/Sünden* (вера-грехи), *Kampf/Frieden* (борьба-мир), *mein Fleisch-dein Heil* (моя плоть-твоя святость). Приведем примеры прилагательных во множественном числе (по сравнению с существительными в представленных образцах документов их не так много): *irrenden* (блуждающие, заблудшие) – *fleischlichen* (плотские) – *seligen* (блаженные). Отмечается преобладание личных и притяжательных местоимений (*dein-deine-deine* (твой, твоя, твои)), (*mein-meine-meine*) (мой-моя-мои)). Выводы по тексту соотносятся с основной частью; автор отмечает, что «конfirmационное свидетельство как таковое представляет собой хоть и самостоятельный, но тем не менее вторичный жанр церковно-богословского стиля в религиозном дискурсе протестантизма. С одной стороны, мы имеем дело с аутентичными свидетельствами о конfirmации – уникальными в своем роде конфессиональными эго-документами на немецком языке. С другой стороны, сложная структура данных документов организуется фрагментами первичных самостоятельных жанров: притчи, псалмов, цитат из библейских текстов. Впрочем, не только первичными, но и вторичными – в тех случаях, когда в конfirmации содержатся цитаты из проповеди», «проведенное исследование дает нам все основания признать конfirmационные свидетельства вторичным жанром церковно-богословского стиля религиозного дискурса в протестантизме». Список источников объемен, общие требования издания учтены, текст не нуждается в серьезной правке и доработке. Цель исследования достигнута, тема раскрыта; материал может быть полезен при изучении ряда гуманитарных дисциплин. Рекомендую статью «Конfirmация как жанр

религиозного дискурса (на материале эго-документов лютеран колонии Брунненталь XIX-XX вв.)» к открытой публикации в журнале «Филология: научные исследования» ИД «Nota Bene».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Яненко А.М. Отражение богословских представлений о духовном и телесном началах в триптихе Н. Гумилева "Душа и тело" // Филология: научные исследования. 2025. № 2. С.220-228. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.2.73182
EDN: OJLZIA URL: https://nbppublish.com/library_read_article.php?id=73182

Отражение богословских представлений о духовном и телесном началах в триптихе Н. Гумилева "Душа и тело"

Яненко Анна Михайловна

старший преподаватель; кафедра "История журналистики и литературы"; Московский университет им. А.С. Грибоедова
Регент профессионального хора; Религиозная организация «Подворье Патриарха Московского и всея Руси храма святителя Николая Мирликийского в Щукине г. Москвы Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)»

123154, Россия, г. Москва, пр-т маршала Жукова, 47, кв. 315



avecanova@list.ru

[Статья из рубрики "Модернизм"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.2.73182

EDN:

OJLZIA

Дата направления статьи в редакцию:

28-01-2025

Дата публикации:

04-03-2025

Аннотация: Объектом статьи является поэзия Николая Степановича Гумилева, в частности – его триптих "Душа и тело". Данный цикл рассматривается на предмет отражения в нем богословских воззрений о духовном и телесном началах. В статье проанализировано художественное видение Н. Гумилева взаимоотношений души и тела, отраженное в одноименном триптихе. Дихотомия рассматривает человеческую природу, как двусоставное единство души и тела, трихотомия же смотрит на человека как на единство духа-души-тела. Тем и удивителен данный триптих, что название отсылает нас к дихотомическому пониманию, а само построение цикла и внутренняя проблематика доказывает, что восприятие автором сущности человека было близко к трихотомии. Вместе с тем, в данной статье особо хотелось отметить тот факт, что дихотомический и

трихотомический взгляды на природу человека не противоречат друг другу. В работе были использованы следующие методы: сравнительно – исторический, системно – типологический и культурно – исторический. Произведены контекстный и интертекстуальный анализ триптиха, а также мифопоэтический и структурно-семантический анализ. Научная новизна статьи весьма высока, так как анализ произведений авторов Серебряного века на стыке филологической науки и богословия проводится довольно редко. В данной работе было важно отобразить тот факт, что Николай Степанович Гумилев был христианином по сути, его мировосприятие никак не противоречило учению Православной Церкви. Также известно, что поэты Серебряного века во многих своих работах опирались на средневековые произведения, а в период Средневековья диалог души и тела был особенно распространен. Произведен подробный анализ триптиха "Душа и тело", рассмотрены авторские воззрения на проблемы соотношения материального и духовного начал. Доказано, что поэт трактовал природу человеческой сущности сообразно с трихотомической концепцией отцов православной Церкви.

Ключевые слова:

Николай Гумилев, православная доктрина, христианство, модернизм, акмеизм, дихотомия, трихотомия, Франсуа Вийон, антропология, поэзия Серебряного века

Николай Степанович Гумилев по всем своим суждениям, мыслям и убеждениям был христианином, человеком, который впитал в себя святоотеческое наследие. Триптих «Душа и тело» (1919) отражает взгляды Гумилева на человеческую природу, причем ее художественная трактовка, согласно нашей гипотезе, коррелируют с проблемой дихотомии и трихотомии человека, уже много веков обсуждаемой христианскими философами.

В средневековой философии проблема соотношения души и тела была одной из традиционных антропологических тем. Определенно, Гумилев был знаком с поэтической традицией жанра «Спора души с телом», включая широко известное стихотворение Франсуа Вийона «Спор между Вийоном и его душой». Возможно, ему также была знакома книга Ф. Д. Батюшкова «Спор души с телом в памятниках Средневековой литературы. Опыт историко-сравнительного исследования». [2]

Н. Гумилев вступает в диалог с богословской традицией, пытается выразить в поэзии сущность данной антропологической проблемы.

Вопрос о связи души и тела обсуждался в святоотеческой литературе. Двусоставна или трехсоставна человеческая природа? Душа и тело или дух-душа-тело? Все эти вопросы ставили перед собою святые отцы Церкви на протяжении двух тысячелетий.

Дихотомия не делает различий между душой и духом и считает именно душу Божественной частью человеческого существа. В трихотомическом учении душа отвечает за творческие и рациональные способности, а дух связан с совестью и стремлением к Богу-Творцу [8].

В пользу первого суждения свидетельствует ряд указаний, сообщающих о человеке, как о двухчастном существе. Апостол Павел в своем послании к Коринфянам пишет: «Посему прославляйте Бога и в телах ваших, и в душах ваших, которые суть Божии» (1Кор.6:20);

«Итак, возлюбленные, имея такие обетования, очистим себя от всякой скверны плоти и духа, совершая святыню в страхе Божием» (2Кор.7:1).

Но также апостол Павел отражает отдельную сущность - Духа - в своих следующих посланиях: «Ибо слово Божие живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные» (Евр.4:12).

И здесь вновь возникает вопрос о сущности духа: есть ли он часть души, которую трихотомисты отдельно подчеркивают, или является он отдельной субстанцией высшего мира, которая дается человеческому существу по обетованию того, что мы есть «образ и подобие Божие»?

«Распространен взгляд, что одни святые отцы были дихотомистами в этом вопросе в отличие от других трихотомистов. Но из того же исторического разбора должно, казалось бы, быть очевидным, что в древнехристианской литературе не было такого схематического деления, т.е. в христианской мысли древности не было двух друг другу противоположных школ или одно другого исключающих течений. Спора дихо- и трихотомистов история патристической литературы не знает. Если же одни писатели предпочитали говорить о двухчастности человека, то это не мешало им допускать в других случаях и трихотомию». [\[1, с. 362\]](#)

Триптих «Душа и тело» (1919), на наш взгляд, содержит в себе квинтэссенцию богословских поисков, однако воплощенных не в умозрительных философских тезисах, а в лирических образах. Весь цикл строится по принципу антиномического диалога. В литературоведении есть довольно много исследований, посвященных этому стихотворению. [\[7\]](#) Но в данной статье особое внимание хотелось бы уделить практически неисследованному аспекту - богословскому.

Итак, заглавие этого цикла состоит из двух слов - «Душа и тело», что может склонить нас к дихотомической версии природы человека. И правда, первые две части - это своеобразный диалог невидимого вопрошателя с душой и телом, каждое из которых раскрывает в своем ответе-монологе свою сущность и свое представление о предназначении.

Над городом плывет ночная тишина,

И каждый шорох делается глушше, А ты, душа, ты всё-таки молчишь, Помилуй, Боже, мраморные души.

[\[4, с. 18\]](#)

С началом стихотворения Гумилев ассоциирует ночное время - время тишины и недосказанности. В анализе третьей части стихотворения мы еще вернемся ко времени суток, указанному в триптихе, но там ночь уже будет выступать с другой ассоциативной целью. Далее мы можем прочитать: «Помилуй, Боже, мраморные души». [\[4, с. 18\]](#) Можно предположить, что в данном моменте автор просит Господа помиловать и простить души, чье окаменение и черствость сильны, как мрамор. И их надо будить и расталкивать, раскачивать эмоционально, чтобы они вспомнили свое предназначение.

Далее видно, что душа не желала просыпаться в человеческом теле, ей чуждо все земное, она потеряла смысл и ощущает себя заложницей: «И шар земной мне сделался ядром, к какому каторжник прикован цепью». [\[4, с. 18\]](#)

Последние две строфы первого стихотворения заставляют глубоко задуматься. «Ах, я возненавидела любовь - болезнь, которой все у вас подвластны» - здесь подразумевается тот факт, что любовь двуипостасна, любовь земная зачастую ведет к страданию и кончине.

И если что еще меня роднит С былым, мерцающим в планетном хоре, То это горе, мой надежный щит, Холодное презрительное горе.

[\[4, с. 19\]](#)

Рассмотрим эти строфы с точки зрения христианской философии. Любое живое существо на нашей планете наделено душой: и человек, и животные. Душа дает возможность жить, развиваться, расти. Это - жизнь, которая наполняет тело. Но душа сама по себе мало что знает о высшем, о Творце, о законах бытия. Такая душа у живых существ нашей планеты, такая же душа и у нас. Но мы - люди - созданы по образу и подобию Божию, в нас Господь вдохнул Дух. И именно Духом наша душа оживает («Святым духом всяка душа живится» (1-й Антифон 4-го гласа) [\[3, с. 51\]](#), она начинает понимать смысл своей связи с телом, суть земной жизни, свое предназначение. В данном же триptyхе Гумилев осознанно рисует перед нами душу, которая давно была в «дымоватом» состоянии, по слову св. Иоанна Лествичника, которая забыла свое предназначение и пребывала в печали. [\[6\]](#)

Именно поэтому душа говорит, что «холодное презрительное горе» роднит ее со своим прошлым, а именно - со всем тем, что не было освящено Духом Святым, что находилось будто бы в забвении, в состоянии богооставленности. И как мы можем предположить, душа, которая лишена касания Духа, не может познать любовь, т. к. любовь - это то, что дано нам от Бога, то, что роднит нас с Создателем (ведь Бог есть Любовь). А душе мраморной, окаменевшей, охладевшей не будет равнодушно состояние пребывания в любви, оно будет ей ненавистно (как и описывает здесь автор) подобно тому, как после тьмы мы не можем смотреть на Солнце, мы будем закрываться от него, потому что глаза наши не могут вынести свет.

Также хочется особо отметить, что Православная Церковь выступает категорически против учения о возможности переселения душ, существования души до сотворения человека. Здесь немного противоречивыми, на первый взгляд, кажутся слова Н. С. Гумилева, будто душа существовала и прежде. Но Бог-Творец вдохнул душу в первого человека, в Адама, тем самым, даря нам закон о жизни на Земле и уподоблении Богу, обоживании. С точки зрения современной науки термин «генетическая память» признан неверным и неточным, он, скорее, относится к парapsихологии и связывается с мистическими элементами. Но в науке есть и доказан другой термин - «генетический код» - система записи генетической информации. И уже никого не удивить тем, что черты характера, особенности менталитета, предрасположенность к болезням, те или иные способности - все это часто предопределено генетически. Все мы имеем родственные связи, поэтому смеем предположить, что души наши также имеют общее начало, они несут в себе опыт человеческого существования, единство рода, что никак не противоречит христианскому вероучению.

Далее мы слышим монолог тела в ответ на все, что было «предъявлено» душой. Тело отвечает по прошествии практически суток, на закате, когда накапливается вся усталость, когда день прожит - и можно подвести итоги:

Закат из золотого стал как медь, Покрылись облака зеленой ржою, И телу я сказал

тогда: «Ответь На всё провозглашенное душою».

[\[4, с. 20\]](#)

И тело ответило так, как подобает отвечать плоти - той, что создана из земли, той, что роднится с этой планетой, той, которой мир этот существенно близок. И здесь важно отметить, что тело не вдается в глубины мудрствования, не философствует: оно перечисляет. Но перечисляет именно то, что любит. Тело не знает - оно чувствует. И в этих чувствованиях оно переживает отголоски любви, отголоски того, что, не открываясь Телу, роднит его с вечностью. Тело любит жизнь, оно довольствуется жизнью, оно ищет любви в обычных земных радостях:

Люблю в соленой плескаться волне, Прислушиваться к крикам ястребиным, Люблю на необъезженном коне Нестись по лугу, пахнущему тмином. [\[4, с. 20\]](#)

«Тело есть ближайшее орудие души и единственный способ обнаружения ея во вне в настоящем мире. Посему самым устройством оно совершенно приспособлено к силам души», – писал св. Феофан Затворник. [\[10, с. 326\]](#) Здесь мы можем понять замысел Творца: без души тело не может существовать, оно разлагается. Но и без тела душа в этом мире не находит себе покоя, она не может реализовать полностью замысел Бога о себе.

Тело чувствует, оно не может знать будущего, оно живет настоящим. И в отделенности от благодати Божией оно понимает неминуемую свою гибель. Смерть предстоит любому живому существу на нашей планете. Тело об этом и говорит, завершая свой монолог:

Но я за все, что взяло и хочу, За все печали, радости и бредни, Как подобает мужу, заплачу Непоправимой гибелью последней. [\[4, с. 21\]](#)

И здесь как раз вводится в стихотворение тема смерти, которая также была одной из главных в европейской литературной традиции. Ф. Д. Батюшков писал: «... мы правы были, сближая западно-европейские легенды о сетованиях души и ее пререканиях с телом, именно - с мотивом об исходе души». [\[2, с. 7\]](#) Поэзия Серебряного века тесно связана с экзистенциальнымиисканиями: жизнь и смерть, концептуальное осмысление бытия Бога – все это становится главными темами осмысления. В каждом направлении модернизма эта тема осмыслилась по-своему. Непосредственно в творчестве Гумилева смерть – это возможность совершенствования, это переход в иной мир – продолжение жизни в иной форме [\[7\]](#).

И вот вновь наступает ночь – но уже не ночь смятения, ночь забвения, а ночь – как вечность. И Гумилев опять говорит о Слове Божием, которое «заблестело с высоты Большой Медведицею». И в этот момент, когда Свет Божий озарил и душу, и тело, они задали свой вопрос: «Кто же, вопрошатель, ты?» [\[4, с. 22\]](#)

И здесь происходит самое очевидное и непонятное в тот же момент. Вопрошатель и роднит себя с Богом, и говорит отдельно, сам за себя. Потому что вопрошатель – и есть Дух – тот дух, о котором говорится в трихотомии, Дух, который делает нас образом и подобием Божиим, который освящает и душу, и тело, выводит нас за пределы обычного земного существования, роднит с Творцом и дает нам возможность вечной жизни.

Ужели вам допрашивать меня, Меня, кому единое мгновенье – Весь срок от первого земного дня До огненного светопреставления?

[\[4, с. 22\]](#)

В этой строфе выдвигается версия о том, что Дух и есть Господь Бог, что Он знает начало и конец, что Он вне времени. Дух также сравнивается Гумилевым с древом Игдразиль, которое в скандинавской мифологии символизирует центр вселенной и основу всех миров. В тексте подчеркивается, что в райском саду, когда Бог воздохнул в первого человека Дух, Он породил его, тем самым, с вечностью. И дух освятил и душу, и тело. Он стал неделимой частью этой триады, собирающей все остальное воедино.

И в конце «вопрошающий» обращается к душе и телу:

Я тот, кто спит, и кроет глубина Его невыразимое прозванье: А вы — вы только слабый отсвет сна, Бегущего на дне его сознанья!

[\[4, с. 23\]](#)

Душа и тело не могут по отдельности познать все величие своей природы, которая приближает их к Создателю. Они по отдельности — лишь отголоски истины. «Слабый отсвет сна» — метафора, благодаря которой передается пограничное состояние сознания человеческого естества в этой жизни — особый уровень психического функционирования, когда возможность существовать сохранена, но нет возможности оценивать полностью обстановку и воспринимать действительность. В данном случае Гумилев подчеркивает, что в забытии, в суете мирских забот наше состояние является именно таким — неполноценным, бесцельным. И только когда Дух Святой касается их, они освящаются Им и становятся единым целым — образом Божиим. Душа принимает в себя Духа, но для жизни в Боге духу человеческому нужно и тело, которое есть, по слову ап. Павла «храм Святого Духа, живущего в нас» (1Кор.6:19).

Все — небесное и земное — должно соединиться для гармонического прославления Триединого Бога, — Единого Несозданного, Неизменяемого, Источника всякой жизни и бытия; и человек имеет высокое назначено — быть посредником между небом и землей, между неразумными тварями и высшим миром Ангельским. [\[5, с. 5\]](#)

Триптих Гумилева принципиально отличается от средневековых диалогов не формой и построением, а сущностью. К примеру, «Спор между Вийоном и его душой» представляет собою диалог между поэтом и его душой. В произведении возникает череда вопросов и ответов, душа пытается вразумить поэта, а тот отвечает ей с горькой иронией. Душа призывает Вийона к переосмыслению жизни, к духовному пробуждению, а поэт отвечает на этот призыв с явной усталостью и безразличием. [\[11\]](#)

У Николая Гумилева в его стихотворении все иначе: душа устала, она утомлена пребывать в теле, ей чужды радости жизни, она и устала от нынешнего временного бытия, но и позабыла цель своего существования. Тело относится ко всему прошле, оно радуется жизни, сопереживает событиям, принимает их такими, какие они есть. И только Дух, как высший разум, может дать Душе и Телу ответ, показать путь, дать наставление и наполнить смыслом их общее существование.

«История святоотеческой мысли не знает никакого спора между дихотомистами и трихотомистами. Те, кто учил о трехсоставности человеческого естества, на самом деле, выделяли в душе человека ее высшую часть и называли ее духом, или умом. Следует подчеркнуть, что человек — это единство души и тела. Тело без души мертвое, но и душа без тела не может считаться полноценной» — пишет архимандрит Исаия (Белов). [\[9\]](#)

Цикл Н. Гумилева трехчастен; его лирический метасюжет разворачивается по триадному принципу: тезис-антитезис-синтез. Первое стихотворение (тезис) посвящено душе, ее терзаниям и сомнениям; второе (антитезис) - ответ тела на все укоры души, а в заключительном (синтезирующем) стихотворении триптиха воплощен Дух, который отдельно дан нам свыше от Бога, который - часть Божественного слова (разума), но который также является частью человеческого естества, благодаря которому душа и тела обретают гармонию.

Именно тот факт, что только Дух освящает и душу, и тело, что именно он становится проводником человеческой природы в жизнь вечную, является основной нитью исследованного нами цикла.

Библиография

1. Архимандрит Киприан (Керн). Антропология св. Григория Паламы. М: Паломник, 1996. 449 с.
2. Батюшков Ф. Д. Спор души с телом в памятниках Средневековой литературы. Опыт историко-сравнительного исследования. М: Либроком, 2020. 322 с.
3. Всенощное бдение и Литургия. Разъяснение богослужения. – М: Издательство Московской Патриархии, 2022, 288 с.
4. Гумилев Н. С. Огненный столп. – Петербург: Петрополис, 1921, 84 с.
5. Душа человеческая: Положит. учение православ. церкви и святых отцов: Выписки из раз. духов. кн. [Репринт. изд.]. Б. м.: Свято-Троиц. Ново-Голутвин. жен. монастырь, 1992. 160 с.
6. Иоанн Лествичник. Лествица. М.: Эксмо, 2024. 576 с.
7. Кихней Л. Г. Акмеизм. Миропонимание и поэтика. – М: МАКС Пресс, 2001. 183 с.
8. Святитель Феофан Затворник - основатель христианской психологии : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 200-летию свт. Феофана Вышенского Затворника (5-7 февр. 2015 г.). - Санкт-Петербург : Изд. РХГА, 2015. – 107 с. / Прот. Геннадий Егоров. Проблема дихотомии-трихотомии человеческой природы и парадокс личности в антропологии святителя Феофана. 17-22 с.
9. Учение о трихотомии. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://azbyka.ru/trihotomiya> (дата обращения 05.12.2024).
10. Феофан Затворник, епископ. Начертание христианского нравоучения. – М: Родное слово, 2017. 560 с.
11. Франсуа Вийон. Спор между Вийоном и его душою. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://rustih.ru/fransua-vijon-spor-mezhdu-vijonom-i-ego-dushoyu/?ysclid=m7kos7cs8061421576> (дата обращения 21.02.2025).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемом материале является отражение богословских представлений о духовном и телесном началах в триптихе Н. Гумилева «Душа и тело». Отмечается, что «триптих «Душа и тело» (1919) отражает взгляды Гумилева на человеческую природу, причем ее художественная трактовка ... коррелируют с проблемой дихотомии и трихотомии человека, уже много веков обсуждаемой христианскими философами». Актуальность работы обусловлена повышенным интересом исследователей к идиостилю Николая Гумилева, его философским и богословским

представлениям (триптих «Душа и тело» содержит в себе «квинтэссенцию богословских поисков, однако воплощенных не в умозрительных философских тезисах, а в лирических образах»).

Теоретической базой исследования послужили работы Л. Г. Кихней, Архимандрита Киприана, Ф. Д. Батюшкова и др. Библиография насчитывает 9 источников, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Однако, на наш взгляд, собственно научных источников в использованном списке недостаточно для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, что, собственно, и находит отражение на страницах рукописи. Методология проведенного исследования не раскрывается, но очевиден ее комплексный характер. С учётом специфики предмета, объекта, цели и поставленных задач использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод; системно-типологический, сравнительно-исторический, культурно-исторический, структурно-семантический методы, а также элементы герменевтического анализа.

В ходе работы последовательно анализируется стихотворение «Душа и тело», начиная с заглавия, состоящего из двух слов, что «может склонить нас к диалогической версии природы человека». Автор(ы) обоснованно показывают, что исследуемый «цикл Н. Гумилева трехчастен; его лирический метасюжет разворачивается по триадному принципу: тезис-антитезис-синтез. Первое стихотворение (тезис) посвящено душе, ее терзаниям и сомнениям; второе (антитезис) - ответ тела на все укоры души, а в заключительном (синтезирующем) стихотворении триптиха воплощен Дух, который отдельно дан нам свыше от Бога, который - часть Божественного слова (разума), но который также является частью человеческого естества, благодаря которому душа и тела обретают гармонию». Особенno отмечается, что основной нитью исследованного цикла является тот факт, что «только Дух освящает и душу, и тело, что именно он становится проводником человеческой природы в жизнь вечную, является».

Полученные результаты имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят вклад в изучение богословского аспекта творчества Николая Гумилева, могут применяться в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по теории литературы, лингвопоэтике, стилистике художественной речи, стиховедению, в спецкурсах, посвященных идиостилю Н. Гумилёва и др.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Содержание работы соответствует названию. Стиль изложения материала отвечает требованиям научного описания. Однако объем материала недостаточен для раскрытия темы. Рекомендуемый редакцией объем составляет 12-50 тысяч знаков. Статья вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования» после устранения указанных выше замечаний.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья «Отражение богословских представлений о духовном и телесном началах в триптихе Н. Гумилева "Душа и тело"» представляет собой исследование в области русского литературоведения.

Автор анализирует труды христианских религиозных философов, обращавшихся к проблематике противопоставления души и тела. Автор рассматривает данные труды как

основу философии в произведении Н. Гумилева «Душа и тело».

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения смысловой структуры текста в философском контексте.

В работе подчеркивается, что «Триптих «Душа и тело» содержит в себе квинтэссенцию богословских поисков, воплощенных в лирических образах»

Текст статьи хорошо структурирован. В статье представлены введение, результаты исследования, а также выводы и библиография.

Цель данного исследования - выявить особенности отражения религиозно-философских трудов, посвященных дихотомии и трихотомии души и тела, в исследуемом произведении Н. Гумилева.

В качестве методов автором на различных этапах исследования были использованы исторический и сравнительный анализ.

Автор последовательно анализирует строки произведения, комментируя и сопоставляя заложенные в них смыслы с философскими учениями о душе и теле.

Анализируя проявления в произведении данной дихотомии, автор пишет, что «Гумилев подчеркивает, что в забытьи, в суете мирских забот наше состояние является именно таким - неполноценным, бесцельным. И только когда Дух Святой касается их, они освящаются Им и становятся единым целым - образом Божиим. Душа принимает в себя Духа, но для жизни в Боге духу человеческому нужно и тело, которое есть, по слову ап. Павла «храм Святого Духа, живущего в нас»». Таким образом, автор показывает, как в своем произведении Гумилев переосмысливает знаменитую историческую христианскую дихотомию.

В заключении автор пишет следующее: «цикл Н. Гумилева трехчастен; его лирический метасюжет разворачивается по триадному принципу: тезис-антитезис-синтез. Первое стихотворение (тезис) посвящено душе, ее терзаниям и сомнениям; второе (антитезис) - ответ тела на все укоры души, а в заключительном (синтезирующем) стихотворении триптиха воплощен Дух, который отдельно дан нам свыше от Бога, который - часть Божественного слова (разума), но который также является частью человеческого естества, благодаря которому душа и тела обретают гармонию. Именно тот факт, что только Дух освящает и душу, и тело, что именно он становится проводником человеческой природы в жизнь вечную, является основной нитью исследованного нами цикла».

Данный вывод можно считать достоверным.

Стиль статьи научный, информация представлена объективно, выводы обоснованы результатами исследования.

Объем статьи является достаточным.

Статья оформлена в соответствии с требованиями к научным статьям, содержит ссылки на источники и список литературы, включающий в себя наиболее актуальные исследования по данной теме.

Таким образом, можно заключить, что статья «Отражение богословских представлений о духовном и телесном началах в триптихе Н. Гумилева "Душа и тело"» представляет собой научно-исследовательскую работу высокого уровня, которая вносит вклад в изучение актуальных тенденций в области истории русской литературы начала XX века. Работа соответствует требованиям, предъявляемым к научным статьям, и может быть рекомендована к публикации в журнале «Litera».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Пашковский П.И., Крыжко Е.В. Профессор М. Ф. Слинкин: филологические аспекты востоковедческого наследия (к 100-летию ученого) // Филология: научные исследования. 2025. № 2. С.229-238. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.2.73445 EDN: OKTZEQ URL: https://nbppublish.com/library_read_article.php?id=73445

Профессор М. Ф. Слинкин: филологические аспекты востоковедческого наследия (к 100-летию ученого)

Пашковский Петр Игоревич

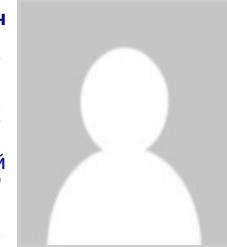
ORCID: 0000-0001-5403-3797

доктор политических наук

профессор; кафедра политических наук и международных отношений; ФГАОУ ВО "Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского"

295007, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, пр-кт Академика Вернадского, 4

✉ petr.pash@yandex.ru



Крыжко Евгений Владимирович

ORCID: 0000-0001-9943-819X

кандидат исторических наук

доцент; кафедра археологии и всеобщей истории; ФГАОУ ВО "Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского"

295007, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, пр-кт Академика Вернадского, 4

✉ jeysen1030@gmail.com



[Статья из рубрики "Научная хроника"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.2.73445

EDN:

OKTZEQ

Дата направления статьи в редакцию:

21-02-2025

Дата публикации:

04-03-2025

Аннотация: В статье рассмотрены филологические аспекты научно-педагогического

наследия отечественного востоковеда, доктора исторических наук, профессора М. Ф. Слинкина (05.XII.1925–10.VIII.2007). Впервые в российской историографии представлен наиболее полный библиографический список его опубликованных работ филологической направленности. Показано, что филологическая составляющая его изысканий проявилась в сфере востоковедческой лексикографии. Первоначально Михаил Филантьевич начал осуществлять комплексное исследование в сфере военного и военно-технического направления лексикографии языка дари, с учетом отсутствия тогда русско-дари словарей, требовавшихся военным переводчикам. Обширные знания М. Ф. Слинкина в области языков, а также кропотливая работа по лексикографии были замечены первыми лицами посольства СССР в Афганистане, и его начали активно привлекать в качестве квалифицированного переводчика к переговорным процессам на высшем уровне. Военные переводчики находились в тесном контакте с Михаилом Филантьевичем, который имел обширную лексическую картотеку в условиях отсутствия русско-дари словарей. Методологической основой исследования является синтез системного подхода и источниковедческого анализа, который предопределил применение историко-генетического и биографического методов, а также метода анализа документов. В 1972 г. был опубликован «Персидско-русский и русско-персидский военный словарь» Г. Г. Алиева, в русско-персидской части которого, помимо перевода терминов на фарси, имелся их перевод на фарси-кабули, созданный М. Ф. Слинкиным совместно с А. И. Арсланбековым и А. В. Перегудовым. В 1981 г., спустя более двух десятилетий изысканий Михаила Филантьевича в области лексикографии, был издан фундаментальный труд – «Русско-дари военный и технический словарь». Являясь первым подобным изданием в общемировом масштабе, этот словарь был востребован, что привело к его переизданию в 1987 г. В дальнейшем М. Ф. Слинкин стал автором и соавтором ряда понятийно-терминологических изданий, практикумов и учебных пособий, направленных на усовершенствование методики преподавания и изучения персидского языка и дари. Данные труды являются востребованными и в настоящее время, используясь при подготовке профильных специалистов в России и за рубежом.

Ключевые слова:

М. Ф. Слинкин, биография, библиография, востоковедение, афанистика, восточная филология, лексикография, русско-дари словарь, фарси-кабули, персидский язык

О востоковеде, докторе исторических наук, профессоре Таврического национального университета имени В. И. Вернадского Михаиле Филантьевиче Слинкине (05.XII.1925–10.VIII.2007) имеется ряд публикаций, зачастую раскрывающих вехи его биографии и особенности вклада в области исторической науки как одного из видных отечественных афанистов второй половины XX – начала XXI в. [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9]. При этом практически упускаются из виду представляющие интерес и прикладное значение филологические изыскания ученого, освещение которых носит ситуативный характер. Настоящая статья имеет целью рассмотрение филологической составляющей научно-педагогического наследия М. Ф. Слинкина.

Материалами исследования выступили военно-технические словари [10; 11; 12], первые в своем роде и ставшие классическими для последующих поколений переводчиков-референтов в этой области. Отдав долг Родине на дипломатической службе, Михаил Филантьевич применил полученные знания в научно-педагогической сфере по изучению

персидского языка в Крыму, создав серию учебных изданий [13; 14; 15; 16; 17; 18; 19] и выступив редактором пособия по истории персидской литературы [20], которые получили высокую экспертную оценку и позволили готовить профильных филологов.

Синтез системного подхода и источниковедческого анализа предопределили комплексный подход к решению поставленной проблемы, отразившийся в применении ряда научных методов. Сопоставить исторические события, их влияние на последовательное развитие филологических изысканий М. Ф. Слинкина позволил историко-генетический метод. Изучение источниковой базы и научных публикаций по данной тематике стало возможным с помощью метода анализа документов. Исследованию жизненного пути, становления и эволюции личностных качеств, научных изысканий и мировоззренческих установок способствовал биографический метод.

Вернувшись с фронтов Великой Отечественной войны, Михаил Филантьевич в 1946–1948 гг. проходил подготовку на двухгодичных курсах английского языка в Военном институте иностранных языков (ВИИЯ) в Москве [3, с. 3]. По окончанию курсов 23-летний лейтенант получил назначение переводчиком артиллерийской дивизии в Закавказский военный округ, но эта должность была сокращена, и его назначили командиром взвода артиллерийского полка в Ереване. С марта 1950 г. М. Ф. Слинкин был переведен в Тбилиси, где занимался журналистской деятельностью, являясь директором типографии газеты Политуправления Закавказского военного округа. Окончив тбилисскую вечернюю школу, Михаил Филантьевич решил получить высшее образование – его выбор был обращен на ВИИЯ [4, с. 81–82].

В 1951 г., успешно сдав экзамены в Военный институт иностранных языков, он был зачислен на третий, специальный факультет, который окончил в 1956 г. с отличием. Обучение было подчинено серьезным требованиям по успеваемости, с тройкой по итогам сессии и двойкой в текущем семестре отчисляли. Примечательно, что выбранное направление готовило специалистов-разведчиков для вероятной работы в недружественных странах. Специальность в дипломах значилась как журналист-международник, а квалификация – старший инструктор-референт по персидскому языку и инструктор-переводчик по английскому языку. Кроме указанных языков, М. Ф. Слинкин свободно овладел языком дари (фарси-кабули), который в кратчайшие сроки изучил в период своей первой командировки в Афганистан (с марта по ноябрь 1957 г.), учитывая его близость к персидскому языку, но при этом имеющем свои синтаксические, грамматические и лексические особенности. Михаил Филантьевич, изучая фарси-кабули,ставил перед собой задачу исследовать наиболее востребованную и неразработанную лексикографию в военно-технической области [4, с. 82–86; 5, с. 706]. Именно с этого периода направление «востоковедение» становится определяющим для его дальнейших исследовательских интересов и жизненного пути.

В 1960–1965 гг. М. Ф. Слинкин находился в командировке в Афганистане в должностях старшего переводчика, старшего референта, а также главного военного советника советского посольства в Кабуле. В это время Михаил Филантьевич начал осуществлять комплексное исследование в сфере военного и военно-технического направления лексикографии языка дари, с учетом отсутствия тогда русско-дари словарей, требовавшихся военным переводчикам [6, с. 133]. В выходные дни он часто ездил с семьей и другими членами «посольского района» на экскурсии по Афганистану. В период таких поездок М. Ф. Слинкин выступал в роли переводчика и попутно беседовал с афганцами, ведя записи новых слов и выражений. Приезжая домой, он вечерами переносил полученные лексические данные на карточки, количественное пополнение

которых шло быстрыми темпами. На офицерских курсах для будущих афганских артиллеристов Михаил Филантьевич вел дисциплину «Баллистика» на дари, что побудило его собирать и заносить на специальные карточки военно-техническую терминологию на данном языке [2, с. 69; 4, с. 90–91].

Обширные знания М. Ф. Слинкина в области языков, а также кропотливая работа по лексикографии были замечены первыми лицами посольства СССР в Афганистане, и его начали активно привлекать в качестве самого квалифицированного переводчика к переговорным процессам на высшем уровне – с премьер-министром Мухаммадом Даудом, королем Захир-шахом, работать во время визита Л. И. Брежнева и А. Н. Косыгина, – переведя на должность главного военного советника. Военные переводчики находились в тесном контакте с Михаилом Филантьевичем, который имел обширную лексическую картотеку в условиях отсутствия русско-дари словарей [4, с. 91, 95].

М. Ф. Слинкин в более поздних дневниковых записях отмечал, что советники из-за низкого уровня владения языком испытывали большие затруднения в процессе идеинопропагандистской деятельности внутри афганского общества. При этом сотрудники Отдела агитации, пропаганды и обучения ЦК НДПА были в своей работе далеки от языка народа, что приводило к пониманию сложности ситуации и необходимости в разрушении лингвистического барьера и вытекающей из этого некомпетентности советников [7, с. 61].

В мае 1965 г. М. Ф. Слинкин вернулся в Москву, и ему, как специалисту с хорошими знаниями английского языка, было предложено ехать в Крым в качестве старшего инструктора по политико-воспитательной работе в учебно-военный центр для иностранцев, в котором он читал лекции до очередной командировки в Афганистан, продолжавшейся с 1968 по 1971 г. [4, с. 96–97]. В течение трех лет Михаил Филантьевич подготовил значительную картотеку в области лексики языка дари, что дало возможность аккумулировать ее в капитальный труд.

В 1972 г. был опубликован «Персидско-русский и русско-персидский военный словарь» Г. Г. Алиева тиражом в 3,5 тыс. экземпляров [10], в русско-персидской части которого, помимо перевода терминов на фарси, имелся их перевод на фарси-кабули, сделанный М. Ф. Слинкиным совместно с А. И. Арсланбековым и А. В. Перегудовым. Словарь состоял из двух частей (персидско-русской и русско-персидской), насчитывая порядка 20 тыс. терминов, касающихся вооружения, организации, боевой техники, подготовки и использования всех видов вооруженных сил. Примечательно, что особое место в нем занимала новейшая военная и военно-техническая терминология. А персидская часть данного издания, учитывая наличие перевода русских терминов на персидский язык, содержала перевод на распространенный в Афганистане язык фарси-кабули [5, с. 706].

В 1970-е гг. Михаил Филантьевич, после выхода в запас в связи с достижением предельного возраста пребывания на военной службе, продолжил развивать свои филологические изыскания в рамках Симферопольского медицинского института. В аспирантуре этого учебного заведения обучались афганцы, а М. Ф. Слинкин читал им лекции по международной обстановке, параллельно с которыми поддерживал свой уровень языка дари в процессе бесед с его носителями [4, с. 104–105]. При этом с сентября 1973 г. он начинает работать в Симферопольском государственном университете имени М. В. Фрунзе (с 1999 по 2014 г. – Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского; в настоящее время – Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского), продолжая исследования в сфере восточной

филологии [\[3, с. 3\]](#).

Апрельская революция 1978 г. и ввод советских войск в Афганистан в декабре 1979 г. поставили вопрос о создании комплексного русско-дари военно-технического словаря. Руководство «Воениздата» рассмотрело данный вопрос, учитывая, что к этому моменту такой словарь был практически готов в авторской редакции. В 1981 г., спустя более двух десятилетий изысканий Михаила Филантьевича в области лексикографии, был издан фундаментальный труд – «Русско-дари военный и технический словарь» [\[11\]](#). На страницах данного издания было размещено более 40 тыс. терминов и терминологических сочетаний, связанных с организацией, боевой техникой и вооружением, комплектованием и прохождением службы, тактикой, оперативным искусством, управлением войсками и деятельностью службы тыла современной армии [\[5, с. 706\]](#). В конце словаря были размещены: «основные географические названия; команды, командные слова, доклады; условные сокращения, применяемые в боевых и служебных документах и в переписке вооруженных сил Афганистана; таблица воинских званий вооруженных сил Афганистана; наиболее употребительные нумеративы; календари – солнечной хиджры и европейский». М. Ф. Слинкин уточнял, что в процессе составления словаря «использовались афганские боевые и полевые уставы и наставления, руководства и пособия по устройству и эксплуатации боевой техники и вооружения, а также научно-техническая, учебная и справочная литература на языке дари» [\[11, с. 5\]](#). Тираж издания составил 16 тыс. экземпляров.

Являясь первым подобным изданием в общемировом масштабе, этот словарь был востребован, что привело к его переизданию в 1987 г. тиражом 33 тыс. экземпляров [\[12\]](#). В настоящее время он продолжает сохранять свое прикладное значение и популярность, став классической работой в области востоковедения.

Находясь с 1982 по 1986 г., с 1987 по 1988 г. и в 1990 г. в служебных командировках в Афганистане, Михаил Филантьевич не прекращал исследовательскую деятельность [\[8, с. 319\]](#). Изначально он планировал ехать в Кабул в научных целях, но удалось туда попасть только в качестве члена группы советников ЦК КПСС. В этот период М. Ф. Слинкин смог наладить доверительные отношения с главой государства (до 1986 г.) Б. Кармалем, его приемником М. Наджибуллой, вице-президентом А. Хатефом, заведующим Международным отделом ЦК НДПА М. Барьялем [\[4, с. 107\]](#). Широкий круг высокопоставленных знакомых, а также периодические поездки по стране, позволили Михаилу Филантьевичу иметь доступ к различной информации, которую он систематизирует в последующие годы.

Вернувшись к преподаванию в СГУ имени М. В. Фрунзе, Михаил Филантьевич продолжил трудиться над усовершенствованием методики преподавания и техники изучения персидского языка в высших учебных заведениях. Вел языковой факультатив для студентов-историков. Кроме того, на базе Международного Таврического эколого-политологического университета (Симферополь) в 1994 г. планировалось создать направление по подготовке специалистов в области восточных языков, и возглавить это (с одноименной кафедрой) пригласили М. Ф. Слинкина, который смог в течение последующих лет провести укомплектование учебного процесса профильными преподавателями и организовать системную подготовку студентов-филологов. Особое внимание он уделял качеству знаний, транслируемых обучающимся, будучи весьма строгим и одновременно дипломатичным преподавателем [\[8, с. 320\]](#). Начиная с 1998 г., Михаил Филантьевич ведет подготовку студентов в рамках кафедры восточной

филологии СГУ имени М. В. Фрунзе (с августа 1999 г. – Таврического национального университета имени В. И. Вернадского), по которой в 2003 г. получил звание профессора [6, с. 134–135].

Восточная филология в Крыму в 1990-е гг. переживала этап становления, учитывая, что данный регион никогда не являлся значимым центром востоковедческих исследований. Образовательный процесс испытывал необходимость в новых учебниках, так как старые были представлены отдельными страницами в непригодном для обучения состоянии [4, с. 113]. Михаил Филантьевич принимает решение восполнить данную лакуну. Так, в конце 1990-х – начале 2000-х гг. он опубликовал ряд учебных изданий [13; 14; 15; 16; 17; 18; 19] (рецензентами которых выступали российские востоковеды Г. А. Восканян и К. Н. Хитрик), получивших широкое признание и применение. Это подтверждали и его коллеги, отмечая, что учебные пособия, практикумы и словари по персидскому языку и дари, авторами которых был Михаил Филантьевич, на протяжении многих лет являются актуальными и в полной мере используются в процессе подготовки востоковедов России, Украины, ряда европейских и центрально-азиатских государств, а также США [3, с. 4].

Помимо теоретической и практической ценности, эти издания, как правило, были снабжены интересными предисловиями, которые, в силу своей информативности, заслуживают особого внимания. В частности, характеризуя свою «Книгу для чтения. Персидский язык», М. Ф. Слинкин в 2001 г. писал: «Настоящее учебное пособие предназначено для аудиторного и внеклассного чтения на первом – пятом курсах восточных отделений, где персидский язык изучается в качестве основного и второго восточного языка. Ряд материалов книги записан на магнитную ленту и может быть использован для развития навыков аудирования иностранной речи и абзацно-фразового перевода на слух». Данное издание включало следующие тематические разделы: «сказки, притчи и пословицы, анекдоты муллы Насреддина, рассказы классиков персидской литературы, публистику и поэзию». Кроме того, чтобы облегчить чтение текстов, как пояснял автор, «после большинства из них даны словники и комментарии. К некоторым рассказам предложены краткие биографические справки об их авторах и необходимые пояснения» [15, с. 3]. В свою очередь, приведенные в книге материалы были расположены по степени возрастания лексико-грамматической трудности и взяты из новейших иранских изданий и периодической печати.

В 2003 г. в. предисловии к учебному пособию «Речевая практика персидского языка» Михаил Филантьевич отмечал, что таковое «предназначено для того, чтобы научить обучаемых правильно выражать устно и письменно на персидском языке свои мысли по изучаемой тематике, понимать основное содержание текста при аудировании, в полном соответствии с нормами изучаемого языка строить собственное монологическое и диалогическое высказывание на различные бытовые, страноведческие и актуальные общественно-политические темы, пересказывать прослушанный или прочитанный текст с элементами комментирования и оценки, читать вслух художественные, публицистические и научные тексты средней трудности с соблюдением орфоэпических норм после минимальной подготовки, поддерживать беседу в деловой сфере общения на заданную тему с предварительной подготовкой, осуществлять целевое изучение различных источников информации на персидском и русском языках» [17, с. 3].

Интересным представляется учебное пособие «Практический курс персидского языка. Общий перевод», подготовленное в соавторстве с В. А. Мининым и Н. В. Павленко и изданное в 2007 г. «Основная цель данного пособия, – подчеркивали авторы, –

развитие умений и навыков чтения, аудирования, реферирования, говорения и письма. При этом особое внимание уделяется выработке у обучаемых умений бегло читать персидские тексты на общественно-политическую, страноведческую и литературную тематику, последовательно и синхронно переводить с одного языка на другой, свободно вести беседу (дискуссию) на изученные темы, готовить письменные сообщения (доклады) на персидском языке и излагать устно их основное содержание с элементами полемики, выделять главную информацию в письменном и устном сообщении, редактировать переводимые тексты с учетом языковых норм и точности передачи значения слов, словосочетаний, терминов и фразеологических выражений» [\[19, с. 3\]](#).

Характерно, что на рубеже веков, являясь активным организатором учебного процесса, он с коллегами по факультету восточной филологии СГУ имени М. В. Фрунзе (ТНУ имени В. И. Вернадского), способствует установлению и развитию конструктивного сотрудничества данного высшего учебного заведения с Посольством Исламской Республики Иран. В результате группы крымских студентов-иранистов получают возможность систематически проходить языковые и страноведческие стажировки в иранских научных и образовательных центрах [\[9, с. 8\]](#).

Отдельно следует отметить участие М. Ф. Слинкина в 1999 г. в качестве редактора в подготовке учебного пособия «Очерк истории персидской литературы» [\[20\]](#), автором которого стал его сын М. М. Слинкин (впоследствии известный востоковед), а рецензентами – симферопольские профессора А. М. Меметов и Е. С. Регушевский. Данное издание предназначалось для студентов персидских отделений факультетов востоковедения. В нем рассматривалась история персидской литературы с момента ее зарождения в древнеперсидскую языковую эпоху до настоящего времени. При этом особое внимание уделялось классической литературе на персидском языке (X–XV вв.), внесшей значительный вклад в развитие мирового литературного процесса.

Кроме того, в предисловии к данному изданию была охарактеризована специфика исследовательских проблем и трактовок термина «персидская литература», на чем, с учетом теоретической значимости, следует подробно остановиться. Так, признавая широкую известность классиков и изученность отдельных периодов ее истории, там подчеркивалось, что «существуют многочисленные “белые пятна” и проблемы, ждущие своего исследователя, а также бытуют разные подходы не только к оценке многих явлений этой литературы, что закономерно, но даже и к собственно термину, под которым бы она понималась на определенных этапах ее развития». Конкретизируя обозначенную ситуацию, в учебном пособии уточнялось, что различные авторы в процессе характеристики литературы эпохи Возрождения «используют термины персидская, таджикская, персидско-таджикская, ирано-таджикская, персоязычная литература, признавая, таким образом, что она обязана своим возникновением главным образом предкам современных таджиков и персов. Вместе с тем, в ее создании, в том числе и до периода дезинтеграции и обособления национальных литератур персов, таджиков, афганцев и выделения персоязычной литературы Индии, начавшегося в XVI в., принимали участие представители разных народов. Поэтому, выбор термина “персидская литература” <...> достаточно условен. Однако, учитывая, что мы не ставили себе целью рассмотрение иной литературы, выросшей из общего наследия персов и таджиков после XV в., кроме литературы собственно персов, то, по нашему мнению, такой выбор имеет под собой определенные основания» [\[20, с. 3\]](#).

Таким образом, филологическая составляющая научно-педагогического наследия М. Ф. Слинкина проявилась в сфере востоковедческой лексикографии. Помимо подготовки и

издания первого в мире «Русско-дари военного и технического словаря», он стал автором, соавтором и редактором ряда понятийно-терминологических изданий, практикумов и учебных пособий, направленных на усовершенствование методики преподавания и изучения персидского языка и дари. Данные труды являются востребованными и в наши дни, используясь в процессе подготовки профильных специалистов как в Российской Федерации, так и в странах ближнего и дальнего зарубежья.

Библиография

1. Бойко В. С. Мировая Афганистика между наукой и политикой: проблемы истории и модернизации Афганистана в XX – начале XXI вв.: учебное пособие. – Барнаул: АлтГПУ, 2016. – 138 с.
2. Горбунов Ю. И. Крым и Африка // Азия и Африка сегодня. – 2013. – № 11 (676). – С. 65–70.
3. Пластун В. Н. и др. Михаил Филантьевич Слинкин // Афганистан и безопасность Центральной Азии / под ред. А. А. Князева. – Бишкек: Общественный фонд А. Князева, 2010. – Вып. – С. 3–5.
4. Слинкин М. М. Об отце и немного о времени, в котором он жил // Дневниковые записи М. Ф. Слинкина – советника заведующего Международным отделом ЦК НДПА (1982 г.) / сост. М. М. Слинкин. – М.: ИВ РАН, 2016. – С. 67–122.
5. Пашковский П. И., Крыжко Е. В. и др. Востоковедческие исследования М. Ф. Слинкина (к 95-летию ученого) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 2020. – Вып. XXV. – С. 704–719.
6. Пашковский П. И., Крыжко Е. В. Михаил Филантьевич Слинкин : вехи биографии выдающегося отечественного востоковеда // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 9 (59), – Ч. I. – С. 132–137.
7. Дневниковые записи М.Ф. Слинкина – советника заведующего Международным отделом ЦК НДПА (1982 г.) / сост. М. М. Слинкин. – М.: ИВ РАН, 2016. – 124 с.
8. Пашковский П. И., Крыжко Е. В. и др. Востоковед М. Ф. Слинкин: жизнь и труды // Диалог со временем. – 2018. – Вып. 62. – С. 312–328.
9. Сухоруков А. Н. Сотрудничество Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского с научно-образовательными центрами Ирана // Научный вестник Крыма. – 2019. – № 5 (23). – С. 8.
10. Персидско-русский и русско-персидский военный словарь / сост. Г. Г. Алиев, А. И. Арсланбеков, А. В. Перегудов, М. Ф. Слинкин. – М.: Воениздат, 1972. – 656 с.
11. Слинкин М. Ф. Русско-дари военный и технический словарь. – М.: Воениздат, 1981. – 847 с.
12. Слинкин М. Ф. Русско-дари военный и технический словарь. Изд-е 2-е, испр. и доп. – М.: Воениздат, 1987. – 847 с.
13. Слинкин М. Ф. Языковые штампы официально-деловых документов, переписки и устного общения. Персидский язык. 5-й курс. – Симферополь: ТЭИ, 1997. – 50 с.
14. Слинкин М. Ф. Речевая практика персидского языка. 3-й курс. – Симферополь: ТЭИ, 1998. – 346 с.
15. Слинкин М. Ф. Книга для чтения. Персидский язык. 1–5-й курсы. – Симферополь: РИО ТЭИ, 2001. – 517 с.
16. Слинкин М. Ф. Практический курс персидского языка. Общий перевод. 4-й курс. – Симферополь: РИО ТЭИ, 2001. – 255 с.
17. Слинкин М. Ф. Речевая практика персидского языка. 3-й курс. Изд-е 2-е, испр. и доп. – Симферополь: Сонат, 2003. – 313 с.

18. Слинкин М. Ф. Практический курс персидского языка. 5-й курс. – Симферополь: Сонат, 2005. – 256 с.
19. Слинкин М. Ф., Минин В. А., Павленко Н. В. Практический курс персидского языка. Общий перевод. – Симферополь: Сонат, 2007. – 276 с.
20. Слинкин М. М. Очерк истории персидской литературы. Учебное пособие / под ред. проф. М. Ф. Слинкина. – Симферополь: ТЭИ, 1999. – 230 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступает филологическое наследие востоковеда, доктора исторических наук, профессора Таврического национального университета имени В. И. Вернадского Михаила Филантьевича Слинкина (05.12.1925–10.08.2007). Актуальность работы обусловлена как значимостью вклада М. Ф. Слинкина в развитие востоковедческой лексикографии и практику преподавания персидского языка, так и недостаточной изученностью филологической составляющей научно-педагогического наследия ученого («имеется ряд публикаций, зачастую раскрывающих вехи его биографии и особенности вклада в области исторической науки как одного из видных отечественных афганистов второй половины XX – начала XXI в. При этом практически упускаются из виду представляющие интерес и прикладное значение филологические изыскания ученого, освещение которых носит ситуативный характер»). Теоретическую базу данного исследования обоснованно составили труды по востоковедческим научным изысканиям М. Ф. Слинкина, жизненным вехам и научному наследию ученого таких отечественных исследователей, как В. Н. Пластун, П. И. Пашковский, Е. В. Крыжко, А. Н. Сухоруков, В. С. Бойко, Ю. И. Горбунов, М. М. Слинкин и др. Библиография статьи насчитывает 20 источников, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах рукописи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Материалами исследования выступили военно-технические словари М. Ф. Слинкина (Персидско-русский и русско-персидский военный словарь, Русско-дари военный и технический словарь) и его учебные издания (Практический курс персидского языка. Общий перевод; Речевая практика персидского языка; Языковые штампы официально-деловых документов, переписки и устного общения. Персидский язык; Книга для чтения. Персидский язык и др.), которые получили высокую экспертную оценку и позволили готовить профильных филологов.

Исследование осуществлялось с использованием таких общенаучных методов, как анализ и синтез, описательный метод, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию, классификацию материала; метод когнитивного анализа, а также историко-генетический метод (позволил «сопоставить исторические события, их влияние на последовательное развитие филологических изысканий М. Ф. Слинкина»), метод анализа документов, биографический метод (способствовал «исследованию жизненного пути, становления и эволюции личностных качеств, научных изысканий и мировоззренческих установок» ученого) и др. Выбор методов оправдан и соответствует цели.

В ходе анализа филологической составляющей научно-педагогического наследия выдающегося ученого, востоковеда, профессора Михаила Филантьевича Слинкина сделан вывод о ее значимости и актуальности («помимо подготовки и издания первого в мире «Русско-дари военного и технического словаря», он стал автором, соавтором и

редактором ряда понятийно-терминологических изданий, практикумов и учебных пособий, направленных на усовершенствование методики преподавания и изучения персидского языка и дари. Данные труды являются востребованными и в наши дни, используясь в процессе подготовки профильных специалистов как в Российской Федерации, так и в странах ближнего и дальнего зарубежья») и др.

Результаты исследования однозначно имеют теоретическую значимость и практическую ценность, так как состоят в проведении комплексного анализа филологического наследия М. Ф. Слинкина и могут быть использованы в курсах по общему языкознанию, истории языкознания, теории языка, лексикографии и др.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию. Стиль изложения отвечает требованиям научного описания, содержание работы соответствует названию. Статья имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Англоязычные метаданные

The interpretation of V. Bryusov's novellas by Chinese critics

Hu Yingnan

Postgraduate student; Department of Russian Language and Literature; Far Eastern Federal University

690922, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, Russian settlement, Ajax 10, sq. 8

✉ 1758239549@qq.com



Abstract. The article is devoted to the interpretation of V. Bryusov's novellas by Chinese critics and the identification of factors influencing their perspectives. The focus of the research is the works of Chinese literary scholars studying V. Bryusov's novellas. The analysis reveals that the initial introduction of V. Bryusov's novellas in China began in the 1920s, influenced by the "May Fourth Movement." However, from the mid-1930s to the late 1980s, the study of V. Bryusov's novellas in China did not progress. Since the early 1990s, Chinese critics have once again turned their attention to V. Bryusov's works, leading to the emergence of numerous new research directions. In light of this, the study of the reception of V. Bryusov's novellas in China is typically divided into two periods: early criticism (1920s–1940s) and contemporary criticism (1990s–present). The aim of this work is to provide a comprehensive overview of the Chinese reception of V. Bryusov's short prose, taking into account changes in the socio-political environment. To achieve this goal, the following research methods are employed: cultural-historical and comparative analysis. The study of V. Bryusov's works in China during different periods exhibited distinct characteristics. In the early stage of reception, Chinese literary criticism was heavily influenced by political and social factors, which was reflected in the critical evaluation of his works. Contemporary Chinese researchers studying V. Bryusov's novellas primarily focus on the poetic principles of symbolism and the dystopian themes in his works. In recent years, new research directions have emerged, such as the analysis of disaster depictions, female consciousness in V. Bryusov's works, and comparative studies. The scientific novelty of this work lies in identifying the Chinese-specific reception of V. Bryusov's literary works based on an analysis of critical and literary studies in Chinese.

Keywords: Zhou Qichao, Mao Dun, dvoeverie, situation tales, dystopia, symbolism, chinese critics, novelistics, Valery Bryusov, russian literature

References (transliterated)

1. Obrashchenie Pravitel'stva RSFSR k kitaiskomu narodu i Pravitel'stvam Yuzhnogo i Severnogo Kitaya. 25 iyulya 1919 g. // Pechat. po arkh. Opubl. v gaz. «Izvestiya» № 188 (740), 26 avgusta 1919 g.
2. Shen' Yan'bin. «Tridtsat' rossiiskikh pisatelei perioda novoi istorii» // Ezhemesyachnik prozy: Issledovaniya russkoi literatury. 1921. Tom. 12. S. 83-110. 沈雁冰. 近代俄国文学家三十人合传 // 小说月报: 俄国文学研究. 1921. 第12卷. 83-110 页.
3. V. Bryusov. Perevod Yu Chzhiu. V zerkale – kommentarii // Ezhemesyachnik prozy. 1930. T.21. № 12. S. 1760-1766. 勃留索夫著. 由稚吾译. 在镜中 // 小说月报. 1930. 第21卷, 第12期. 1760-1766 页.
4. Petukhov S. V., Gorkovenko A. E. Russkaya literatura v informatsionnom prostranstve Kitaya: k voprosu mezhkul'turnogo vzaimodeistviya / S. V. Petukhov, A. E. Gorkovenko // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2013. № 4. S. 170-174.

5. Gao Chzhitsyan. Issledovanie zhurnala Ezhemesyachnik prozy (1921–1931) v literaturnom perevode. Pekin: Pekinskii universitet yazyka i kul'tury, 2007. 96 c. 高志强.《小说月报》(1921–1931) 翻译文学初探[D].北京语言大学, 2007. 96页.
6. Shen' Yui. Kriticheskoe zhizneopisanie V. Bryusova Zhenskii zhurnal. 1931. Tom. 17, № 1. S. 145-149. 沈余. 勃留索夫评传 妇女杂志, 1931(17):145-149.
7. Dubova M. A. Dvoemirie kak printsip miromodelirovaniya v novellistike Valeriya Bryusova / M. A. Dubova, N. A. Larina // Kazanskaya nauka. 2018. № 2. S. 11-13.
8. Khao Tzinbo. Issledovaniya kitaiskikh rasskazov novogo perioda. Pekin: izdatel'stvo San'lyan'. 2016. 316 c. 郝敬波. 中国新时期短篇小说论稿[M]. 北京: 生活·读书·新知三联书店, 2016. 316页.
9. Chzhou Syaoyan'. Obzor vospriyatiya i vliyaniya novoi kriticheskoi teorii // Literaturnaya kritika. 2024. № 4. S. 65-73. 周晓燕. 新批评理论接受与影响评析——基于20世纪中国文学批评转向视角[J]. 文艺评论, 2024,(04):65-73.
10. Chzhou Tsichao. Issledovanie russkoi literatury Serebryanogo veka. Pekin: Izdatel'stvo Pekinskogo universiteta. 2003. 263 s. 周启超. 白银时代俄罗斯文学研究[M]. 北京: 北京大学出版社, 2003. 263页.
11. Chen' Pin"yuan'. Smena povestvovatel'nykh modelei v kitaiskom proze. Pekin: Izdatel'stvo literatury po obshchestvennym naukam. 2010. 352 c. 陈平原. 中国小说叙事模式的转变[M]. 北京: 社会科学文献出版社, 2010. 352页.
12. Fen Guanlyan', Lyu Tszenzhen'. Istorya razvitiya novoi kitaiskoi literatury. Pekin: Zhen'min' ven'syue chuban'she. 1991. 813 c. 冯光廉, 刘增人. 中国新文学发展史[M]. 北京: 人民文学出版社, 1991. 813页.
13. Lu Syuein. Issledovanie rasskazy polozhenii i zhiznennoi fantastiki Chekhova. // Zarubezhnaya literatura. 2006. № 3. S. 93-100+127. 路雪莹. 试论契诃夫的情境小说和生活流小说[J]. 国外文学, 2006,(03):93-100+127.
14. Blok A.A. Valerii Bryusov. Zemnaya os' // Blok A.A. Sobranie sochinenii v devyati tomakh: Tom 5. Ocherki, Stat'i, Rechi. M.: Goslitizdat, 1962.
15. Chzhou Tsichao. Issledovaniya v oblasti russkoi simvolistskoi literatury. Pekin: Izdatel'stvo literatury po obshchestvennym naukam. 1993. 285 c. 周启超. 俄国象征派文学研究[M]. 北京: 社会科学文献出版社, 1993. 285页.
16. Chzhou Tsichao. Retsenziya na «rasskazy polozhenii» simvolistov – iskusstvo khudozhestvennoi literatury poeta Bryusova. // Zarubezhnoe literaturovedenie. 1993. № 1. S.4-9. 周启超. 评象征派的“写情境小说”——诗人勃留索夫的小说艺术[J]. 外国文学研究, 1993(01):4-9.
17. V. Bryusov. Povesti i rasskazy. Sost., vступ. stat'ya i prim. S. S. Grechishkina i A. V. Lavrova. M., 1983, s. 344.
18. Svechnikova, E. V. Dikhotomiya "ratsional'noe-irratsional'noe" v antiutopii / E. V. Svechnikova // Iskusstvo i kul'tura. 2011. № 2(2). S. 114-119.
19. Li Chun'lin'. Respublika Yuzhnogo Kresta: pervyi antiutopicheskii rasskaz XX veka // Akademicheskaya periodika literatury. 2015. № 12. S. 41-45. 李春林.《南方十字架共和国》: 20世纪首篇反乌托邦小说[J]. 文化学刊, 2015, (12):41-45.
20. Li Sin'khua. Razmyshleniya ob otchuzhdenii cheloveka v rannei antiutopicheskoi rasskazakh // Uchenye zapiski Khebeiskogo pedagogicheskogo universiteta (filosofiya obshchestvennye nauki). 2018. № 5. S. 109-113. 黎新华. 早期反乌托邦小说的人性异化问题反思[J]. 河北师范大学学报(哲学社会科学版), 2018, 41(05):109-113.
21. Anufriev, A. E. Futurologicheskie prozreniya V. Bryusova v rasskazakh-antiutopiyakh nachala KhKh veka / A. E. Anufriev // Advanced Science. 2017. № 4(8). S. 46.

22. E Baoi. Issledovanie zhanra antiutopii v forme kitaiskogo utopicheskogo narrativa. Yanchzhou: Yanchzhouskii universitet. 2018. 57 s. 叶宝怡.中国乌托邦叙事的反乌托邦小说研究[D].扬州大学, 2018. 57 页.
23. Sun' Syue. O napisanii katastrofy v proizvedeniyakh V. Bryusova. // Filologiya. 2023. № 1. S. 104-109. 孙雪.论瓦·勃留索夫创作中的灾难书写[J].语文学刊,2023,43(01):104-109.
24. U Tsifan. Tri obshchikh temy v tvorchestve V. Bryusova i F. Dostoevskogo // Russkaya literaturnai iskusstvo. 2023. № 2. S. 126-136. 吴起芳. 勃留索夫与陀思妥耶夫斯基的三重对话[J].俄罗斯文艺,2023(02):126-136.
25. Osipova O.I. Zhanrovye modifikatsii v proze Serebryanogo veka: F. Sologub, V. Bryusov, M. Kuzmin. Moskva: Obrazovatel'noe chastnoe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya "Institut mezhdunarodnogo prava i ekonomiki imeni A.S. Griboedova", 2014. 360 s.
26. Panchenko I. Rasskaz V.Ya. Bryusova «Teper', kogda ya prosnulysa...» (Bryusov i Dostoevskii) // «Bryusovskie chteniya 1986 goda». Izd. Periodika. 1992. C. 228-235.
27. Tszyan Syyui. Issledovanie zhenskogo soznaniya v rasskaze Bryusova «Pod starym mostom» // Tzin' Gu Ven' Chuan, 2023. № 38. S.7-9. 姜思雨. 勃留索夫短篇小说《老桥下》的女性意识解读[J].今古文创,2023(38):7-9.
28. Tsyan' Chzhunshu. Osazhdennaya krepost' : Roman; Rasskazy / Tsyan' Chzhunshu; Perevod s kit. [i vstup. st., s. 5-20] V. Sorokina. Moskva: Khudozh. lit., 1989. 509 s.

Linguistic Personality in the Old English Epic "Beowulf": a study of heroic and social elements

Wuren Gaowa

Senior Lecturer; Department of Russian Language; Xinjiang Normal University
119571, Russia, Moscow, Prospekt Vernadskogo str., 88, sq. 3

✉ 2747981051@qq.com



Abstract. The subject of the study is the system of hero nominations and titles in the Old English epic "Beowulf" as a reflection of the linguistic personality and cultural concepts of Anglo-Saxon society. Special attention is paid to the analysis of an extensive system of nominations for warriors and rulers, reflecting the complex social hierarchy and value orientations of society. The author examines in detail the nominations related to the institution of donation, which allows for a deeper understanding of the social mechanisms and cultural concepts of the era. The research is aimed at identifying the features of the linguistic worldview and the social structure of the Anglo-Saxons through the prism of the nomination system in the epic. This study also seeks to uncover the relationship between the linguistic features of the nominations and their cultural and historical context, which contributes to a deeper understanding of Anglo-Saxon society and its literary traditions. The research methodology includes linguistic, cultural and conceptual analysis, as well as elements of historical and comparative linguistics. A comprehensive approach is applied to the analysis of nominations in terms of reflecting linguistic personality and cultural concepts in them. The main conclusions of the study are the identification of an extensive system of nominations in the epic "Beowulf", reflecting the complex social hierarchy and value orientations of Anglo-Saxon society, as well as the establishment of a link between nominations and the institution of giving. A special contribution of the author is a comprehensive analysis of the nominations of heroes, which made it possible to identify deep connections between linguistic structures

and the socio-cultural realities of Anglo-Saxon society. The novelty of the research lies in the integration of linguistic analysis methods with cultural and historical approaches, which provided a new perspective on the relationship between language, culture and social structure in the context of the Old English epic. The results of the research make a significant contribution to the fields of historical linguistics, cultural studies, literary studies and social anthropology, providing a new perspective on the relationship between language, culture and social structure in the context of the Old English epic. The analysis of the nominations in "Beowulf" revealed the deep connections between linguistic structures and the socio-cultural realities of Anglo-Saxon society.

Keywords: military culture, institution of gift-giving, hero-ruler, hero-warrior, title, Anglo-Saxon society, nomination, Beowulf, Old English epic, language personality

References (transliterated)

1. Sapir, E. Speech as a Personality Trait // American Journal of Sociology. 1927 (32). C. 892-905.
2. Sapir E. Culture, Language and Personality: Selected Essays. London: University of California Press, 1949. 207 c.
3. Vaisgerber I.L. Rodnoi yazyk i formirovanie dukha / Per. s nem., vstup. st. i komment. O.A. Radchenko. Izd. 3-e. M.: Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2009. 232 s.
4. Vinogradov V. V. O khudozhestvennoi proze. M.; L.: Gos. izd-vo, 1930. 186 s.
5. Bogin G.I. Kontseptsiya yazykovoi lichnosti: Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. L., 1982. 36 s.
6. Bogin G.I. Model' yazykovoi lichnosti v ee otnoshenii k raznovidnostyam tekstov: Dis. ... d-ra filol. nauk. L., 1984. 354 s.
7. Guruleva T.L. Sopostavitel'nyi analiz kommunikativnogo povedeniya etnicheskoi yazykovoi lichnosti: parametry i tekhnologiya opisaniya rechevogo portreta // Kul'tura i tsivilizatsiya. 2016. Tom 6. № 6A. S. 326-335.
8. Guruleva T.L. Kitaiskaya yazykovaya lichnost'. Kharakteristika rechevogo portreta i ego sopostavitel'nyi analiz. 2-e izd., el. M.: Izdatel'skii dom VKN, 2020. 162 s.
9. Karasik V.I. Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs. Volgograd: Peremena, 2002. 477 s.
10. Karaulov Yu.N. Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'. Izd. 7-e. M.: Izdatel'stvo LKI, 2010. 264 s.
11. Paderina T.S. Formirovanie professional'noi yazykovoi lichnosti (na primere tekstov po spetsial'nosti «Nauki o Zemle») // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2023. № 11. S. 28-39. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.11.68923 EDN: STJBSX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68923
12. Paderina T. S. Yazykovaya lichnost' v aspekte mezh'yazykovoi nauchnoi kommunikatsii // Vestnik YuUrGU. Seriya: Lingvistika. 2024. № 2. S. 74-79.
13. Sedov K. F. Obshchaya i antootsenticheskaya lingvistika. M.: Izdatel'skii Dom YaSK, 2016. 439 s.
14. Churilina L. N. «Yazykovaya lichnost'» v khudozhestvennom tekste: monografiya. – 2-e izd., stereotip. M.: Flinta: Nauka, 2011. 240 s.
15. 赵爱国.语言个性理论及其研究 // 外语与外语教学. 2003年第12期. 11-14页. Chzhao Aigo. Teoriya yazykovoi lichnosti i ee issledovanie // Inostrannye yazyki i prepodavanie inostrannykh yazykov. 2003. № 12. S. 11-14.

16. Russkii Yazyk. Entsiklopediya: 2-e izdanie / Gl. red. Karaulov Yu.N. M.: Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya; Drofa, 1997. 721 s.
17. Manerko L.A. Kognitivnaya teoriya yazyka: filosofskie osnovaniya i napravleniya issledovanii. M.: Gnozis, 2024. 448 s.
18. Smirnitskii A.I. Drevneangliiskii yazyk. M.: 1998. 317 s.
19. Gogenko V.V. Yazykovaya reprezentatsiya vlasti v anglosaksonskoi lingvokul'ture rannego Srednevekov'ya: dissertatsiya ...kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.04. Volgograd. 2022. 192 s.
20. Mel'nikova E.A. Mech i lira: geroicheskii mir anglo-saksonskogo eposa. Sankt-Peterburg: Nauka, 2018. 334 s.
21. Beowulf: A New Verse Translation (Bilingual Edition). Tr. Seamus Heaney. New York, London: W.W. Norton & Co., 2001. 213 c.
22. Manerko L.A. English Etymology through the History of the British people. Ryazan': Ryaz. gos. ped. un-t im. S. A. Esenina, 1998. 272 s.
23. Smirnitskii A.I. Khrestomatiya po istorii angliiskogo yazyka s VII po XVII v. s grammaticeskimi tablitsami i istoriko-etimologicheskim slovarem: ucheb. posobie dlya stud. filol. i lingv. fak. vyssh. ucheb. zavedenii. 5-e izd., ispr. i dop. M.: Izdatel'skii tsentr «Akademiya», 2008. 304 s.
24. Beovul'f / Per. V. G. Tikhomirova // Beovul'f. Starshaya Edda. Pesn' o Nibelungakh. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1975. S. 27-180, 631-661.
25. Gurevich A.Ya. Bogatstvo i darenie u skandinavov v rannee srednevekov'e. Nekotorye nereshennye problemy sotsial'noi struktury dofeodal'nogo obshchestva. URL: <https://norway-live.ru/library/gurevich-norvezhskoe-obschestvo31.html#bookmark1>
26. Gurevich A.Ya. Na dar zhdut otveta... // Kategorii srednevekovoi kul'tury. URL: <http://svr-lit.ru/svr-lit/gurevich/index.htm>
27. Vishnevskii A.V. Mir i chelovek v drevneangliiskom poeticheskem yazyke i tekste: opyt lingvokul'turologicheskogo analiza. Ivanovo: IvGU, 2013. S. 83-115.

Teaching biomedical terminology using binary texts: linguocognitive and translation aspects

Latishev Krill Igorevich

Student, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, I.M. Sechenov First Moscow State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation (Sechenov University)

105187, Russia, Moscow, Peschanaya str., 8, sq. 22

✉ tyshenro@yandex.ru



Abstract. The purpose of the study is to form language competence as one of the main factors of professional growth of a future specialist. In particular, the research is based on the terminology of the field of biomedical engineering. Therefore, they need to be organized in order to simplify the definition process, to effectively highlight specific meanings and their translations, which in turn will allow scientists to explore certain phenomena and concepts with extraordinary accuracy. The article examines the peculiarities of cognitive and translational aspects of studying English and Russian terminology of biomedical engineering. It is noted that the specialized language of such an interdisciplinary field as biomedical engineering contains concepts that concentrate specific knowledge of technical, medical and topically scientific experience. In cognitive linguistics, concepts are considered in connection

with the background knowledge. The specialized language of biomedical engineering is presented as a cognitive-communicative organization of concepts, notions and related terms in such highly specialized fields as bioinstrumentation, biomedical cybernetics, biomechanics, system physiology, rehabilitation engineering, diagnosis of diseases and disorders, etc. Translators should always take into account the following context criteria in the translation process: linguistic context, situational context and cognitive context. Based on the comparative analysis of binary texts – texts of the same genre and issue – the concept "sleep disturbance" is considered as a certain matrix of the terminological base of the concepts of the specified issue and basis for compiling highly specialized thematic mini-dictionaries. We must find as many unifying characteristics as possible, organizing the terms into conceptually similar groups, linking them with certain research methods, etc.

Keywords: language, text, binary texts, specialized terminology glossaries, translation, term, terminology, specialized language, concept, biomedical engineering

References (transliterated)

1. Obzor sovremennoykh tekhnologii dlya diagnostiki kachestva sna. Biomeditsinskaya inzheneriya i tekhnologiya. 2021. No 6. S. 1-10.
2. Mats'ko L. I. Kul'tura ukrainskogo professional'nogo yazyka: uchebnoe posobie. K.: Akademiya, 2009. 325 s.
3. Prihod'ko A. M. Kontsepty i kontseptosistemy v kognitivno-diskursivnoi paradigme lingvistiki. Zaporozh'e: Prem'er, 2008. 331 s.
4. Fedorenko S., Maslova T. Kognitivnyi podkhod k mezhdisciplinarnomu issledovaniyu terminologii. Advanced Linguistics. 2022. Vyp. 9. S. 43-50.
<https://doi.org/10.20535/2617-5339.2022.9.259836>
5. Fedorenko S. V., Sheremeta K. B. Studirovanie professional'nogo yazyka v lingvodidakticheskem i sobstvenno lingvisticheskem aspektakh. Nauchnye zapiski Natsional'nogo universiteta "Ostrozhskaya akademiya". Seriya "Filologiya". 2021. No 11(79). C. 42-45.
6. Durieux C. Texte, contexte, hypertexte. Cahiers du CIEL 1994-1995. 1994. R. 214-228.
7. Faber P., Leon Arauz P., Prieto Velasco J. A., Reimerink A. Ssylnki na fotografii i slova: opisanie spetsial'nogo kontsepta. International Journal of Lexicography. 2007. No 20. P. 39-65.
8. Langacker R. W. Cognitive Grammar: A basic introduction. Oxford: Oxford University Press, 2008. 584 p.
9. Ibáñez V., Sil'va J., Cauli O. A survey on sleep assessment methods. PeerJ. 2018. Vol. 6. P. 1-26. URL: <https://doi.org/10.7717/peerj.484>

Types and markers of narrative discourse in Galen's Anatomical Writings

Prolygina Irina Viktorovna

PhD in Philology

Head of the Department; Department of Latin Language and Fundamentals of Terminology; Russian University of Medicine

53 Nizhnyaya Peromayskaya str., 395 sq., Moscow, 105203, Russia

 prolygina99@yandex.ru



Abstract. A significant part of the voluminous corpus of texts by Galen (129–210/217 AD) are composed of works written in the genre of narrative prose. In this article, using the material of his anatomical works, in particular, the work "On the bones for beginners", different types of narrative discourse and their linguistic markers are analyzed, such as first-person statements, self-references, transitions from the past tense to the present or future, metadiscursive expressions and appeals to a fictitious interlocutor, expressions of the author's opinion or value judgments, the use of extraclausal components, such as interjections and particles of the ancient Greek language. The results of the study showed that the style of narrative prose by Galen is characterized by features of conversational diaphonic discourse, which implies a continuous dialogue with the reader. Despite the author's distinct style, it is noted that Galen's prose has a number of common features with the works of the sophists of his time who belonged to the circle of the Second Sophistic, such as Lucian or Aelius Aristides, and, on the contrary, differs greatly from the technical prose of his medical contemporaries, for example, from the works of Rufus of Ephesus, Soranus or the authors of the Pseudo-Galenic corpus of texts. Further study of the narrative discourse in Galen's texts opens up broad prospects for the analysis and mapping of his texts, which will allow us to see the intertextual layers of his works that are hidden to this day, as well as to understand the specifics of Greek prose of the imperial period. The article may be useful to philologists, linguists, historians of science and medicine and find application in lecture courses and practical classes on the analytical reading of ancient authors.

Keywords: rhetorical argumentation, intertextuality, metadiscursive expressions, markers of discourse, ancient medical prose, particles and interjections, narrative discourse, anatomical writings, types of discourse, Galen

References (transliterated)

1. Vogt S. Drugs and Pharmacology / R. J. Hankinson (ed.). *The Cambridge Companion to Galen* (pp. 304-22). Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 304-322.
2. Petit C. Galien et le "discours de la méthode": rhétorique(s) médicale(s) à l'époque romaine / J. Coste, D. Jacquart, and J. Pigeaud (eds.). *La rhétorique médicale à travers les siècles: actes du colloque international de Paris, 9 et 10 octobre 2008*. Genève: Droz, 2012. P. 49-75.
3. Nutton, V. (2012). Galen's rhetoric of certainty / J. Coste, D. Jacquart, and J. Pigeaud (eds.). *La rhétorique médicale à travers les siècles: actes du colloque international de Paris, 9 et 10 octobre 2008*. Genève: Droz. P. 39-49.
4. Nutton V. Style and Context in the Method of Healing / R. J. Durling and F. Kudlien (eds.). *Galen's Method of Healing*. Leiden: Brill, 1991. P. 1-25.
5. Nutton V. *Galeni De praecognitione*. Galen. On Prognosis. CMG V 8, 1. Berlin: Akademie-Verlag, 1979.
6. Mattern S. *Galen and the Rhetoric of Healing*. Baltimore: The John Hopkins University Press, 2008.
7. Petit C. *Galien de Pergame ou la rhétorique de la Providence*. Leiden, Boston: Brill, 2018.
8. Prolygina I. V. Traktat Galena «O kostyakh dlya nachinayushchikh» // Hypothekai. Vyp. 5. Uchebnye teksty vAntichnosti. M.: Akvilon, 2021. C. 141-171.
9. Kroon C. *Latin Discourse Particles: A Study of nam, enim, autem, vero and at*. Amsterdam: Brill Academic Pub., 1995.
10. Langslow D. R. *Medical Latin in the Roman Empire*. Oxford: Oxford University Press,

2000.

11. Prolygina I. V. Biobibliograficheskie traktaty Galena Pergamskogo kak proekt unifikatsii meditsinskogo obrazovaniya // Istoriko-filosofskii ezhegodnik 2016. Institut filosofii RAN. M.: Akvilon, 2016. S. 33-49.
12. Boudon-Millot V. Les oeuvres de Galien pour les débutants (De sectis, De pulsibus ad tirones, De ossibus ad tirones, Ad Glauconem de methodo medendi et Ars medica): médecine et pédagogie au IIe siècle après J.-C. // Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt, Band II 37.2. Berlin, New York: W. de Gruyter, 1994. P. 1421-1467.
13. Prolygina I. V. Galen. O poryadke sobstvennykh knig. // Istoriko-filosofskii ezhegodnik 2016. Institut filosofii RAN. M.: Akvilon, 2016. S. 50-68.
14. Prolygina I. V. Galen. De libris propriis. O sobstvennykh knigakh. // Schole. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya traditsiya. T. 11, № 2, 2017. S. 636-677.
15. von Staden H. Author and Authority, Celsus and the Construction of a Scientific Self // Vázquez Buján M.E. (eds.) Tradición e innovación de la medicina latina de la Antigua “edad y de la Alta Edad Media. Actas del IV Coloquio Internacional sobre los “Textos Médicos latinos antiguos”. Santiago de Compostela, 1994. P. 103-117.
16. Denniston J. D. Greek Particles. Oxford: Clarendon Press, 1950.
17. Rijksbaron A. New Approaches to Greek Particles. Amsterdam: J. C. Gieben, 1997.
18. Wakker G. Modal Particles and Differents Points of View in Herodotus and Thucydides / E.J. Bakker (ed.) Grammar as Interpretation. Greek Literature in its Linguistic Context. Leiden, 1997. P. 215-250.
19. Petit C. Greek Particles in Galen’s Oeuvre: Some Case Studies // Scripta Classica Israelica, Vol. XL, 2021. P. 95-123.

Measuring the completeness of consecutive interpretation of military subjects

Gushko Elena Valentinovna

PhD in Philology



Associate Professor; Department of Linguistics and Translation Studies; Moscow State Institute of International Relations (University) of Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Odintsovo Branch

Novo-Sportivnaya str., 3, Odintsovo, Moscow region, 143007, Russia

✉ e.gushko@odin.mgimo.ru

Orlova Valentina Vladimirovna

Teacher; Foreign Language Chair; Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

14 Bolshaya Sadovaya str., Moscow, 125047, Russia

✉ v.orlova.nir@gmail.com



Abstract. The article considers the problem of effective assessment of the quality (completeness) of consecutive interpretation in the field of military translation. The authors emphasize that it is necessary to develop an objective method for assessing the completeness of the translation. Accordingly, such an assessment of translation quality should minimally depend on the human factor and rely more on mathematical (quantitative) methods of quality assessment.

The purpose of this study is to develop a methodology for an objective assessment of the completeness of translated information in oral consecutive military interpretation. The research methodology consists of four stages: 1) analyzing existing methods for assessing the quality of consecutive interpretation; 2) identifying key methods for assessing the completeness of consecutive military interpretation that can provide objective data; 3) identifying metrics for calculating the completeness of consecutive interpretation; 4) conducting test calculations.

The academic novelty of the research consists in the fact that a method is proposed for quantifying the semantic content of an interpretation in comparison with the semantic content of the text of the original utterance by counting propositions in each of the texts and analyzing the results. The quality of interpretation in terms of its completeness is assessed by obtaining data such as the proportion (percentage) of accurately translated information, the proportion of deviations from the original meaning of the utterance, the proportion of distortions of meaning and the proportion of unreasonable additions — meanings not included in the original message, but used in the interpretation text.

The result of the research is a developed method for quantifying the completeness of translated information in consecutive military interpretation, which provides almost exhaustive information about the completeness of the translation and can be used to assess the interpreter's qualifications and translation quality.

Keywords: translation accuracy, consecutive interpretation, proposition, translation completeness, translation assessment methods, military interpretation, military translation, quantitative quality assessment, translation studies, translation equivalence

References (transliterated)

1. Timko N. V. Kul'turologicheskii faktor v perevode: yazykovoi i ekstralinguisticheskii aspekty: Monografiya / N. V. Timko. M.: Izdatel'stvo «Aspekt Press», 2022. 160 s.
2. Mustafaeva A. A. Osobennosti perevoda voennykh tekstov // Molodezh' XXI veka: obrazovanie, nauka, innovatsii : Materialy XI Vserossiiskoi studencheskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezdunarodnym uchastiem. V 4-kh chastyakh, Novosibirsk, 07-09 dekabrya 2022 goda / Pod redaktsiei E.S. Zhuneyoi. Chast' 3. Novosibirsk: Novosibirskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2023. S. 210-212.
3. Tkacheva Yu. G., Cherenkov V. A. Osnovnye trudnosti perevoda tekstov voennoi tematiki // Teoreticheskie i prakticheskie aspekty razvitiya nauki v sovremenном mire : sbornik statei mezdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 18 marta 2024 goda. Sankt-Peterburg: Chastnoe nauchno-obrazovatel'noe uchrezhdenie dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya Gumanitarnyi natsional'nyi issledovatel'skii institut «Natsrazvitie», 2024. S. 34-37.
4. Podgotovka perevodchika: kommunikativnye i didakticheskie aspekty : koll. monografiya / avt. koll.: V. A. Mityagina i dr. ; pod obshch. red. V. A. Mityaginoi. 4-e izd., ster. M.: Flinta, 2017. 304 s.
5. Alikina E. V. Kontseptsiya obucheniya ustnoi perevodcheskoi deyatel'nosti v sisteme vysshego lingvisticheskogo obrazovaniya na osnove integrativnogo podkhoda: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora ped. nauk: 13.00.02 / E. V. Alikina. — Nizhnii Novgorod, 2017. 431 s.
6. Alekseeva E. A. Frantsuzskii opyt podgotovki perevodchikov: perevodcheskii i

- didakticheskii aspekty: Uchebno-metodicheskoe posobie. Voronezh: Nauka-Yunipress, 2017. 108 s.
7. Lee Jieun. Rating Scales for Interpreting Performance Assessment // The Interpreter and Translator Trainer. 2008. 2(2). P. 165-184.
 8. Knyazheva E. A., Pirko E. A. Otsenka kachestva perevoda v rusle metodologii sistemnogo analiza // Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2013. № 1. S. 145-151.
 9. Chen' Ts. Otsenka peredachi klyuchevoi informatsii pri ustnom perevode (na materiale perevoda rechi politicheskogo lidera) // Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki, 2020. № 02. S. 190-194.
 10. Volkova T. A., Kovrova A. S. Kachestvo ustnogo posledovatel'nogo perevoda i parametry iskhodnogo teksta: eksperimental'noe issledovanie i didakticheskii aspekt // Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki, 2021. № 3. S. 139-149.
 11. Al'bukova O. V. Obzor sushchestvuyushchikh podkhodov k probleme otsenki kachestva perevoda // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2016. № 4(58). Ch. 2. C. 65-69.
 12. Glushko E. V. K voprosu o dostizhenii ekvivalentnosti v ustnom perevode s angliiskogo jazyka na russkii (voennaya tematika) // Kontsept. 2016. № S7. URL: <https://e-koncept.ru/2016/76083.htm>.
 13. Galstyan S. A. Kratkovremennaya pamyat' kak klyuchevoi «instrument» uspeshnogo osushchestvleniya ustnogo perevoda // Perevod kak professiya, nauka, tvorchestvo : v 2 t. ; sb. trudov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. 7-9 dekabrya 2022 g. M. : FGBOU VO MGLU, 2023. S. 241-252.
 14. Svetlichnaya E. R. Psichologicheskie aspekty ustnogo posledovatel'nogo dvustoronnego perevoda // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. Section 7. Pedagogy. 2014. №5-6. Vena: Premier Publishing s.r.o. C. 146-149.
 15. Min'yar-Beloruchev R. K. Teoriya i metody perevoda. M.: Moskovskii litsei, 1996. 208 s.
 16. Shelestyuk E. V. Metodika vyavleniya kolichestvennykh pokazatelei istinnosti, informativnosti i informatsionnoi plotnosti tekstov // Sistema jazyka: sinkroniya i diakhroniya: mezhvuz. sb. nauch. st. Ufa: RITs BashGU, 2009. S. 151-156.
 17. Solov'eva N. V. Propozitsiya kak invariant kommunikativnoi paradigmy predlozheniya: Kommunikativnaya lingvistika. 2020. URL: <https://bspu.by/blog/soloviova/article/lection/kommunikativnaya-lingvistika-lekciya-propoziciya-kak-invariant-kommunikativnoj-paradigmy-predlozheniya-ch-1>.
 18. Kravets A. S. Struktura smysla: ot slova k predlozheniyu // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2001. № 1. URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/human/2001/01/Kravec.pdf>.

The specifics of the representation of communication strategies and tactics in the genre of investigative journalism

Egoshkina Violetta Aleksandrovna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Journalism and Media Linguistics; Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education 'Omsk State University named after F.M Dostoevsky'

644077, Russia, Omsk region, Omsk, Mira ave., 55

Abstract. The subject of the study is the pragmamilistic specifics of the genre of investigative journalism, considered on the example of newspaper publications by Yu. Shchekochikhin. The empirical base of the study includes investigative journalism by Yu. Shchekochikhina, united by a common theme, is the emergence and development of organized crime and the mafia in the USSR and post-Soviet Russia, published in Literaturnaya Gazeta: "The lion jumped!", "The Lion jumped: a look from across the ocean", "Under the control of the mafia", "Lion hunting, or shadow fight", "Gurov left... did the lion eat?", "Alien", "Hello, dear mafia", as well as investigations released on the pages of Novaya Gazeta: "Life is good for those who fight the mafia," "Lev jumped into the 21st century. They're already in uniform". The research uses general scientific methods: observation, comparison, description, systematization of empirical material, as well as the methodology of pragmatic text analysis. The relevance and scientific novelty of the research is seen in the fact that at present the genre of investigative journalism is in demand, the true edge format, which is genetically derived from the designated genre, has gained particular popularity. However, the study of the historical context of this genre, its foundations and basic features is important and promising. Moreover, the research of investigative journalism by Yu is not presented in the works of Russian scientists. Yu. Shchekochikhin from the point of view of their detailed pragmamilistic analysis. Most of the works are devoted to the study of the journalistic skills of Yu. Shchekochikhin, although these studies are fragmentary, there are still no fundamental monographic works devoted to the author's journalistic activities. The study revealed genre-forming features of investigative journalism, identified dominant communication strategies and tactics objectified in publications Yu's Shchekochikhina.

Keywords: speech effects, The picture of the world, Media linguistics, media journalism, pragmamilistics, communication tactics, communication strategy, method, genre, investigative journalism

References (transliterated)

1. Tertychnyi A.A. Rassledovatel'skaya zhurnalista: uchebnoe posobie. M.: Aspekt Press, 2002.
2. Kolesnichenko A.V. Osnovy zhurnalistskoi deyatel'nosti. M.: Yurait, 2023.
3. Ullmen Dzh. Zhurnalistskie rassledovaniya: Sovremennye metody i tekhnika. M.: Violanta, 1998.
4. Korkonosenko S.G. Osnovy tvorcheskoi deyatel'nosti zhurnalista. SPb.: Znanie, SPbIVESEP, 2000.
5. Bobkov A.K. Gazetnye zhanry: uchebnoe posobie. Irkutsk: Irukt. un-t, 2005.
6. Voroshilov V.V. Zhurnalistika. Bazovy kur. M.: Izd-vo V.A. Mikhailova, 2006.
7. Stan'ko A.I. Zhurnalistskoe rassledovanie: poiski zhanra // Relga: nauchno-kulturologicheskii zhurnal. 2001. № 20. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://clck.ru/PTqPL> (data obrashcheniya: 15.05.2025).
8. Pushina N.I., Pushin O.M. K voprosu o militarizatsii yazyka // Teoriya i praktika yazykovoi kommunikatsii: Materialy XI Mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii / pod red. T.M. Rogozhnikovo. Ufa: Ufimskii gosudarstvennyi aviationsionnyi tekhnicheskii universitet, 2019. S. 209-216.
9. Volkova A.A. Ponyatiya «kommunikativnaya strategiya», «kommunikativnaya taktika», «kommunikativnyi khod» // Kommunikativnye strategii i taktiki v mediadiskurse. 2011.

10. Vinogradov S.I. Kul'tura russkoi rechi. M.: Infra M, 1999.
11. Issers O.S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi. Omsk: Izd-vo Omskogo gos. un-ta, 1999.
12. Gorchakova N.Yu. Osobennosti televizionnoi rechi kak raznovidnosti ustnoi publichnoi rechi // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost'. 2007. № 2. S. 136-140.
13. Ivlev A.E. Umeniya i navyki publichnoi rechi: soderzhanie ponyatiya, rol' i znachenie dlya sotrudnikov UIS // Ugolovno-ispolnitel'naya sistema Rossii: problemy i perspektivy: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii ad'yunktov, aspirantov, kursantov i studentov. Samara: Samarskii yuridicheskii institut FSIN Rossii, 2014. S. 77-82.

75 Years of Diplomatic Relations Between China and Russia: The Media Matrix of Xinhua News Agency and Coverage Features

Feng Yi

Postgraduate Student; Department of Mass Communications; Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

1 Pokryshkina str., Moscow, 119602, Russia

✉ 1042238041@pfur.ru

Gabelnikov Alexander Anatol'evich

Doctor of History

Professor; Department of Mass Communications; Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Mklukho-Maklaya str., 6, Moscow, 117198, Russia

✉ grabelnikov-aa@rudn.ru



Abstract. This article examines the information strategy of the Xinhua News Agency in the context of the 75th anniversary of the establishment of diplomatic relations between China and Russia, with a particular focus on publication features and the use of a new media matrix. By leveraging its official website as the central platform, along with coordinated interactions on Weibo, WeChat, and Douyin, Xinhua News Agency successfully implements multidimensional content delivery and effectively reaches its target audience, meeting diverse informational demands. The materials highlight the interactions between the leaders of the two countries and the outcomes of strategic cooperation between China and Russia, underscoring the crucial role of bilateral relations on the international stage and their global impact. Additionally, the study considers how Xinhua's engagement with audiences across multiple digital platforms fosters public discourse and strengthens China's strategic communication capacity. Through the application of content analysis, statistical word frequency analysis, and co-occurrence analysis, the article identifies the thematic structure and coverage features, as well as existing challenges within the new media matrix, such as content uniformity, fragmentation, and the need for deeper audience interaction. The study demonstrates that Xinhua News Agency's media matrix effectively counteracts information space fragmentation, enhances content focus, and bolsters the narrative surrounding Sino-Russian relations. However, further improvement requires optimizing platform interactions, refining content integration mechanisms, and incorporating more interactive elements to enhance user engagement. These enhancements will not only deepen coverage but also

enable a multidimensional analytical approach that better aligns with audience preferences in the digital age. This research provides theoretical and practical foundations for leading media outlets to effectively utilize new media matrices in the digital era for the coverage of significant events, reinforcing their role in shaping global information flows.

Keywords: Media platforms, Media discourse, 75th anniversary of diplomatic ties, new media, media matrix strategy, information dissemination strategies, China-Russia relations, Xinhua News Agency, China, Russia

References (transliterated)

1. In' In. Analiz povysheniya effektivnosti rasprostraneniya informatsii mediamatritys cherez mnogoplatformennoe prodvizhenie // *Tsai Se Byan'*. – 2024. – № 11. – S. 133–135.
2. Li Khueimin'. Issledovanie putei i strategii rasprostraneniya informatsii mediamatritys // *Yuzhnoe rasprostranenie*. – 2018. – № 2. – S. 24–26.
3. Lu Yao, Nin' Khailin'. Issledovanie materialov novoi mediamatritys «Zhen'min' Zhibao» po teme pandemii // *Sovremennoe televideenie*. – 2020. – № – S. 20–26.
4. McCombs M. E., Shaw D. L. Funktsiya ustanovleniya povestki v sredstvakh massovoi informatsii // *Public Opinion Quarterly*. – 1972. – T. 36. – № 2. – S. 176–187. DOI: 10.1086/267990.
5. Ministerstvo inostrannykh del KNR. Si Tszin'pin i Vladimir Putin obmenyalis' pozdravitel'nymi telegrammami po sluchayu 75-letiya ustanovleniya dipotnoshenii mezhdu Kitaem i Rossiei [Elektronnyi resurs] // *Ministerstvo inostrannykh del KNR*. – 2024. – URL: https://www.mfa.gov.cn/web/zyxw/202410/t20241002_11502225.shtml (data obrashcheniya: 15.12.2024).
6. QuestMobile. Issledovatel'skii otchet o tsifrovoi mediamatritse i ee effektivnosti v rasprostranenii kontenta [Elektronnyi resurs] // *Sait QuestMobile*. – 2024. – URL: <https://www.questmobile.com.cn/research/report/1868977230085984257> (data obrashcheniya: 15.12.2024).
7. Sin'khua. Informatsionnoe soobshchenie po sluchayu 75-letiya ustanovleniya diplomaticeskikh otnoshenii mezhdu Kitaem i Rossiei [Elektronnyi resurs] // *Sait Sin'khua*. – 2024. – URL: <http://203.192.6.89/xhs/static/e11272/11272.htm> (data obrashcheniya: 15.12.2024).
8. Sun' Yan'tsze. Issledovanie osveshcheniya rossiisko-kitaiskikh otnoshenii v «Zhen'min' Zhibao» (2013–2019): dis. ... kand. filol. nauk. – Khebeiskii universitet, 2020. – DOI: 10.27103/d.cnki.ghebu.2020.001524.
9. Tan' Mei. Kak uluchshit' mediinuyu gramotnost' v usloviyakh novoi mediamatritys // *Yun' Duan'*. – 2024. – № 47. – S. 85–87.
10. Chzhao Tyan'zhui, Lyui Chun'yan'. Analiz diskursa po teme uglerodnoi neitral'nosti Kitaya v koreiskikh SMI na osnove korpusa // *Issledovaniya po inostrannym yazykam Severo-Vostochnoi Azii*. – 2024. – T. 12. – № 4. – S. 34–45.

From black glove to black vinyl: the poetics of the image of the “cursed thing” in Russian prose of the nineteenth and twenty-first centuries.

Associate Professor; Department of Philology, Journalism and Mass Communications; Omsk Humanitarian Academy
Head of the Department of Philology, Journalism and Mass Communications; Omsk Humanitarian Academy

644105, Russia, Omsk, 4th Chelyuskintsev str., 2A, room 300

 ozhereljevc@yandex.ru

Abstract. The subject of research is the historical and literary modification of various images of the "cursed thing" in Russian literature (demonic portrait, black glove, money coupon, occult book-grimoire, videotape, gramophone), starting from the XIX century (the works of Antoni Pogorelsky and N.V. Gogol) and the modern experiments of Russian writers within the framework of numerous subgenres of literary horror (texts by E.N. Uspensky, A.P. Vladimirov and A.G. Ateev). The work is based on literature texts, which determines its local research character and gives the prospect for further study. The methodology of the work is based on the structural-semiotic method in the scientific interpretation of the Moscow-Tartu School, in particular, on the works of Y.M. Lotman and V.N. Toporov. Hermeneutic, motive and intertextual types of analysis are applied. For the comparative analysis of the artistic image the contextual analysis and the method of philosophical-ontological analysis of A.E. Eremeev are used. The scientific novelty of the article is determined by the fact of insufficient study of the phenomenon of "terrible" in the Russian literary tradition, as well as the importance of the image of the "cursed thing" in the ethical and aesthetic perspective of the existence of the artistic concept. According to the author's observations, the images of things and artifacts touched by a curse (generic, external, etc.) in the space of Russian prose of the XIX-XXI centuries are characterized by a certain continuity with Western European culture, and, on the other hand, they acquire a philosophical and symbolic meaning, in which ethical and religious axiology is strengthened.

Keywords: ethical and aesthetic perspective, symbolization, philosophical prose, literary horror, Russian literature, cursed thing, artistic image, poetics of the terrible, artistic anthropology, motif of temptation

References (transliterated)

1. Medvedev Yu.M. Tam les i dol videnii polny... // Russkaya fantasticheskaya proza XIX – nachala XX veka. M.: Pravda, 1989. S. 453–466.
2. Grekov V.N. Predislovie // Russkaya i sovetskaya fantastika (povesti i rasskazy). M.: Pravda, 1989. S. 3–18.
3. Nemzer A.S. «Stoletnaya charovnitsa» (o russkoi romanticheskoi poeme) // Russkaya romanticheskaya poema. M.: Pravda, 1985. S. 3–22.
4. Nemzer A.S. Trinadtsat' tainstvennykh istorii // Russkaya romanticheskaya novella. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1985. S. 3–7.
5. Vse strakhi mira: Horror v literature i iskusstve: sb. statei. SPb.; Tver': Izd-vo Mariny Batasovoi, 2015. 384 s.
6. Lebedeva I.G. Yazykovye sredstva vyrazheniya ponyatiya «uzhas» v proizvedeniyakh N.V. Gogolya i Gi de Mopassana // Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A. Gumanitarnye nauki. 2014. № 2. S. 66–72.
7. Fedotova A.A. Esteticheskaya kategorija «uzhasnoe» v russkoi literature XIX–XXI vekov // Povolzhskii pedagogicheskii vestnik. 2020. T. 8, № 1 (26). S. 109–112.
8. Toporov V.N. Apologiya Plyushkina: veshch' v antropotsentricheskoi perspektive // Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoe. M.:

- «Progress» – «Kul'tura», 1995. S. 7–111.
9. Gogol' N.V. Portret // Sobranie sochinenii: v 6 t. T. 3. Povesti / pod. obshch. red. S.I. Mashinskogo, A.L. Slonimskogo, N.L. Stepanova. M.: Gos. izd-vo khud. lit-ry, 1959. S. 71–127.
 10. Pogorel'skii Antonii. Lafertovskaya Makovnitsa // Russkaya romanticheskaya novella. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1985. S. 8–30.
 11. Bal'zak O. Nevedomyi shedevr // Sobranie sochinenii: v 24 t. T. 19. Chelovecheskaya komediya. Filosofskie etyudy / pod. red. O.S. Lozovetskogo, M.N. Chernevich, N.Ya. Rykovoi. M.: Pravda; B-ka «Ogonek», 1960. S. 75–103.
 12. Sidel'nikova M.L. Motiv «ozhivshego» izobrazheniya v khudozhestvennom mire A.K. Tolstogo: neklassicheskoe soderzhanie klassicheskoi formy // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 10. S. 103–106.
 13. Lotman Yu.M. «Pikovaya dama» i tema kart i kartochni igry v russkoi literature nachala XIX veka // Pushkin: Biografiya pisatelya; Stat'i i zametki, 1960–1990; «Evgenii Onegin»: Kommentarii. SPb.: Iskusstvo-SPB, 1995. S. 786–814.
 14. Golovin E.V. Zhan Re: Poisk chernoi metafory // Zhan Re. Tochnaya formula koshmara / per. s fr. A.V. Khoreva, E.V. Golovina. M.: Yazyki russkoi kul'tury, 2000. S. 489–509.
 15. Buslaev F.I. Zamechatel'noe skhodstvo Pskovskogo predaniya o gore Sudome s odnim epizodom Servantesova «Don-Kikhota» // O literature: Issledovaniya; Stat'i / sost., vступ. stat'ya, primech. E.L. Afanas'eva. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1990. S. 126–131.
 16. Uspenskii E.N., Usachev A.A. Zhutkii detskii fol'klor. M.: ROSMEN, 1998. 92 s.
 17. Bibliya: knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta. M.: Rossiiskoe Bibleiskoe Obshchestvo, 2000. 1338 s.
 18. Ozherel'ev K.A. «Ogon'ki bolotnye goreli»: evolyutsiya obraza «bluzhdayushchikh ognei» v russkoi literature XIX–XX vv. (ot poetiki «strashnogo» do simvolizatsii) // Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya. 2024. T 18, № 3. S. 24–36.
 19. Eremeev A.E. Russkaya filosofskaya proza (1820–1830-e gg.) / pod red. A.S. Yanushkevicha. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1989. 188 s.
 20. Vol'skii N.N., Moiseev P.A. Russkie predshestvenniki Edgara Po // Voprosy literature. 2012. № 6. C. 262–277.

Reception of the musical beginning of Federico Garcia Lorca's drama "The Blood Wedding" in Russian translations

Sitnikova Inna

Senior Lecturer; Department of Romano-Germanic Philology at the Oriental Institute-School of Regional and International Studies; Far Eastern Federal University
52 Balyaeva str., 65 block, Vladivostok, Primorsky Krai, 690087, Russia

 agur77@mail.ru



Abstract. The subject of the study is the perception of the musical beginning of Federico Garcia Lorca's play "The Bloody Wedding" (1933) in Russian translations. The object of the study was the text of the original play in Spanish and two of its translations into Russian (A.V. Fevralsky, F. V. Kelin and N. R. Malinovskaya and A.M. Geleskula). The article examines the features of the poetics of the play, its musicality, and the features of flamenco style. The points of view of researchers regarding the musicality of an artistic work and the connection of

Garcia Lorca's work with folk and classical music are given. Special attention is paid to the perception of the musical principle based on the flamenco style, its significance in the play and its re-creation in translation into Russian. During the research, the method of structural and motivic analysis was used to identify the features of the play's structure and its main motives. The use of the comparative method made it possible to identify the stylistic features of cante hondo, flamenco, and Spanish folk songs in the original and translations. The main conclusions of the study are to identify the peculiarities of perception and reconstruction of the rhythmic organization of the text in the Russian translations by A. V. Fevralsky, F. V. Kelin (1939), N. R. Malinovskaya, A.M. Geleskula (2000). It is noted that all the structural components of the drama are connected by a general mood of anxiety and increasing tension, similar to that carried by the folk art of flamenco. Despite the transformations, the change of rhythm and tonality, the translators certainly perceived and recreated the musical beginning of the play and its folklore basis, thanks to which the Russian "Bloody Wedding" retains its expressiveness and vivid Spanish flavor. The novelty of the research lies in the fact that for the first time an attempt was made to conduct a comparative analysis of the original and translations of Garcia Lorca's play "The Bloody Wedding" in order to identify the peculiarities of the perception of the musical principle in Russian translations in connection with the problem of reception of the poetics of Lorca's dramaturgy and the realization of the author's idea.

Keywords: cante jondo, flamenco, Blood Wedding, theatre, synthesis of arts, Garcia Lorca, musicality, rhythm, sigiriya, translation perception

References (transliterated)

1. Zhitenev A. A. Muzykal'nyi ekfrasis i muzykal'nyi kod v proze N. Kononova // Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psichologiya. 2018. № 4. S. 64-75.
2. Kolyadenko N. P. Muzykal'nost' khudozhestvennoi literatury: sinesteticheskii aspekt // Idei i idealy. 2012. № 2. S. 142-149.
3. Rimondi Dzh. O roli muzykal'nogo ekfrasisa v povedi A. F. Loseva "Trio Chaikovskogo" // Studia Litterarum. 2020. № 1. S. 22-41.
4. Olitskaya D. A. Perevod dramy: spetsifika, problemy, podkhody // Traditsii i innovatsii v filologii XXI veka: vzglyad molodykh uchenykh: materialy Vserossiiskoi molodezhnoi konferentsii, 23-25 avgusta 2012 g. Tomsk, 2012. S. 410-411.
5. Smetanina N. A. Muzykal'nost' p'es Edvarda Olbi (na primere p'esy «Tri vysokie zhenshchiny») // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2023. № 7. C. 2097-2103.
6. Tarshis N. A. Muzyka dramaticeskogo spektaklya. SPb.: Izdatel'stvo SPbGATI, 2010.
7. Garsia Lorka F. Samaya pechal'naya radost': perevod s isp. / Sost., avtor predisl. i komment. N. R. Malinovskaya. M.: Progress, 1987.
8. Visente Yagüe Jara M.I. Federico García Lorca a través de la música. Selección y análisis didáctico de un repertorio musical con hipotexto teatral / Bellaterra Journal of Teaching & Learning of Language Literature. 2019. Vol. 12(4), Nov-Dic. Pp. 81-101. DOI: <https://doi.org/10.5565/rev/jtl3.831>
9. Guarnido Kh. M. Federiko Garsia Lorka v vospominaniyah sovremennikov. M.: Terra, 1997.
10. Kube Tamayo L. Tradición y flamenco: la música ideada por Lorca para "Bodas de Sangre" // La nueva alboreá. Revista de la Junta de Andalucía. 2018. Pp. 44-51.

11. Bensussan A. Garsiya Lorka. M.: Molodaya gvardiya, 2014.
12. Fevral'skii A. V. Dramaturgiya Federiko Garsia Lorki // «Krovavaya svad'ba». M.: Iskusstvo, 1939.
13. Kalashnikova E. Po-russki s lyubov'yu: Besedy s perevodchikami. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008.
14. Malinovskaya N. R. Samaya pechal'naya radost' // Tema s variatsiyami. M.: Tsentr knigi Rudomino, 2014.
15. García Lorca F. Bodas de Sangre. Edición Brontes. Barcelona: Olmak Trade S.L., 2017.
16. Garsia Lorka F. Izbrannye proizvedeniya. V 2-kh t. T. 2. Stikhi, teatr, proza: Per. s isp. / Redkol. A. Minin, L. Ospovat, G. Stepanov i dr.; Sost. i primech. L. Ospovata. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1986.
17. Garsia Lorka F. Krovavaya svad'ba: p'esy / Federiko Garsia Lorka; perevod s испанского; составление и комментарий Н. Малиновской. M.: Tekst, 2020.
18. Silyunas V. Yu. Federiko Garsia Lorka. Drama Poeta. M.: Nauka, 1989.

Means of Creating Humorous Effects in Internet Memes

Dai Jingyi

postgraduate student; Department of 'Russian language. Languages of the Peoples of Russia'; St. Petersburg State University

199058, Russia, city, Saint Petersburg, Morskaya nab., 37, sq. 1

✉ st084506@student.spbu.ru



Abstract. The subject of the research is the means of creating a humorous effect in internet memes. The object of the research is Russian-language internet memes circulating in the Russian segment of the internet space. Particular attention is paid to the polycodality and multimodality of memes, which determine the interaction of various sign systems and the formation of multi-layered comic meanings. The study examines various rhetorical and stylistic means of creating a humorous effect in internet memes, such as puns, occasionalisms, metaphor, allegory, hyperbole, personification, antithesis, and the effect of violated expectations. Intertextual connections, cultural codes, and playful elements that provide variable models of humor perception are also considered. The methodology of the research is based on rhetorical-stylistic and linguo-semiotic analysis. Methods of multimodal and discourse analysis are used to identify the interaction of textual and visual components in the polycode constructions of internet memes. The scientific novelty of the research lies in the study of the internet meme as a polycode text in internet discourse, combining verbal and visual components to create a multi-layered humorous effect. It has been revealed that the key characteristic of memes is intertextuality, manifested through the use of recognizable textual and visual templates. The polycodality of internet memes determines the multimodality of rhetorical and stylistic means of creating humor, including lexico-semantic techniques, visual tropes, and expressive figures. Visual means form figurative comparisons and associative connections, enhancing comic perception, while expressive techniques organize the comic structure of the statement, emphasize semantic contrasts, and create paradoxical situations. The leading means of creating humor in internet memes is multimodal metaphor. Thus, internet memes represent a powerful tool of humorous internet communication, combining irony, satire, and absurdity.

Keywords: stylistic devices, tropes, irony, multimodality, polycodality, comic effect, humor,

internet meme, intertextuality, rhetorical-stylistic strategies

References (transliterated)

1. Abramovskikh E. V. Effekt «obmanutogo chitatel'skogo ozhidaniya» v narrativnoi strukture povedi L. Ulitskoi «Skvoznaya liniya» // Novyi filologicheskii vestnik. 2013. № 4(27). S. 104–118.
2. Aleksandrova E. M. Kreolizovannyi mem kak novaya forma bytovaniya yazykovykh anekdotov // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2017. № 8(74). S. 65–69.
3. Akhmanova O. S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. Izd. 3-e, stereotipnoe. M.: KomKniga, 2005. 576 s.
4. Emel'yanova O. N. Giperbola // Kul'tura russkoi rechi: Entsiklopedicheskii slovar'-spravochnik / pod red. L. Yu. Ivanova, A. P. Skovorodnikova, E. N. Shiryaeva i dr. M.: Flinta, Nauka, 2003. S. 132–133.
5. Zherebilo T. V. Slovar' lingvisticheskikh terminov: Izd. 5-e, ispr. i dop. Nazran': Izd-vo «Piligrim», 2010. [Elektronnyi resurs]. URL: https://lingistics_dictionary.academic.ru/1379 (data obrashcheniya: 15.01.2025).
6. Zhilevich O. F. Rol' allegorii v filosofii i literature postmodernizma // Vestnik Polesskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya obshchestvennykh i gumanitarnykh nauk. 2023. № 1. S. 82–87.
7. Kanashina S. V. Semanticheskie osobennosti internet-mema kak polimodal'nogo diskursa // Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki. 2018. Vyp. 16 (811). S. 74–80.
8. Kanashina S. V. Internet-mem i humor // Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki i yazykoznanija. 2022. T. 41, № 2. S. 317–328.
9. Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafory, kotorymi my zhivem / per. s angl.; pod red. i s predisl. A. N. Baranova. M.: Editorial URSS, 2004. 256 s.
10. Leont'eva T. I. Sposoby sozdaniya effekta obmanutogo ozhidaniya v literaturnom proizvedenii // Trudy Dal'nevostochnogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. 2007. № 146. S. 91–94.
11. Sirenko T. S. Stilisticheskii aspekt allyuzii // Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2015. № 1. S. 364–366.
12. Terent'eva E. V., Pavlova E. B. Semioticheskaya organizatsiya russkoyazychnykh ekologicheskikh internet-memov // Nauchnyi dialog. 2023. T. 12, № 9. S. 184–206.
13. Fateeva N. A. Intertekst v mire tekstov. SPb.: KomKniga, 2007. 282 s.
14. Sheremetova V. S. Internet-mem kak lingvisticheskii fenomen // Nauchnoe soobshchestvo studentov. 2015. S. 97–101.
15. Shestakov V. P., Ignat'eva I. K., Khomyakov M. B., Simonov A. I. Allegoriya // Gumanitarnyi portal: kontsepty [Elektronnyi resurs]. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7325> (data obrashcheniya: 08.01.2025).
16. Shchurina Yu. V., Shelopugina N. A. Internet-mem: problema semioticheskogo statusa // Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Chita: Zabaikal'skii gosudarstvennyi universitet, 2018. S. 157–162.
17. Shchurina Yu. V. Internet-memy v strukture komicheskikh rechevykh zhanrov // Zhanry rechi. 2014. № 8(2). S. 147–153.
18. Frye N. Northrop Frye On Twentieth-Century Literature / ed. Glen Robert Gill. University of Toronto Press, 2010. Vol. 29. 464 p.

Bioessential Deterministic paradigm: Expanding Anthropocentrism

Ufimtsev Aleksandr Eugenevich 

independent researcher

660122, Russia, Krasnoyarsk Territory, Krasnoyarsk, Transit str., 48, sq. 32

 ufimtzev@inbox.ru

Smirnova Marina Mikhailovna 

independent researcher

668312, Russia, Republic of Tyva, Mezhegey village, Lenin St., 69, sq. 1

 knyam2020@mail.ru

Abstract. This article continues the research published in the journal Philosophical Thought No. 9 and 10 (2024) and No. 1 (2025). The purpose of the article is to substantiate the bioessential deterministic paradigm in linguistics as an anthropocentric one in a broad sense. The subject of the research is the bioessential deterministic paradigm, understood as anthropocentric in a broad sense. The relevance of the article is due to the adoption of the Declaration on Animal Consciousness. In April 2024, the New York Declaration on Animal Consciousness was adopted by the scientific community. This declaration asserts the existence of consciousness of animals. Since consciousness, mind, thinking and language are interconnected, the authors suggest talking about the language of animals. The authors believe that all living things have the language ability and are bioessentially determined. The anthropocentric paradigm studies language from the standpoint of a native speaker. In previous articles, the system-structural and bioessential-deterministic meta-paradigms were described in a transdisciplinary aspect. In this article, the authors describe the bioessential deterministic paradigm in a single discipline - linguistics. In linguistics, the system-structural and anthropocentric paradigms are traditionally distinguished. It is traditionally considered that systemic structuralism studies language as a system of signs, while anthropocentrism studies language taking into account the human factor. The authors propose to expand the understanding of anthropocentrism. The terms bioessential deterministic paradigm and bioessential determinism are introduced. The bioessential deterministic paradigm is understood as an anthropocentric paradigm in a broad sense. Bioessential determinism is understood as being conditioned by the essence of life; the essence is conditioned by life. Bioessential determinism presupposes the study of the language of any living being, whereas anthropocentrism presupposes the study of human language only. Thus, anthropocentrism is a special case of bioessential determinism. Language as a system is a legacy of systemic structuralism. According to the authors, the bioessential deterministic paradigm is what makes linguistics psycholinguistics.

Keywords: mind, language, the language of animals, Declaration of consciousness, bioessentialism, the system-structural paradigm, bioessential deterministic paradigm, bioessential determinism, the anthropocentric paradigm, anthropocentrism

References (transliterated)

1. <https://ria.ru/20240425/anokhin-1942314116.html> (data obrashcheniya: 31.12.2024)
2. Sepir E. Izbrannye trudy po yazykoznaniiu i kul'turologii. M.: Progress, 1993. 656 s.

- (Filologi mira). ISBN 5-01-002079-3.
3. Alpatov V.M. Ob antropotsentrlichnom i sistemotsentrlichnom podkhodakh k yazyku // Voprosy yazykoznanija. 1993. № 3. S. 15-26.
 4. Alpatov V. M. Dva podkhoda k izucheniyu yazyka // Istorya i sovremennoe. 2016. № 1 (23). S. 198-220. EDN WAYDFZ.
 5. Voloshinov, V. N. (M. M. Bakhtin). Marksizm i filosofiya yazyka: Osnovnye problemy sotsiologicheskogo metoda v nauke o yazyke. Kommentarii V. Makhlina. M.: Labirint. 1993. 194 s.
 6. Pyataeva N. V. Antropotsentricheskii printsip sovremennoj yazykoznanija i ponyatie kartiny mira // Filologicheskii klass. 2004. № 12. S. 47-54. EDN PEYWSL.
 7. Katermina V. V. Chelovecheskii faktor v yazyke // Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie. 2015. № 2. S. 222-232. EDN UUXESJ.
 8. Maslova V. A. Osnovnye tendentsii i printsipy sovremennoi lingvistiki // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Russkii i inostrannye yazyki i metodika ikh prepodavaniya. 2018. T. 16, № 2. S. 172-190. doi 10.22363/2313-2264-2018-16-2-172-190. EDN UOQEXN.
 9. Bugorskaya N. V. Antropotsentrizm kak kategoriya sovremennoj yazykoznanija // Voprosy psikholingvistiki. 2004. № 2. S. 18-25. EDN LAUJPJ.
 10. Reznikova Zh. I., Ryabko B. Ya. Eksperimental'noe dokazatel'stvo ispol'zovaniya chislitel'nykh v yazyke murav'ev // Problemy peredachi informatsii. 1988. T. 24, № 4. S. 97-101. EDN NSZSLW.
 11. Reznikova Zh. I. Analiz sovremennykh metodologicheskikh podkhodov k izucheniyu yazyka zhivotnykh // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psichologiya. 2007. T. 1, № 2. S. 3-22. EDN IIXNOX.
 12. Reznikova Zh. I. Yazyk murav'ev do otkrytiya dovedet // Nauka iz pervykh ruk. 2008. № 4(22). S. 68-75. EDN ILUHJS.
 13. Reznikova Zh. I., Dorosheva E.A. Dumayut li zhivotnye? Novye vozmozhnosti issledovanii, predstavlyaemye neirofiziologiei // Reflexio. 2018. T. 11, № 2. S. 134-148. EDN YUHTNJ.
 14. Tautts Yu. Chto pchely znayut o tsvetakh / Yu. Tautts // Nauka iz pervykh ruk. 2008. № 4(22). S. 52-67. EDN JKFFHN.
 15. Ryabov V. A. Razgovornyi yazyk del'fina // Morskie mlekopitayushchie Golarktiki: Sbornik nauchnykh trudov po materialam VII mezhdunarodnoi konferentsii, Suzdal', 24-28 sentyabrya 2012 goda. Tom 2. Suzdal': ROO "Sovet po morskim mlekopitayushchim", 2012. S. 198-204. EDN GIPAXQ.
 16. Obozova T. A., Smirnova A.A., Zorina Z.A. Myshlenie ptits: ponimayut li popugai, o chem oni govoryat? // Priroda. 2018. № 10(1238). S. 46-57. DOI: 10.31857/S0032874X0001452-6. EDN VCEXMI.
 17. Samuleeva M. V., Smirnova A.A. Issledovanie protsessa usvoeniya znakov u serykh voron // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Biologiya i ekologiya. 2019. № 1(53). S. 203-217. DOI: 10.26456/vtbiol61. EDN ZBMDUT.
 18. Zorina Z. A., Smirnova A.A. Sovremennye predstavleniya o kognitivnykh sposobnostyakh vranovykh ptits Corvidae // Russkii ornitologicheskii zhurnal. 2019. T. 28, № 1747. S. 1325-1330. EDN YYKTRJ.
 19. Zorina Z. A., Obozova T.A., Smirnova A.A. Vysshie kognitivnye sposobnosti ptits: sravnitel'no-evolyutsionnyi analiz // Zhurnal vysshei nervnoi deyatelnosti im. I.P. Pavlova. 2021. T. 71, № 3. S. 321-341. DOI 10.31857/S004446772103014X. EDN

СТРОАБ.

20. Pavlov I. P. Polnoe sobranie sochinenii. Tom 3. Kniga 2. M.-L.: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1951. 435 s.
21. Bulychev I. I. K voprosu ob ontologicheskoi strukture soznaniya // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 1997. № 2(6). S. 26-31. EDN NUVTYR.
22. Slavutin E. I., Pimonov V. I. Problema proiskhozhdeniya yazyka v filosofsko-semioticheskikh aspektakh // Vestnik MGPU. Seriya: Filosofskie nauki. 2014. № 2(10). S. 46-55. EDN SIYDTR.
23. Khomskii N. Izbrannoe / Noam Chomskii; per. s angl. Sergei Aleksandrovskii, Vadim Glushakov. M.: Entsiklopediya-ru, 2016. 720 s.
24. Emel'yanov V. V. Razvitie golosa. Koordinatsiya i trening : uchebnoe posobie / 9-e izd., ster. Sankt-Peterburg: Lan': PLANETA MUZYKI, 2020. 168 s.
25. Chernigovskaya T. V. Mozg i yazyk: vrozhdennye moduli ili obuchayushchayasya set'? // Vestnik Rossiiskoi akademii nauk. 2010. T. 80, № 5-6. S. 461-465. EDN MSQZRL

The author's meta-reflection in the novel by Matvey Komarov "Vanka Cain"

Deikun Ilia Dmitrievich

Independent researcher

Office 405, Musskaya pl., 6, Moscow, 125047, Russia

 iliariy@mail.ru



Abstract. The subject of the study is the author's metafictional discourse, expressed in a complex of discursive elements, having a different genre and functional nature. In Matvey Komarov's novel *Vanka Cain*, metaleflexion is a complex that includes metalepsis, digressions, generalizations, glosses, but also elements of paratext, for example, "Forewarning" and metatext, for example, footnotes. All these elements are in a unique configuration, form a single system of the author's discourse, and reflect the general metaethics of the work. Therefore, analyzing them as a system, we do not separate individual elements, but two of their complexes reflecting the key opposition of the metaethics of the work: metafictional commentary and metanarrative commentary. The first one thematizes the work of fiction and fantasy. The second focuses on the reflection of literary and rhetorical forms. In Komarov's novel, they have their own specifics, peculiar to the rhetorical consciousness, modified by the folk tradition of popular literature. In the study, we use the teleological approach developed in Russian philology by A. Skaftym, in which the emphasis is placed on the total importance of all elements of the work. Also, following Yu. Chumakov, we include the author's notes in the text of the work. Based on postclassical German narratology, we separate the metafictional and metanarrative author's comments. The novelty of the research lies in the consideration of the author's metaethics in the early work of Matvey Komarov. In the analytical allocation of its explicit, verbalized form by the author, in the commentary, which had not previously been the subject of research. This required a methodologically innovative combination of the perspectives of the immanent analysis of a literary work and the narratological analysis of an author's work, during which it became possible to distinguish two, metanarrative and metafictional, systems of author's judgments in the text. At the same time, due to the specifics of the subject, the identification of the

features of Matvey Komarov's literary consciousness became particularly valuable research results. His conceptualization of literature as a quality of form, the rhetorical perception of fiction as a technique. And, on the contrary, relying on evidence and experience in the design of history, understanding its nature as a reflection of reality, an emblematic vision of it as a fragment having didactic value.

Keywords: The novel of the XVIII century, Matvey Komarov, Metanarrative comment, metafictional commentary, Authorial commentary, Metareflexion, Metapoetics, The author's voice, Narratology, Authorial intrusions

References (transliterated)

1. Fludernick M. (2003) Metanarrative and metafictional commentary: From metadiscursivity to metanarration and metafiction. *Poetica* 35.1–2. (pp. 1-39).
2. Tyun'kin K.I. Kommentarii // Kratkaya literaturnaya entsiklopediya: V 9-ti t. M., 1966. T. 3.
3. Chumakov Yu.N. Sostav khudozhestvennogo teksta «Evgeniya Onegina» // Pushkin i ego sovremenniki. Pskov: Vekolukskaya gorodskaya tipografiya, 1970. S. 20-33.
4. Kalashnikova O.L. «O sei rod sochinenii plenitelen»: o russkoi proze XVIII veka. Dnepropetrovsk: Novaya ideologiya, 2013. S. 344.
5. Zuseva-Ozkan V.B. Istoricheskaya poetika metaromana. Moskva: Intrada, 2014. S. 488.
6. Genette Gérard. Palimpsestes. Literature in the Second Degree. Lincoln-London: University of Nebraska Press, 1997.
7. Tyupa V.I. Logos narrativnosti // Tezaurus istoricheskoi narratologii. Moskva: Editus, 2022. S. 18-22.
8. Mikhailov A.V. Yazyki kul'tury. Uchebnoe posobie po kul'turologii. Moskva: «Yazyki russkoi kul'tury», 1997. S. 912.
9. Averintsev S.S. Ritorika i istoki evropeiskoi literaturnoi traditsii. Moskva: Shkola. Yazyki russkoi kul'tury, 1996. – 448 s.
10. Shtain K.E., Petrenko D.I. Russkaya metapoetika. Uchebnyi slovar'. Stavropol': Izdatel'stvo Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta, 2006. S. 601.
11. Nikolaev N.I., Khramtsova M.V. Marginal'nyi mir i geroi v russkoi literature XVIII veka // Diskussiya. 2014. № 2. S. 138-142.
12. Klein I. Puti kul'turnogo importa: Trudy po russkoi literature XVIII veka. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2005. – 576 s.
13. Pletneva A.A. Lubochnaya bibliya. Yazyk i tekst. Moskva: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2013. S. 392.
14. Komarov Matvei. Van'ka Kain. Milord Georg Moskva: Nauchno-izdatel'skii tsentr «LADOMIR», «Nauka», 2019. S. 440.
15. Reitblat A.I. Glup li «Glupyi milord»? // Lubochnaya kniga. Moskva: Khudozhestvennaya literatura, 1990. S. 5-21.
16. Lakhmann R. Demontazh Krasnorechiya. Ritoricheskaya traditsiya i ponyatie poeticheskogo. Sankt-Peterburg: Akademicheskii proekt, 2001. S. 368.
17. Griftsov B.A. Teoriya romana. Moskva: GAKhN, 1927. S. 153.
18. Tyupa V.I. Analiz khudozhestvennogo teksta. Moskva: Izdatel'skii tsentr «Akademiya», 2009. S. 336.
19. Shmid V. Narratologiya. Moskva: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2003. S. 312.

20. Averintsev S.S. Rodnyanskaya I.B. Avtor // Kratkaya literaturnaya entsiklopediya: V 9-ti t. M., 1978. T. 9.
21. Il'in I.P. Postmodernizm. Slovar' terminov. Moskva: INION RAN (otdel literaturovedeniya) – INTRADA, 2001. S. 424.
22. Skaftymov A.P. Nrvastvennye iskaniya russkikh pisatelei. Moskva: Khudozhestvennaya literatura, 1972. C. 547.
23. Kuz'mina N. A. Poetika avtorskikh kommentariev k stikhotvornomu tekstu: materialy k istorii zhancha. Stat'ya 1 // Vestnik OmGU. 2009. № 3. S. 170-180.
24. Orlitskii Yu.B. Zaglavie // Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatii. Moskva: Izdatel'stvo Kulaginoi; Intrada, 2008. C. 73-74.
25. Rak V.D. Dve povesti Matveya Komarova, «zhitelya goroda Moskvy». // Komarov Matvei. Van'ka Kain. Milord Georg Moskva: Nauchno-izdatel'skii tsentr «LADOMIR», «Nauka», 2019. S. 349-369.
26. Zhenett. Zh. Figury III. Moskva: Izdatel'stvo imeni Sabashnikovykh, 1998. S. 472.
27. Nunning A. On Metannarrative. Towards a Definition, a Typology and an Outline of Functions of Metanarrative Commentary // The Dynamics of Narrative Form: Studies in Anglo-American Narratology. Berlin and New York: Walter de Gruyter, 2005. Pp. 11-59.
28. Zuseva-Ozkan V.B. Auktorial'noe povestvovanie v proze A.A. Bestuzheva-Marlinskogo v svete istoricheskoi narratologii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, № 485. S. 24-34.
29. Tortarolo E. Obshchestvennoe mnenie // Mir Prosveshcheniya. Istoricheskii slovar'. Moskva: Pamyatniki istoricheskoi mysli, 2003. S. 286-295.
30. Braginskaya N.V. Kommentarii kak mekhanizm innovatsii v traditsionnoi kul'ture i ne tol'ko // Kul'tura interpretatsii do nachala Novogo vremeni. Moskva: Izdatel'skii dom GU-VShE, 2009. S. 19-66.

Historical Features of Spanish Language Development on Mexico's Yucatan Peninsula

Shakhnazaryan Vladimir Mikhailovich □

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Romano-Germanic Languages; Bauman Moscow State Technical University
(National Research University)

2/18 Rubtsovskaya Embankment, Moscow, 105082, Russia

✉ vlad_shakhov@mail.ru

Abstract. This article examines the historical development of the Spanish language on Mexico's Yucatan Peninsula, where centuries of contact with Yucatec Maya have shaped a distinct regional dialect. The study spans four key phases: pre-colonial, colonial, post-colonial, and contemporary, revealing the dynamics of linguistic synthesis, resistance, and adaptation. During the pre-colonial era (pre-16th century), Yucatan was a center of Maya civilization, with the Yucatec dialect, hieroglyphic writing, and complex socio-religious systems laying the groundwork for subsequent language contact. The colonial period (16th–18th centuries) saw the domination of Spanish through administrative and religious institutions. However, missionaries such as Diego de Landa documented Maya, preserving elements of its lexicon and phonetics. Linguistic synthesis manifested in loanwords, substrate influences on pronunciation and syntax, and covert bilingualism, where Maya persisted in private and ritual contexts. The post-colonial phase (19th–20th centuries) was marked by tensions between language

unification policies and Indigenous resistance, particularly during the Caste War (1847–1901). The henequen boom reinforced social stratification, linking Spanish to urban elites and Maya to rural laborers. In the 20th century, educational reforms and the stigmatization of Indigenous languages were counterbalanced by cultural revival and bilingual initiatives. The contemporary era (21st century) is characterized by asymmetric bilingualism: while 30% of the population speaks Maya, its use among youth is declining. Globalization and tourism introduce Anglicisms, yet digital platforms and legal reforms promote revitalization. Unique features of Yucatan Spanish, such as glottal stops, pronoun duplication, and culturally rooted lexicon, endure as markers of regional identity.

The article concludes that the future of Yucatan's linguistic landscape hinges on balancing educational programs, digital inclusion, and cultural preservation. This research contributes to the study of language contact and the challenges of sustaining minority languages in a globalized world.

Keywords: loanwords, bilingualism, indigenous languages, Yucatecan Spanish, Mexican Spanish, Spanish language, Mayan language, contact linguistics, history of Spanish, linguistic situation in Yucatan

References (transliterated)

1. Restall, M. *The Maya World: Yucatec Culture and Society, 1550–1850*. Stanford: Stanford University Press, 1997.
2. Bricker, V. R. *The Indian Christ, the Indian King: The Historical Substrate of Maya Myth and Ritual*. Austin: University of Texas Press, 1981.
3. Freidel, D., Schele, L., & Parker, J. *Maya Cosmos: Three Thousand Years on the Shaman's Path*. New York: William Morrow, 1993.
4. Cook, S. F., & Borah, W. *Essays in Population History: Mexico and the Caribbean*. Berkeley: University of California Press, 1971.
5. Clendinnen, I. *Ambivalent Conquests: Maya and Spaniard in Yucatan, 1517–1570*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
6. Hanks, W. F. *Referential Practice: Language and Lived Space among the Maya*. Chicago: University of Chicago Press, 1990.
7. Landa, D. de. *Relación de las cosas de Yucatán*. Ed. A. M. Tozzer. Cambridge: Peabody Museum, 1941.
8. García Bernal, M. C. *La sociedad de Yucatán, 1700–1750*. Sevilla: CSIC, 1972.
9. Farriss, N. M. *Maya Society Under Colonial Rule*. Princeton: Princeton University Press, 1984.
10. Michnowicz, J. "Substrate Influence in Yucatan Spanish." *Spanish in Context*, vol. 12, 2015, pp. 197–215.
11. Kubler, G. *Mexican Architecture of the Sixteenth Century*. New Haven: Yale University Press, 1948.
12. Cook, S. F., & Borah, W. *Essays in Population History: Mexico and the Caribbean*. Berkeley: University of California Press, 1971.
13. Suárez, J. A. *La lengua española en el Yucatán*. Mérida: UADY, 1995.
14. Reed, N. *The Caste War of Yucatán*. Stanford: Stanford University Press, 2001.
15. Dumond, D. E. *The Machete and the Cross: Campesino Rebellion in Yucatan*. Lincoln: University of Nebraska Press, 1997.
16. Fallaw, B. *Cárdenas Compromised: The Failure of Reform in Postrevolutionary Yucatán*.

- Durham: Duke University Press, 2001.
17. Baqueiro López, O. Educación y sociedad en el Yucatán colonial. Mérida: UADY, 1983.
 18. Lope Blanch, J. M. Estudios sobre el español de Yucatán. México: UNAM, 1987.
 19. INEGI. Censo de Población y Vivienda 2020. México: INEGI, 2021.
 20. Pfeiler, B. "Yucatec Maya-Spanish Contact." International Journal of Bilingualism, vol. 7, 2003, pp. 165–184.
 21. Regino, J. El renacimiento maya: estrategias de revitalización lingüística. Mérida: UADY, 2020. Slovari i spravochniki
 22. Diccionario bilingüe ilustrado español – maya de recursos naturales. Chetumal: Universidad de Quintana Roo, 2010. 177 p.
 23. Diccionario de americanismos: <https://www.asale.org/recursos/diccionarios/damer>
 24. Diccionario de elementos del maya yucateco colonial. México: UNAM, 1970. 137 p.
 25. Diccionario del español de México: <https://dem.colmex.mx/Inicio>
 26. Diccionario de mexicanismos /Academia mexicana de la lengua. México: Siglo XXI, 2010. 648 p.
 27. Diccionario del español yucateco. – Mérida: Plaza y Valdres Editores, 2011. 459 p.
 28. Diccionario de Real Academia española: <https://dle.rae.es/>
 29. Gómez Navarrete J.A. Diccionario introductorio español – maya, maya – español. Chetumal: Universidad de Quintana Roo, 2009. 193 p.
 30. Pérez Pío J. Diccionario de la lengua maya. Mérida: Imprenta literaria de Juan F. Molina Solís, 1866. 493 p.

Linguo-axiology of military-political discourse (based on the material of Chinese and English-language media resources)

Lobanova Tatiana Nikolaevna

Doctor of Philology



Professor; Department of Indo-European and Oriental Languages; State University of Enlightenment
Director of the Regional Center for Chinese Language and Chinese Studies; GUP

Malaya Borodinskaya str., 1, sq. 1, Myshchi, Moscow region, 141031, Russia

✉ lobanovaty@mail.ru

Seredenko Vladimir Mihailovich

PhD in Philology



Senior Lecturer; Department of Far Eastern Languages; Prince Alexander Nevsky Military University

Fonvizinskaya str., 7A, sq. 60, Moscow, 117335, Russia

✉ ichi210@mail.ru

Abstract. Today any language is subject to the processes of digitalization. The new virtual reality of Internet media and the new discursive format (visual-display text) need the revision and re-actualization of many values. For the first time, the linguo-axiology of military-political discourse (based on the material of Chinese and English-language media resources) acts as a research subject. The main content of the study is concentrated around the analysis of the concepts of "linguo-axiology" and "military-political discourse" from the linguistic point of view. The study of language functioning of modern discursive practices in foreign-language media is the most urgent direction of modern socio-humanitarian knowledge, including

linguistic science. The aim of the article is to study scientific-theoretical concepts and approaches to the development of the interdisciplinary phenomenon of linguo-axiology of military-political discourse as a methodological key in analyzing foreign-language (digital) media. Media linguistic analysis, discourse analysis, the method of multimodal text analysis, etc. are used as research methods. Results suggest that the concept of linguo-axiology is revealed (based on the material of Chinese and English-language media resources). The present study concludes that the approach is worthwhile and promising for further research.

Keywords: political linguistics, digital language, Internet communication, media-discourse, the method of multimodal text analysis, discourse analysis, discourse, political-military discourse, Chinese language, linguo-axiology

References (transliterated)

1. Bzhezinskii Zbignev. Vybor; Strategicheskii vzglyad. Moskva: Izd-vo AST, 2023.
2. Kasevich V. B. Problemy semantiki. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2019.
3. Lobanova T.N. Yazykovye sredstva vyrazheniya kommunikativnykh strategii v nekooperativnom diskurse (na materiale angloyazychnykh tok-shou) // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2024. № 1. S. 138-149. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.1.69507 EDN: EOFVYE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69507
4. Lobanova T.N. Vneshnepoliticheskaya problematika v kitaiskom politicheskem mediadiskurse: lingvisticheskii analiz (na primere analiza vypuskov kanala "CCTV中文国际") // Litera. 2019. № 2. S. 236-250. DOI: 10.25136/2409-8698.2019.2.29074 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29074
5. Manovich L. Yazyk novykh media. M.: AD MARGINEM PRESS, 2019.
6. Matveeva G. G. Osnovy pragmalingvistiki: uchebnik. Moskva: INFRA-M, 2022.
7. Metody analiza teksta i diskursa / S. Ticher [i dr.]; per. s nem. Khar'kov: Izd-vo «Gumanitarnyi tsentr», 2017.
8. Obshchaya i russkaya lingvoaksiologiya: Kollektivnaya monografiya / M. S. Milovanova (otv. red.), K. Ya. Sigal, V. I. Karasik, G. G. Slyshkin, B. I. Fominykh, N. A. Bozhenkova, L. M. Goncharova, A. N. Matrusova, R. R. Shamsutdinova; IYaz RAN, Gos. IRYa im. A. S. Pushkina. M. Yaroslavl': Izdatel'stvo «Kantsler», 2022.
9. Stroikov S. A. Angloyazychnyi elektronnyi gipertekst kak ob'ekt lingvosemioticheskogo issledovaniya: avtoreferat dis. ... doktora filologicheskikh nauk: 5.9.8 / Stroikov Sergei Aleksandrovich. Volgograd, 2024.
10. Fedotov I. I. Lingvisticheskie kharakteristiki voenno-politicheskogo diskursa mezhdunarodnykh organizatsii (na materiale angliiskogo i russkogo yazykov): avtoreferat dis. ... kand. filologicheskikh nauk: 5.9.8 / Fedotov Il'ya Igorevich. Moskva, 2023.
11. Kress G. Ideological Structures in Discourse // Handbook of Discourse Analysis. Vol. 4. Discourse Analysis in Society: Academic Press. London. 1985 (a). P. 27-42.
12. Paltridge B. Discourse Analysis. London, New Delhi, New York: Bloomsbury Academic, 2012.
13. François du Cluzel. Cognitive Warfare. June-November, 2020.
14. China releases world's most powerful electronic warfare weapon design software – for free. "The South China Morning Post". URL: <http://>

- www.scmp.com/news/china/science/article/3292466/china-releases-worlds-most-powerful-electronic-warfare-weapon-design-software-free?
module=top_story&pgtype=homepage (data obrashcheniya 10.01.25).
15. 空战对抗, 激烈打响! 东部战区空军航空兵某旅开展飞行训练 | 《环球网》. URL:
<https://3w.huanqiu.com/a/7f8f74/4L7ZeTf6zB5> (data obrashcheniya 18.01.25).
 16. 以军开始从拉法向“费城走廊”转移 | 《环球网》. URL:
<https://3w.huanqiu.com/a/24d596/4L8JIOXhh8S> (data obrashcheniya 18.01.25).
 17. 三九探哨 | 我站横断山中:“云岭第一哨”|《中国军》. URL:
http://www.81.cn/szb_223187/szblb/index.html?paperNumber=01&paperName=jfjb&paperDate=2025-01-19 (data obrashcheniya 11.01.25).
 18. 跨越山海的奋斗之约 | 《中国军》. http://www.81.cn/szb_223187/szblb/index.html?paperNumber=01&paperName=jfjb&paperDate=2025-01-19 (data obrashcheniya 11.01.25).
 19. 太空军事竞争持续升温 | 《中国军》. URL: http://www.81.cn/szb_223187/szbxq/index.html?paperName=jfjb&paperDate=2025-01-19&paperNumber=04&articleid=947818 (data obrashcheniya 22.01.25).
 20. China's commercial Mach-4 drone tipped to make first flight next year | "The South China Morning Post". URL:
<https://www.scmp.com/news/china/science/article/3296012/chinas-commercial-mach-4-drone-will-make-first-flight-next-year-company> (data obrashcheniya 23.01.25).

Evaluativeness as a discursive characteristic: properties and typology

Zubova Taisiia Borisovna

Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the RF
Foreign Language Chair Teacher

14 Bolshaya Sadovaya str., Moscow, 123001, Russia

✉ taya505@yandex.ru



Kalinin Oleg Igorevich

Doctor of Philology

Professor, Department of Oriental Languages, Moscow State Linguistic University;
Professor, German Language Chair Assistant, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the RF;
Senior Researcher, Department of Scientific and Innovative Activities, South Ural State University (National Research University)

14 Bolshaya Sadovaya str., Moscow, 123001, Russia

✉ okalinin.lingua@gmail.com



Abstract. The subject of the work is the content of evaluativeness as a discourse characteristic, reflecting the speaker's subjective attitude to the objects and phenomena of the surrounding reality. The work pays considerable attention to the differentiation of evaluation and evaluativeness. Evaluation is defined as the expression of an individual opinion with a positive, negative or neutral coloring, based on social and cultural norms and experience. Evaluativeness is considered more broadly as a set of linguistic means that make it possible to convey a subjective attitude at various levels of discourse. The goal of the work is a systematization of the evaluativeness concept, including its differentiation from modality

and tonality, as well as the description of the types and characteristics of evaluative statements. The work focuses on the description of explicit and implicit forms of evaluation expression, their role in media discourse and their influence on the formation of public opinion.

General scientific methods (analysis, synthesis) and logical comparison method can be considered as methods of conducting the work.

Thus, evaluativeness is a key characteristic of discourse, influencing its semantics and pragmatics. This category is shown in explicit and implicit forms, each of which plays an important role in creating the axiological structure of the text. The work specifies the differentiation of evaluativeness, modality and tonality. In terms of cognitive and discursive approach, evaluativeness integrates modality aspects (grammatical characteristics) and tonality aspects (emotional and stylistic features), acting as a universal category for the media discourse analysis. The novelty lies in the systematic approach to the analysis of evaluativeness using various linguistic theories and stressing its key elements. The research results can be applied in the study of mechanisms of forming public opinion, the development of methods for analyzing media texts, as well as in teaching linguistics and communication theory.

Keywords: sentiment analysis, cognitive and discursive approach, linguistics, explicit evaluation, implicit evaluation, discourse, value, evaluativeness, media discourse, evaluation forming

References (transliterated)

1. Azylbekova G.O. Pragmatika otsenki: monografiya / G. O. Azylbekova. – Pavlodar: Kereku, 2017. – 122 s.
2. Arutyunova N.D. Yazyk i mir cheloveka. M.: Yazyki russkoi kul'tury, 1999. – 905 s.
3. Akhmanova O.S. Slovar' lingvisticheskikh terminov – M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1969. – S. 293.
4. Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar' / Red. A.M. Prokhorov. – 2-e izd., pererab. i dop. – M.: Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya, 2000. – 1456 s.
5. Vinogradov S. N. K lingvisticheskomu ponimaniyu tsennosti [Tekst] / S.N. Vinogradov // Russkaya slovesnost' v kontekste mirovoi kul'tury: materialy Mezhdunar. nauch. konf. ROPRYaL. – Nizhnii Novgorod: Izd-vo Nizhegorod. un-ta, 2007. – S. 93-97.
6. Il'ina N.V. Struktura i funktsionirovanie otsenochnykh konstruktsii v sovremenном angliiskom yazyke: dis. ... kand. filol. nauk. – M., 1984.
7. Karasik V.I. Kul'turnye dominanty v yazyke / V.I. Karasik // Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs. – Volgograd: Peremeny, 2002. – S. 166-205.
8. Koshman, Yu. I. Pragmaticske soderzhanie pramykh i kosvennykh otsenochnykh vyskazyvanii / Yu. I. Koshman // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – Tambov. – 2015. – S. 111-113.
9. Kulikova, V.A. Slovoobrazovatel'nye sredstva vyrazheniya negativnoi otsenki (na materiale novoobrazovanii v zagolovkakh elektronnykh SMI XXI v.): diss ... kand. filol. nauk / V.A. Kulikova. – Nizhnii Novgorod, – 2020. – 278 s.
10. Markelova T.V. Pragmatika i semantika sredstv vyrazheniya otsenki v russkom yazyke: monografiya / Mosk. gos. un-t pechati imeni Ivana Fedorova; T. V. Markelova. – Moskva: MGUP imeni Ivana Fedorova, 2013. – 299 s.
11. Mar'yanchik V.A. Otsenka kak kategoriya teksta / V.A. Mar'yanchik // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye i

- sotsial'nye nauki». – 2011. – № 1. – S. 100-103.
12. Novikov, V.P. Otsenochnaya leksika v yazyke angliiskoi gazety: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / V.P. Novikov. – M., 1992. – S. 22.
 13. Ovcharenko E.N. Lingvopragmatischekii aspekt verbalizatsii otsenki v mediadiskurse: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.19. – Maikop, 2022. – 166 c.
 14. Prikhod'ko A.I. Kognitivno-diskursivnyi potentsial otsenki i sposoby ego vyrazheniya v sovremenном angliiskom yazyke: dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.04 / A. I. Prikhod'ko. – Zaporozh'e, 2004. – 428 c.
 15. Semina T.A. Tonal'nost' teksta: sintaksicheskie patterny vyrazheniya otnoshenii mezhdu sushchnostyami: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04 / T.A. Semina. – Mytishchi 2020. – 175 c.
 16. Smirnova L. G. Leksika russkogo yazyka s otsenochnym komponentom znacheniya: sistemnyi i funktsional'nyi aspekty: dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.01 / L. G. Smirnova. – Smolensk, 2013. – 610 s.
 17. Solganik G.Ya. Stilistika teksta: uchebnoe posobie. – M.: Flinta, 1980. – 256 s.
 18. Sternin I. A. Kommunikativnoe povedenie v strukture natsional'noi kul'tury / I. A. Sternin // Etnokul'turnaya spetsifikasiya yazykovogo soznaniya; otv. red. N. V. Ufimtseva. – M.: In-t yazykoznaniya RAN, 1996. – S. 97-112.
 19. Stolovich L.N. Zhizn' – tvorchestvo – chelovek: Funktsii khudozhestvennoi deyatel'nosti. – M: Politizdat, 1985. – 415 s.
 20. Strokan E.V. Yazykovye sredstva vyrazheniya otsenki instituta monarkhii (na materiale sovremennoi britanskoi pressy): dis. ... d-r. filol. nauk / E.V. Strokan M, 2021. – 196 s.
 21. Sheptukhina E.M. Eksplitsitnost'/implitsitnost' smyslovoi struktury russkikh glagolov so svyazannymi osnovami // Semantiko-diskursivnye issledovaniya yazyka: eksplitsitnost'/implitsitnost' vyrazheniya smyslov: materialy mezhdunar. nauch. konf. Kaliningrad: Izd-vo RGU im. I. Kanta, 2006. S. 248-255.
 22. Yakushina R.M. Dinamicheskie parametry otsenki: (na Materiale sovremennoogo angliiskogo yazyka): dis. kand. filol. nauk / R. M. Yakushina. – Ufa, 2003. – 179 s.
 23. Yakhina A.M. Otsenochnost' kak komponent znacheniya frazeologicheskikh edinits v russkom, angliiskom i tatarskom yazykakh (na Materiale FE, oboznachayushchikh povedenie cheloveka). Diss. ... kand. filol. nauk. – Kazan', 2008.
 24. Maite Taboada Sentiment Analysis: An Overview from Linguistics February 2016 Annual Review of Linguistics 2(1) 10.1146/annurev-linguistics-011415-04051
 25. Pang B., Lee L., Opinion mining and sentiment analysis // Foundations and Trends in Information Retrieval Vol. 2, No 1-2 (2008), 1-135.
 26. Liu B., Sentiment Analysis and Subjectivity, Handbook of Natural Language Processing, Second Edition, 2010. – 38 p.

The functions of figurative units in mediatized political discourse

Tan Jie

Russian Russian Post-graduate Student; Department of General and Russian Linguistics; AS. Pushkin State Institute of the Russian Language



Abstract. The subject of the study is the function of figurative units in mediated political discourse, their influence on the perception and interpretation of information by the audience. The object of the research is mediated political discourse, represented in the texts of Russian and Chinese internet blogs, interviews with politicians, and political talk shows reflecting current political realities. The author examines in detail aspects such as the concept of mediated political discourse and imagery, the use of figurative units to enhance the impact on the audience, perform evaluative functions, and soften or intensify the content of the message. Special attention is paid to comparing the types of figurative units used in political communication in both countries, their significance in creating a convincing image and strengthening the emotional connection with the audience. Using continuous sampling, more than 150 texts from political talk shows, interviews with politicians, and blogs were collected and analyzed in terms of figurative units. The article proposes a new approach to classifying figurative units in mediated political discourse, identifying five key types: metaphors, figurative comparisons, idioms, precedent phenomena, proverbs, colloquialisms, and swear words. The author introduces a functional classification that allows a more detailed examination of the role of these units in political communication. Attention is paid to three functions of figurative units: the impact function, the evaluative function, and the functions of intensifying or softening content, which helps to better understand the mechanisms of influence on public perception and the political context. Figurative units in mediated political discourse play a crucial role in shaping political image, enhancing persuasiveness, and influencing public opinion. The influence of figurative means on the perception of information and evaluation of political events is key for shaping political views.

Keywords: Media Discourse, Political Discourse, function of mitigating content, function of strengthening content, evaluative function, influencing function, figurative units, mediated political discourse, Imagery, Political Communication

References (transliterated)

1. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka / gl. red. S.A. Kuznetsov. – SPb.: Norint, 2008. – 1536 s.
2. Ilyukhina N. A. Obraz kak ob"ekt semasiologicheskogo analiza : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk / N. A. Ilyukhina. – Ufa, 1999. – 38 s.
3. Ionova S. V. Tekstovoe prostranstvo SMI: teoreticheskie i empiricheskie aspekty issledovaniya // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie. – 2012. – № 1 (15). – S. 163–168.
4. Ionova S. V., Ma Yuisin'. Mediatizatsiya sotsial'no-meditsinskoi sfery kak faktor formirovaniya obraza pozhilogo cheloveka // Lingvistika i obrazovanie. – 2022. – T. 2, № 4 (8). – S. 42–53.
5. Karasik V. I. Yazyk sotsial'nogo statusa. – M.: In-t yazykoznaniya RAN; Volgogr. gos. ped. in-t, 1992. – 330 s.
6. Orlova O. G. Zhanry politicheskogo mediadiskursa // Voprosy zhurnalistiki. – 2020. – № 7. – S. 56–73.

7. Porchesku G. V., Rubleva O. S. Lingvostilisticheskie osobennosti politicheskikh vystuplenii (na primere publichnykh vystuplenii Donal'da Trampa) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2019. – T. 12, № 1. – S. 60–63.
8. Roiba N. V. Natsional'no-kul'turnoe izmerenie v issledovanii global'nogo politicheskogo diskursa // Politicheskaya lingvistika. – 2017. – № 6. – S. 199–204.
9. Rusakova O.F., Gribovod E. G. Politicheskii mediadiskurs i mediatizatsiya politiki kak kontsepty politicheskoi kommunikativistiki // Nauchnyi ezhegodnik instituta filosofii i prava UrO RAN. – 2014. – № 14 (4). – S. 65–77.
10. Savel'eva I. V. Neprofessional'nyi politicheskii diskurs kak novoe kommunikativnoe yavlenie: lingvopragmaticskei i lingvopersonologicheskii aspekty modelirovaniya : dis. ... d-ra filol. nauk / I. V. Savel'eva. – Kemerovo, 2022. – 496 s.
11. Takhtarova S. S. Kategoriya kommunikativnogo smyagcheniya (kognitivno-diskursivnyi i etnokul'turnyi aspekty): dis. ... d-ra filol. nauk. – Volgograd, 2010. – 430 s.
12. Yurina E. A. Kompleksnoe issledovanie obraznoi leksi russkogo yazyka : dis. ... d-ra filol. nauk / E. A. Yurina. – Tomsk, 2005. – 436 s.
13. Fairclough N. Political discourse in the media: an analytical framework // Approaches to Media Discourse. – Oxford : Blackwell Publishing, 1998. – P. 142–162.

Confirmation as a genre of religious discourse (on the material of ego-documents of Lutherans of the Brunnenthal colony XIX-XX cc.)

Shindel' Svetlana Vladimirovna

PhD in Cultural Studies

Associate Professor, Department of Economics and Humanities, Engels Technological Institute (branch) of Gagarin State Technical University

410031, Russia, Saratov region, Saratov, Chernyshevsky str., 223/231, office 77

✉ schindelsvetlana@mail.ru



Maslova Antonina Nikolaevna

PhD in Philology

Associate Professor, Department of Romano-Germanic Philology, Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev

414056, Russia, Astrakhan region, Astrakhan, Tatishcheva str., 20 a

✉ tonja-ch@yandex.ru



Kosheleva Ol'ga Nikolaevna

PhD in Philology

Associate Professor, Department of Foreign Languages, Astrakhan State Medical University of the Ministry of Health of Russia

121 Bakinskaya str., Astrakhan, Astrakhan region, 414000, Russia.

✉ ninlil@mail.ru



Abstract. The article is devoted to the Povolzhie Germans' confessional ego documents. The subject of the study are linguistic and extra linguistic markers of religious genre considering the examples of confirmation certificates of Lutherans lived in Brunnental settlement. Confirmations in the form of written certificates contain quotes from the Bible, fragments of preaching, lines of hymns, and choral verses in the German language. Extra linguistic markets

include graphic images of plots of Bible stories, the image of the Savior, Gothic fractures, peculiarities of artistic design (floral components and predominance of red colour), fragments of musical spiritual culture. The set of linguistic and extra linguistic markers organizes specific distinct structure in the form of value prescriptions for a Lutheran. Comparative method made it possible to classify ego documents samples. Semiotic, lingo cultural methods contributed to identification of religious discourse. The scientific novelty lies in a complex character of examination of samples of confessional ego documents of Lutherans lived in Brunnental settlement from the point of view of their genre specifics. The relevance of the work is due to the need to study the uniqueness of religious discourse on the basis of authentic written certificates remained. The totality of identified linguistic and extra linguistic markers allows us to attribute confirmation certificates to a secondary genre of religious discourse in Protestantism. The theoretical significance of the study is in the fact that the given work contributes to the development of the theory of discourse, characterizing one of its types, namely religious discourse. The result of the study may be used at lectures and seminars on the subject "Theory of language" and may interest those who study German confessional lingo culture.

Keywords: extra-linguistic markers, linguistic markers, religious discourse, Brunnenthal Colony, Volga Germans, German language, Lutherans, confirmation certificate, confessional ego-documents, Confirmation

References (transliterated)

1. Bonwetsch D.N. Geschichte der deutschen Kolonien an der Wolga. – Stuttgart: 1919. 133 S.
2. German A.A. Natsional'no-territorial'naya Avtonomiya nemtsev Povolzh'ya (k 100-letiyu so dnya obrazovaniya) // Ezhegodnik Mezhdunarodnoi assotsiatsii issledovatelei istorii i kul'tury rossiiskikh nemtsev. 2017. № 3. S. 10-38.
3. German A.A. Obrazy istoricheskogo proshlogo kak faktor formirovaniya nastoyashchego (na materialakh istorii rossiiskikh nemtsev i ikh obshchestvennogo dvizheniya v kontse KhKh v.) // Ezhegodnik Mezhdunar. assotsiatsii issledovatelei istorii i kul'tury rossiiskikh nemtsev. 2020. № 2 (8). C. 119-127.
4. Pleve I.R. Nemetskie kolonii na Volge vo vtoroi polovine XVIII veka. – Moskva: 1998. 448 s.
5. Aisfeld A. Die Deutschen in Rußland und in der Sowjetunion. – Wien: 1985. 343 S.
6. Dinges G. Beiträge zur Heimatkunde des deutschen Wolgagebiets: Mit einer Karte und einer Tabelle. – Pokrowsk (Kosakenstadt): Verlag von der Abteilung für Volksbildung des Gebiets der Wolgadeutschen. 1923. 88 S.
7. Minor A.Ya., Vishnyakov A.S. Cmeshenie poselencheskikh dialektov kak faktor formirovaniya yazyka obshcheniya povolzhskikh nemtsev // Yazyk i kul'tura (Novosibirsk). 2015. № 17. S. 7-12.
8. Minor A.Ya. Formirovaniye osnovnykh tipov yazykovoi lichnosti nemtsev Povolzh'ya v period sushchestvovaniya avtonomii (1918-1941 gg.) // Ezhegodnik Mezhdunarodnoi assotsiatsii issledovatelei istorii i kul'tury rossiiskikh nemtsev. 2015. № 1. S. 328-335.
9. Dizendorf V.F. Slovar' nemetsko-povolzhskogo marksstadttskogo dialekta: v 2 t. / pod red. A.Ya. Minora; Saratovskii gos. un-t, Tsentr issledovaniya yazykovykh variantov rossiiskikh nemtsev. – Saratov. Saratovskii istochnik, 2015. T.1: A – L. – 599 s.
10. Zamogilnj S.I., Plewe I.R. Die Sprache und die Zeit (Die Zusammenfassung zum Wörterbuch des marxstädtischen Dialekts der deutschen Sprache von Viktor Disendorf)

- // The Fourteenth European Conference on Languages, Literature and Linguistics 10th February, 2017. «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education.-GmbH, Vienna, Austria. 2017. S. 103-106.
11. Stumpp K. Die Russlanddeutschen: zweihundert Jahre unterwegs. – Stuttgart: Verlag Ladsmannschaft der Deutschen aus Russland. Nachdruck, 1993. 147 S.
 12. Lapteva I.V. Sokhranenie kul'turnogo naslediya kak problema lingvo-i etnokul'turologii // Etnos, yazyk, kul'tura v kommunikativnom prostranstve: poznanie i prepodavanie: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, Abakan, 01-02 noyabrya 2023 goda. – Abakan: Khakasskii gosudarstvennyi universitet im. N.F. Katanova. 2023. S. 10-13.
 13. Pivtsaikina O.A. Izuchenie kul'tury cherez intellektual'noe nasledie I.D. Voronina: memorizatsiya i memorial'nye praktiki // Tsentr i periferiya. 2022. № 4. S. 63-67.
 14. Pavlovskaya A.V. Inostranneye yazyki v Rossii i problemy natsional'noi samobytnosti. Iz istorii rossiiskogo obrazovaniya // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2023. № 3. S. 141-154.
 15. Pavlovskaya A.V. Mesto i rol' inostrannykh yazykov v russkoi kul'ture // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2023. № 2. S. 79-91.
 16. Chibisova M.Yu., Kurske V.S. Grazhdanskaya i etnicheskaya identichnost' v molodezhnoi rabote na primere rossiiskikh nemtsev // Grazhdanskaya i etnicheskaya identichnost' v molodezhnoi rabote na primere rossiiskikh nemtsev: sb. metod. rekomendatsii. Kurske V.S. – 2-e izd., dop. ZAO «MSNК-press» – Moskva. 2014. 160 s.
 17. Vorob'eva S.N. Sakral'nost' (sakral'noe) kak konstitutivnoe svoistvo religioznogo diskursa // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2019. № 6. S. 140-148.
 18. Semukhina E.A. Obshchediskursivnye i spetsificheskie vidy tonal'nosti frantsuzskogo religioznogo diskursa // Nauka i obshchestvo. 2015. № 4(23). S. 52-56.
 19. Semukhina E.A. Spetsificheskie frazemy frantsuzskogo religioznogo mediadiskursa // Yazyk i mir izuchaemogo yazyka: sb. nauch. statei / red. sovet: A.A. Zaraiskii, N.P. Timofeeva, S.P. Khizhnyak, S.V. Shindel'. Vyp. 10. – Saratov: GAU DPO «SOIRO», 2020. S. 90-94.
 20. Generalova N.P. Religioznaya zhizn' kak faktor sokhraneniya natsional'noi identichnosti i rodnogo yazyka pervykh Povolzhskikh nemtsev-kolonistov // Science Time. 2014. № 9. C. 67-71.
 21. Bibliya: knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta v rus. perevode / il. G. Dore. – Sankt-Peterburg: Lenizdat. 2006. 1246 s.
 22. Das neue Testament und die Psalmen. – Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft. 2000. 904 S.
 23. Bertholet A. Wörterbuch der Religionen. – Stuttgart: 1985. 679 S.
 24. Shindel' S.V. Konfessional'naya kul'tura nemtsev v Povolzh'e: obrazy proshlogo, zapechatlennye v artefaktakh // Missiya konfessii. Moskva. 2023. T. 12. Ch. 4 (69). S. 61-71.
 25. Shindel' S.V. Opyt proektnoi raboty s lyuteranskimi konfirmatsiyami kak tekhnologiya pogruzheniya v istoriyu i kul'turu Germanii // Innovatsionnaya paradigma razvitiya sovremennoi nauki, tekhnologii, obrazovaniya. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. – Moskva. 2024. C. 55-65.
 26. Michel Brenet. Claude Goudimel: Essai Bio-bibliographique. Besançon, Imprimerie et Lithographie de Paul Jaquin, 1898.
 27. Karasik V.I. Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs / Nauch.-issled. lab. "Aksiol."

- lingvistika". – Moskva: GNOZIS, 2004 (GUP Smol. obl. tip. im. V.I. Smirnova). 389, [1] s.
28. Toporov V.N. Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoe. M.: Izdatel'skaya gruppa "Progress" – "Kul'tura". 1995. 624 c.
 29. Anisimov S.F. Dukhovnye tsennosti: proizvodstvo i potreblenie. M.: Mysl'. 1988. 253, [2] c.
 30. Bobyрева Е.В. Religioznyi diskurs tsennosti i zhanry // Problemy filologii, kul'turologii i ikusstvovedeniya. 2008. №1. S. 162-167.

Reflection of theological ideas about spiritual and bodily principles in N. Gumilev's triptych "Soul and Body"

Yanenko Anna Mihailovna

Senior Lecturer; Department of History of Journalism and Literature; A.S. Griboyedov Moscow University
Regent of the professional choir; Religious organization 'The Compound of the Patriarch of Moscow and All Russia of the Church of St. Nicholas of Myra in Shchukin, Moscow, of the Russian Orthodox Church (Moscow Patriarchate)'

47 Marshala Zhukova Ave., 315 block, Moscow, 123154, Russia

 avecanora@list.ru

Abstract. The object of the article is the poetry of Nikolai Stepanovich Gumilev, in particular his triptych "Soul and Body". This cycle is considered to reflect in it theological views on spiritual and bodily principles. The article analyzes N. Gumilev's artistic vision of the relationship between soul and body, reflected in the triptych of the same name. Dichotomy considers human nature as a two-part unity of soul and body, while trichotomy looks at man as a trinity of spirit-soul-body. That's why this triptych is amazing, because the name refers to a dichotomous understanding, and the very construction of the cycle and the internal problems prove that the author's perception of human essence was close to a trichotomy. At the same time, in this article I would like to emphasize the fact that dichotomous and trichotomous views on human nature do not contradict each other. The following methods were used in the work: comparative – historical, system – typological and cultural – historical. Contextual and intertextual analyses of the triptych were performed. The scientific novelty of the article is very high, since the analysis of the works of the authors of the Silver Age at the junction of philological science and theology is carried out quite rarely. In this work, it was important to reflect the fact that Nikolai Stepanovich Gumilev was a Christian in fact, his worldview did not contradict the teachings of the Orthodox Church in any way. It is also known that the poets of the Silver Age in many of their works relied on medieval works, and during the Middle Ages the dialogue of soul and body was especially widespread. A detailed analysis of the triptych "Soul and Body" is made, the author's views on the problems of the correlation of material and spiritual principles are considered. It is proved that the poet interpreted the nature of human essence in accordance with the trichotomous concept of the fathers of the Orthodox Church.

Keywords: poetry of the Silver Age, anthropology, Francois Fillon, the trichotomy, the dichotomy, Acmeism, Modernism, Orthodox dogmatics, Christianity, Nikolay Gumilev

References (transliterated)

1. Arkhimandrit Kiprian (Kern). Antropologiya sv. Grigoriya Palamy. M: Palomnik, 1996. 449 s.
2. Batyushkov F. D. Spor dushi s telom v pamyatnikakh Srednevekovoi literatury. Opyt

- istoriko-sravnitel'nogo issledovaniya. M: Librokom, 2020. 322 s.
3. Vsenoshchnoe bdenie i Liturgiya. Raz"yasnenie bogosluzeniya. – M: Izdatel'stvo Moskovskoi Patriarkhii, 2022, 288 s.
 4. Gumilev N. S. Ognennyi stolp. – Peterburg: Petropolis, 1921, 84 s.
 5. Dusha chelovecheskaya: Polozhit. uchenie pravoslav. tserkvi i svyatykh ottsov: Vypiski iz raz. dukhov. kn. [Reprint. izd.]. B. m.: Svyato-Troits. Novo-Golutvin. zhen. monastyr', 1992. 160 s.
 6. Ioann Lestvichnik. Lestvitsa. M.: Eksmo, 2024. 576 s.
 7. Kikhnei L. G. Akmeizm. Miroponimanie i poetika. – M: MAKS Press, 2001. 183 s.
 8. Svyatitel' Feofan Zatvornik - osnovatel' khristianskoi psikhologii : Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 200-letiyu svt. Feofana Vyshenskogo Zatvornika (5-7 fevr. 2015 g.). - Sankt-Peterburg : Izd. RKhGA, 2015. – 107 s. / Prot. Gennadii Egorov. Problema dikhotomii-trikhotomii chelovecheskoi prirody i paradoks lichnosti v antropologii svyatitelya Feofana. 17-22 s.
 9. Uchenie o trikhotomii. [Elektronnyi resurs] Rezhim dostupa: <https://azbyka.ru/trihotomiya> (data obrashcheniya 05.12.2024).
 10. Feofan Zatvornik, episkop. Nachertanie khristianskogo nravouscheniya. – M: Rodnoe slovo, 2017. 560 s.
 11. Fransua Viion. Spor mezhdju Viionom i ego dushoyu. [Elektronnyi resurs] Rezhim dostupa: <https://rustih.ru/fransua-vijon-spor-mezhdu-vijonom-i-ego-dushoyu/?ysclid=m7kos7cs8061421576> (data obrashcheniya 21.02.2025).

Professor M. F. Slinkin: philological aspects of the oriental heritage (to the 100th anniversary of the scientist)

Pashkovsky Petr Igorevich

Doctor of Politics

Professor; Department of Political Sciences and International Relations; V.I. Vernadsky Crimean Federal University

295007, Russia, republic, Simferopol, pr. Akademika Vernadskogo, 4

✉ petr.pash@yandex.ru



Kryzko Evgeniy Vladimirovich

PhD in History

Associate Professor; Department of Archeology and General History, V.I. Vernadsky Crimean Federal University

295007, Russia, republic, Simferopol, pr. Akademika Vernadskogo, 4

✉ jeyson1030@gmail.com



Abstract. The article examines the philological aspects of the scientific-pedagogical heritage of Russian orientalist, Doctor of Historical Sciences, Professor M. F. Slinkin (05.XII.1925–10.VIII.2007). For the first time in Russian historiography, the most complete bibliographic list of his published works on philological topics is presented. Initially, Mikhail Filantyevich began to carry out comprehensive research in the field of military and military-technical areas of lexicography of the Dari language, taking into account the then lack of Russian-Dari dictionaries required by military translators. M. F. Slinkin's extensive knowledge in the field of languages, as well as painstaking work on lexicography was noticed by senior officials of the USSR Embassy in Afghanistan, and they began to actively involve him as a qualified translator

in negotiation processes at the highest level. The methodological basis of the study is the synthesis of a systems approach and source analysis, which predetermined the use of historical-genetic and biographical methods, as well as the method of document analysis. In 1972, the "Persian-Russian and Russian-Persian Military Dictionary" by G. G. Aliev was published, in the Russian-Persian part of which, there was their translation into Farsi-Kabuli, made jointly by M. F. Slinkin with A. I. Arslanbekov and A. V. Peregudov. In 1981, after more than two decades of Mikhail Filantyevich's research in the field of lexicography, a fundamental work was published – "Russian-Dari Military and Technical Dictionary". Being the first such publication on a global scale, this dictionary was in demand, which led to its reissue in 1987. Subsequently, M. F. Slinkin became the author and co-author of a number of conceptual-terminological publications, workshops and textbooks aimed at improving the methods of teaching and learning the Persian language and Dari.

Keywords: Russian-Dari dictionary, Lexicography, Oriental Philology, Afghan Studies, Oriental Studies, Bibliography, Biography, M. F. Slinkin, Farsi-Kabuli, Persian language

References (transliterated)

1. Boiko V. S. Mirovaya Afganistika mezhdu naukoi i politikoi: problemy istorii i modernizatsii Afganistana v XX – nachale XXI vv.: uchebnoe posobie. – Barnaul: AltGPU, 2016. – 138 s.
2. Gorbunov Yu. I. Krym i Afrika // Aziya i Afrika segodnya. – 2013. – № 11 (676). – S. 65–70.
3. Plastun V. N. i dr. Mikhail Filant'evich Slinkin // Afganistan i bezopasnost' Tsentral'noi Azii / pod red. A. A. Knyazeva. – Bishkek: Obshchestvennyi fond A. Knyazeva, 2010. – Vyp. – S. 3–5.
4. Slinkin M. M. Ob ottse i nemnogo o vremeni, v kotorom on zhil // Dnevnikovye zapisi M. F. Slinkina – sovetnika zaveduyushchego Mezhdunarodnym otdelom TsK NDPA (1982 g.) / sost. M. M. Slinkin. – M.: IV RAN, 2016. – S. 67–122.
5. Pashkovskii P. I., Kryzhko E. V. i dr. Vostokovedcheskie issledovaniya M. F. Slinkina (k 95-letiyu uchenogo) // Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii. – 2020. – Vyp. XXV. – S. 704–719.
6. Pashkovskii P. I., Kryzhko E. V. Mikhail Filant'evich Slinkin : vekhi biografii vydayushchegosya otechestvennogo vostokoveda // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. – 2015. – № 9 (59), – Ch. I. – C. 132–137.
7. Dnevnikovye zapisi M.F. Slinkina – sovetnika zaveduyushchego Mezhdunarodnym otdelom TsK NDPA (1982 g.) / sost. M. M. Slinkin. – M.: IV RAN, 2016. – 124 s.
8. Pashkovskii P. I., Kryzhko E. V. i dr. Vostokoved M. F. Slinkin: zhizn' i trudy // Dialog so vremenem. – 2018. – Vyp. 62. – S. 312–328.
9. Sukhorukov A. N. Sotrudничество Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского с научно-образовательными центрами Ирана // Научный вестник Крыма. – 2019. – № 5 (23). – S. 8.
10. Persidsko-russkii i russko-persidskii voennyi slovar' / sost. G. G. Aliev, A. I. Arslanbekov, A. V. Peregudov, M. F. Slinkin. – M.: Voenizdat, 1972. – 656 s.
11. Slinkin M. F. Russko-dari voennyi i tekhnicheskii slovar'. – M.: Voenizdat, 1981. – 847 s.
12. Slinkin M. F. Russko-dari voennyi i tekhnicheskii slovar'. Izd-e 2-e, ispr. i dop. – M.: Voenizdat, 1987. – 847 s.

13. Slinkin M. F. Yazykovye shtampy ofitsial'no-delovykh dokumentov, perepiski i ustnogo obshcheniya. Persidskii yazyk. 5-i kurs. – Simferopol': TEI, 1997. – 50 s.
14. Slinkin M. F. Rechevaya praktika persidskogo yazyka. 3-i kurs. – Simferopol': TEI, 1998. – 346 s.
15. Slinkin M. F. Kniga dlya chteniya. Persidskii yazyk. 1–5-i kursy. – Simferopol': RIO TEI, 2001. – 517 s.
16. Slinkin M. F. Prakticheskii kurs persidskogo yazyka. Obshchii perevod. 4-i kurs. – Simferopol': RIO TEI, 2001. – 255 s.
17. Slinkin M. F. Rechevaya praktika persidskogo yazyka. 3-i kurs. Izd-e 2-e, ispr. i dop. – Simferopol': Sonat, 2003. – 313 s.
18. Slinkin M. F. Prakticheskii kurs persidskogo yazyka. 5-i kurs. – Simferopol': Sonat, 2005. – 256 s.
19. Slinkin M. F., Minin V. A., Pavlenko N. V. Prakticheskii kurs persidskogo yazyka. Obshchii perevod. – Simferopol': Sonat, 2007. – 276 s.
20. Slinkin M. M. Ocherk istorii persidskoi literatury. Uchebnoe posobie / pod red. prof. M. F. Slinkina. – Simferopol': TEI, 1999. – 230 s.